

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (19)

2014

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Муранова Екатерина Валентиновна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Е.Ю. Шабашова

Технический редактор:
Е.В. Муранова

Адрес редакции: 445667, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 22-96-36

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.12.2014.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 15,3.

Тираж 50 экз. Заказ 3-101-15.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия)

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша)

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша)

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Россия)

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония)

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша)

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия)

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия)

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Россия)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАКОН ОТ 3 МАЯ 1883 Г. И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕКТАНТОВ ЗА НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ Александров Илья Андреевич.....	7
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ) Антипов Алексей Николаевич.....	10
УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Беницкий Андрей Сергеевич.....	12
ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СЕМЕЙНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ Борченко Вера Алексеевна.....	17
ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПОРЯДКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА Вершинина Светлана Ивановна.....	19
ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Гарипов Руслан Фаритович.....	22
К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ВОИНСКОЙ И ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА Гогин Александр Александрович.....	24
ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ГРАЖДАН-ДОЛЖНИКОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, НЕ ОБЕСПЕЧЕННЫМ ЗАЛОГОМ Гранат Максим Андреевич.....	29
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН Джалилов Эльвис Алимович, Джалилова Елена Анатольевна.....	31
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ Евдокимов Константин Николаевич.....	33
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СУДЕБНИКУ 1550 ГОДА: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ Зейц Марина Викторовна, Медведев Валентин Григорьевич.....	36
О КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Иванов Александр Александрович.....	38
СУЩНОСТЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ Корнуков Владимир Михайлович.....	41
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ Кроз Марина Константиновна.....	45
ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДДАНАМИ Кудашева Ирина Геннадьевна.....	47
ОТКУДА «БЕРЕТСЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ОСОБЕННО УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, КАК ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОСНОВА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Лепс Андо.....	51
НАЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ Макарейко Николай Владимирович.....	57
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА Макарова Наталья Алексеевна.....	60
КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ОБЩЕОБЯЗЫВАЮЩЕЙ ЮДИКАТУРЫ ЛАТВИЙСКИХ СУДОВ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ Микелсоне Гундега Висвалдовна.....	62
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА Мионов Андрей Евгеньевич.....	66

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	
Мокеев Александр Викторович.....	69
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	
Мусаткина Александра Анатольевна.....	71
ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ	
Ожегова Галина Аркадьевна.....	74
ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ	
Оспенников Юрий Владимирович.....	76
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	
Оськин Александр Васильевич.....	78
О ПОНИМАНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	
Петренко Михаил Николаевич.....	80
СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
Петропавловский Алексей Игоревич, Тюшнякова Ольга Валерьевна.....	84
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	
Репетева Олеся Евгеньевна.....	86
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ	
Румянцев Павел Александрович.....	88
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Савельев Юрий Михайлович.....	91
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	
Савельева Ольга Юрьевна.....	94
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКАХ И БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Степанова Вера Владимировна.....	97
СУЩНОСТЬ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	
Стерлегова Ирина Леонидовна.....	100
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ	
Сутягина Ирина Юрьевна.....	103
ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В КОДИФИЦИРОВАННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ	
Тихонова Светлана Сергеевна, Бачурина Татьяна Александровна.....	105
СУБЪЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА	
Федорова Анна Николаевна.....	109
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Фомин Алексей Александрович, Фомина Алёна Сергеевна.....	111
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ	
Хиллота Вадим Владимирович.....	114
ИНСТИТУТ МЕСТИ И КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ В IX – НАЧАЛЕ XI вв.	
Чебаненко Сергей Борисович.....	116
МЕРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Чуклова Елена Валерьевна.....	120
ПРИМИРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Шундиков Константин Валентинович.....	123
К ВОПРОСУ О ГУМАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Ютяева Любовь Евгеньевна.....	125
Наши авторы.....	127

CONTENT

THE LAW OF 3 MAY 1883 AND THE TRANSFORMATION OF THE SECTARIANS' RESPONSIBILITY FOR SOME RELIGIOUS CRIMES Alexandrov Ilya Andreevich.....	7
THE MAIN APPROACHES AND PRINCIPLES FOR THE DETERMINATION OF THE CRITERIA FOR EVALUATING (FOR EXAMPLE, CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM) Antipov Alexey Nikolaevich.....	10
CONCEFLMENT OF A CRIME: THE PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY Benitskiy Andrey Sergeevich.....	12
QUESTIONS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR FAMILY OFFENSES Borchenko Vera Alekseevna.....	17
BOUND BY ORDER OF LEGAL PROCEEDINGS AS A GUARANTEE OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES Vershinina Svetlana Ivanovna.....	19
CONCEPT OF THE SUBJECT OF THE LEGAL AND POLITICAL RESPONSIBILITY Garipov Ruslan Faritovich.....	22
ON THE BREACH OF MILITARY OTVETVENNOSTI AND LABOR DISCIPLINE ON SOVIET LAW PREWAR PERIOD Goghin Aleksandr Aleksandrovich.....	24
FORECLOSURE ON A SINGLE DWELLING INDIVIDUAL DEBTORS LIABILITIES, NOT SECURED BY PLEDGE Granat Maxim Andreevich.....	29
LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS OF MINORS Dzhalilov Elvis Alimovich, Dzhalilova Elena Anatolievna.....	31
PROBLEMS OF CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION Evdokimov Konstantin Nikolaevich.....	33
CRIMINAL LIABILITY UNDER THE CODE OF LAW 1550: THE NATURE AND SIGNIFICANCE Zeic Marina Viktorovna, Medvedev Valentin Grigoryevich.....	36
ABOUT CONCEPT ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY Ivanov Alexander Alehandrovich.....	38
THE ESSENCE OF THE APPEAL PROCEEDINGS AND PROBLEMS REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL MATTERS Kornykov Vladimir Mihailovich.....	41
PROBLEMS OF THE INSTITUTE'S DISCIPLINARY LIABILITY FOR CORRUPTION ON THE STATE AND MUNICIPAL SERVICE Kroz Marina Konstantinovna.....	45
FEATURES OF PROPERTY LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY MINORS AND INCAPACITATED CITIZENS Kudasheva Irina Gennadievna.....	47
WHENCE COMES THE LEGISLATION, IN PARTICULAR CRIMINAL LEGISLATION AS THE BASIS OF CRIMINOLOGY? Leps Ando.....	51
THE IMPOSITION OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENTS: PROBLEMS OF NORMATIVE LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF REALIZATION Makareyko Nikolay Vladimirovich.....	57
LEGAL RESPONSIBILITY AS A MEANS OF IMPLEMENTATION GUARDING FUNCTION OF THE RUSSIAN LAW Makarova Natalya Alekseevna.....	60
THE CONSTITUTIONAL CONTROL OF THE BINDING CASE LAW OF LATVIAN COURTS AND ITS APPLICATION Mikelsone Gundega Visvaldovna.....	62
THE LEGAL BASIS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A KIND OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE FIELD OF CUSTOMS Mironov Andrei Evgenevich.....	66
ON SOME ISSUES OF SENTENCING AGAINST PROPERTY Mokeyev Aleksahdr Viktorovich.....	69
DISCUSSION QUESTIONS THE CONCEPT OF FINANCIAL OFFENCES Musatkina Alexandera Anatolevna.....	71

THE PRINCIPLE OF CONTRACTUAL FREEDOM AND ITS LIMITS	
Ozhegova Galina Arkadyevna.....	74
RESPONSIBILITY PROBLEMS IN APPOINTED DIPLOMAS	
Ospennikov Yuri Vladimirovich.....	76
TO THE QUESTION OF LEGAL LIABILITY OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION	
Oskin Alexander Vasilievich.....	78
COERCION WITHIN THE MEANING OF CRIMINAL LAW	
Petrenko Mikhail Nikolaevich.....	80
JUDICIAL DISCRETION AND PRINCIPLES OF PENAL LAW	
Petropavlovskiy Alexey Igorevich, Tyushnyakova Olga Valerievna.....	84
FEATURES CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS	
Repeteva Olesya Evgenyevna.....	86
HISTORICAL FEATURES OF THE MUTUAL RESPONSIBILITY OF REGIONAL LEGISLATIVE AND EXECUTIVE AUTHORITIES	
Rumyantsev Pavel Alexandrovich.....	88
ABOUT THE QUESTION OF THE TOPICALITIES OF POSITIVE LEGAL RESPONSIBILITY AS A FORM OF REALIZATION OF LEGAL LIABILITY	
Savelyev Yuriy Mihailovich.....	91
CERTAIN ASPECTS OF RESPONSIBILITY FOR THE CRIMES OF EXTREMIST BY APPLICABLE LAW	
Savelyeva Olga Yurievna.....	94
ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON BANKS AND BANKING ACTIVITIES	
Stepanova Vera Vladimirovna.....	97
THE ESSENCE OF THE INQUIRY AS A FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION	
Sterlegova Irina Leonidovna.....	100
A PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE PSKOV JUDICIAL CHARTER	
Sutyagina Irina Yurevna.....	103
QUESTIONS OPTIMIZE THE LOCATIONS IN CODIFIED LEGAL DEFINITION OF THE CRIMINAL LAW	
Tikhonova Svetlana Sergeevna, Bachurina Tatiana Alexandrovna.....	105
SUBJECTS OF LEGAL LIABILITY COUNCIL CODE OF 1649	
Fedorova Anna Nikolaevna.....	109
LEGAL RESPONSIBILITY AS ELEMENT OF THE STATE LEGAL MECHANISM OF ENSURING PERSONAL SECURITY	
Fomin Aleksey Aleksandrovich, Fomina Alena Sergeevna.....	111
OPPORTUNITY RECOGNITION INFORMATION SUBJECT OF THEFT	
Hilyuta Vadim Vladimirovich.....	114
VENGEANCE INSTITUTION AND PRINCE'S POWER IN RUS' IN THE 9th – THE BEGINNING OF THE 11th CENTURIES	
Chebanenko Sergey Borisovich.....	116
MEASURES OF CIVIL PROCEDURE RESPONSIBILITY	
Chuklova Elena Valerievna.....	120
RECONCILIATION AS A MEANS OF POSITIVE LEGAL RESPONSIBILITY IMPLEMENTING	
Shundikov Konstantin Valentinovich.....	123
HUMANIZATION OF LEGAL LIABILITY	
Yutyaeva Lyubov Evgenyevna.....	125
Our authors	127

ЗАКОН ОТ 3 МАЯ 1883 Г. И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕКТАНТОВ
ЗА НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2014

*И.А. Александров, аспирант
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные положения закона от 3 мая 1883 г., предоставившего раскольникам ряд прав в общегражданской и религиозной сфере. Также анализируется влияние данного закона на изменение норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в частности, касавшихся особенно вредных ересей.

Ключевые слова: раскол, секта, особенно вредная ересь, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Российская империя.

При рассмотрении вероисповедной политики Российского государства во второй половине XIX в. следует обратить внимание на закон (Высочайше ут-вержденное мнение Государственного Совета) о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб [1] от 3 мая 1883 г., в котором нашли отражение заключения Особого временного комитета 1864 г. По указанию В.Б. Лебедева, согласие Александра III подписать данный акт («несмотря на отчаянное противодействие обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, считавшего раскольников злейшими внутренними врагами Православной церкви») было связано с очевидной необходимостью нормализации отношений с одной из наиболее экономически активных категорий населения Российской империи [2, с. 98].

«Дарование раскольникам некоторых прав гражданских» (в том числе, и последователям тех учений, которые ранее именовались особенно вредными ересями) сводилось к следующим положениям:

1) «паспорты на отлучку внутри Империи» с данного момента должны были выдаваться раскольникам всех сект (т. е. и старообрядцам, и сектантам), за исключением скопцов, на общем основании;

2) «всем вообще раскольникам» дозволялось заниматься торговлей и различными промыслами на основе соблюдения «общедействующих» по этому предмету постановлений;

3) раскольникам было дозволено вступать в иконописные цехи (с разрешения министра внутренних дел);

4) наконец, раскольникам было дозволено занимать общественные должности (в указанных законами случаях также требовалось их утверждение соответствующими органами власти). Особо оговаривалась ситуация, когда в волости, состоявшей из «православных и раскольников», в должности волостного старшины утверждался один из раскольников. В этом случае его помощник должен был быть из последователей господствовавшего вероучения.

В собственно религиозной сфере старообрядцам и сектантам было дозволено творить «общественную молитву, исполнять духовные требы» и совершать богослужение по их обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях (с условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка). При погребении умерших раскольников дозволялось «предношение иконы сопровождаемому на кладбище покойнику» и творение на кладбище молитвы по принятым у раскольников обрядам, с пением, но без употребления церковного облачения. Однако пользование этими правами было обставлено условиями, которые могли бы «до крайности уменьшить или даже парализовать» значение приведенных установлений [3, с. 353].

Вероучения старообрядцев и сектантов по-прежнему признавались вредными для православной церкви заблуждениями, и в соответствии с этим законом предусматривался ряд дискриминационных,

несовместимых со свободой вероисповедания ограничений [4, с. 77]. Хотя уставщики, наставники и другие лица, исполнявшие «духовные требы у раскольников», не должны были подвергаться преследованию (за исключением тех случаев, когда они оказывались виновными в распространении своих учений между православными или в иных преступных деяниях), за этими лицами не признавалось духовного сана. Соответственно, по правам состояния они, в отличие от духовенства иных религиозных объединений, не пользовались никакими привилегиями [4, с. 77].

Сохранило свою силу (в несколько измененном виде) и положение о запрещении последователям раскола «публичного оказательства онего». Например, в Наставлении 1858 г. «для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскола относящимся» и в других актах под публичным оказательством раскола понимались такие действия, как: «крестные ходы, пение вне молелен и такое пение внутри молелен, которое было бы слышно вне оных, торжественное совершение крещения и брака; сопровождение тел умерших на кладбища в мантиях, клобуках и иных раскольнических особенных одеяниях, с пением; ношение раскольниками монашеского одеяния; открытие вновь раскольнических молелен; поставление над молельнями новых крестов или возобновление старых и употребление в молельнях или при оных колоколов». Согласно закону 1883 г. перечень подобных действий был в некоторой степени уменьшен и излагался следующим образом: а) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; б) публичное ношение икон (за исключением вышеприведенного случая, касавшегося погребения умерших); в) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяний, и г) раскольничье пение на улицах и площадях.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что раскольникам было предоставлено право собираться для молитвы не только в частных домах, но и в особо предназначенных для сего зданиях (часовнях, молитвенных домах и т. д.), которые не рассматривались теперь как нечто безусловно запрещенное и противоправное [5, с. 72]. Однако и в этом аспекте предусматривался ряд существенных условий, носивших ограничительный характер. Так, последователям рассматриваемых учений разрешалось исповедать и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, при условии, что общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем. На производство упомянутых работ следовало предварительно испрашивать каждый раз разрешение губернатора или начальника области. В случае же необходимости такой перестройки молитвенного здания, вследствие которой общий наружный его вид должен был подвергнуться изменению, требовалось уже разрешение министра внутренних дел. Также в тех местностях, где значительное (курсив наш – И.А.)

население раскольников не имело ни часовен, ни других молитвенных зданий, дозволялось, опять же с разрешения министра внутренних дел, обращать для общественного богомоления существующие строения. При этом требовалось, чтобы соответствующему строению не был придаваем внешний вид православного храма, и чтобы при нем не имелось наружных колоколов.

В дореволюционной литературе вполне обоснованно поднимался ряд вопросов, возникающих в результате ознакомления с приведенными положениями. «Неужели расширение существующего уже молитвенного здания, надстройка или пристройка к нему нового помещения, увеличение числа или размера дверей или окон, замена плоской крыши высокой или наоборот – дело настолько важное, что оно не может быть допущено без разрешения высшего представителя административной власти (речь идет об изменении внешнего вида здания и, соответственно, о разрешении министра внутренних дел – И.А.)? Неужели моленная, устроенная на пятьсот человек, должна оставаться неизменной и тогда, когда раскольниковское население данной местности увеличилось вдвое или втрое? Неужели незначительное раскольничье население, не успевшее обзавестись моленной до издания нового закона, должно быть навсегда лишено молитвенного здания? ... Как поступить, если здание моленной пришло в окончательную ветхость, а раскольничье население желает заменить его другим, на другой улице того же города? ... Может ли быть открыто в одном и том же городе несколько раскольничьих моленных одного и того же толка?» [5, с. 74]. Если следовать буквальному смыслу норм закона 1883 г., то, по крайней мере, на часть из этих вопросов следовало бы ответить отрицательно, в то время как некоторые другие вопросы остались бы без ответа.

В качестве одного из достоинств закона 1883 г. назывался тот факт, что в вышеприведенных случаях административные органы действовали бы самостоятельно без обязательного соглашения с духовным ведомством. В этом свете труднообъяснимым исключением из общего правила предстает норма, касающаяся «распечатания» молитвенных зданий раскольников (в чем отличие в данном контексте между открытием нового молитвенного здания и распечатанием уже существующего?). Эти действия допускались с особого разрешения министра внутренних дел с тем условием, чтобы такое действие производилось без всякого торжества. При этом о каждом случае такого рода министр должен был предварительно входить в сношение с обер-прокурором Синода. Распечатание раскольничьих монастырей и скитов (фактически действовавших [5, с. 75] и до 1883 г.) по-прежнему не допускалось. Согласно одной из точек зрения, высказанной в том же 1883 г., можно было предположить заранее, что мнение синодального обер-прокурора «не часто будет в пользу распечатания моленной; в виду традиционной политики двух столетий, представитель духовного ведомства не может легко соглашаться на такую меру, которую издавна принято считать соблазном для правверных и поощрением отступников» [5, с. 75]. Позднее, в 1905 г. Комитет министров констатировал: «Допущение на деле указанных в правилах для раскольников льгот поставлено было в значительной мере от усмотрения министерства внутренних дел, действовавшего в сих случаях по соглашению с ведомством православного исповедания. Поэтому применение закона стало производиться на практике с крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью... а с течением времени появились для них вновь стеснения со стороны местных начальств...». Комитет министров вынужден был, в частности, признать, что удовлетворение ходатайств раскольников об открытии молитвенных зданий вследствие отрицательной позиции местных властей,

министерства внутренних дел и Синода «имело место лишь в редких случаях» [4, с. 78, 79].

В анализируемом акте не проводилось различия между так называемыми более и менее вредными сектами, которое в значительной мере было произвольным и основанным на предубеждениях и предрассудках [3, с. 356]. Свообразным остаточным проявлением выделения особенно вредных ересей, более вредных сект и др. было установленное законом 1883 г. правило о том, что в тех вышеизложенных случаях, когда требовалось разрешение министра внутренних дел, он должен был принимать решения, сообразуясь «как с местными условиями и обстоятельствами, так равно с нравственным характером учения и другими свойствами каждой секты».

Принятие приведенных положений повлекло определенные изменения, в том числе в законодательстве, устанавливавшим ответственность за деяния старообрядцев и сектантов, которые признавались преступными. Эти изменения нашли отражение и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.), часть статей которого (относящихся к отделению второму «О ересях и расколах» главы второй раздела II) была отменена либо изложена в иных формулировках. Проиллюстрируем сказанное на примере правовых норм, в той или иной степени касавшихся последователей так называемых особенно вредных ересей. Во-первых, существенную трансформацию претерпела ст. 197 Уложения, которая в первоначальном варианте предусматривала ответственность для последователей сект, именуемых иудействующими, скопцами, молоканами, принадлежащих к учениям, которые признавались особенно вредными ересями, за распространение своего учения и «сворачивание» в него других [6, с. 218]. В редакции Уложения 1885 г., в частности, в связи с отказом законодателя от формулировок «особенно вредная ересь», «особенно вредная секта», эта статья гласила, что лишь скопцы «за распространение своей ереси и сворачивание в оную других подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» [7, с. 14; 8, с. 188].

При анализе этой нормы целесообразно отметить, что хотя законы Российской империи ограждали от повреждения преимущественно догматы господствовавшей церкви (соответственно, по общему правилу преследовалось распространение ересей и расколов между лицами православного вероисповедания), применительно к скопчеству законодатель не упоминал о «сворачивании именно православных». Согласно мнению, высказанному Правительствующим Сенатом, последователи этого учения преследовались и в том случае, если они не были избличены в сворачивании православных. При этом речь шла о лицах, виновных как в оскотлении других («по заблуждению фанатизма»), так и в оскотлении самих себя. Т.е. для ответственности скопцов, ранее являвшихся неправославными, было необходимо, чтобы последовало чье-либо сворачивание, одно же проповедование скопческого учения влекло наказание только в том случае, когда оно производилось среди лиц православного вероисповедания. «Смысл этих постановлений очевиден: государство не может допускать организации обществ, употребляющих, для достижения своей цели, средства, противные нравственности и общественному порядку, хотя бы такие общества и прикрывались религиозными побуждениями; в скопческой же ереси явно преобладает противонравственный элемент, а элемент религиозный представляет совершенное извращение не только православного исповедания, но и христианской веры вообще вредными учениями и действиями» [8, с. 188,

191].

Следует отметить, что были отменены статьи 198 и 199 Уложения, кото-рые, в частности, устанавливали ответственность последователей особенно вредных ересей за незаконную приписку к городскому сословию, а также «за допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере (имеется в виду учение секты иудействующих – И.А.), или иной какой-либо ереси» [9, с. 50].

Статьи 200 и 201 Уложения существенно не изменились. Соответственно, за распространение ереси и раскола, сопровождавшееся насилием или другими увеличивающими вину обстоятельствами, виновный присуждался к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу от двенадцати до пятнадцати лет (ст. 200); за оскпление других «по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия» – к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу от четырех до шести лет; за оскпление самого себя – к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением виновного «строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» (ст. 201).

Разъясняя специфику ответственности за самооскпление, Сенат указывал, что наказание, состоящее в ссылке в отдаленнейший край Восточной Сибири с отдачей под «строжайший надзор» местного начальства, не входило в общую лестницу наказаний. Его не следовало смешивать с наказанием, «со-стоящим в ссылке на поселение в отдаленные места Сибири, но без прямого указания на отдаленный край Восточной Сибири, и притом без установления строжайшего надзора местного гражданского начальства. Не подлежит сомнению, что этот специальный вид наказания установлен с целью устранить по возможности лиц, впавших в заблуждение, от всякой возможности влиять на других и распространять таким образом ересь, признаваемую законом особенно вредною, причем, само собою разумеется, закон не мог иметь в виду, чтобы лица, осужденные за самооскпление, имели возможность оставаться в пределах своего места жительства, какие бы смягчающие вину их обстоятельства ни представлялись в данном случае». Исходя из этого, делался вывод, что данное наказание не могло быть изменено, уменьшено судом, так как оно относилось к таким наказаниям, которые не входили в общую систему наказаний и, следовательно, не могли быть приняты за «исходную точку для уменьшения» [8, с. 191].

Указание об аналогичном наказании для скопцов было включено и в текст статьи 203 Уложения, которая была сформулирована следующим образом: «Те из раскольников, хотя и не избранные в распространении своего лжеучения, которые принадлежат к ересям, соединенным с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, либо с противонравственными, гнусными действиями, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке: из Европейской России в Закавказье, из Северного Кавказа и Закавказья в Сибирь, а по Сибири в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов. Скопцы же, по лишении всех прав состояния, отправляются из всех мест в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» [8, с. 194].

Комментируя положения ст. 203 о скопцах, Н.С. Таганцев высказывал мнение, в соответствии с которым не все лица, принадлежавшие к скопчеству могли быть относимы к так называемым «изуверным» сектам и преследуемы за саму принадлежность к секте (без распространения ее учения и соращения в него других лиц), а только сектанты, оскпившие себя или других. Но и по отношению к последним должна была быть применяема не статья 203, а статья 201, как специально

предусматривающая подобные случаи. Поэтому, указанный исследователь полагал что ст. 203 Уложения ни в каком случае не могла применяться к каким бы то ни было последователям скопческого учения. Вместе с тем, были известны случаи принадлежности к секте скопцов, исполнения ее обрядов и т. д. неоскопленных лиц. В этой связи указывалось, что лица, виновные в распространении скопческого учения или соращения в него других, подлежат ответственности по ст. 197 Уложения, даже если они не являлись оскпленными [8, с. 190, 194].

Также не в пользу скопцов было изменено содержание ст. 204, упоми-навшей о возможности возвращения из ссылки последователей разнообразных ересей и расколов, обратившихся в православную веру, кроме приверженцев скопчества. Таким образом, если последователь ереси или раскола (кроме скопцов), обратившийся в православную веру и, вследствие того, возвращенный из места ссылки, снова соращался в ересь или раскол, то он подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на поселение безвозвратно в Закавказье или в отдаленнейшие места Сибири [8, с. 194].

Наконец, в соответствии с положениями закона от 3 мая 1883 г. было изменено содержание ст. 206 Уложения, ранее запрещавшей помимо «заведения раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ» «построение новых и починку старых каких-либо для службы и моления по раскольническим обрядам зданий, под наименованием церквей, часовень или молитвенных домов», «устройство престолов в существующих уже часовнях» и «обращение крестьянских изб в публичные молельни» [9, с. 52]. В новой редакции Уложения наказание в виде заключения в тюрьме на срок от четырех до восьми месяцев устанавливалось за: 1) исправление или возобновление приходящего в ветхость раскольнического молитвенного здания без разрешения губернатора или начальника области; 2) перестройку раскольнического молитвенного здания, изменяющую общий его наружный вид, без разрешения на такую перестройку министра внутренних дел; 3) построение нового раскольнического молитвенного здания или обращение в таковое, без разрешения министра внутренних дел, существующего строения. Построенное новое молитвенное здание, а также все, «устроенное без надлежащего разрешения или несогласное с оным», подвергалось «сломке» или исправлению на счет виновных. За устройство раскольниче-ских скитов или «иных сего рода обиталищ», виновные, как и прежде, приговаривались к заключению в тюрьме на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а все ими устроенное также подвергалось «сломке», и в дальнейшем материалы продавались в пользу местного приказа общественного призрения или заменяющих его учреждений [8, с. 195].

В целом, отмечается, что в Уложении в издании 1885 г. нашло отражение стремление государственной власти «возобновить курс, направленный на прекращение бессмысленных и бесперспективных попыток» прекратить распространение раскола путем принятия законов, ограничивающих права старообрядцев и сектантов. Ранее действовавшее законодательство, носившее в отношении раскольников «ограничительно-запретительный и карающий характер», было отражением позиции органов государственной власти, рассматривавших этих лиц «как потенциальную опасность для стабильности государства, как временное зло, которое подлежит уничтожению» [2, с. 97].

Что касается оценки роли закона (мнения Государственного Совета) от 3 мая 1883 г., то можно встретить несколько точек зрения. С одной стороны, говорится о том, что большинство положений данного акта осталось на бу-маге и не оказало существенного влияния

на положение старообрядцев и сектантов [4, с. 78]. С другой стороны, несмотря на имеющиеся в нем пробелы, его называли «одним из важнейших законодательных актов начала царствования» Александра III, который имел «принципиальное значение для будущего» [2, с. 98]. Не следует забывать, что проект реформы в сфере законодательства по расколу был составлен еще в 1864 г., но для его осуществления потребовалось около двадцати лет. «Колебания и противоречия, так долго задерживавшие ход преобразования, отразились и на содержании обоих законов (имеются в виду законы от 19 апреля 1874 г. и от 3 мая 1883 г. – И.А.), изменивших юридический и церковный быт раскольников. Нельзя сказать, чтобы на место одного принципа прямо и решительно был поставлен другой, противоположный... Покровительство закона дано раскольникам не как право, а как милость, о которой они должны каждый раз просить, без всякой гарантии в том, что ходатайство их будет уважено» [5, с. 77]. Таким образом, целесообразно соглашаясь с тем, что нетерпимость по отношению к старообрядцам и сектантам постепенно была заменена условной, ограниченной терпимостью, пределы которой были неопределенными и изменчивыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи.

Собрание третье. Т. III. СПб., 1886. № 1545.

2. Лебедев В.Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв.: монография. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007. 154 с.

3. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Т. 102. СПб., 1883.

4. Клочков В.В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). М.: Политиздат, 1982. 160 с.

5. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: Сборник статей. СПб.: Библиотека Общественной пользы, 1905. 294 с.

6. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях мировыми судьями налагаемых. М., 1872. 113 с.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1892. 796 с.

9. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 года. СПб., 1866.

THE LAW OF 3 MAY 1883 AND THE TRANSFORMATION OF THE SECTARIANS' RESPONSIBILITY FOR SOME RELIGIOUS CRIMES

© 2014

I.A. Alexandrov, post-graduate student
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: In this article principal statements of the law of 3 May 1883, allowed the schismatics a number of rights in civil and religious spheres, are considered. Also the influence of this law on the change of the rules of the Code of criminal and correctional punishments, in particular, concerned particularly harmful heresies, are analyzed.

Keywords: schism, sect, particularly harmful heresy, Code of criminal and correctional punishments, Russian Empire.

УДК 343.81

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)

© 2014

А.Н. Антипов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Москва (Россия)

Аннотация: Рассматриваются основные проблемы, связанные с оценкой функционирования сложноорганизованной системы. Определяются требования, предъявляемые к показателям и критериям оценки их деятельности.

Ключевые слова: критерии, показатели, оценка деятельности, мониторинг.

Выработка объективных и актуальных критериев оценки деятельности того или иного министерства, ведомства, службы является основной задачей, качественное решение которой способствует их эффективному функционированию и развитию [1, с. 143-147; 2, с. 14-16], в значительной степени влияет на поддержание безопасности на соответствующем уровне.

Понимание того, что любое министерство, ведомство, служба представляет собой некую сложноорганизованную систему, синергетический комплекс, обладающий не только общими, но и специфическими характеристиками, только ей свойственными особенностями, позволяет в разных вариантах структурировать её в зависимости от намеченных целей и соответственно решаемых для их достижения задач. Для обеспечения данных процессов совершенствуется нормативно-правовое обеспечение, для кардинального изменения проводятся реформы.

Основой гарантии сбалансированного, стабильного и поступательного функционирования каждой отдельно взятой системы (министерства, ведомства, службы) служит понимание происходящих внутри

неё процессов, их влияние друг на друга, умение настраивать систему на решение поставленных задач, определять сложившиеся и формирующиеся тенденции в целях определения приоритетов, для дальнейшего воздействия на них. Необходимо понимать, что основная «проблема в управленческой деятельности - это главное противоречие цели и ситуации (условий существования и развития системы), разрешение которого определит изменение ситуации в направлении принятой цели» [3, с. 87]. Из сказанного вполне логично следует, что анализ складывающейся ситуации возможен лишь на основе постоянного мониторинга процессов происходящих в исследуемой среде.

Организация мониторинга подразумевает наличие критериев и показателей, основываясь на которые можно осуществлять анализ и принимать адекватные управленческие решения, прогнозировать дальнейшие направления развития.

В качестве примера вполне уместно рассмотреть уголовно-исполнительную систему России. В Рекомендациях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам

человека записано, что «... упущения и недостатки при проведении пенитенциарной реформы были связаны в первую очередь с отходом от принципов комплексности и системности при разработке и проведении реформ; в частности, так и не были созданы соответствующие потребностям общества и государства критерии оценки деятельности УИС и хода реформ...» [4].

Решение проблемы создания критериев оценки деятельности УИС представляется весьма непростым делом по ряду причин. Объективно это обусловлено сложностью предмета исследования, его постоянной модификацией и как следствие необходимостью отслеживания происходящих процессов, их анализом с целью корректировки, предполагающим введение поправочных коэффициентов. Не меньшие проблемы представляются с изначальным определением как самих показателей и критериев, так и их количества. Данные трудности связаны с рядом проблем объективного характера. Например:

показатели (раскрывающие их критерии) должны иметь количественное выражение, что не всегда возможно и часто не объективно;

нередко возникает необходимость оптимизации показателей и критериев, так как с одной стороны значительная детализация показателей и критериев предполагает не только количественное их увеличение, но и рост ресурсных потребностей, как временных, так и материальных, и в конечном итоге, не всегда приводит к значительному улучшению качественной составляющей оценки исследуемого объекта. В данном случае расчет и анализ не только отнимают много времени, но и не позволяют сделать конструктивных, обобщенных выводов и предложений, способствующих совершенствованию исследуемого направления деятельности. С другой стороны, минимизация числа показателей и критериев предопределяет неполноту сведений относительно исследуемого направления деятельности, как следствие необъективность оценки и невозможность выделения актуальных направлений развития, приводящие к движению, но не к результату;

ряд показателей предполагающих качественную оценку необходимо представлять совокупностью количественных показателей;

разные временные интервалы необходимые для определения динамики по различным показателям, и как следствие возможность временной несопоставимости рядов;

существует значительная разнородность и как результат значимость (веса) в общей системе показателей и критериев, что предполагает выработку поправочных коэффициентов, зачастую получаемых только экспериментальным путем.

Кроме проблем объективного характера существуют проблемы субъективного характера:

недостаточный уровень профессиональной подготовки работников, осуществляющих обработку данных, их анализ и выработку предложений, что, несомненно, значительно влияет на качество документов;

нежелание показывать реальное положение дел (причины этого могут быть весьма разнообразными, например, желание работать по старинке. Объективная картина может привести к нежелательным последствиям и т.д.).

В результате формируется система или переполненная разными оценками, в которой зачастую разобраться весьма проблематично, где за «игрой» цифр теряется смысл, или система, в которой значительная часть показателей имеет лишь опосредованное значение и по их совокупности невозможно реально оценить складывающуюся обстановку и соответственно не только принять эффективные управленческие решения, но и понять наметившиеся тенденции.

Существующая практика оценки эффективности деятельности территориальных органов уголовно-

исполнительной системы не обеспечивает в полной мере адекватной интерпретации фактического состояния дел, подчас тормозит применение и дальнейшее развитие передовых технологий организации труда.

В этой связи эффективное функционирование территориальных органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях требует совершенствования критериев и показателей, механизма их реализации. Система оценки предполагает комплексность, всесторонность. Она должна учитывать взаимосвязь различных направлений деятельности: социальных, правовых, психологических и т.д.

Однако на этом пути встает целый ряд препятствий. Наиболее существенным из них является несовершенство существующей ныне системы информационного обеспечения. Информационные базы в виде разнородных статистических отчетов представляются весьма объемными и многочисленными, не учитывающими многофакторный характер проблемы и как следствие, подчас недостаточно точно и объективно отражающими происходящие процессы.

Разработка теоретических и прикладных аспектов оценки эффективности, механизма применения показателей и критериев для всех структурных звеньев территориальных органов значительно усложняется полифункциональным характером их деятельности и динамичностью условий среды, в которой они функционируют. В условиях отсутствия четких и при этом гибко изменяющихся показателей и критериев оценки результатов их работы получаемая информация нередко носит не объективный характер; данные неполны, они не совпадают по формам отчетности различных служб, что в конечном итоге приводит лишь к усугублению негативных процессов и не способствует достижению цели. На Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет) по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы», прошедшего 14 мая 2013 года, было констатировано, что реформа уголовно-исполнительной системы зашла в тупик, а её продолжение в обозначенном направлении может привести к негативным последствиям [5].

Довольно длительное время оценка деятельности УИС осуществлялась на основе системного анализа целей, структуры и функций территориальных органов, что в принципе позволяло разрабатывать конкретные рекомендации по выработке критериев, установлению их иерархии и приоритетов, созданию механизма оценки. Однако в настоящее время этого оказалось недостаточно. Требуется выработка и классификация требований к показателям и критериям эффективности, условиям успешного их применения, возможным ограничениям, накладываемым на систему оценки факторами внешней и внутренней среды, а также механизму их модификаций.

В связи с этим представляется целесообразным актуализировать формирование и разработку научно обоснованной оценочной системы, включающей в себя, прежде всего, комплекс показателей и критериев, на основе которых возможно дать адекватную оценку управленческого труда и результатов работы территориальных органов уголовно-исполнительной системы.

При разработке предлагаемых показателей и критериев должен быть заложен ряд принципов, в частности законности, объективности, независимости, прозрачности, верифицируемости, непрерывности, конфиденциальности, позволяющих исключить возможность субъективной оценки, устранить доминирование оценки «по валу», оптимизировать процесс и правильно распределить штатную численность. В конечном счете это во многом должно способствовать совершенствованию практики предъявления

идентичных требований к территориальным органам, функционирующим в различных условиях оперативно-служебной обстановки, при неодинаковом потенциале.

Система показателей должна быть направлена на то, чтобы позволить постоянно наблюдать в динамике и осуществлять мониторинг положения дел во всех без исключения территориальных органах уголовно-исполнительной системы и своевременно принимать адекватные меры по повышению эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы.

Необходимо понимать, что изменение исследуемой системы потребует внесение корректив в систему показателей и критериев. Например, в случае необходимости уделить исследуемой системе повышенное внимание (постановка учреждения на контроль как учреждения со сложной оперативной обстановкой и т.д.) возможно определение неких так называемых реперных точек - условных точек, обозначающих проблему, в которых будет раскрываться система показателей (введение дополнительных, вспомогательных критериев и показателей).

Вполне уместно привести следующий пример. При ослаблении работы работником вводится ежедневное планирование и отчет о проделанной работе; при ослаблении работы отдела, устанавливаются дополнительные критерия оценки. Например, нагрузки (её распределение), отслеживания работы (степени участия) не только каждого конкретного сотрудника, но и руководителя отдела по организации работы (в частности, правильность постановки задач, распределения обязанностей, определения и распределения сил и средств, времени для выполнения поставленной задачи, организация контроля, спроса и т.д.);

Определенным способом решения данной проблемы может быть некая математическая модель или развивающаяся нейронная сеть. Однако первоначально представляется целесообразным и более простым оптимизировать имеющиеся системы оценки, посредством определения приоритетности, объективности, эффективности и т.д. взятых за исходные данные критериев и показателей. Данная работа, несомненно, должна привести к положительному

результату, в том числе и повышению эффективности функционирования исследуемой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов А.Н. Еще раз о безопасности // Материалы конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». – М.: Академия управления МВД России, 2011. С.143-147.
2. Антипов А.Н. Овчинников С.Н., Киселев Э.П. «О некоторых дестабилизирующих факторах» // Преступление и наказание. 2014. №3. С.14-16.
3. Теория управления: Учебник / Под общ. ред. А.Л. Гапоненко, А.Л. Панкрухина. – М.: Изд-во РАГС. 2003. 558 с.
4. Доклад Постоянной комиссии по содействию ОНК и реформе пенитенциарной системы Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «О ходе реформы Уголовно - исполнительной системы России и необходимости внесения изменений в концепцию реформы, создания институтов пробации и ресоциализации» от 5.04.2013 [Электронный ресурс] // Доступ из локальной сети ФКУ НИИ ФСИН России. Режим доступа: свободный (дата обращения: 13.10.2014) http://www.president-sovet.ru/structure/group_10/materials/spetsialnogo_zasedanie_soveta/doklad_postoyannoy_komissii_po_sodeystviyu_onk_i_reforme_penitentsiarnoj_sistemy_soveta_o_khode_refo.php
5. Материалы Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы» от 14.05.2013 [Электронный ресурс] // Доступ из локальной сети ФКУ НИИ ФСИН России. Режим доступа: свободный (дата обращения: 13.10.2014) <http://civilsociety.ru/component/content/article/9-aktualnye-voprosy-prav-cheloveka/195-rekomendatsii-soveta-pri-prezidentie-rossijskoj-federatsii-po-razvitiyu-grazhdanskogo-obshchestva-i-pravam-cheloveka-po-itogam-spetsialnogo-zasedaniya-na-temu-grazhdanskoe-uchastie-v-reforme-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy-2>

THE MAIN APPROACHES AND PRINCIPLES FOR THE DETERMINATION OF THE CRITERIA FOR EVALUATING (FOR EXAMPLE, CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM)

© 2014

A.N. Antipov, candidate of legal Sciences, associate Professor, leading researcher
Federal state institution «Scientific research Institute of the Federal service of execution of punishments of Russia», Moscow (Russia)

Annotation: Discusses the main challenges associated with the assessment of the functioning of complex systems. Defined requirements for indicators and criteria for evaluation.

Keywords: criteria, indicators, evaluation, monitoring.

УДК 343.237:343.36

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

А.С. Беницкий, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Луганский государственный университет внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, Луганск (Украина)

Аннотация: В статье определена общественная опасность заранее не обещанного укрывательства преступления. Проведен юридический анализ заранее не обещанного: укрывательства преступника, сокрытия орудия, средств и следов совершения преступления, а также сокрытия имущества, добытого преступным путем. Установлены критерии, по которым возможно разграничивать виды заранее не обещанного укрывательства преступления, предусмотренные уголовным законодательством Украины.

Ключевые слова: первоначальность к преступлению, укрывательства преступления, соучастие в преступлении, общественная опасность.

Постановка проблемы. Деятельность укрывателя орудий, средств или следов преступления, предметов, добытых преступным путем, или участника (участников) предикатного преступления препятствует органам следствия, прокурору или суду устанавливать истину по уголовным делам. Отсутствие информации о совершенном предикатном преступлении или лице, которое его совершило, делает невозможным привлечение виновных к уголовной ответственности. В результате нарушается конституционный принцип неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление, поскольку преступник остается безнаказанным, нарушенные законные права и свободы человека и гражданина – невозобновленными. Безнаказанность порождает вседозволенность и мотивирует преступников на продолжение выбранного ими преступного пути, усовершенствование и расширение преступной деятельности, привлечение к ней новых лиц. Поэтому общественная опасность заранее не обещанного укрывательства преступления заключается в том, что для органов правосудия усложняется, а иногда становится невозможным процесс выявления и расследования предикатного преступления.

Анализ последних исследований. Вопросы уголовной ответственности за укрывательство преступления исследовали такие ученые, как Г.И. Баймурзин, И.А. Бушуев, А.А. Васильев, Е.О. Волотова, А.В. Зарубин, Н.С. Косякова, Н.И. Мазур, А.Д. Макаров, А.С. Омаров, Е.В. Пономаренко, Э.Х. Раал, Б.Т. Разгильдиев, К.Н. Сerezкина, В.Г. Смирнов, М.Х. Хабибулин и др. Между тем комплексного историко-правового исследования проблем ответственности за укрывательство преступления в соответствии с правовыми нормами советского уголовного законодательства и уголовного законодательства Украины, России и других государств – участников СНГ не проводилось. Кроме того, в юридической литературе не уделялось достаточного внимания определению видов заранее не обещанного укрывательства преступления.

Целью статьи является установление общественной опасности заранее не обещанного укрывательства преступления, установление юридически значимых признаков физического и интеллектуального видов укрывательства преступления.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В советской литературе было принято ставить тяжесть заранее не обещанного укрывательства преступления в зависимости от предикатного преступления. Так, Э.Х. Раал считал, что общественная опасность укрывательства и ее степень определяется прежде всего общественной опасностью преступления, которое укрывается [1, с. 16]. Большинство советских ученых имели схожее мнение [2, с. 6–8, 14; 3, с. 26–29, 43, 77, 86], отмечая, что укрывательство преступления – это двухобъектное преступление, поскольку посягает на объект предикатного преступления, а также на охраняемые законом общественные отношения в сфере осуществления правосудия. На такой подход к общественной опасности укрывательства преступления повлияла распространенная в юридической литературе до середины XX века позиция, согласно которой укрывательство преступления – это соучастие в совершении преступления в виде пособничества независимо от того, было ли оно заранее обещано или нет.

После принятия 25 декабря 1958 года Верховным Советом СССР Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы уголовного законодательства 1958 г.) понимание укрывательства преступления изменилось. Укрывательство преступлению разделялось в зависимости от момента обещания виновного лица совершить действия по сокрытию преступника, орудий

или средств совершения преступления, сокрытию следов преступления или предметов, добытых преступным путем. В статье 18 Основ уголовного законодательства 1958 года обращалось внимание на то, что ответственность за заранее не обещанное укрывательство должна наступать лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. 24 декабря 1960 г. Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял Уголовный кодекс Украинской ССР. Этот кодекс содержал основные положения, закрепленные в Основых уголовного законодательства 1958 г., о понимании укрывательства преступления. Советский законодатель для разграничения укрывательства преступления как вида пособничества и укрывательства преступления как вида прикосновенности к преступлению, при конструировании диспозиции ст. 186 УК УССР 1960 г., использовал формулировку “заранее не обещанное укрывательство”.

Между тем советский законодатель степень общественной опасности заранее не обещанного укрывательства преступления связал с предикатным преступлением. Это нашло отражение в уголовно-правовых нормах, устанавливающие ответственность за рассматриваемое преступление. Так, в зависимости от вида основного преступления, в ст.ст. 80-2 и 186 УК УССР в ред. 1962 г. было предусмотрено соответствующее наказание за его укрывательство. Уголовная ответственность дифференцировалась в зависимости от степени общественной опасности предикатного преступления: выделялся простой вид укрывательства преступления (ч. 1 ст. 186 УК УССР в ред. 1962 г.), квалифицированный вид укрывательства преступления (ч. 2 ст. 186 УК УССР в ред. 1962 г.) и особо квалифицированный вид укрывательства преступления (ст. 80-2 УК УССР в ред. 1962 г.).

Фактически такое понимание общественной опасности заранее не обещанного укрывательства преступления сохранилось до принятия в 2001 г. нового уголовного законодательства Украины. Так, статья 186 УК Украины в ред. 1996 г. предусматривала три части, которые содержали определенный перечень предикатных преступлений. Наказание за укрывательство преступлений в этих частях было разным. Таким образом, решающим критерием при определении наказания за заранее не обещанное укрывательство преступления признавалась тяжесть предикатного преступления. Сходный подход к общественной опасности укрывательства преступления сохранился в некоторых государствах бывшего Советского Союза (ст. 405 УК Республики Беларусь, ст. 307 УК Азербайджанской Республики, ст. 339 УК Кыргызской Республики и ст. 313 УК Латвийской Республики).

Например, согласно редакции ст. 396 УК Украины за укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений предусмотрена одинаковая ответственность. Таким образом, законодатель Украины правильно обратил внимание на то, что общественная опасность заранее не обещанного укрывательства преступления не должна зависеть от предикатного преступления. Законодатель Украины вполне справедливо разместил норму, предусматривающую ответственность за укрывательство преступления, в разделе XVIII “Преступления против правосудия”, поскольку укрывательство причиняет вред или создает угрозу причинения такого вреда охраняемым общественным отношениям в сфере правосудия.

Законодатель Украины, определяя перечень предикатных преступлений, исходит из вида и размеров наказания за них. Ответственность за укрывательство установлена не за любые преступления, а только за тяжкие и особо тяжкие. При определении тяжкого или особо тяжкого преступления форма вины значения не имеет. Поэтому предикатное преступление, которое предшествовало сокрытию, может быть совершено

умышленно или неосторожно. Для квалификации значения имеет только вид основного преступления – тяжкое или особо тяжкое. Таким образом, законодатель Украины, формулируя диспозицию ст. 396 УК Украины, использовал пороговый подход, поскольку критерием установления основного преступления является вид и размер наказания. Определяя первичное преступление, предшествующее укрытию, необходимо учитывать положения ст. 12 УК Украины.

Исследователи высказывают различные мнения относительно перечня основных преступлений, предшествующих укрывательству преступления. В советское время некоторые ученые предлагали криминализовать укрывательство любого преступления [4, с. 14]. Схожую позицию высказывают и современные ученые. Так, Е.А. Волотова и другие исследователи считают целесообразным установление уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство не только тяжких и особо тяжких преступлений, но и преступлений средней и небольшой тяжести [5, с. 13, 21; 6, с. 8, 21]. Но с таким мнением вряд ли следует согласиться. Исключение законодателем Украины преступлений средней и небольшой тяжести из числа предикатных вполне оправдано, поскольку сокрытие таких преступлений не является общественно опасным. Подход украинского законодателя соответствует рекомендациям Модельного УК для государств – участников СНГ, который в ч. 2 ст. 326 (несообщение о преступлении или его укрывательство) предлагает странам предусмотреть уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство двух категорий предикатных преступлений – тяжких и особо тяжких [7].

В юридической литературе есть несколько рекомендаций разделения заранее не обещанного укрывательства на виды. Так, некоторые ученые рекомендуют укрывательство разделять на два вида: 1) укрывательство преступника и 2) укрывательство преступления [8, с. 123]. Последний вид разделяют на укрывательство орудий или средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Недостатком такой классификации является то, что укрывательство преступника является такой же разновидностью укрывательства преступления, как и укрывательство орудия или средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем. Поэтому выделять укрывательство преступника в отдельную группу вряд ли целесообразно.

В зависимости от способа совершения укрывательство преступления принято классифицировать на следующие виды: 1) физическое и 2) интеллектуальное. Физическое укрывательство преступления – это укрытие: 1) преступника; 2) орудия совершения преступления; 3) средств совершения преступления; 4) следов совершения преступления; 5) имущества, добытого преступным путем.

Укрывательство преступника представляет собой деятельность человека по созданию необходимых условий или устранению препятствий для уклонения исполнителя или других участников основного преступления на неопределенный срок от уголовной ответственности. Способами сокрытия могут быть, например, предоставление преступнику убежища, одежды, продуктов питания, информации, транспортных средств, самооговор и т.п. [9, с. 116].

Если субъект, заранее не обещая, укрывает лицо, которое ошибочно считает преступником, то в его действиях содержатся признаки покушения на укрывательство преступления. Однако некоторые авторы считают, что в таком случае субъект не подлежит уголовной ответственности за укрывательство. И.А. Бушуев, например, отмечает, что в случае, когда субъект обвиняется в укрытии лица, совершившего убийство, а в процессе судебного следствия будет установлено, что

было не убийство, а самоубийство или убийство было совершено не этим лицом, то меняется и юридическая природа деяния, совершенного укрывателем. Далее автор указывает, что в рассматриваемом случае субъект, который укрывает мнимого убийцу, не подлежит уголовной ответственности, поскольку не совершил противоправных действий, или, иначе говоря, совершил мнимое преступление [10, с. 37]. Однако с такой позицией И.А. Бушуева вряд ли возможно согласиться. Мнимое преступление имеет место тогда, когда субъект допускает юридическую ошибку, считая свое деяние преступлением, тогда как оно не является противоправным, поскольку не предусмотрено уголовным законодательством как преступление. Убийство, как и сокрытие убийства, являются преступлениями, поэтому лицо, которое ошибочно считает, что укрывает убийцу, не допускает ошибки в преступности своего деяния. Такие действия виновного следует квалифицировать как покушение на укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления.

Укрывательство орудий или средств совершения преступления заключается в деятельности лица, направленной на их уничтожение, изменение их внешнего вида, а также совершение других действий по сокрытию орудий или средств совершения преступления от органов правосудия. Орудия и средства совершения преступления – это вещи материального мира, с помощью которых было облегчено совершение преступления. К таким предметам можно отнести: ядовитые и сильнодействующие вещества, наркотики, документы, средства связи, транспортные средства, технические устройства, холодное и огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, боеприпасы, предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений, и т.д. Так, если лицо, заранее не обещая, хранит в тайнике огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, боеприпасы, ядовитые или сильнодействующие вещества или лекарственные средства с целью сокрытия преступления, то возникает ряд вопросов по квалификации деяний укрывателя.

Некоторые ученые считают, что когда сокрытие орудий или средств совершения преступления само по себе образует состав незаконного хранения, например, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов, наркотических средств и других предметов, исключенных из гражданско-правового оборота, то действия виновного не требуют дополнительной квалификации за заранее не обещанное укрывательство преступления [11, с. 204]. Между тем следует согласиться с мнением ученых, которые считают, что действия лица, укрывающего орудия или средства совершения преступления либо предметы, добытые преступным путем, хранение которых содержит признаки самостоятельного состава преступления, необходимо квалифицировать по правилам совокупности преступлений – по соответствующей уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления и за незаконное приобретение, хранение или сбыт предметов, исключенных из гражданско-правового оборота [12, с. 1034; 13, с. 980–981].

Такой подход применяют суды Украины. Так, например, Борзнянским районным судом Черниговской области была осуждена А. за то, что она по просьбе Б., заранее не обещая, сокрыла в своем доме огнестрельное оружие (пистолет с глушителем), которое Б. использовал при совершении умышленного убийства. Действия А. судом правильно были квалифицированы как приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия без предусмотренного законом разрешения по ч. 1 ст. 263 УК Украины, а также как укрывательство особо тяжкого преступления по ч. 1 ст. 396 УК

Украины [14].

Укрывательство следов преступления представляет собой деятельность виновного по фальсификации, маскировке, уничтожению или повреждению материальных предметов или материальных образований (следы пальцев рук, обуви, разреза, разруба и др.), а также совершению иных деяний, направленных на утаивание от органов правосудия обстоятельств совершения преступления, материальных предметов и образований, которые сохранили на себе следы преступления. Например, уничтожение трупа потерпевшего или одежды со следами крови потерпевшего существенно усложнит работу правоохранительных органов по установлению объективной истины по делу и может привести к укрывательству преступления. Если лицо с целью укрытия следов предикатного преступления, уничтожает или повреждает имущество, которое содержит на себе следы преступления, то в действиях лица могут быть признаки таких составов преступлений, как укрывательство преступления и умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и т.д.

Укрывательство имущества, добытого преступным путем, характеризуется совершением физических действий с целью сокрытия финансовых средств, движимого и недвижимого имущества, права на имущество, а также результатов интеллектуальной деятельности, полученных в результате совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, от органов правосудия. Это может быть хранение в тайнике материальных ценностей, добытых преступным путем, транспортировка их в определенное место, уничтожение имущества или преобразование его первоначального вида и т.д. Действия виновного в сокрытии имущества, добытого преступным путем, обычно заключаются в непосредственном укрывательстве лишь того имущества, которое получено преступным путем [15, с. 74]. Укрыватель может только изменить внешний вид имущества, добытого преступным путем. Если укрыватель совершает, например, маскировку источника получения доходов от преступной деятельности, то его действия следует квалифицировать по ст. 209 УК Украины, поскольку они образуют состав отмывания преступных доходов. Дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 396 УК Украины не нужно. В данном случае отмывание преступных доходов будет специальным составом по отношению к заранее не обещанному укрывательству преступления. В случае, когда виновное лицо приобретает или сбывает имущество, добытое преступным путем, такие действия необходимо квалифицировать по ст. 198 УК Украины.

Интеллектуальное укрывательство преступления состоит в заранее не обещанной даче советов, указаний лицам по укрытию совершенного ими преступления и т.д. Совет в данном случае – это рекомендация лица совершить определенные деяния, направленные на сокрытие преступления. Например, предложение, как легче и безопаснее уничтожить следы предикатного преступления, оружие или средства совершения преступления, выбрать оптимальный маршрут бегства от погони, найти место, где можно будет переждать преследование работников правоохранительных органов по “горячим следам”, и т.д. Указание – это наставление, обязательное для лица, которому оно адресовано, по выбору лучшего способа, места или времени укрывательства участников преступления, уничтожения следов, оружия или средств совершения преступления и т.д. К интеллектуальному укрывательству, например, можно отнести уведомление преступника о том, что за ним следят сотрудники правоохранительных органов, о том, что он объявлен в розыск, и т.д.

Вместе с тем в юридической литературе есть мнение, что укрывать преступление можно только физическими действиями [16, с. 65; 17, с. 8, 15]. Так, например, по мнению О.А. Чувакова, не образует состав

укрывательства обещание субъекта после совершения предикатного преступления спрятать его исполнителя, если никаких действий в этом направлении не осуществлялось [18, с. 759].

По мнению И. Семченкова, пособнические действия в виде обещания укрывать никак не охватывают собой выполнение этого обещания и ни при каких обстоятельствах охватывать его не могут. Далее автор делает вывод, что заранее обещанное укрывательство соучастия в укрываемом преступлении не образует и как деяния пособника рассматриваться не может [19, с. 57]. Как считает И. Семченков, одного того, что деяние было совершено после деяния исполнителя, уже должно быть достаточно для того, чтобы его нельзя было признать соучастием в преступлении. Между заранее обещанным и заранее не обещанным укрывательством, по мнению автора, не существует какого-либо различия. Он отмечает, что представление о том, что заранее обещанное укрывательство преступления охватывается институтом соучастия в виде ее разновидности – пособничества, является недоразумением [19, с. 58]. Однако И. Семченков дальше все же соглашается с тем, что лицо, которое заранее обещало укрывать, является более опасным по сравнению с тем, который обещал укрывать после совершения основного преступления, поскольку лицо, которое заранее обещало укрывать преступление, кроме действий по сокрытию осуществляет еще и пособничество в преступлении исполнителя [19, с. 58].

Таким образом, И. Семченков с одной стороны, исключает заранее данное обещание укрывать преступника из разновидностей пособничества (интеллектуального) в совершении преступления, а с другой стороны, считает, что заранее данное обещание сокрыть преступление является разновидностью пособничества. Такой подход к пониманию заранее обещанного укрывательства преступления вызывает недоумение. И. Семченков отмечает, что заранее обещанное укрывательство преступления следует квалифицировать по правилам идеальной совокупности преступлений как пособничество в совершении определенного преступления и как укрывательство преступления. Поэтому чтобы у правоприменителей не возникал вопрос о привлечении к ответственности виновных в заранее обещанном укрывательстве преступления с двумя уголовно-правовыми нормами – ст. 316 УК РФ и нормой, предусматривающей ответственность за соучастие в пособничестве определенному преступлению, И. Семченков считает необходимым исключить из ст. 316 УК РФ формулировку “заранее не обещанное”. Автор предлагает применить такой же подход к квалификации заранее обещанного приобретения и сбыта имущества, добытого преступным путем. По его мнению, заранее обещанное приобретение или сбыт имущества, полученного преступным путем, не образует соучастия в преступлении в виде пособничества. Автор рекомендует российскому законодателю исключить из диспозиции ст. 175 УК РФ формулировку “заранее не обещанное” [19, с. 59].

Между тем, с такими рекомендациями И. Семченкова согласиться нельзя, поскольку он стирает границы между институтами соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению. Правоприменители России должны будут привлекать к уголовной ответственности за укрывательство преступления и приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, по правилам идеальной совокупности преступлений: ст. 316 УК РФ и уголовно-правовая норма за основное преступление; ст. 175 УК РФ и уголовно-правовая норма за основное преступление. Фактически за одно и то же деяние виновный в заранее обещанном укрывательстве преступления или в заранее обещанном приобретении либо сбыте имущества, добытого преступным путем, будет нести двойную уголовную ответственность.

Выводы. Редакцию частей 1 и 2 статьи 396 УК Украины надо оставить в действующей редакции. Перечень лиц, которые не подлежат уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, законодатель Украины вполне обосновано в ч. 2 ст. 396 УК ограничил только членами семьи и близкими родственниками лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Как представляется, Общую часть уголовного законодательства Украины необходимо дополнить специальной правовой нормой, которая бы содержала признаки укрывательства преступления и изложить ее в следующей редакции: “Заранее не обещанное укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления, то есть сокрытие преступника, орудий, средств или следов преступления, имущества, добытого преступным путем. Лица, совершившие эти деяния, подлежат уголовной ответственности лишь в случаях, предусмотренных статьями 396 настоящего Кодекса”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раал Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э. Раал ; Тартуский государственный университет. – Тарту, 1956. – 20 с.
2. Омаров А. С. Ответственность за укрывательство притуплений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. С. Омаров. – М. : Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1954. – 15 с.
3. Семченков И. Проблемы квалификации укрывательства и приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем / И. Семченков // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 56–59.
4. Евдокимов П. К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Евдокимов. – Л. : Ленинградский юридический институт имени М. И. Калинина Министерства культуры СССР, 1953. – 16 с.
5. Волотова Е. О. Прикосновенность к преступлению : понятие, виды, ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Волотова Екатерина Олеговна ; Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. – М., 2011. – 28 с.
6. Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Пономаренко Елена Валерьевна. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2007. – 26 с.
7. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (рекомендательный законодательный акт) [Электронный ресурс] // Сайт : “Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ”. – Режим доступа к документу : <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=30&nid=1>. – Дата доступа : 10.02.2014.
8. Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зарубин Андрей Викторович ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень. – 2004. – 212 с.
9. Беницкий А.С. Кримінальна відповідальність за заздалегідь не обіцяне переховування злочинця / А.С. Беницкий // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ ім. Е.О. Дідоренка. – 2013. – № 3 (64). – С. 114–123
10. Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство / И. А. Бушуев. – М. : Юрид. лит., 1965. – 139 с.
11. Горелик А. С. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. – СПб. : Изд-во Р. Асланова “Юридический центр Пресс”, 2005. – 491 с.
12. Кримінальний кодекс України : науково-практичний коментар / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін. ; [за заг. ред. В. Т. Малярка, В. В. Сташиса, В. Я. Тація]. – [Вид. друге, перероблене та доповнене]. – Х. : ТОВ “Одіссей”, 2004. – 1152 с.
13. Уголовный кодекс Украины : научно-практический комментарий : [отв. ред. С. С. Яценко]. – [3-е изд., исправ. и дополн]. – К. : А.С.К., 2004. – 1088 с.
14. Архів Борзнянського районного суду Чернігівської області. Вирок від 20 липня 2010 р. по кримінальній справі № 1-65/10.
15. Беницкий А. С. Співвідношення приховування злочину із суміжними злочинами / А.С. Беницкий // Матеріали Інтернет-конференції “Політика в сфері боротьби зі злочинністю: актуальні проблеми сьогодення”. – Івано-Франківськ : Видавництво Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника, 2012. – С. 72–78.
16. Саади Я. М. Соотношение соучастия и прикосновенности к преступлению по уголовным кодексам Иордании и Украины // Вісник Одеського національного університету. Правознавство. – 2009. – № 1. – С. 64–70.
17. Эсенбаев Н. Б. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство по законодательству Кыргызской Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Эсенбаев Нурлан Бердибекович. – С-Пб., 2006. – 22 с.
18. Уголовный кодекс Украины : научно-практический комментарий : / Е. Н. Алиева, А. П. Бабий, Л. К. Гаврильченко и др. ; [отв. ред. Е. Л. Стрельцов]. – [Издание четвертое, перераб. и дополн]. – Х. : ООО “Одиссей”, 2007. – 872 с.
19. Семченков И. Проблемы квалификации укрывательства и приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем / И. Семченков // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 56–59.

CONCEALMENT OF A CRIME: THE PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

© 2014

A.S. Benitsky, Ph.D., associate professor, associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Eduard Didorenko Lugansk State University of Internal Affairs, Lugansk (Ukraine)

Annotation: The article defines social danger of previously not promised concealment of a crime. We have provided legal analysis of previously not promised: harboring a criminal, hiding weapons, drugs and traces of the crime and concealment of property obtained by crime. We have established the criteria by which it is possible to distinguish different species of previously not promised concealment of a crime under Ukrainian criminal legislation.

Keywords: implication in a crime, concealment of a crime, complicity in a crime, public danger.

ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СЕМЕЙНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

© 2014

В.А. Борченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье анализируются вопросы юридической ответственности в семейном праве. Описываются основания для применения к правонарушителю мер юридической ответственности.

Ключевые слова: семейные правонарушения, юридическая ответственность, противоправное поведение, гражданско-правовая ответственность, семейно-правовая ответственность.

Вопрос о правонарушениях в различных отраслях права настолько же спорен, как и вопрос о понятии юридической ответственности. В общей теории права состав правонарушения раскрывается по модели состава преступления. Тем не менее, она имеет и общеправовое, общетеоретическое значение, используется в различных отраслях права с учетом специфики конкретной отрасли [1].

Безусловно, что любое правонарушение нарушает устойчивость, стабильность общества, вредит личным и общественным интересам. Правонарушение препятствует достижению такого социального результата, к которому стремится каждое государство - правопорядку в общественных отношениях.

Основанием для применения к правонарушителю мер юридической ответственности в семейном праве является противоправное поведение или совершение им семейного правонарушения. Иначе говоря, состав правонарушения рассматривается в качестве юридического факта, который порождает охранительное правоотношение между правонарушителем и потерпевшим и создает определенные притязания потерпевшего и обязанности нарушителя по заглаживанию ущерба, причиненного противоправным действием [2].

Противоправное поведение может выражаться в виде противоправного действия или в виде противоправного бездействия. Действие члена семьи приобретает противоправный характер, если оно, либо прямо запрещено законом или иным правовым актом, либо противоречит закону или иному правовому акту, договору, односторонней сделке или иным основаниям. Для решения вопроса о противоправности действий члена семьи в соответствующих случаях привлекаются не только правовые нормы, обычаи делового оборота или иные обычно предъявляемые требования, но и иные социальные нормы, регулирующие данные отношения.

Бездействие лишь в том случае становится противоправным, если на лицо возложена юридическая обязанность действовать в соответствующей ситуации [3]. Обязанность действовать может вытекать из состояния родства, судебного решения, заключенного договора и др. Так, противоправным является бездействие усыновителя, на которого возложены родительские права, или поведение родителя, не обеспечивающего ребенка условий для достойного уровня жизни, поддержания здоровья, нормальному нравственному и духовному развитию, получения образования.

По мнению В.В. Меркулова, выделяется два критерия противоправного бездействия: правовой и физический. В соответствии с правовым критерием на лице лежит юридическая обязанность совершить определенные действия, то есть в силу закона или договора лицо «должно было действовать». В силу физического критерия лицо фактически имело возможность совершить необходимые действия, то есть «могло действовать» [4].

По мнению В.П. Грибанова, бездействие - это одна из форм поведения лица. «С юридической точки зрения бездействие будет признано противоправным тогда, когда лицо в силу закона или договора было

обязано совершить определенные действия, но от совершения их уклонилось либо не выполнило их надлежащим образом» [5].

Противоправное поведение, исходя из понятия, представляет собой такой вид поведения, которое противоречит праву, то есть предписаниям закона или иных правовых актов. Хотя в науке, Ю.Ф. Беспаловым высказано мнение о том, что «о неправомерном характере поведения свидетельствует поведение, нарушающее нормы гражданского и семейного законодательства, а правомерное поведение соответствует нормам гражданского и семейного законодательства [6]». Но вряд его можно поддержать, поскольку в области семейных отношений противоправность понимается намного шире, нежели в отношениях, регулируемых другими отраслями права. Так, противоправным может быть признано поведение, противоречащее другим социальным нормам, в частности, нормам морали и нравственности.

Ни одна правовая отрасль не находится в такой тесной связи с нормами нравственности, как семейное право, которое постоянно нуждается в «подпирании» своих норм и институтов нравственными понятиями и представлениями [7]. Учитывая, что семья выступает не столько объединением имущественных интересов, сколько неким духовным институтом, сочетающим такие понятия как любовь, уважение, поддержка, находящиеся за пределом правовых предписаний, но учитываемых законом, поэтому обоснованно, что норма права в отрасли основывается на нормах морали.

В отдельных случаях нарушение норм морали носит настолько серьезный характер, что семейное законодательство этим моральным правилам придает значение норм права, а аморальное поведение рассматривает как противоправное [8].

В частности, в Семейном кодексе подобное поведение закреплено под словосочетаниями «недостойное поведение», «уклонение от выполнения обязанностей родителей», «хронический алкоголизм или наркомания» и другие. Недостойное поведение может быть как противоправным, так может таковым и не являться. Оно может противоречить лишь сложившимся в обществе нормам поведения, морали, которые «чаще всего описывают должный, желаемый, одобряемый вариант поведения людей, некий его стандарт, образец [9]». Как отмечает Е.В. Поносов: «Выполняя такую функцию, они, однако, так или иначе, прямо или косвенно, очерчивают круг отклоняющегося, неодобряемого, порицаемого поведения. Существенно еще и то, что всякая социальная норма не просто информирует о добре или зле, хорошем или плохом, желаемом или не желаемом, но и содержит определенные предписания: разрешающие или запрещающие, управомочивающие или обязывающие [10]».

Суд может посчитать, что такое поведение оказывает тлетворное, разрушающее воздействие на личность ребенка. Аморальное поведение одного из родителей будет рассматриваться в качестве основания для отказа родителю общаться со своим ребенком, если такое общение не в интересах ребенка. В подобных случаях отказ от общения с ребенком выступает в виде меры ответственности за безнравственное,

противоправное поведение родителя [11].

Правонарушения в семейном праве возможны не только при нарушении норм семейного законодательства, но и при нарушении норм гражданского права, если они применяются при регулировании семейных отношений. Это объясняется тем, что, согласно ст. 4 и 5 СК РФ, при наличии специальных норм семейного права семейные отношения регулируются этими нормами, если их нет - применяются гражданско-правовые нормы или же используется аналогия закона или права.

Используя данное основание, некоторые исследователи отождествляют семейно-правовую и гражданско-правовую ответственность. Так, В.А. Кислухин утверждает, что семейно-правовая ответственность, несмотря на ее обладание определенной спецификой, идентична гражданско-правовой ответственности, является ее составной частью и представляет на основе семейно-правовых норм обязанность лица претерпеть лишение права или иные неблагоприятные последствия своего виновного противоправного поведения, направленного против членов своей семьи [12].

Но все же, семейно-правовая ответственность отличается от гражданско-правовой ответственности. Для гражданского права, которое имеет дело, прежде всего, с имущественными отношениями, характерна прежде всего юридическая ответственность, связанная с лишениями имущественного характера. В семейном же праве, которое регулирует преимущественно личные неимущественные отношения между членами семьи, семейно-правовая ответственность выражается чаще всего в лишениях личного характера, например лишение родительских прав. Кроме того, гражданско-правовая ответственность — это ответственность одного участника гражданского правоотношения перед другим участником того же правоотношения, ответственность правонарушителя перед потерпевшим. Поэтому под гражданско-правовой ответственностью понимается применение к правонарушителю таких мер, в результате которых у правонарушителя изымается и передается потерпевшему имущество, которое правонарушитель не утратил, если бы не совершил правонарушение [13].

В семейных отношениях приемные родители отвечают не перед контрагентом по договору о передаче ребенка на воспитание в приемную семью — органом опеки и попечительства, а перед обществом за ненадлежащее воспитание приемного ребенка. По мнению Н.Ф. Звенигородской, можно считать семейно-правовой ответственностью ответственность приемных родителей перед обществом за ненадлежащее воспитание приемного ребенка [14]. В данном случае, как и в случаях лишения родительских прав, отобрания ребенка, приемные родители несут ответственность перед обществом, и она выражена для них в лишениях личного характера — в устранении от воспитания ребенка. Обозначенные общие черты ответственности в рассмотренных ситуациях позволяют ее отличить от гражданско-правовой ответственности и определить ее как самостоятельный вид юридической ответственности — семейно-правовую ответственность, предусмотренную нормами семейного законодательства [15].

То есть, ответственность в семейных отношениях обладает специфическими, только ей присущими чертами. Она может быть предусмотрена соглашением сторон в случаях, предусмотренных в законе; может выражаться

в лишениях как имущественного, так и личного характера [16].

Таким образом, основанием семейно-правовой ответственности является семейное правонарушение, которое выражается в несоответствии поведения участника семейных отношений правовым, моральным, нравственным требованиям, условиям соглашения, административного или судебного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве//дисс. канд. юрид. наук. Рязань 2007.
2. Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики; Под ред. В.А. Рыбакова. М.: Издательская группа «Юрист», 2003.
3. Егоров Н.Д. Гражданское право: Учебник. Ч. 1. М.: Проспект, 1999.
4. Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений: Моногр. Рязань: РВИИ МВД РФ, 1994.
5. Грибанова Л. Австралийский опыт на российской почве // Иные родители, иная семья (формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей): Сб. М.: Агентство социальной информации, 2001 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.sos-tomilino.ru (Дата обращения 30.10.2014)
6. Беспалов Ю.Ф. Некоторые вопросы семейной дееспособности ребенка//<http://www.lawmix.ru/comm/1689> (Дата обращения 30.10.2014)
7. Рабец А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах и личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Семейное право. 2003. № 1.
8. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве//дисс. канд. юрид. наук. Рязань 2007.
9. Антонов А.П. Противоправное поведение как необходимое условие семейно-правовой (Дата обращения 30.10.2014)
10. Поносов Е.В. Противоправные (преступные) и недействительные сделки (или заблуждение о межотраслевом значении некоторых категорий гражданского права) / <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article159.html> (Дата обращения 30.10.2014)
11. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве//дисс. канд. юрид. наук. Рязань 2007.
12. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
13. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М., 2003.
14. Звенигородская Н.Ф. Понятие и характеристика ответственности по семейно-правовым договорам: общее и частное // Семейное и жилищное право. 2009. № 6.
15. Репетева О.Е. Семейные правонарушения и ответственность за их совершение. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 30.10.2014)
16. Шерстнева Н.С. Принципы семейного права. — М.: Проспект, 2004.

QUESTIONS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR FAMILY OFFENSES

© 2014

V.A. Borchenko, candidate of legal Sciences, docent of the chair of civil law disciplines
Samara law Institute of the Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)

Annotation: The article analyzes the issues of legal responsibility in family law. Describes the reasons for the application to the offender measures of legal liability.

Keywords: family offenses, legal liability, wrongful conduct, civil liability, family legal responsibility.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПОРЯДКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© 2014

С.И. Вершинина, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
«Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье исследуется понятие обязательности порядка судопроизводства и определяются ее содержание и пределы для участников процесса. В результате выявляется ряд закономерностей, раскрывающих соотношение между обязательностью уголовного судопроизводства и целями процессуальной деятельности. На основе выявленных закономерностей конструируется правовая модель организации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обязательность судопроизводства, порядок судопроизводства, процессуальные полномочия, процессуальные обязанности, процессуальные права, процессуальное принуждение.

В большинстве научных исследований, представленных в процессуальной науке, уголовное судопроизводство исследуется с позиции его эффективности и достаточности для обеспечения прав и интересов участников процесса. Между тем, учитывая публично-правовой характер уголовно-процессуальной деятельности не менее важен и другой его аспект – обязательность установленного порядка судопроизводства; гарантированность исполнения законных требований и указаний должностных лиц, осуществляющих производство по делу; обеспечение необходимого, должного поведения участников. Правовую основу такого понимания составляют положения, закрепленные в ч.2 ст.1 УПК РФ, об обязательности установленного порядка судопроизводства, в ч.1 и 2 ст.21 УПК об обязательности (обязанности) осуществления уголовного преследования, а также в ч.4 ст.21 УПК РФ об обязательности требований, поручений и запросов органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Учитывая, что во всех обозначенных случаях речь идет об обязательности уголовного судопроизводства, считаем необходимым обратиться к данной проблематике и установить предмет и пределы обязательности для различных участников судопроизводства.

В науке уголовного процесса, как правило, порядок уголовного судопроизводства связывают с процессуальной формой, отождествляя эти категории [1], либо рассматривая их как часть и целое [2]. Не вдаваясь в полемику относительно соотношения данных категорий, возьмем за основу следующее определение процессуального порядка – это урегулированная уголовно-процессуальным законодательством совокупность процессуальных действий (решений), совершаемых в определенной последовательности должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, в рамках процессуальных правоотношений с иными участниками судопроизводства, вступающими в уголовный процесс для реализации процессуальных прав, либо исполнения процессуальных обязанностей. Для определения предмета и пределов обязательности порядка судопроизводства необходимо иметь в виду, что: 1) порядок судопроизводства определяет последовательность совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, а его соблюдение связано с реализацией участниками своих процессуальных полномочий, использования прав и исполнения обязанностей; 2) в содержательном аспекте порядок судопроизводства предстает как совокупность последовательно сменяющихся процессуальных отношений, возникающих в связи с реализацией процессуальных полномочий, прав и обязанностей в строгом соответствии с нормами права.

Следовательно, порядок судопроизводства можно представить как установленную законом последовательность (очередность) реализации участниками процессуальных полномочий, прав и обязанностей. В связи с этим возникает вопрос: насколько обязательно использование участниками своих полномочий в части реализации процессуальных прав (правомочий)? Очевидно,

что в этом случае обязательность не приемлема: каждый участник, в том числе и должностные лица, действующие в рамках правомочий, используют предоставленные им возможности по своему усмотрению. Следовательно, обязательность установленного порядка уголовного судопроизводства не может пониматься широко и охватывать правовой статус участников в целом. Как средство обеспечения надлежащего поведения участников и гарантии осуществления судопроизводства, обязательность порядка может быть связана только с их процессуальными обязанностями. Однако характер возложенных на участников процессуальных обязанностей не одинаков и различается с учетом их правовой природы: должностные лица и органы, действующие в публичных интересах, исполняют свои обязанности в рамках государственно-властных полномочий на основе принципа презумпции заинтересованности чиновника в делах государства; участники, преследующие личные интересы – посредством осуществления правовых действий, идущих, как правило, вразрез с собственными интересами. Соответственно не одинакова и степень процессуально-обеспечения обязанностей: полномочия должностных лиц, действующих от имени государства, не нуждаются в механизме принудительного обеспечения; обязанности же иных участников должны быть обеспечены всеми видами процессуального принуждения (превенция, пресечение и наказание).

Определяя порядок производства по уголовному делу законодатель должен исходить из общего назначения уголовного судопроизводства, и ориентироваться на закрепленные в Конституции РФ обязанности государства, реализуемые в этой сфере. С одной стороны государство обязано осуществлять уголовное преследование виновных лиц и обеспечивать защиту публичных интересов; а с другой – защищать конституционные права и свободы участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство. В основе такого подхода лежит публично-правовой характер судопроизводства, опосредованный назначением государства обеспечивать законность, правопорядок и общественную безопасность (ст.72 Конституции РФ) и непосредственно связанный с государственной обязанностью по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Специфичность и уникальность государства в качестве субъекта права предопределила создание специальных органов, действующих от его имени и в его интересах в сфере осуществления «уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания» (ч.2 ст.6 УПК РФ). Возлагая на эти органы обязанность по осуществлению уголовного судопроизводства, государство наделило их соответствующими полномочиями по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, и определило правоохранительные цели и назначение этой деятельности. Соответственно, органы и должностные лица, представляющие в процессуальных отношениях государство, и действующие от его имени наделяются не столько процессуальными обязанностями следовать установленному порядку, сколько

государственно-властными полномочиями на осуществление этого порядка. Что в свою очередь предполагает наличие у данных субъектов правовых знаний и профессиональных навыков в сфере уголовного судопроизводства. Все остальные участники находятся по отношению к должностному лицу в подчиненном положении и, следовательно, вынуждены исполнять обращенные к ним требования. В связи с этим очевидно наличие в законодательстве правовых положений, закрепляющих: обязанности должностных лиц исполнять правовые нормы; обязательность решений и указаний должностных лиц для остальных участников; и возложение процессуальных обязанностей на участников, вступающих в правоотношения с должностными лицами. Указанный вид отношений можно выразить формулой: *полномочие (правомочие) должностного лица ↔ процессуальная обязанность участника*.

С другой стороны, в современной России, ориентированной на построение правового государства, публичная природа уголовного судопроизводства корректируется конституционной обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст.2 Конституции РФ). В связи с этим возникает еще одна цель в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений – защита конституционных прав и свобод человека, и формируется комплекс прав участников судопроизводства и полномочий должностных лиц, обеспечивающий достижение обозначенной цели. Как следствие в системе публичных процессуальных отношений, устанавливается баланс между процессуальными обязанностями участников судопроизводства, используемыми для обеспечения защиты интересов общества, с одной стороны, и процессуальными правами участников, направленными на защиту собственных общегражданских интересов, с другой. Вместе с тем предоставление участникам процессуальных прав предполагает возложение на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, обязанностей по созданию условий для реализации участниками прав, гарантированных Конституцией РФ. В связи с этим возникает второй вид процессуальных отношений, имеющий правозащитный характер, который можно выразить формулой: *полномочие (обязанность) должностного лица ↔ процессуальное право участника*.

Существование обоих видов процессуальных правоотношений – правоохранительных и правозащитных, непосредственно связано с реализацией государственно-властных полномочий, что на наш взгляд, предопределяет главенствующее, приоритетное положение органов и должностных лиц государства в системе участников уголовного судопроизводства. Указанный фактор, к сожалению, не отразился в российском уголовно-процессуальном законодательстве, ориентированном на классификацию участников судопроизводства по функциональным различиям. Между тем от действий и решений должностных лиц зависит реализация уголовно-процессуальных норм, возникновение или прекращение процессуальных отношений; они обеспечивают «движение» уголовного дела и несут ответственность за законность и обоснованность принятых решений. Все остальные участники «вводятся» в процессуальные отношения постольку, поскольку это необходимо для реализации полномочий государственно-властных субъектов по расследованию и разрешению уголовных дел. В этой связи считаем целесообразным на уровне закона классифицировать субъектов уголовно-процессуальных отношений на две группы, по каждой из которых установить объем и пределы обязательности участия в судопроизводстве. Если для органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу обязательность уголовного судопроизводства должна рассматриваться, как их обязанность следовать установленному в законодательстве процессуальному порядку, то для участников, не обладающих государственно-властными полномочиями,

обязательность судопроизводства не может быть связана с исполнением норм законодательства. Во-первых, возложение на должностное лицо полномочий по осуществлению процессуального порядка, посредством исполнения норм права, исключает аналогичную функцию у остальных участников. В противном случае возникнет конкуренция и дублирование полномочий, что неизбежно приведет к разрушению всей системы производства. Во-вторых, не имея специальной правовой подготовки, участники, вовлекаемые должностным лицом в уголовный процесс, не знакомы с процессуальным законодательством, и не могут обязываться к его строгому исполнению в порядке установленном УПК РФ. Согласно ч.5 ст.164 УПК РФ, вовлеченные участники получают необходимую информацию о порядке и правилах осуществления следственных действий, и о наличии у них процессуальных прав, обязанностей и ответственности от должностных лиц, осуществляющих производство по делу. При этом ознакомление участников с порядком судопроизводства осуществляется должностными лицами фрагментарно, в части отдельных следственных и процессуальных действий, в которых они участвуют, и лишь в целях создания условий для использования ими своих прав и исполнения процессуальных обязанностей. Исключая обязательность в части реализации процессуальных прав, очевидно, что исполнение процессуальных обязанностей участников в отношениях с должностными лицами, должно быть обеспечено в объеме, необходимом для эффективного исполнения должностными лицами, ведущими производство по делу, своих процессуальных полномочий.

Соответственно предмет и пределы обязательности в уголовном судопроизводстве можно показать следующим образом (Рисунок 1):

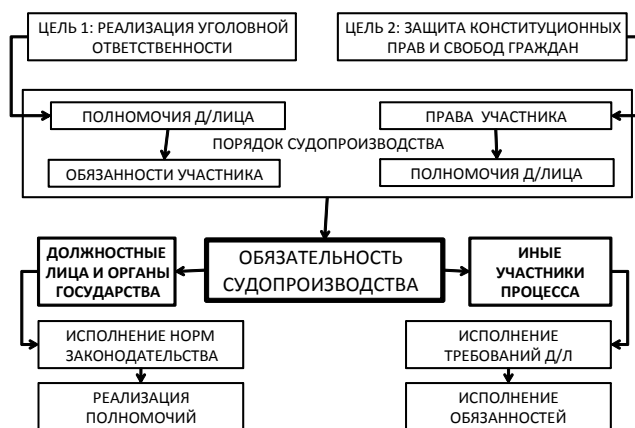

Рисунок 1. Предмет и пределы обязательности уголовного судопроизводства

Таким образом, обязательность уголовного судопроизводства, отмеченная в положениях УПК РФ, должна быть направлена на обеспечение, с одной стороны, полномочий государственно-властных субъектов по осуществлению судопроизводства в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, с другой – на обязанности участников, вовлеченных в уголовный процесс, исполнять обращенные к ним требования и поручения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

В таком соотношении проявляется связь между элементами, обеспечивающими обязательность установленного законом порядка уголовного судопроизводства, выраженная в следующем:

1) Возложение на должностных лиц полномочий по осуществлению производства по уголовному делу предполагает одновременное закрепление обязательности

решений и указаний этих должностных лиц для других участников.

2) Обязательность решений должностных лиц обеспечивается закреплением процессуальных обязанностей участников судопроизводства.

3) Обязательность исполнения процессуальных обязанностей участниками гарантируется механизмом их принудительного исполнения.

4) Наличие механизма принудительного исполнения обеспечивает реализацию полномочий должностных лиц.

5) Полномочия должностных лиц в уголовном процессе корректируются конституционными правами и свободами человека

6) Конституционные права и свободы человека опосредуют содержание процессуальных прав участников.

7) Процессуальные права участников предполагают обязательность их соблюдения должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу.

8) Обязательность исполнения полномочий гарантируется установленным в законе порядком судопроизводства.

К сожалению, в действующем российском законодательстве отмеченные закономерности не учитываются в полной мере. Закрепляя в ст.21 УПК РФ полномочия органов расследования и прокурора по осуществлению уголовного преследования и закрепляя обязательность их требований для физических и юридических лиц, законодатель не уделяет должного внимания процессуальным обязанностям участников судопроизводства. В связи с чем создается иллюзия отсутствия обязанностей в процессуальных статусах таких участников как обвиняемый (подозреваемый) и формируется искаженное представление об уголовном судопроизводстве как сфере возможного, а не должного поведения. Учитывая, что эффективное достижение целей уголовного судопроизводства предполагает подчинение всех субъектов единой воле, одному порядку, наличие у участников процессуальных обязанностей в этом случае неизбежно.

Следовательно, если уголовный процесс рассматривать как форму реализации уголовной ответственности (правоохранительный аспект), процессуальным полномочиям должностных лиц должны корреспондировать процессуальные обязанности участников. Если же уголовный процесс исследовать как форму защиты прав и свобод участников (правозащитный аспект процессуальной деятельности), то процессуальным полномочиям должностных лиц корреспондируют процессуальные права участников.

На основе отмеченных закономерностей, раскрывающих внутрисистемные связи, можно сконструировать правовую модель организации уголовного судопроизводства, ориентированную на качественное и эффективное осуществление процессуальных полномочий должностными лицами, с учетом целей и назначения российского уголовного процесса (Рисунок 2).

Основой, сердцевиной этой модели являются процессуальные полномочия должностных лиц, состоящие из двух частей:

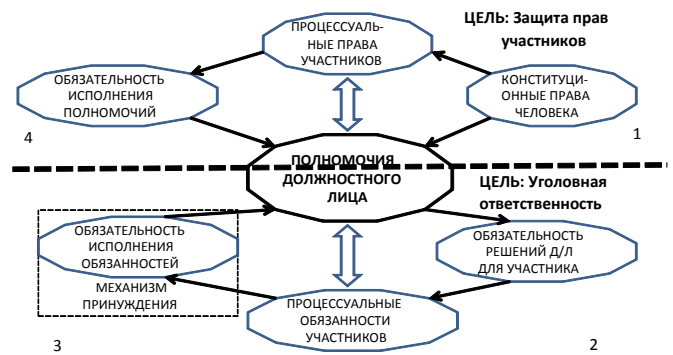

Рисунок 2. Правовая модель организации уголовного судопроизводства

1) процессуальные обязанности должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека, располагающиеся в верхней части рисунка и обеспечивающие правозащитную составляющую уголовного процесса; 2) процессуальные правомочия должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства обеспечивать правопорядок и безопасность в обществе, располагающиеся в нижней части рисунка, обеспечивающие правоохранительную составляющую уголовного процесса. Существовая в рамках единого правового статуса, процессуальные правомочия и обязанности должностных лиц реализуются в указанных выше видах правоотношений, характер и содержание которых опосредованы рядом факторов: целями правового регулирования; правовым статусом второго участника; содержанием процессуальных прав (правомочий) или обязанностей других участников; предметом и пределами обязательности судопроизводства.

Использование в правовом регулировании процессуальных обязанностей, определение меры должного, необходимого поведения для достижения целей судопроизводства, ставит перед законодателем задачу обеспечения надлежащего поведения участников, создания гарантированного механизма исполнения процессуальных обязанностей независимо от воли и желания исполнителей. Для решения этой задачи не достаточно закрепления установленного порядка и обязательности указаний должностных лиц. Необходимо чтобы исполнение каждой обязанности обеспечивалось адекватными мерами, а ее неисполнение вызывало негативные последствия для нарушителя. Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве прочных связей между обязанностью и средством ее обеспечения, нивелирует обязательность государственно-властных предписаний и ставит под угрозу достижение целей уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж: Изд-во Воронеж. унив-та, 1980. 252 с.
2. Якуб М.П. Процессуальная форма. – Москва, 1988.

BOUND BY ORDER OF LEGAL PROCEEDINGS AS A GUARANTEE OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES

© 2014

S.I. Vershinina, candidate of legal Sciences, associate Professor, head of the Department of criminal process and criminalistics

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article explores the limits of the obligation of the established order of legal proceedings for the various participants in the process. Identifies common patterns in the ratio of compulsory order, the procedural powers of the officials, the rights and obligations of the other participants. Constructed model of the proceedings.

Keywords: bound by the proceedings, the procedure of legal proceedings, the procedural powers, procedural duties, coercion.

УДК 321.01

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Р.Ф. Гарипов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Аннотация: Происходящие серьезные преобразования в современной политической системе предопределяют усложнение субъективных условий ответственности. Это вызывает необходимость исследования общих и специфических свойств субъектов правовых и политических отношений в призме их способности к несению ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, политическая ответственность, субъект права, акторы публичной политики, деликтоспособность.

Социальная ответственность в современности постепенно утрачивает свою инвариантность в связи с увеличением числа субъектов, на которых она распространяется. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в юридической и политической ответственности. Прежде всего, это связано с расширением сфер общественной жизни, ослаблением границ правового и политического вмешательства в различные социальные связи, усложнением механизма их регулирования. В результате представления об ответственности как особом типе отношений актуализируются качественно новым форматом, в котором центральное место занимают не ответные негативные последствия на нарушение, а субъективные условия их наступления.

Понимание ответственности в качестве отношения, которое возникает в результате нарушения социальных норм, развивалось на протяжении XX века неравномерно. Первоначально исследователи отмечали процессуальную сторону вопроса, стремились придать юридической ответственности исключительно формальный характер [1, с. 163; 2, с. 159]. В противовес такому подходу политическая ответственность долгое время рассматривалась вне определенных рамок, т.е. носила ситуативный характер, индивидуализируясь к каждому конкретному субъекту [3, с. 22, 97].

Впоследствии, по мере усложнения законодательства и развития юридической практики, условия наступления ответственности в отдельных видах правоотношений стали зависеть от ряда фактических обстоятельств, большинство из которых имели субъективную основу [4, с. 237; 5]. Ученые пришли к выводу, что соблюдение лишь формально-юридических требований в процессе привлечения виновного лица к определенному виду ответственности недостаточно, если отсутствует реальная возможность применения к нему мер негативного характера [6, с. 172; 7]. Исходя из этого, субъективные критерии юридической ответственности стали приобретать схожие черты с аналогичными условиями политической ответственности. Напротив, использование мер политической ответственности постепенно сводилось к формализации данного процесса с целью исключения злоупотреблений, приводящих к давлению на участника политических отношений [8].

Таким образом, в современном виде юридическая и политическая ответственность максимально приближены друг к другу в части субъективных признаков, что позволяет проанализировать их в теоретическом ключе и выявить общие положения. Вместе с тем, очевидно, что в смысловом плане субъекты правоотношений не совпадают с участниками политических процессов в силу целого спектра обстоятельств. Поэтому представляется целесообразным провести их сравнительную характеристику и с учетом последних тенденций определить особенности.

Субъект юридической ответственности в литературе воспринимается в трех основных смыслах:

1) общеправовом, как участник правоотношения,

возникающего по поводу совершенного правонарушения, в результате которого один субъект обязан претерпеть неблагоприятные последствия своего поведения, а другой – реализовать их в отношении нарушителя [9];

2) отраслевом, как субъект права, потенциально наделенный со стороны закона обязанностью претерпеть определенные меры ответственности за нарушение порядка в отдельном виде отношений [10];

3) специальном, как лицо, претерпевающее меры ответственности в силу юридических и фактических условий [11].

Указанные подходы, на мой взгляд, в полной мере применимы к субъектам политической ответственности. В частности, в общем представлении любой участник политических отношений наделен изначально риском наступления неблагоприятных последствий в результате нарушения им политических норм. Одновременно с этим, по причине отсутствия единого формального признака мер политической ответственности, её наступление полностью зависит от лица, противопоставленного нарушителю. Как правило, данная фигура должна обладать совокупностью свойств, позволяющих ей при помощи властных ресурсов воплотить санкции политического характера. Вместе с тем, в рамках юридической ответственности также за частую прослеживается признак власти, необходимый для реализации предусмотренных законом неблагоприятных мер к правонарушителю.

Использование политической ответственности как инструмента поддержания порядка в определенном виде отношений можно рассматривать как постулат существования особой категории субъективных обязанностей. В свою очередь, они гармонично сочетаются с механизмом политического регулирования. Особенностью такого восприятия является возможность определения субъекта ответственности заранее, на формальном уровне, что позволяет говорить о типологизации участников политических отношений.

Совокупность признаков, образующих свойство субъекта права к самостоятельному несению юридической ответственности, вкладывается в понятие деликтоспособности как элемента правосубъектности. Однако в политической науке вопросы субъективных способностей к участию в тех или иных отношениях исследованы слабо и в большей степени завязаны на институциональной основе. В то же время именно подобным образом развивались ранние правовые учения о субъектах юридической ответственности.

Любая институциональная модель отношений, в том числе в области политической ответственности, зависит от фактического состояния рассматриваемого явления и его оценки со стороны научного сообщества, при этом элементы данных отношений должны иметь статичный характер. Затрагивая случаи возникновения политической ответственности в современности, можно с уверенностью утверждать, что процесс по формированию представлений об её субъективных условиях продолжается. С этой позиции целесообразно

рассматривать субъектов ответственности в специальном порядке, выделяя отдельные направления политической деятельности с определенным набором участников и условий развития отношений между ними.

Например, наиболее статичной в данном смысле выступает ответственность в государственной политике, когда субъективная способность, как правило, определена изначально. При этом на протяжении всего процесса формирования и осуществления определенного политического направления его участники могут быть подвержены различным мерам негативного характера, в том числе закрепленным в нормах права. В силу данной особенности первостепенная роль в установлении оснований и субъективных условий политической ответственности отводится формам государственной политики, в качестве которых могут выступать как нормативные правовые акты, так и акты ненормативного характера (стратегические и программные документы).

По моему мнению, в случае использования нормативного варианта следует вести речь о субъектах юридической ответственности. В частности, как инструмент правового регулирования необходимо рассматривать закрепление в законе возможных негативных последствий за нарушение порядка осуществления политической деятельности либо наиболее часто встречающаяся в отечественном законодательстве отсылка к иным нормативным актам по вопросам применения ответственности, несмотря на политический оттенок самих отношений, охраняемых подобным образом со стороны государства.

Напротив, отсутствие формальной закреплённости мер ответственности в ненормативных актах с возможностью их фактического использования в регулируемых отношениях следует рассматривать в качестве проявления политической ответственности [12]. Примечательно, что в таких случаях субъекты могут быть определены изначально в силу их вовлеченности в политические процессы [13].

Однако государственная политика далеко не всегда позволяет исчерпывающим образом установить весь круг участников, фактически задействованных в соответствующие отношения. Необходимо отметить, что, в отличие от критериев наступления юридической ответственности, в политической сфере допускается аналогия норм и условий к субъектам разного уровня. Исходя из этого, следует констатировать, что к юридической ответственности можно привлечь только лицо, чья способность к участию в данном рода правоотношениях изначально закреплена в законодательном порядке. Политическая ответственность может наступать как у субъекта, формального определенного участниками отношений (как правило, государством), так и у лица, фактически участвующего в политической системе.

Таким образом, определяющим фактором в установлении субъектов юридической ответственности является наличие деликтоспособности, которая, в свою очередь имеет строго правовую форму. Применительно к субъектам политической ответственности такую категорию выделить довольно сложно, поскольку политические нормы зачастую не содержат четких критериев субъектного состава регламентируемых ими отношений.

Вместе с тем, отсутствие формального закрепления способности субъектов к несению политической ответственности не означает, что её нельзя определить по другим критериям. К числу таковых, в частности, следует отнести способность субъекта к реальному участию в политическом процессе, способность к обладанию властью, наличие определенного имущественного и политического статуса для исполнения мер негативного характера. В связи с этим необходимо отметить, что в рамках деликтоспособности одного лишь законодательного признания субъективного свойства к

несению юридической ответственности недостаточно для решения вопроса о реализации возможных негативных мер. По данной причине деликтоспособность следует рассматривать в совокупности формальных и фактических возможностей субъекта, непосредственно определяющих его статус в отношениях, на охрану которых направлены те или иные виды ответственности.

Выдвижение на первый план вопроса о реализуемости мер политической ответственности, по моему мнению, оправдывает её назначение. В условиях формальной неопределённости политических санкций, их ситуативного характера, субъективного подхода к их применению именно способность (состояние) нарушителя становится решающим фактором. В частности, фактическое отсутствие негативного влияния на субъекта потенциальных мер ответственности будет означать отсутствие самой политической ответственности. Аналогичным образом следует вести речь и о субъекте, который должен применить к нарушителю санкции, добиться их отрицательного эффекта. В рамках юридической ответственности подобная взаимосвязь между субъектами возникших правоотношений в большинстве случаев отсутствует, что подтверждает тезис об их одностороннем характере.

Политическая ответственность в данном аспекте имеет несколько вариантов:

1) вертикальный, тождественный механизму наложения мер юридической ответственности в одностороннем порядке с учетом формальных и фактических условий;

2) горизонтальный, при взаимодействии обеих сторон отношений, возникших в результате политического нарушения;

3) смешанный, предусматривающий разный объем соотношения интересов сторон при решении вопроса о политических санкциях.

Таким образом, субъект политической ответственности характеризуется целым комплексом индивидуализирующих признаков на фоне внешне схожих субъективных условий привлечения к юридической ответственности. Прежде всего, его статус формируется независимо от формального признания государством или иным субъектом власти вследствие объективных обстоятельств, непосредственно влияющих на конструкцию охраняемых политической ответственностью отношений. По этой причине в качестве нарушителей политических норм могут выступать как субъекты права, так и иные лица, которые в юридическом плане не обладают правосубъектностью. Кроме того, среди субъектов политической ответственности могут оказаться лица, признаваемые со стороны закона субъектами определенных правоотношений, но не наделенные деликтоспособностью, что исключает применение к ним мер юридической ответственности. Однако в качестве общего признака субъектов политической и юридической ответственности следует выделять их фактическую возможность к реализации потенциальных мер негативного характера, поскольку в противном случае нивелируются цели, задачи и принципы всего института социальной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. - М., 1975. - 180 с.
2. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. - Рязань: РВИШ МВД СССР, 1976. - 205 с.
3. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (Социологический и юридический аспекты). - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. - 142 с.
4. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 240 с.
5. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. -

Красноярск: Красноярский университет, 1985. – 120 с.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 385 с.
7. Хачатуров Р.Л. Ответственность, безответственность, преступность // Право и политика. - 2006. - № 1. - С. 12-16/
8. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис (Политические исследования). - 2013. - № 4. - С. 62-74.
9. Ковалев В.А. К вопросу о правонарушении как основании юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. - 2010. - № 3. - С. 27-36.
10. Липинский Д.А. Регулятивная функция

конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. - 2003. - № 4. - С. 21-24.
11. Гарипов Р.Ф. Классификация деликтоспособности // Учёные записки Российской Академии предпринимательства. – М. – 2009. – № 20. – С. 129-136.
12. Гарипов Р.Ф., Зазнаев О.И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 50-53.
13. Зазнаев О.И. Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 2. С. 7-27.

CONCEPT OF THE SUBJECT OF THE LEGAL AND POLITICAL RESPONSIBILITY

© 2014

R.F. Garipov, candidate of jurisprudence, the senior teacher of faculty of political science
Kazan Federal university, Kazan (Russia)

Annotation: Scale transformations to modern political system complicate subjective conditions of the responsibility. Therefore it is necessary to investigate the common and specific properties of subjects of legal and political relations in a prism of their ability to the responsibility.

Keywords: the legal responsibility, the political responsibility, the subject of the law, actors of a public policy, ability to the responsibility.

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ВОИНСКОЙ И ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА

© 2014

А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной публикации анализируются причины ужесточения мер юридической ответственности за нарушение воинской и трудовой дисциплины в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: государство, трудовая дисциплина, юридическая ответственность, закон, преступление, устав, труд, война, граждане, военнослужащие.

Несмотря на многочисленные исследования прошедших десятилетий, до сих пор не завершён полный, всесторонний анализ состояния советского законодательства последних предвоенных лет. К его оценке требуется подходить без излишних эмоций, ангажированности и политических спекуляций, в обязательном порядке учитывая международную обстановку и внутренние условия, в которых находилась наша страна.

Во многом именно они прямо диктовали необходимость введения жестких правовых мер, направленных на повышение уровня дисциплины во всех сферах социальной жизни, поскольку иного пути в то время просто не существовало.

Версальский мирный договор, завершивший мировую войну 1914-18 гг., кабальные ограничения, возложенные победителями на поверженную Германию, мировой экономической кризис, обострение социальных противоречий в западных странах, и, безусловно, возникновение первого в мире социалистического государства способствовали резкому усилению напряженности.

Приход 30 января 1933 года к власти А. Гитлера и его намерения не только восстановить положение Германии, как ведущей европейской державы, но и расширить «жизненное пространство» немецкой нации за счет покоренных народов еще более усилили опасность нового военного противостояния.

Первыми шагами нацистов по практическому осуществлению означенных идей явились последовательно проведенные действия в 1935-38 гг.: принятие закона о введении всеобщей воинской повинности, возвращение Саарского угольного бассейна,

милитаризация Рейнской области, присоединение (аншлюс) Австрии.

Затем, под предлогом защиты прав немецкого меньшинства гитлеровцы потребовали от Чехословакии возвращения Судетской области и других районов, ранее входивших в состав Германской империи. 30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств и министров иностранных дел Германии, Италии, Франции, Великобритании. На ней были удовлетворены указанные нацистские претензии. Чехословацкое правительство, не допущенное к участию в дебатах, безоговорочно выполнило все условия. В итоге страна лишилась 20% собственной территории, четверти населения и утратила почти половину предприятий тяжелой промышленности.

После возвращения из Мюнхена премьер-министры Великобритании и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладье довели до сведения своих зарубежных посольств информацию о том, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток».

В августе 1939 г. СССР в очередной раз предложил Великобритании и Франции подписать военный договор, предусматривающий совместные действия в случае агрессии со стороны Германии, но их правительства сорвали попытки создания единого антифашистского блока в Европе. Ослепленные ненавистью к СССР они делали все для того, чтобы германская армия двинулась только в восточном направлении. «Западные демократии» отказывались от рассмотрения любых программ по созданию системы коллективной безопасности.

В создавшихся условиях Советскому Союзу

ничего не оставалось, как согласиться с предложением Германии по заключению мирного соглашения. Соответствующие переговоры проходили в Москве и завершились 23 августа 1939 г. подписанием Пакта о ненападении сроком на 10 лет. Одновременно был принят дополнительный секретный протокол (обычный элемент дипломатической практики) о разграничении сфер влияния в отношении ряда соседних государств. Литва, Латвия, Эстония и Финляндия вошли в орбиту интересов СССР.

По этому поводу в различных публикациях последних лет предвоенная международная политика СССР расценивалась крайне предвзято и необъективно. Руководство страны и лично И.В. Сталина безосновательно обвиняют в предательстве «западных демократий», в расколе антифашистских движений, в сговоре с Гитлером, в стремлении к дальнейшему переделу мира и пр.

Между тем, подготовка вооруженных сил Германии к агрессии велась интенсивными темпами по четырехлетнему плану, принятому в сентябре 1936 г. В промышленности активно внедрялись новейшие изобретения, современные технологии и научные разработки. Уже в 1940 г. прирост производства военной продукции по сравнению с 1939 г. составил почти 54%. В 1941 г. к выполнению германских военных заказов также было привлечено около 5 тысяч предприятий побежденных государств. Ускоренно осваивались месторождения полезных ископаемых на собственной и оккупированной территориях.

К началу вторжения в СССР экономика Германии целиком перешла на военные рельсы. Ее промышленный потенциал превосходил советский: по численности станочного парка – в 2,5 раза, по количеству работников, занятых в машиностроении – почти в 1,5 раза. Материальное обеспечение германской армии также поддерживалось за счет трофейного имущества. В его число к началу 1941 г. входили вооружение, боеприпасы, транспортные средства и иное снаряжение 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий.

Большую роль для немецкой военной экономики имели поставки необходимых ресурсов ее союзниками: Румыния (нефть), Венгрия (нефть и бокситы), Финляндия (лес). Сырье поставляла нейтральная Швеция (сталь, железная руда, целлюлоза) и формально нейтральные страны - Испания, Португалия (вольфрам). Сельскохозяйственная продукция прибывала из Болгарии, Турции, Ирана. Третьему рейху удалось создать крупные запасы необходимых стратегических материалов.

В свою очередь, в основе немецкой военной стратегии лежали идеи блицкрига и тотальной войны, предполагающих уничтожение вооруженных сил противника поочередно, в ходе стремительного наступления. Особо важную роль отводилась первому массированному удару танковыми и механизированными подразделениями, поддерживаемыми штурмовой и бомбардировочной авиацией. Это позволяло сразу разрушить систему обороны врага, дезорганизовать государственное, армейское и гражданское управление.

Наиболее качественно указанная доктрина получила реализацию во время боевых действий вермахта против Польши и в ходе победоносной кампании на западном фронте: при разгроме Бельгии, Франции, захвате Голландии, Дании, Норвегии и на Балканском полуострове.

1 сентября 1939 г. нападением германских войск на Польшу началась вто-рая мировая война, на что СССР, руководствуясь положениями Пакта о ненападении, отреагировал самым решительным образом. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии перешли польско-советскую границу и присоединили ранее утраченные западные области Украины и Белоруссии. Летом 1940

г. в состав Молдавии возвратилась Бессарабия из под румынской оккупации. В общем итоге, Советский Союз получил территорию в 300 тыс. кв. км. с населением почти 20 млн. человек.

Внутри страны реакция советского государства на текущие события выразилась принятием 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской обязанности. Впервые за послереволюционные годы в ст. 3 говорилось: все мужчины – граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать военную службу в составе вооруженных сил СССР [1].

Нормативные положения четко формулировали процедуры комплектования Красной Армии в мирное и военное время, права и обязанности военнослужащих; закреплялась шкала воинских званий и порядок учета военнообязанных; правила, регламентирующие начальную и допризывную военную подготовку молодежи и пенсионное обеспечение отставных военных.

В Законе особое внимание уделялось вопросам состояния армейского правопорядка. Так, в п. 1 ст. 57 констатировалось, что за дисциплинарные проступки, а также за материальный ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей неправильными действиями, военнослужащие и призванные на учебные сборы военнообязанные несут ответственность по воинскому дисциплинарному уставу.

В свою очередь, в п. 2 говорилось, что за преступления, направленные против установленного порядка несения воинской службы, военнослужащие, а также призванные на учебные сборы военнообязанные, несут ответственность, согласно положения о воинских преступлениях. Последнее указание отсылает к тексту главы IX «Преступления воинские» УК РСФСР 1926 г., закреплявшей перечень соответствующих противоправных деяний и мер ответственности за их совершение.

Затем приказом наркома обороны СССР № 356 от 12 октября 1940 г. утверждается Дисциплинарный устав Красной Армии, где в п. 1 подчеркивалось: советская воинская дисциплина есть знание и строгое соблюдение установленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского Правительства и на воинских уставах, регламентирующих жизнь, быт и боевую деятельность войск.

Уставные нормы требовали от подчиненных беспрекословного повиновения своим командирам и начальникам, поскольку их приказы являлись законом и должны были выполняться безоговорочно, точно и в срок. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка, командирам предоставлялось право принятия всех мер принуждения, вплоть до применения силы и оружия. Невыполнение приказа считалось преступлением и каралось судом военного трибунала.

До этого момента у нас фактически отсутствовала регулярная армия, ибо в силу принципов военной реформы 1924-1925 гг. ее основной контингент состоял из территориальных формирований, куда резервисты призывались на короткий срок и не получали должной подготовки.

Дисциплина среди таких военнослужащих находилась на крайне низком уровне. «Грубейшие нарушения военных уставов (например, неподчинение командиру или уход с поста) были распространенным явлением. И это только вершина айсберга. Об этом как-то не принято говорить, но в Красной Армии, как и на производстве, проводились социалистические соревнования. Подразделения соревновались между собой, ...кто реже будет пререкаться с командирами по любому поводу», - пишут К. Дегтярев и А. Колпакиди [2, с. 56].

Однако, принятие лишь указанных актов не могло за короткий срок кардинально изменить обстановку в вооруженных силах, ибо всевозможный негатив копился десятилетиями. В определенной мере, это вскрыла разразившаяся 30 ноября 1939 г. и продолжавшаяся до середины марта 1940 г. советско-финская или как ее называли на Западе «зимняя» война.

Огромные безвозвратные людские и материальные потери, понесенные на-шей армией, избавили руководство СССР от излишней эйфории и наглядно продемонстрировали наличие самых различных проблем во всех областях, касающихся обороны страны.

Примером бездарных действий командования и утраты управления явились окружение и последующий разгром маневренными финскими отрядами советских 163-й, 44-й, 18-й стрелковых дивизий и других отдельных частей. В 18-й дивизии, первоначально насчитывавшей более 15 тыс. человек, в живых осталось около 1300 военнослужащих.

В этом плане весьма красноречивы и те сведения, которые приводит Б. Соколов: «за весь период войны в качестве трофеев финны захватили 40500 винтовок, 3900 ручных пулеметов, 200 автоматов, 900 станковых пулеметов, 138 полевых и 125 противотанковых орудий, 131 танк, 9 бронемашин, 329 грузовиков и 25 самолетов» [3, с. 350].

Для подведения итогов противостояния с далеко не самой сильной европейской державой была создана правительственная комиссия под руководством А.А. Жданова, В.М. Молотова и Н.А. Вознесенского. Она провела глубокий и тщательный анализ общей обстановки в вооруженных силах, уровня служебной, исполнительской и воинской дисциплины, и сформулировала неутешительные выводы. Красная Армия и ее командный состав (высший, средний, младший) в теоретическом отношении оценивался удовлетворительно, но его практическая подготовка к боевым действиям на полях сражений и полевая выучка не отвечали требованиям современной войны.

Самыми существенными недостатками в ходе боевых операций являлись: слабое взаимодействие артиллерии, авиации, танков, инженерных войск, отсутствие эффективных и надежных радиостанций, систематическая потеря командирами связи с подчиненными.

В качестве одной из серьезных ошибок комиссия назвала шаблонные лобовые атаки пехоты. К сожалению, эту хроническую болезнь Красной Армии даже не пытались искоренить. В дальнейшем подобная тактика массово применялась до конца Великой Отечественной войны.

Кроме того, комиссия констатировала, что в войсках почти не имелось автоматического оружия и минометов, штурмовиков, пикирующих бомбардировщиков и зенитной артиллерии. Эксперты подчеркивали острую необходимость в кратчайший срок налаживания их массового производства.

В создавшемся положении значительная доля вины ложилась на бывшего заместителя наркома обороны по вооружению маршала М.Н. Тухачевского. В частности, он считал автоматы оружием полиции и внутренней охраны, не воспринимал их простоту, легкость, надежность и способность давать плотный, эффективный огонь при боевых столкновениях на близких расстояниях. Непосредственно для армейских подразделений автоматы не заказывались.

Заместитель наркома также отвергал боевую ценность минометов, придерживаясь взглядов, что они представляют собой «суррогат» артиллерийских орудий. В планах перевооружения Красной Армии на вторую пятилетку производство минометов вообще не предусматривалось. Вместо них планировалась разработка так никогда и не созданных, фантастических «пехотных мортир». Проходили годы, впус-

трагались огромные финансовые и материальные ресурсы, но результатов не было.

Лишь после устранения М.Н. Тухачевского образовался творческий коллектив под руководством конструктора Б.И. Шавырина, разработавший и представивший к 1939 г. образцы минометов четырех калибров: 50-мм, 82 мм, 107 мм и 120 мм. К сожалению, Красная Армия стала получать столь незаменимое оружие только перед Великой Отечественной войной.

В качестве одного из позитивных результатов «зимней» войны явилось то, что руководители государства и лично И.В. Сталин приступили к внимательному рассмотрению предложений молодых технических специалистов. Конструкторы М.И. Кошкин, А.А. Морозов, Ж.Я. Котин, В.Г. Грабин, Ф.Ф. Петров, И.И. Иванов, С.В. Ильюшин, С.А. Лавочкин, А.С. Яковлев, В.М. Петляков выдвинули ряд выдающихся проектов.

В войска начали поступать танки Т-34 и КВ, истребители Як и Ла, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2, 76-мм дивизионная пушка ЗИС-2, 122-мм дивизионная гаубица М-30, 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 и другие непревзойденные образцы боевой техники. Также в начале 1940 г. В.А. Дегтярев и Г.С. Шпагин в крайне сжатые сроки создали классические варианты автоматов - ППД и ППШ: будущее массовое оружие советской пехоты.

Красной Армии требовался хотя бы год мира для перевооружения, плано-вой боевой учебы, перестройки штабов всех степеней, обучения частей и соединений, и, в особенности, новых командирских кадров среднего и младшего звена. Однако проблема заключалась не только в недостатке времени.

Во-первых, сказывалось общее отставание советской экономики по подготовке к грядущей агрессии. Так, в августе 1940 г. было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О плане накопления государственных резервов и мобилизационных запасов на 1940 г.». Выполнение намеченных мер способствовало увеличению ряда сырьевых ресурсов с 1940 г. по июнь 1941 г. почти в два раза. Тем не менее, они все равно оказались недостаточными, прежде всего, по черным и цветным металлам и нефтепродуктам.

Как следствие, это сказалось на обеспечении войск артиллерийскими снарядами, авиационными бомбами и патронами различных калибров. В частности, зимой 1941 г. Наркомат обороны СССР и Генеральный штаб запрашивали создание годового запаса боеприпасов на начальный этап войны, но отечественная промышленность смогла удовлетворить заявку армии только на 15-20%.

Во-вторых, уровень военных знаний большинства представителей высшего командного состава по-прежнему не соответствовал сложившимся условиям; не хватало стратегического мышления, предвидения и воли. Продолжал довлеть культ гражданской войны, убеждение в том, что будущие военные действия будут вестись наступательно, малой кровью и только на чужой территории. Безответственность, бездействие и упование на свои прежние заслуги характеризовали значительную часть руководства Красной Армии.

Но самое основное – не изучался практический опыт, полученный германской армией. В этом отношении показательна резолюция, начертанная начальником Генерального штаба генералом армии Г.К. Жуковым, на докладе «О франко-немецкой войне 1939-1940 гг.», представленном Главным разведывательным управлением: «Мне это не нужно» [4, с. 250]. Вполне естественно, что после такого пренебрежительного, властного заключения, анализ причин успешных действий германских вооруженных сил, содержащийся в данном документе, не был доведен до сведения командующих военных округов и других военных руководителей высшего

В-третьих, недооценка оборонной глубинной сущности начального периода войны и условий ее развязывания, неумение войск вести ее по новому, явились одной из причин, что фактическая боеспособность приграничных военных округов и их боевая мощь не получили летом 1941 г. должной реализации, хотя сил и средств имелось достаточно.

Приближающаяся война безотлагательно потребовала от советского государства усиления порядка и во всех иных жизненно важных сферах советского общества, в особенности на производстве. Следует подчеркнуть, что высшее руководство коммунистической партии и правительства СССР и раньше неоднократно обращалось к столь значимой и болезненной проблеме.

Еще 21 февраля 1929 г. ЦК ВКП (б) направил во все партийные органы закрытое письмо «О поднятии трудовой дисциплины» [5, с. 250]. Буквально вслед за этим принимаются Постановление Совнаркома СССР от 6 марта 1929 г. «О мерах к укреплению трудовой дисциплины» [6, ст. 167] и Постановление Совнаркома СССР от 5 июля 1929 г. «О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях» [7, ст. 400].

Несмотря на сложность и напряженность обстановки, сложившейся в то время в стране, главное внимание в названных документах уделялось вопросам нравственного подхода к нарушителям, но не репрессиям. Например, первичным партийным организациям предписывалось усилить воспитательную работу, создать такую моральную обстановку на предприятии, при которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины чувствовали бы себя осужденными и изолированными в своей товарищеской среде.

Необходимо признать, что халатное отношение к своим обязанностям и систематические нарушения трудовой и производственной дисциплины были типичными явлениями, отличающими поведение значительной части советского рабочего класса предвоенного периода. В известной степени это предопределялось низким общеобразовательным и культурным уровнем населения страны.

Для иллюстрации обратимся к архивным материалам, размещенным на официальном портале Администрации Волгоградской области под названием: «Кадровая проблема Сталинградских предприятий в 1940 г. накануне создания Государственных трудовых резервов (по материалам ГУ ЦДНИВО)». Лишь несколько отдельных примеров раскрывают неприглядную картину обстановки, царившей в отечественной промышленности:

«Проблемы, связанные с нехваткой кадров осложнялись низким уровнем трудовой дисциплины, многочисленными прогулами, опозданиями. По заводу «Красный Октябрь» за май 1940 г. было уволено за прогулы 672 человека, за июнь – 646 человек, а за 24 дня июля прогулявших и опоздавших оказалось 307 человек, к тому же 44 рабочих самовольно оставили работу.

По Сталинградскому тракторному заводу за май было уволено 250 человек, за июнь 253 человека, а с 27 июня по 1 августа прогулы и опоздания допустили 221 человек. За первые 6 месяцев 1940 г. с завода № 264 было уволено 1314 человек, в том числе 856 за прогулы. По лесозаводам им. Куйбышева за первое полугодие уволено 995 человек, в том числе 643 - за прогулы, что составляло 22% к списочному составу рабочих завода. В течение июля 1940 г. было совершено 75 прогулов» [7, ст. 400].

Приведенные цифры характеризуют состояние дел на заводах, имевших оборонное значение, но подобная ситуация с профессиональными рабочими кадрами наблюдалась практически во всех промышленных регионах СССР.

Однако то, что могло иметь снисхождение в сугубо мирной обстановке, становилось нетерпимым в

условиях непосредственной военной угрозы. По-этому в последний предвоенный год советское государство переходит к крайне жестким мерам по наведению порядка в сфере трудовых отношений. За короткий срок был обнародован ряд законодательных актов, фактически имевших мобилизационный характер.

Необходимо признать, что с правовой точки зрения их отличительная черта - это явный диссонанс с положениями других формально действующих отечественных законов; криминализация определенных форм поведения, в реальности не представляющими собой какие-либо преступления.

Прежде всего, это Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [8]. Он явился базовой основой, на которую опирались положения других законов, содержащих нормы юридической ответственности за нарушения трудовой и производственной дисциплины.

Так, ст. 5 устанавливала, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев. За прогул по неуважительной причине предусматривались исправительные работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%.

В комментариях к документу говорилось: «прогулом считается также опоздание к началу работы или после обеденного перерыва, уход с работы до окончания рабочего дня или до обеденного перерыва, если данное нарушение трудовой дисциплины вызвало потерю рабочего времени более 20 минут. Указанные нарушения, вызвавшие потерю рабочего времени не более 20 минут, приравниваются к прогулу, если они имели место три раза в течение одного месяца или четыре раза в течение двух месяцев подряд.

Таким образом, субъектами преступлений признавались граждане, нарушившие трудовое законодательство и совершившие дисциплинарные проступки. Указ вступал в противоречие с положениями ст. 47 КЗоТ РСФСР, поскольку не отменял ее требования, закреплявшей правила привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности, но фактически придал им ничтожный характер.

П.Н. Кнышевский пишет, что с 26 июня 1940 г. было осуждено 2,09 млн. человек. Из них свыше 1,7 млн. отбывали шестимесячный исправительно-трудовой срок по месту работы. Вместе с тем, исследователь отмечает характерную особенность: «с начала 1941 г. показатели карательной политики упали, ибо меры принуждения возымели действие и система прижилась, так что и в военное время она не потребовала радикального изменения» [9, с. 53].

Основание появления Указа ПВС СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и не за соблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» [10] достаточно объективно: низкий технологический уровень производственной продукции, в том числе военной, выпускаемой отечественными заводами и фабриками. В частности, это являлось одной из причин высокой аварийности в авиации, что неоднократно обсуждалось на заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР.

В акте подчеркивалось, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству. Данная ссылка показывает, что

собственное понятие нового деяния и его признаки не формулировались, а использовался принцип аналогии, закрепленный в УК РСФСР 1926 г.

В соответствии с п. 2 Указа, директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий, виновные в совершении означенного преступления, подвергались тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет.

Короткий по своему содержанию Указ ПВС СССР от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинотракторных станциях» без каких-либо изъятий воспроизводит содержание базового документа: «распространить на трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, работающих в машинно-тракторных станциях, действие Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года, за исключением статей 1-й и 2-й, которые на указанные категории работников не распространяются в силу сезонного характера сельскохозяйственных работ. На комбайнеров, как на штатных рабочих МТС, распространить Указ от 26 июня 1940 года полностью».

В это же время советское правительство начинает реализовывать планы по дальнейшему развертыванию промышленной базы страны на Урале, Сибири, в Казахстане и на Дальнем Востоке. Поэтому очередной Указ ПВС СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие», с одной стороны, был призван снять проблему обеспечения соответствующими кадрами новых производств, поскольку в п. 2 отмечалось - перевод на работу в другие местности не должен вести к какому-либо материальному ущербу переводимого работника. Устанавливалось, что Наркомат обязан выплачивать переводимому работнику:

а) стоимость проезда к новому месту работы самого работника и членов его семьи; б) стоимость провоза имущества; в) суточные за время нахождения в пути; г) заработную плату во время нахождения в пути и дополнительно еще за шесть дней; д) единовременное пособие на устройство на новом месте - в размере от 3 до 4 - месячной заработной платы (в зависимости от района) по старому месту работы на переводимого работника и в размере $\frac{1}{4}$ месячной заработной платы переводимого работника на каждого члена семьи, отъезжающего на место его работы.

С другой стороны, п. 5 гласил, что лица, виновные в невыполнении приказа народного комиссара об обязательном переводе на другое предприятие или в учреждение, считаются самовольно ушедшими с предприятия или учреждения и предаются суду по ст. 5 Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [11].

10 августа 1940 г. увидел свет Указ ПВС СССР «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» [12], хотя его принятие вообще не вызывалось острой необходимостью. Соответствующие составы преступлений имелись не только в УК РСФСР. В это время также применялись положения печально знаменитого постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической собственности)» [13].

Как известно, на основании его требований главным объектом уголовно-правовой охраны признавалась «священная и неприкосновенная основа советского строя» - социалистическая собственность. За посягательство на нее была установлена смертная казнь, независимо от стоимости похищенного, а при наличии смягчающих обстоятельств - лишение свободы на срок

не ниже 10 лет с конфискацией имущества и без права у осужденного на амнистию.

Таким образом, одновременное действие нескольких законодательных актов являлось не только грубым нарушением принципов законности и справедливости, но и создавало существенные трудности для правоохранительных и судебных органов.

Заключительным аккордом в советском законодательстве последнего предвоенного года являлись нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение советского производства и транспорта значительным количеством молодых кадров. Поэтому в принятом 2 октября 1940 г. Указе ПВС СССР «О государственных трудовых резервах» подчеркивалось, что задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. П. 1 Указа гласил: признать необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных училищах, железнодорожных училищах и в школах фабрично-заводского обучения.

Одновременно, в п. 10 констатировалось, что все прошедшие вышеуказанную систему профессиональной подготовки «считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых ресурсов при Совнарком СССР с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях» [14].

Вслед за ним, 28 декабря 1940 г. был опубликован Указ ПВС СССР «Об ответственности учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища» [15, с 362], где говорилось следующее: учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за самовольный уход из училища (школы), а также за систематическое и грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подвергаются по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года.

По нашему мнению, означенный акт, даже по сравнению с содержанием вышеприведенных законов, отличался излишней суровостью. Здесь совершенно не учитывалось то обстоятельство, что в подавляющем большинстве данный контингент учащихся состоял из несовершеннолетней молодежи, во многих случаях принудительно оторванной от дома и привычного образа жизни.

Выводы:

- в предвоенный период вопросы военной и трудовой дисциплины находились в центре постоянного внимания со стороны советского государства;

- при всей своей неоднозначности, жесткости и противоречивости законодательные акты 1940 г. выполнили свою историческую роль, способствовали осознанию представителями значительной части советского общества реальности военной угрозы со стороны нацистской Германии;

- в конечном итоге, именно беззаветный труд советских людей заложил фундамент победоносного завершения Великой Отечественной войны;

- в середине пятидесятых годов XX века перечисленные законодательные акты утратили юридическую силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости ВС СССР. 1941. № 30
2. Дегтярев К., Колпакиди А. СМЕРШ. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 56-57.
3. Соколов Б. Тайны финской войны. - М.: Вече, 2000. С. 350.

4. Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 250-280.
5. Справочник партийного работника. Вып. 7. ч. 1. М., 1930. С. 582.
6. Собрание законодательства СССР. 1929. № 19. Ст. 167.
7. Собрание законодательства СССР. 1929. № 46. Ст. 400
8. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 500. Л. 29-29 об.
9. Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.
10. Кнышевский П.Н. Государственный комитет

- обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53-65.
11. Ведомости ВС СССР. 1940. № 23.
12. Ведомости ВС СССР. 1940. № 42.
13. Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.
14. Собрание законодательства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
15. Ведомости ВС СССР. 1940. № 37.
16. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 362.

ON THE BREACH OF MILITARY OTVETVENNOSTI AND LABOR DISCIPLINE ON SOVIET LAW PREWAR PERIOD

© 2014

A.A. Goghin, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory of state and law
Tolyatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This publication analyzes the causes tightening of legal liability for breach of military discipline and labor in the period preceding the beginning of the Great Patriotic War.

Keywords: government, labor discipline, legal, responsible of law, crime, tired, work, war, citizens, soldiers.

УДК 347.9

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ГРАЖДАН-ДОЛЖНИКОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, НЕ ОБЕСПЕЧЕННЫМ ЗАЛОГОМ

© 2014

М.А. Гранат, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о принудительном исполнении судебных актов в том случае, если обязательства должника не обеспечены ипотекой, но в его собственности находится единственное пригодное для проживания жилое помещение.

Ключевые слова: единственное жилье, исполнительное производство, ст. 446 ГПК РФ.

В цивилистической литературе и среди практикующих юристов часто высказываются мнения о том, что многие схемы мошенничеств с недвижимостью потеряли бы всякую пригодность в том случае, если бы в России разрешили обращать взыскание на единственное жилье.

Так, абзац второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, определяющей виды имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, относит к такому имуществу жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в данном абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Согласно статье 24 ГК Российской Федерации гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание и перечень которого устанавливается гражданским процессуальным законодательством. В системной связи с названной нормой находятся часть 4 статьи 69 и часть 1 статьи 79 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве", предусматривающие в рамках общего порядка обращения взыскания на имущество должника правило, согласно которому при отсутствии или недостаточности у гражданина-должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, на которое взыскание не может быть обращено и перечень которого установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно его статьей 446.

Существующий запрет отбирать за долги единственное жилье, установленный ст. 446 ГПК РФ, действительно выглядит анахронизмом. Так, например, судебные приставы-исполнители неоднократно сталкиваются с ситуациями, когда должник не исполняет судебный акт о взыскании с него денег, но проживает в доме площадью двести и более квадратных метров. И его дом неприкосновенен, так как это – единственное жилье. Или, другой вариант: кредиторы не получают годами ни единой копейки, перебиваются на съемных квартирах, а у должника на праве собственности двухуровневая квартира в дорогом районе города. Данная ситуация, между тем, полностью соответствует закону. Точнее, даже не закону, а его букве, ст. 446 ГПК РФ.

Различными силами многократно поднимался вопрос о необходимости данную ситуацию с единственным жильем изменить. Цинизм ситуации в том, что поправка по существу в ст. 446 ГПК РФ принималась лишь в 2004 году и была пролоббирована банками. После поправки стало возможным забирать единственное жилье, если оно обременено ипотекой (ФЗ от 29.12.2004 N 194-ФЗ). Ситуация улучшилась главным образом для крупных кредитных учреждений. Для рядовых потерпевших от разного рода мошенничеств положение не изменилось: им по-прежнему трудно добиваться взыскания долгов.

На местном уровне судьи, которые прекрасно видят, что действующая редакция ст. 446 ГПК РФ не отвечает требованиям реалий, стали в одностороннем порядке обходить запрет ст. 446 ГПК РФ. Так, если недвижимость должника является его единственным жильем, но жилая площадь явно превосходит средние потребности, то судами иногда допускается обращение взыскания на долю в праве собственности, а не на все жилье целиком.

Например, Кировский районный суд города Уфы определением от 26 октября 2010 года удовлетворил заявление гражданки Ф.Х. Гумеровой об изменении

способа и порядка исполнения решения Калининского районного суда города Уфы от 1 апреля 2008 года о взыскании по договору займа от 6 марта 2002 года денежных средств, в том числе основного долга, процентов по договору и расходов на оплату услуг представителя, в общей сумме более 3 млн руб. Обращая взыскание на долю в размере 1/3 в праве собственности должника на жилой дом путем реализации данной доли с публичных торгов, суд исходил из того, что за время проведения исполнительного производства должник не внес в счет погашения долга каких-либо денежных средств, а все предпринятые судебными приставами меры (наложение ареста на имущество на сумму 6280 руб. и обращение взыскания на пенсию) не дали эффективного результата. Учитывая эти обстоятельства, суд пришел к выводу, что баланс интересов участников исполнительного производства может быть достигнут путем распространения взыскания на часть принадлежащего должнику на праве собственности жилого помещения и что такое решение не приведет к нарушению его социальных прав, поскольку за ним будет сохранено право собственности на долю в размере 2/3 в праве собственности на жилой дом площадью 332,5 кв. м.

Подобные решения судов, конечно, продиктованы невозможностью нормально работать по тому закону, который в настоящее время существует. Часть этих решений при проверке вышестоящими судами отменяется, часть остается в силе.

Например, со ссылкой на ту же статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации Дорогомиловский районный суд города Москвы решением от 13 мая 2008 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 11 сентября 2008 года, отказал гражданину Ю.А. Шихунову в удовлетворении искового заявления об обращении взыскания и признании права собственности на принадлежащую ответчице долю в размере 1/4 в праве собственности на жилое помещение - квартиру общей площадью 81 кв. м. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, обусловленных тем, что ранее вступившее в силу решение того же суда от 17 июня 2004 года о взыскании в пользу истца суммы причитающихся ему денежных средств по договору займа исполнено лишь частично, ответчица в добровольном порядке долг не выплачивает, а погашение сохраняющейся задолженности в размере более 1 млн руб. путем обращения взыскания на иное принадлежащее ей имущество невозможно ввиду отсутствия такового, суд исходил из того, что для ответчицы указанное жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания и что ее доля составляет 20,25 кв.м, т.е. превышает социальную норму лишь на 2,25 кв. м.

Таким образом, проблема «единственного жилья» должников, не исполняющих решения судов, остается.

Как выяснилось, данная проблема все же имеет решение.

Судебные приставы, взыскивая долги такого неплательщика, отказываются выставлять на торги его единственное жилье, опираясь на ст. 446 ГПК РФ. Когда это происходит, кредитор решает обойти запрет данной статьи.

Если проблема заключается в том, что жилье у должника – единственное, кредитор решает сделать так, чтобы у должника появилось еще какое-нибудь жилое помещение. Не важно какое, лишь бы оно числилось жилым.

Самый простой и недорогой вариант – подарить должнику какое-нибудь жилье в сельской местности. Но, если у должника сохранилось хоть чуточку ума, такой подарок он не примет и на регистрацию договора дарения не придет.

В этом случае, как ни странно, должнику жилье можно... купить. Если быть точным, то даже не жилое помещение как таковое, а долю в праве собственности на жилье («малосемейку», или вовсе незначительную долю в праве собственности).

Так, между взыскателем и собственником доли в праве собственности на жилое помещение заключается договор купли-продажи. Договор выглядит обычным образом: покупатель с одной стороны и продавец с другой. При этом в текст договора добавляется условие о том, что доля в праве собственности приобретается в пользу третьего лица (указываются паспортные данные должника). Должник, таким образом, становится выгодоприобретателем – то есть таким участником правоотношений, у которого нет никаких обязанностей, а имеются только права.

Данный статус интересен тем, что у должника отсутствует возможность не принять недвижимость.

Проще говоря, если кто-то задался целью купить должнику долю в праве собственности на жилое помещение, то должник предотвратить этого не сможет.

В итоге, хотя под договором купли-продажи подписи должника нет, право собственности на объект недвижимости у должника возникло. Что особенно интересно, должник об этом даже не догадывается.

Выбор объекта сделки (доли в праве собственности на жилье) связан с тем, что в отношении квартиры или дома необходим акт приема-передачи имущества. Между тем в отношении доли в праве (идеальной доли) такой акт составляться не должен.

До недавнего времени Росреестр пытался сопротивляться регистрации подобных договоров в пользу выгодоприобретателей, но сейчас такие сделки регистрируются беспрепятственно.

После регистрации перехода права собственности взыскатель получает выписку из ЕГРП на объект недвижимости и едет к судебным приставам. Таким образом, в материалах исполнительного производства появляются документы о том, что должнику принадлежат сразу два жилых объекта. Схема завершена. Оба жилых объекта ФССП арестовываются и основное жилье выставляется на торги. В итоге свое «единственное» жилое помещение должник теряет.

Естественно, что проживание в приобретенной доле в праве собственности оказывается невозможным в связи с ветхим состоянием жилья, наличием беспокойных соседей и т.п.

В одном случае мы даже столкнулись с тем, что строение существовало только по документам, а по факту отсутствовало вовсе.

Нужно отметить, что расходы кредитора на поиск и покупку доли в праве зачастую на порядок меньше, чем стоимость недвижимости, которой кредитор в итоге завладевает (или продает с торгов). Таким образом, затратность данного метода не является значительной проблемой.

Должнику бороться с данной схемой весьма трудно.

Прежде всего, должнику затруднительно своевременно узнать о том, что у него появился какой-то объект недвижимости, и что правила ст. 446 ГПК РФ его больше не защищают. Затем, даже если должник сразу же узнал о появлении у него права собственности, то оспорить данную сделку весьма трудно.

Первый вопрос, который возникнет в суде к истцу будет о том, чем нарушены права его права? Тем, что ему купили жилье?

Конечно, должник может сослаться на то, что наличие права собственности предусматривает не только права, но и обязанности, и что несение расходов на содержание жилья и на оплату налогов не входило в его планы, но другая сторона сможет резонно возразить, что должник не лишен права продать свое имущество и названные расходы не нести.

Возражения должника о том, что продать имущество

он не может, так как на него наложен арест вряд ли будут услышаны по очень простой причине: если должник исполнит решение суда о взыскании с него долга, то обеспечительные меры в виде ареста будут сняты, и он сможет избавиться от нежелательной собственности. Таким образом, очевидно, что корень проблем должника не в том, что он обладает какой-то нежелательной собственностью, а в том, что он уклоняется от исполнения судебного акта.

У применения данной технологии имеются и негативные побочные эффекты. Так, самое неприятное заключается в том, что часто вместе с должником на улице оказываются члены его семьи, в том числе дети. Причем наличие у детей доли в праве собственности на квартиру или дом не спасает: с молотка уходит доля родителя, а новый собственник вселяется в жилое помещение, и проживать в нем детям становится невозможно.

Впрочем, обязанность по обеспечению жильем детей должника существует прежде всего у самого должника, а не у его кредитора, который, согласно закону, не обязан заботиться о том, где и с кем будут проживать дети и иные члены семьи должника [1, с. 14, 2, с. 35].

В завершение отметим, что ст. 446 ГПК РФ, несомненно, будет отредактирована, так как ее запрет данной статьи по обращению взыскания на имущество должника, являющееся единственным жильем для должника и членов его семьи, достаточно легко преодолевается заинтересованными лицами (взыскателями).

По данной теме было выпущено тематическое постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П, которое больше создало вопросов, чем их разрешило.

В частности, в указанном постановлении КС РФ было указано следующее: «приоритет имущественных

интересов гражданина-должника, в собственности которого находится жилое помещение, по своим характеристикам позволяющее удовлетворить требования кредитора (взыскателя), связанные с надлежащим исполнением вступившего в законную силу судебного решения, без ущерба для нормального существования самого гражданина-должника и членов его семьи и для реализации ими социально-экономических прав, представлял бы собой необоснованное и несоразмерное ограничение прав кредитора (взыскателя). В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание федерального законодателя на возможность конкретизации положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации в части, касающейся размеров жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, с тем чтобы в исполнительном производстве в полной мере соблюдался баланс интересов взыскателя и гражданина-должника (определения от 4 декабря 2003 года N 456-О, от 19 апреля 2007 года N 241-О-О, от 20 ноября 2008 года N 956-О-О и др.), однако до настоящего времени соответствующие изменения в гражданское процессуальное законодательство не внесены.»

Несмотря на имеющуюся неопределенность в отношении судьбы ст. 446 ГПК РФ одно известно точно: ни один должник сегодня не может больше спокойно спать в своем доме или квартире, надеясь на то, что его жилье – единственное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фархтдинов Я.Ф. Исполнительное производство. – М.: Питер, 2003. 280 с.
2. Треушников М.К. Гражданский процесс. - М.: «Городец-издат», 2003. 711 с.

FORECLOSURE ON A SINGLE DWELLING INDIVIDUAL DEBTORS LIABILITIES, NOT SECURED BY PLEDGE

© 2014

M.A. Granat, PhD, associate Professor of civil law and process
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article considers the question of enforcement of judicial decisions in the case, if the debtor is not secured by a mortgage, but the property is only suitable for living quarters.

Keywords: single housing, enforcement proceedings, Art. 446 of the civil procedural code.

УДК 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН

© 2014

Э.А. Джалилов, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»

Е.А. Джалилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Рассматривается правовой статус несовершеннолетних в сфере интеллектуальных прав, выявляются проблемы действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторские права, патентные права, правовой статус несовершеннолетних.

Конституция РФ в ст. 44 закрепляет свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и подчеркивает, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Таким образом, Конституция не только закрепляет право личности проявить себя в творческой деятельности, но и гарантирует охрану законом результатов такой деятельности, т.е.

объектов интеллектуальной собственности. Субъектом интеллектуальной собственности по российскому законодательству может быть исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. В ст. 1208 ГК РФ понятие «гражданин» используется в широком смысле и охватывает не только граждан Российской Федерации, но и иных физических лиц, в том числе иностранных граждан и лиц без

гражданства [1].

Под интеллектуальными правами ст. 1226 ГК РФ понимает исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Как отмечает Н.Е. Борисова, интеллектуальные права являются разновидностью гражданских прав, а потому они - как субъективные права - входят в понятие «правоспособность гражданина» [2].

Несовершеннолетние граждане могут выступать в качестве субъектов гражданских правоотношений. Так, согласно ст. 28 ГК РФ, малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, а также сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем.

Ст. 1208 ГК РФ определяет, что физическое лицо может стать автором независимо от возраста, а осуществлять авторские права (заключать авторские договоры, получать вознаграждение и т.п.) вправе с 14 лет. Авторские права несовершеннолетних в возрасте до 14 лет осуществляют их родители, усыновители, опекуны.

Самостоятельное осуществление исключительного права автора на использование результата интеллектуальной деятельности (например, декламации стихов или воспроизведения программы для ЭВМ), не является сделкой и может совершаться по воле малолетнего автора без испрашивания согласия на это законных представителей. Вместе с тем для осуществления права на распространение произведения (например, издание книги) и введения его в гражданский оборот необходимым является получение согласия от законных представителей несовершеннолетнего на совершение такой сделки.

Законные представители действуют от имени и в интересах своего подопечного (автора), в связи с чем возникает ситуация, когда законный представитель заключает договор об отчуждении исключительного права на произведение или лицензионный договор о предоставлении права использования исключительного права от своего имени, хотя изначально указанное право принадлежит несовершеннолетнему автору. Таким образом, может нарушаться не только исключительное право, но и личные неимущественные права автора.

По словам Т.А. Маториной и А.А. Ходусова, гарантией от недобросовестного исполнения обязанностей законными представителями служит норма ст. 21 ФЗ «Об опеке и попечительстве», указывающая, что опекун без предварительного разрешения органа опеки и попечительства не вправе совершать сделки, влекущие за собой отказ от принадлежащих подопечному прав [3]. Однако объекты авторского права не подлежат обязательной государственной регистрации в силу ст. 1232 ГК РФ и исключительное право несовершеннолетнего может быть незафиксированным. Таким образом, орган опеки и попечительства может не знать о принадлежности несовершеннолетнему исключительного права на произведение. Представляется целесообразным законодательно

закрепить обязательную государственную регистрацию исключительных прав несовершеннолетних граждан, не достигших 14 лет, на созданные ими объекты интеллектуальной собственности.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно совершать сделки, предусмотренные для малолетних. Кроме того, они наделяются правом самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией и иными доходами. Согласно пп. 2 п. 2 ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности. Применительно к объектам авторского права это означает, что после достижения 14-летнего возраста несовершеннолетний автор самостоятельно реализует свои личные имущественные и личные неимущественные права. Кроме этого он вправе заключать сделки по поводу созданного им объекта интеллектуальной собственности, получать с них выгоду и распоряжаться полученными денежными средствами самостоятельно и по своему усмотрению.

При создании объекта патентного права несовершеннолетний гражданин, достигший 14 лет, вправе подавать заявку на выдачу ему патента, получать патент на своё имя и распоряжаться своим исключительным правом на изобретение, полезную модель или промышленный образец.

ГК РФ содержит исключение в правореализации исключительных прав несовершеннолетним, достигшим 14 лет. В соответствии со ст. 1118 ГК РФ, завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его оформления дееспособностью в полном объеме. В связи с этим, несмотря на то, что законодатель в части IV ГК РФ наделил несовершеннолетних граждан, достигших 14 лет, полным правом реализации исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, права определения наследника указанных прав гражданское законодательство не содержит.

Таким образом, полнота личных имущественных и личных неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные несовершеннолетними гражданами, напрямую зависит от возраста автора. Лица, достигшие 14 лет, обладают практически полной дееспособностью в сфере реализации исключительных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.
2. Борисова Н.Е. Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. 2-е изд. М.: Издательство РГСУ, 2006.
3. Маторина Т.А., Ходусов А.А. Полномочия опекунов по распоряжению исключительным правом на результат творческой деятельности, созданный несовершеннолетним или недееспособным гражданином // Юрист. 2013. № 6.

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF INTELLEKTUAL RIGHTS OF MINORS

© 2014

E.A. Dzhailov, candidate of law sciences, associate professor of «Business and labor law»
E.A. Dzhailova, candidate of law sciences, associate professor of «Business and labor law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The legal status of minors in the area of intellectual property rights, identify problems existing legislation in this area.

Keywords: intellectual property, copyrights, patent rights, the legal status of minors.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2014

К.Н. Евдокимов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ,
Иркутск (Россия)

Аннотация: Статья посвящена вопросам уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. Автор проводит анализ наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации преступных деяний данного вида и вносит предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: компьютерная преступность, преступления в сфере компьютерной информации, неправомерный доступ к компьютерной информации, программы для ЭВМ, вредоносные компьютерные программы.

В Российской Федерации за последние годы наметилась тенденция к качественной трансформации содержания и сущности компьютерной преступности, что нашло выражение в приобретении последней все более транснационального, организованного, экономического и политического характера. При этом вред, причиняемый российскому обществу и экономике, преступлениями в сфере компьютерной информации носит колоссальный характер.

Так, по оценкам аналитиков компании Group-IB объем рынка киберпреступности в РФ в 2012 году составил 1,93 миллиарда долларов [1].

В свою очередь, американская корпорация Symantec оценила ущерб от киберпреступности в России за 2013 год в 1 миллиард долларов, а в 2012 году в 1,48 миллиарда долларов. При этом общий ущерб от киберпреступности в мире в 2013 году составил 113 миллиардов долларов, против 110 миллиардов долларов в 2012 году [2].

Одной из проблем противодействия компьютерной преступности является правильная уголовно-правовая квалификация преступлений в сфере компьютерной информации на стадии предварительного следствия. Поскольку, безошибочная юридическая квалификация преступления определяет выбор следователем (судьей) меры пресечения обвиняемому и наказания для подсудимого, предопределяет форму расследования и подсудность уголовного дела.

Однако при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации правоприменитель часто сталкивается с затруднениями юридического характера.

Так, например, у следователя или судьи возникает проблема при уяснении некоторых понятий, содержащихся в диспозициях ст.ст.272-274 УК РФ, а именно: «компьютерная программа», «несанкционированное уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации», «нейтрализация средств защиты компьютерной информации», «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации». Это связано с тем, что указанные юридические термины законодательно нигде не определены. В этих случаях судья, прокурор, следователь вынуждены обращаться к текстам комментариев к Уголовному кодексу РФ, где данные понятия разъясняются научными и

практическими работниками. Однако при этом, в отсутствие разъяснений пленума Верховного Суда РФ, выводы авторов носят субъективный, а иногда и взаимопротиворечивый характер. Что, к сожалению, негативно влияет на единообразие судебно-следственной практики по рассмотрению и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации.

Кроме того, при квалификации деяний, предусмотренных ст. ст. 272-274 УК РФ возникает ряд вопросов, требующих толкования для правоприменителя.

Например, будет ли являться уничтожением компьютерной информации, деяние при котором информация была изначально уничтожена, но спустя определенное время частично или полностью восстановленная специалистами? Как квалифицировать уничтожение компьютерной информации сильным электромагнитным или высокочастотным излучением, не повлекшим уничтожение самого носителя информации? Будет ли являться копированием компьютерной информации действия преступника при получении копии путем распечатывания информации на принтере, фотографирования или видеосъемки изображения с монитора компьютера?

Наконец, как квалифицировать несанкционированное ознакомление с компьютерной информацией, когда преступник, визуально запомнив конфиденциальные сведения (например, персональные данные лица; информацию о содержании коммерческой сделки и сторонах договора; сведения об усыновлении (удочерении), врачебную тайну и т.д.), впоследствии переносит их на другой материальный носитель информации, создав ее копию (написав на листе бумаги, введя информацию в память своего компьютера или иного компьютерного устройства: айфона, смартфона, планшетного компьютера, коммуникатора и т.п.).

По нашему мнению, описанные случаи содержат признаки неправомерного уничтожения или копирования компьютерной информации.

Автор согласен с проф. С.В. Бородиным, что способы неправомерного доступа к компьютерной информации могут быть самыми различными, например, представление фиктивных документов на право доступа к информации, изменение кода или адреса технического устройства, нарушение средств или системы защиты

информации, кража носителя информации [3, с.664].

Однако полагаем целесообразным дополнить главу №28 УК РФ статьей 272.1: «Статья 272.1 Незаконное завладение носителем компьютерной информации с целью осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации». Данная авторская позиция обусловлена тем, что преступник тайно, открыто или обманным путем завладевает, например, флэш-картой или DVD-диском с компьютерной информацией для последующего ее использования, избегает уголовной ответственности в силу малозначительности совершенного деяния, т.к. стоимость вышеуказанных носителей информации не превышает тысячи рублей, что влечет для правонарушителя, в лучшем случае, наступление административной ответственности по ст.7.27 КоАП РФ (мелкое хищение) и наказание до 15 суток административного ареста. При этом виновное лицо получает доступ к компьютерной информации, которая представляет большую ценность для ее владельца, чем сам материальный носитель информации.

При квалификации преступных действий, предусмотренных ст.273 УК РФ, следует отметить неудачную с точки зрения законодательной техники юридическую конструкцию ч.1 ст.273 УК РФ, в диспозиции которой указывается на «создание, распространение или использование компьютерных программ ... заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации». Указание законодателем на создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ во множественном числе, по смыслу статьи можно трактовать как то, что правоприменитель не вправе привлекать к уголовной ответственности лицо, которое создало, использовало или распространило одну вредоносную компьютерную программу.

Поэтому автор согласен с проф. В.С. Комиссаровым, который высказал мнение, что «...смысл уголовной ответственности за данное преступление определяется не столько количественными факторами, сколько потенциально вредоносным качеством конкретной программы, в частности ее способностью причинить реальный общественно опасный вред информации и деятельности ЭВМ. Поэтому применение ст. 273 возможно уже в случаях создания, использования и распространения одной вредоносной программы для ЭВМ или одного машинного носителя с такой программой» [4, с.533].

Вышеуказанный недостаток законодательства вполне может быть устранен соответствующим постановлением пленума Верховного Суда РФ.

Также, по мнению автора, нецелесообразным является исключение из диспозиции ст.273 УК РФ такого преступного действия как «внесение изменений в существующие программы». Данный вопрос приобретает актуальность в связи с тем, что в последние годы создаются, используются и распространяются уже не отдельные вредоносные программы, а целые семейства компьютерных вирусов, имеющих однотипную компьютерную программу или компьютерный код.

Так, например, вирусмейкеры Джеффри Ли Парсон (США) и Димитрий Чобан (Румыния) модифицировали компьютерный вирус «Blaster», который нанес в 2003-2005 годах ущерб от 2 до 10 млрд. долларов владельцам и пользователям компьютеров в США и странах Европы. Однако по их признанию, они не создавали вредоносную компьютерную программу «Blaster», а произвели ее модификацию, т.е. внесли изменение в существующую вредоносную компьютерную программу, получив тем самым компьютерные вирусы «Blaster.B» и «Blaster.F» [5].

Думается, что с уголовно-правовой точки зрения,

постановление пленума Верховного Суда РФ могло бы устранить сомнения в части, считать ли подобные действия модификацией, т.е. внесением изменений в существующую вредоносную компьютерную программу (информацию), либо созданием новой вредоносной компьютерной программы (информации).

По нашему мнению, в данном случае, виновное лицо должно нести ответственность в равной степени, как за модификацию, так и за создание своей разновидности вредоносной программы.

Кроме того, считаем логичным в число преступных действий, закрепленных в ч.1 ст.273 УК РФ включить такое деяние как приобретение компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Свою позицию обосновываем тем фактом, что подавляющее большинство преступников использующих вредоносные компьютерные программы не являются их создателями, а приобретают их для преступных целей у представителей хакерского сообщества, на хакерских сайтах и веб-страницах, а также путем обмена через электронные доски объявлений или хакерские форумы. При этом вредоносные компьютерные программы, также как и оружие, наркотики, сильнодействующие или психотропные вещества, взрывчатые вещества наносят существенный вред обществу. Поэтому лица, приобретающие компьютерные вирусы, должны нести уголовную ответственность наравне с лицами их создающими и распространяющими.

Данная точка зрения уже высказывалась ранее рядом авторов [6, с.98; 7, с.86], но законодательного закрепления не нашла.

Вызывает определенное недоумение также установление законодателем в ч.2 ст. ст. 272, 273, ч.1 ст.274 УК РФ уголовной ответственности за причинение крупного ущерба, сумма которого превышает один миллион рублей.

При этом, например, размер крупного ущерба в ч.ч.1,2 ст.146 за причинение вреда авторским или смежным правам установлен в сто тысяч рублей, а за преступления против собственности (ст.ст.158,159, 163, 167 УК РФ) в размере превышающим двести пятьдесят тысяч рублей. Таким образом, по мнению автора, размер крупного ущерба при совершении преступлений в сфере компьютерной информации явно завышен, что также негативно влияет на уголовно-правовую квалификацию преступных деяний указанного вида.

Как следствие, немалое количество компьютерных преступников получило возможность избежать уголовной ответственности в силу того, что причиненный ими вред ниже установленного законодателем размера нанесенного ущерба, а количество уголовных дел, возбужденных по преступлениям в сфере компьютерной информации значительно сократилось. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России было зарегистрировано преступлений, предусмотренных ст. ст. 272, 273, 274 УК РФ: в 2010 г. – 6132, 1010, 0 [8], в 2011 г. – 2005, 693, 0 [9], в 2012 г. – 1930, 889, 1[10], в 2013 г. – 1799, 764.

Кроме того, компьютерная информация, технические средства ее обработки, носители информации могут находиться в собственности физических лиц. Поэтому, по нашему мнению, представляется целесообразным учесть имущественные права и интересы потерпевшего, дополнив диспозицию ст. ст. 272, 273 УК РФ новым квалифицирующим признаком: «с причинением значительного ущерба гражданину...».

С учетом вышесказанного, считаем целесообразным снизить крупный размер вреда, причиненного преступлением в сфере компьютерной информации и изложить примечание к ст.272 УК РФ в следующей редакции: «1. Под компьютерной информацией

%80%D0%B2%D1%8C%29 (Дата обращения 07.10.2014).

6. Максимов В.Ю. Незаконное обращение с вредоносными программами для ЭВМ: проблемы криминализации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Краснодар: РГБ, 1998. - 168 с.

7. Маслакова Е.А.. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Орел: РГБ, 2008. - 198 с.

8. Ф-615 кн.1 - Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://giz.mvd.ru>.

9. Ф-615 кн.1 - Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2011 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://giz.mvd.ru>.

10. Ф-615 кн.1 - Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2012 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://giz.mvd.ru>.

11. «О направлении статистических сведений»: письмо ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 5.03.2014 г. исх.№ 34/4 - 158.

12. Чекунов И.Г. Некоторые особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации / И.Г. Чекунов // Российский следователь. 2012. № 3. С.26-28.

13. Менжега М. М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - Саратов: РГБ, 2005. - 238 с.

14. Малыковцев М. М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М.: РГБ, 2007. - 186 с.

15. «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» (ETS N 185) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] (Дата обращения 07.10.2014).

16. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. - СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. - 763с. - (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

17. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб., 2003. - 304 с.

18. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2014. - 288 с. (Автор главы - доктор юридических наук, профессор Г.А. Есаков).

PROBLEMS OF CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

© 2014

K.N. Evdokimov, candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of state and legal disciplines
Irkutsk law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation, Irkutsk (Russia)

Annotation: The article is devoted to the issues of criminal-legal qualification of crimes in the sphere of computer information. The author carries out the analysis of the most pressing problems faced by law implementer qualification for the criminal acts of this kind, and makes proposals for improvement of the current criminal legislation.

Keywords: computer crime, crime in the sphere of computer information, illegal access to computer information, computer programs, malicious computer programs.

УДК 342

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СУДЕБНИКУ 1550 ГОДА: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

© 2014

М.В. Зейц, магистрант института права
В.Г. Медведев, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «История государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы деяний, нарушающих частный интерес по Судебнику 1550 г. Определяется их сущность и значение в формировании законодательной базы соответствующего периода. Указывается на их особенности и влияние на государственном уровне.

Ключевые слова: душегубство, система суда, Судебник, законодатель, деяния.

Обращаясь к истории возникновения Судебника, необходимо подчеркнуть, что его появление обусловлено государственной необходимостью того периода, так как в первой половине XVI века Московское государство столкнулось с настоящим кризисом государственности. Судебник 1550 был создан в первые годы самостоятельного правления Ивана IV, данный шаг явился правовой основой оздоровления государственной системы суда производства, повлиявшего на изменения взаимоотношений основных социальных групп. Судебником 1550 года были закреплены интересы

широких слоёв общества.

Так Н.П. Загоскин, известный историк права, высказался об этой черте Судебника следующим образом «Во всех вообще статьях, во всех определениях нового Судебника, ясно просвечивает крайне недоверчивое, крайне подозрительное отношение законодателя к правительственным должностным лицам; это не покажется удивительным, коль скоро примем мы в соображение крайне неудовлетворительное состояние современного суда и администрации и тягостные для народа неурядицы эпохи правления бояр в малолетство

Ивана IV» [1, с. 65-66.].

Как и в прошлые века, так и сейчас преступления против личности и против собственности, не затрагивающие государственные интересы и не определяемые как наиболее опасные преступления деяния, относят деяния, нарушающие частный интерес. Такое определение обосновывает то, что в Судебнике 1550 года преступления, обозначенные как преступления против личности, попали в группу преступлений и деяний с наименьшей степенью разработанности. Однако следует заметить, что существует предположение и обоснование такого упущения, связанное с доскональной и детальной регламентацией преступлений этой группы в предшествующих источниках права, начиная с Русской Правды и до середины XVI века.

Косвенное подтверждение высказанному предположению и указание Судебника на применявшиеся меры наказания можно усмотреть в статьях 11-12, в которых оговариваются судебные пошлины, полагающиеся должностным лицам при проведении «поля». При этом нанесение побоев («бой») ставится в один ряд с «заёмным делом», а убийство («душегубство») помещается среди таких преступлений как поджог, разбой и воровство [2, Т.2.С. 99.]. Таким образом, убийство определяется как значительно более тяжкое преступление и соотносится с группой наиболее опасных деяний.

В Судебнике 1550 г. в с. 59 душегубство определяется в группу нарушений разбой, ложное обвинение, подделка документов. Согласно Судебника это трактовалось следующим образом «А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное, какое лихое дело...» [2, Т.2.С. 108]. Разбой, душегубство относились к числу опасных преступлений для общества, но наказанием, в частности смертной казни, подвергали обвиняемого лишь в том случае, если обвиняемый оказывался «ведомым лихим человеком»: «... а будет ведомой лихой человек, и боаринувелети того казнити смертноу казнью...». Однако с.69 предусматривала то, что особо опасные деяния подлежали смертной казни независимо от того, первый раз обвиняемый попался на преступлении или является рецидивистом. В своём очерке Н.П. Загоскин упоминает, что смертной казнью наказывались все упомянутые преступления [1, с. 72].

по мнению С.Н. Викторского доказательной выглядит точка зрения того, что ответственность за указанные преступления в виде смертной казни наступала только в том случае, если совершивший их являлся «ведомым лихим человеком» [3, с. 30-31 и др.].

Данное мнение подтверждается Русской Правдой, которая поясняла, что убийство не входило в состав самых опасных деяний, подлежавших высшей мере наказания – потоку и разграблению, и наказывалось денежными штрафом – вирой [4, с. 64.]. Псковская Судная грамота подтверждала этот факт. В нем также было прописано «... убийство влечет за собой уплату денежного штрафа» [5, с. 340.].

Согласно Двинской уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, согласно которой штраф за убийство всё также называется «вирой»: «Оже учинится вира, где кого утепут, инедушегубца изыщут...», подтверждается предположение того, что право Московского государства в полной мере восприняло предыдущие установления о назначении штрафа за убийство [6, с. 181.].

Статьей 26 Судебника оговаривается трактовка увечий. Они определяются как нанесение тяжких телесных повреждений. «А за увечие указывати христианину, посмотря по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотря по человеку и по увечью» [2, Т.2.С. 101.].

Оскорблением по Судебнику считалось нанесение побоев. Однако, следует отметить, что начиная с Русской Правды причинение телесных повреждений и оскорбление действием имели различия. Побои наказывались значительно мягче, чем оскорбления. К примеру, в Пространной редакции Русской Правды за ранение обнажённым мечом назначался штраф в размере 3 гривен (ст. 30), а за удар мечом, не вынутым из ножен – в четыре раза больший штраф (ст. 23) [4, с. 65-66.]. В исследовательской литературе подчёркивается различие этими статьями нанесения телесных повреждений и оскорбления. Р.Л. Хачатуров, комментируя 30-ю статью Пространной редакции Русской Правды, отмечает: «Удар мечом рассматривается не как оскорбление, а как причинение телесного повреждения и наказывается поэтому не высокой продажей в 12 гривен, а низкой – в 3 гривны» [7, с. 142.].

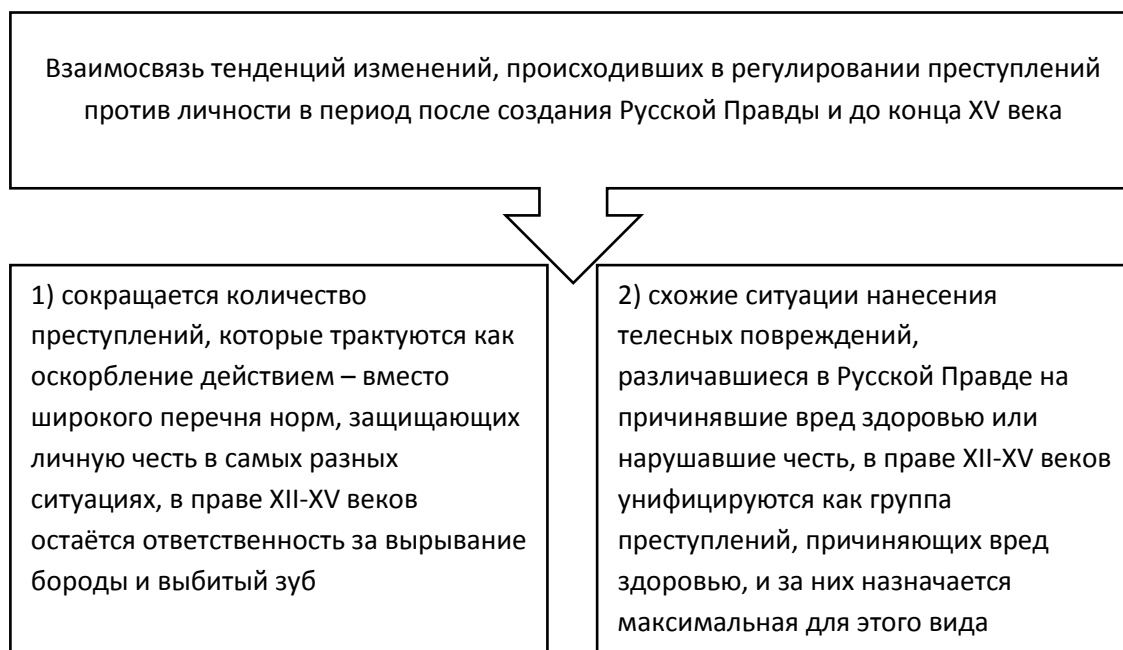

Рисунок 1 – Взаимосвязь тенденций изменений, происходивших в регулировании преступлений против личности в период после создания Русской Правды и до конца XV века

В историко-правовой литературе уже предпринимались попытки определить тенденцию изменений, происходивших в регулировании преступлений против личности в период после создания Русской Правды и до конца XV века. В частности, Ю.В. Оспенников пришёл к выводу, что в рассматриваемый период протекали два взаимосвязанных процесса (рисунок 1) [8, с. 501].

Ананьева Н.Г. указывает «Можно утверждать, что в первой половине XVI века Московское государство столкнулось с настоящим кризисом государственности. Судебник 1550 года занимает важнейшее место в истории становления Московского государства, которое в XVI веке выстраивало собственную целостную государственно-политическую и правовую систему» [9, с. 5].

В заключении статьи необходимо отметить, что в Судебнике 1550 года мы наблюдаем результаты этих процессов в виде уже существенно изменённой системы правового регулирования группы преступлений против чести и здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. I. Казань, 1877. С. 65-66.
2. Судебник 1550 года // Российское законодательство X-XX веков.
3. Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912. С. 34-35; Рогов В.А. Уголовные наказания и репрессии в России. Середина XV – середина XVII веков. М., 1992.
4. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX вв. Т. I. М., 1984.
5. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. I. М., 1984.
6. Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. II. М., 1985.
7. Хачатуров Р.Л. Русская Правда. Тольятти, 2002.
8. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2007.
9. Ананьева Н.Г. Правонарушения и юридическая ответственность по судебнику 1550 года: монография / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Р.Л. Хачатурова. – Самара. 2011. –152 с.

CRIMINAL LIABILITY UNDER THE CODE OF LAW 1550: THE NATURE AND SIGNIFICANCE

© 2014

M.V. Zeic, Graduate department of Law Institute

V.G Medvedev, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the «The History of State and Law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article deals with acts that violate the private interest at Sudebnik 1550. Determines their nature and significance in shaping the legislative framework relevant period. Indicating their characteristics and effects on the state level.

Keywords: murder, the court system, the Sudebnik, the legislator, acts.

УДК 340

О КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

А.А. Иванов, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Происходящие негативные изменения природных комплексов и систем вызывают необходимость принятия специального природоохранного законодательства и развития юридической ответственности в сфере охраны природы.

Ключевые слова: юридическая ответственность, отрасль права, экологическая ответственность, охрана окружающей среды.

По данным доклада Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 2012 года, более половины населения страны сегодня живет в условиях превышения предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, то есть в неблагоприятных экологических условиях [1]. Данное обстоятельство вызывает необходимость соответствующих изменений в сфере регулирования природопользования, позволяющих улучшить контроль за процедурой использования природных ресурсов.

Одним из наиболее важных институтов правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды является юридическая ответственность, возникающая в случае нарушения природоохранного законодательства, однако в данной сфере есть и многочисленные проблемы. Главной проблемой является то, что, несмотря на прогресс правотворчества в настоящее время, наблюдается большой разрыв между существующей системой экологических требований и практикой их выполнения,

что вызывает необходимость подробнее рассмотреть такое явление, как «экологическая» юридическая ответственность.

Можно привести следующие доводы в пользу выделения специальной экологической ответственности. Прежде всего, это наличие специфических общественных отношений, подлежащих правовой охране, под которыми выступают общественные отношения в области охраны природы и природных ресурсов. Субъект экологической ответственности – это физическое или юридическое лицо, причинившее вред окружающей среде. К отличительным чертам экологической ответственности можно отнести особый характер санкций за экологические правонарушения. Понятно, что в данном случае наказание виновного приобретает второстепенное значение, а самым важным является восстановление природных качеств до того состояния, в котором они находились до причинения им ущерба.

Нельзя здесь обойти вниманием и выделяемую рядом ведущих правоведов перспективную юридическую

ответственность – ответственность за будущее поведение субъекта. В случае экологической разновидности юридической ответственности, о таком явлении можно говорить даже с большим основанием, чем в отношении иных отраслей права. Перспективная экологическая ответственность выражается не только в пассивном поведении индивида, бездеятельном соблюдении им правовых норм под угрозой наказания, а в активных действиях, призванных воспрепятствовать нанесению ущерба окружающей природной среде (что выражается, например, в устройстве очистных сооружений), посредством которых он стремится избежать ретроспективной юридической ответственности, выражающейся в практическом осуществлении санкций норм уголовного, административного и иных отраслей права.

Что касается употребления самого термина «экологическая ответственность», следует признать существование определенных споров относительно его необходимости. В настоящий момент теория права выделяет уголовную, гражданскую, административную ответственности, часто называется также ответственности конституционная, дисциплинарная и материальная. Что касается экологической ответственности, то она обычно специально не выделяется, а рассматривается как «юридическая ответственность за экологические правонарушения» [2]. В лучшем случае указывается, что в рамках административной ответственности можно выделить такие разновидности, как экологическая, которая закрепляет ответственность в однородных сферах общественных отношений. Д.А. Липинский подчеркивает, что экологическая – это не самостоятельный вид юридической ответственности, а разновидность административной [3].

Мы считаем, что, признавая тот факт, что экологическая ответственность и экологическое право в целом действительно имеет своим истоком административные нормы, нельзя забывать о том, что в современный период охрана природы в значительной степени основывается также на нормах уголовного права. А способы компенсации нанесенного окружающей среде ущерба в значительной степени разработаны наукой гражданского права. Таким образом, если мы признаем, что экологическое право это комплексная отрасль права, сформировавшаяся на стыке различных правовых отраслей, нам придется признать, что и экологическая ответственность в настоящее время является комплексной разновидностью юридической ответственности, имеющей, однако, и свое собственное содержание.

Строго говоря – понятие «экологическая ответственность», как и «экологическое право» в целом не являются общепризнанными. Оно выделяется не законодателем, но учеными и практиками, которые понимают под ней комплексный межотраслевой институт права, предусматривающий две группы норм и соответствующих им правоотношений, возникающих по поводу нарушения норм природоохранного законодательства, и продолжающихся в связи с применением санкций.

Для законодателя оказываются сложными такие существенные элементы, как цели правового регулирования в экологической сфере, объект экологических отношений, предмет правового регулирования экологического права, механизм правового регулирования и многие другие.

Как указывает М.М. Бринчук, формирование права окружающей среды как комплексной отрасли наложило отпечаток и на механизм действия его норм. Одними из ведущих элементов является применение мер юридической ответственности, предусматриваемых трудовым, административным, уголовным и гражданским правом, которое является правовым средством обеспечения соблюдения экологических прав

и законных интересов физических и юридических лиц [4]. Перечисление в нормах законодательства об охране окружающей среды или законодательства об охране и использовании животного мира правонарушений, за совершение которых виновные лица несут юридическую ответственность, само по себе вовсе не означает, что в случае их совершения такая ответственность для них наступит. Это возможно лишь в том случае, если ответственность за совершение данного конкретного правонарушения содержится в нормах УК РФ (уголовная ответственность), КоАП РФ (административная ответственность), а также имеются основание и условия наступления гражданско-правовой ответственности [5]. В природоохранном законодательстве закреплён единый перечень правонарушений, которые могут являться основанием юридической (уголовной, административной или налоговой и гражданско-правовой) ответственности [6].

Экологическая ответственность как составная часть механизма экологического права представляет собой один из видов юридической ответственности, вследствие чего имеет все отличительные признаки последней, а также некоторые специфические особенности. Во-первых, это особый вид правовых отношений между государством и правовыми субъектами, нарушившими экологические законы. Данные отношения базируются на юридических фактах, возникающих в результате нарушения экологического законодательства, что приводит к возникновению специфических правовых отношений. Во-вторых, экологическая ответственность реализуется в форме принуждения с использованием государственной системы с целью защиты экологических требований. В-третьих, система экологической ответственности является комплексной правовой системой. Она включает в себя нормы, относящиеся к различным отраслям права. Ее комплексность выражена достаточно отчетливо. В соответствии с традиционной классификацией отраслей права в ее состав входят нормы гражданского, административного и уголовного права.

Посредством применения экологической ответственности реализуется государственное принуждение к исполнению экологических требований. Можно назвать такие ее функции как:

- стимулирующую (к соблюдению норм экологического права);
- превентивную - обеспечивающую предупреждение правонарушений в экологической сфере;
- компенсационную, направленную на возмещение потерь в природной среде и на возмещение вреда, причиненного здоровью человека;
- карательную, заключающуюся в наказании лица, виновного в совершении экологического правонарушения [7].

Некоторые авторы, например, В.В. Петров выделяют эколого-правовую ответственность, под которой понимают комплексный межотраслевой институт права, предусматривающий две группы норм и соответствующих им правоотношений, возникающих по поводу нарушения норм природоохранного законодательства, и продолжающихся в связи с применением санкций [8].

Как указывает А.В. Николаев, ответственность за экологические правонарушения – это комплексный институт права, включающий в себя нормы различной отраслевой принадлежности, предусматривающие применение к лицу, совершившему экологическое правонарушение, мер государственного принуждения, выраженных в санкции правовой нормы [9].

В данном случае ответ на вопрос о существовании или отсутствии экологического (или любого другого) вида юридической ответственности требует первоначального определения основных понятий и смыслов употребляемых нами определений.

Если мы вслед за А.А. Сережкиной и С.И. Некрасовым признаем, что ответственность как социально-философское понятие обладает такими характеристиками как то, что ответственность по сути своей всегда социальна, так как формируется в обществе и отражает социальное бытие и, во-вторых, что ответственность сопряжена с деятельностным подходом, поскольку характеризует поведение и активность индивида или группы людей, и проблема ответственности, как таковая, возникает именно в процессе целенаправленной деятельности и связана с оценкой её результатов и последствий [10], мы должны будем не испытывая никаких серьезных сомнений согласиться с существованием экологической ответственности (факт существования в обществе отношений по охране окружающей среды сомнений не вызывает). Можно согласиться с В.А. Ефановым, который считает, что определяющим в разграничении системы юридической ответственности на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность определенного вида юридической ответственности, взаимопроникновение и точки пересечения различных видов юридической ответственности [11]. В советское время ученые, отстаивавшие самостоятельность некоторых отраслей – семейного, земельного, экологического (природоохранного), предлагали обособить соответствующие им виды юридической ответственности в семейном, земельном, экологическом праве. Такая тенденция сохраняется и на сегодняшний день [12].

Вместе с тем, как указывает Н.Г. Абрамова, «выделение в самостоятельную разновидность правонарушений, совершающихся в сфере взаимодействия общества и природы, отнюдь не должно предполагать обязательного применения каких-то особых эколого-правовых санкций. Доминирующее значение в подобной ситуации приобретают предусмотренные законодательством меры уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой (имущественной) ответственности. Совокупность мер принуждения, применяемых в области охраны окружающей среды, можно именовать эколого-правовой ответственностью лишь с известной долей условности и использовать это понятие в качестве научного термина» [13].

Имеются и возражения против существования экологической ответственности в качестве самостоятельного вида. Так, как указывает Д.А. Липинский, институт экологической ответственности является функциональным институтом, характеризующимся только связями правовых норм, и ничего общего с самостоятельным видом юридической ответственности не имеет, хотя до принятия нового Кодекса об административных правонарушениях существовали предпосылки его оформления в самостоятельный вид юридической ответственности.

Период до принятия нового Кодекса об административных правонарушениях характеризовался динамичным становлением нового вида юридической ответственности – экологической, который стал обособливаться от административной ответственности. Однако в настоящее время связи между уголовным, административным, гражданским видами юридической ответственности скорее носят функциональный и целевой характер, что не образует некий комплексный институт «экологической ответственности» [14]. По мнению Ю.С. Шемшученко, эколого-правовая ответственность не может претендовать на роль самостоятельного вида юридической ответственности. Специфичной для нее является сфера применения – охрана окружающей среды, а также состав экологического правонарушения, как ее основание. Во всем остальном указанная конструкция

починена закономерностям правового регулирования иных мер принуждения, представляющих собой самостоятельные виды юридической ответственности [15].

Мы считаем, что в настоящее время можно говорить о том, что экологическая ответственность начала свое обособление в системе российского законодательства, но данный процесс не является законченным, чему препятствует отсутствие достаточного количества соответствующих нормативно-правовых актов, которые более детально регулировали бы данный вопрос.

Нарушения природоохранительного законодательства должны влечь применение мер наказания, адекватных их опасности, вреду, причиняемому природе, обществу. Подавляющее большинство лиц, виновных в совершении экологических преступлений, осуждено к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Такую практику назначения уголовного наказания нельзя признать мерой, сдерживающей преступность. Нельзя признать эффективным применение и других видов наказания, установленных в санкциях статей, предусматривающих ответственность за экологические преступления [16].

Можно отметить, что понятие экологической ответственности еще не сложилось до конца в юридической науке, в связи с чем ее меры носят в достаточной степени фрагментарный характер и основываются на нормах различных отраслей права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад «Обеспечение прав граждан на благоприятную окружающую среду. Основные проблемы. Возможные решения» // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека: сайт. Москва, 15 марта 2012. Электронный ресурс: http://www.president-sovets.ru/structure/group_4/materials/doklad_obespechenie_prav_grazhdan.php
2. Бринчук, М.М. Экологическое право (право окружающей среды). М.: Юрист, 1998. 688 с.
3. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. М.: Пресс, 2004. – С. 367
4. Бринчук, М.М. Экологическое право (право окружающей среды). М.: Юрист, 1998. С 60
5. Сорокин М.С. Проблемы гражданско-правовой ответственности в области охраны и использования животного мира в РФ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: 2008. – С.19
6. Волков А.М., Поройкина Н.С. Ответственность за нарушение законодательства о недрах // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. 2003. № 1. С. 97-100.
7. Лю Хунянь Юридическая ответственность за экологические правонарушения в России и Китае. // Гражданин и право. 2007, №1
8. Петров В.В. Экология и право. М.: Юрид.лит, 1981. 223 с.
9. Николаев А.В., Засорина Т.Д. Юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2011. № 1. С. 156-166
10. Сережкина А.А., Некрасов С.И. Этизация экологической ответственности в стратегии устойчивого развития // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 4 (166). С. 40-45
11. Ефанов В.А. Дифференциация юридической ответственности как объективный процесс модернизации современного российского права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1 (57). С. 334
12. Репетева О.Е. Классификация юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия:

Юридические науки. 2014. №1. С. 69

13. Абрамова Н.Г. Теоретико-правой анализ экологического правонарушения: понятие, особенности, содержания и проблемы юридической ответственности // Интеграция образования, 2007, №3/4 С. 95

14. Липинский Д.А. Проблемы юридической

ответственности. – СПб.: Пресс, 2004. - С. 420-423

15. Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии. – Киев: 1989. С. 155

16. Виноградова Е. Юридические лица должны нести ответственность за экологические преступления. // Российская юстиция, 2001. №8

ABOUT CONCEPT ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY

© 2014

*A.A. Ivanov, PhD, assistant professor of the «Civil Law and Procedure»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: The ongoing negative changes in natural systems and systems necessitate the adoption of a special environmental legislation and the development of legal liability in the field of nature protection.

Keywords: legal responsibility, branch of law, environmental liability, environmental protection.

УДК 340

СУЩНОСТЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

© 2014

В.М. Корнуков, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье анализируется сущность апелляционного производства, отмечаются недостатки его действующей законодательной регламентации, рассматриваются вопросы, связанные с изменением оснований обжалования и пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, излагаются соображения о последствиях этих изменений.

Ключевые слова: апелляционное производство, законодательные новеллы, пересмотр судебных решений, обеспечение прав личности.

Возвращение института апелляции в российское уголовное судопроизводство является важным шагом в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства по защите прав и законных интересов граждан в сфере уголовно-процессуальных отношений. Распространение апелляции на все судебные решения, вынесенные судами первой инстанции, безусловно, должно способствовать усилению гарантий прав лиц, интересы которых, так или иначе, затрагиваются указанными судебными актами. Апология эффективности и достаточности кассации в достижении указанной цели, долгое время существовавшая в теории уголовного судопроизводства и создававшая представление об апелляции как явлении чуждом советскому и российскому правосудию, не выдержала проверки временем. Будучи искусственно созданной, кассация, с одной стороны, как бы упрощала процесс обжалования и проверки законности и обоснованности приговоров и других решений судов первой инстанции вышестоящими судами, а с другой, - существенно усложняла возможности участников процесса по отстаиванию своих интересов, потому что не допускала полноценного уголовно-процессуального доказывания при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

С 1 января 2013 года положение изменилось. Начал действовать Федеральный закон РФ от 29.12. 2010 года №433-ФЗ [1], предусматривающий апелляционный порядок пересмотра всех судебных решений, не вступивших в законную силу, сохранивший при этом кассацию в виде разновидности надзорного производства. Законодательные новшества, связанные с введением апелляции, породили целый ряд проблем, касающихся как собственно апелляции, так и других форм судебного надзора. В частности, возникли вопросы о сущности апелляционного производства, об эффективности и результативности устранения вышестоящими судами судебных ошибок, допущенных судами первой инстанции, при строгом разграничении оснований обжа-

вания, отмены и изменения судебных решений. Кроме того, призванный усилить защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, названный выше закон ограничил права осужденных по сравнению с предыдущим положением не только в части оснований, но и в сроках обжалования приговоров, вступивших в законную силу, по мотивам необоснованности осуждения и чрезмерной строгости назначенного наказания. Если по старому закону обжалование в этих случаях не ограничивалось каким-либо сроком, то теперь это допускается только в течение года со дня вступления приговора в законную силу. Устранение существовавшей ранее диспропорции прав обвинения и защиты в рассматриваемой части, с одной стороны, отражает принцип состязательности и равенства сторон, с другой, - существенно ограничивает возможности несправедливо осужденных лиц на защиту своих интересов. Тем более, что при существующем порядке обжалования, требующем представления каждый раз в соответствующий суд копий обжалуемых судебных решений, заверенных теми судами, которые их вынесли; довольно продолжительных сроков рассмотрения жалоб в судах кассационной и надзорной инстанций одного года для обжалования судебного решения, например приговора районного суда в Верховном суде РФ, может оказаться недостаточным при самом добросовестном отношении субъекта обжалования к использованию соответствующих норм закона.

Закон от 29 декабря 2010 года, которым был введен апелляционный порядок пересмотра судебных решений, вызвал споры, касающиеся многих других вопросов правового регулирования этого процессуального института [2]. Возникли даже сомнения относительно способности судов апелляционной инстанции рассмотреть в предусмотренной законом процедуре то количество уголовных дел, которые к ним могут поступить, и как следствие этого – обсуждение вариантов сокращения соответствующей нагрузки, в том числе путём введения

ограничений на апелляционное обжалование судебных решений [3].

Остановимся более подробно на некоторых из обозначенных вопросов. Что есть апелляция, в чём её суть и предназначение? В теории и литературе эта стадия уголовного процесса чаще всего определяется как способ или форма проверки не вступившего в законную силу приговора суда первой инстанции. В действительности это далеко не так. Проверка приговора присутствует в структуре деятельности суда апелляционной инстанции, но лишь в виде одного из её элементов. Сути апелляционного производства она не выражает.

Апелляция как стадия уголовного процесса предопределяется правом каждого осужденного **на пересмотр** вынесенного в отношении него приговора вышестоящим судом, закреплённым в ч. 3 ст. 50 Конституции РФ и Международных правовых актах (Протокол №7 к Европейской Конвенции об Основных правах и свободах человека и гражданина, Международный Пакт о гражданских и политических правах и др.). Ключевым, смыслодержущим в приведённом тексте указанных нормативных актов является термин не «проверка», а «пересмотр», который может быть осуществлён только путём проведения нового судебного разбирательства по уголовному делу с соблюдением правил деятельности суда первой инстанции. Проверка приговора, к слову, составляет суть всех других форм судебного надзора, осуществляемого вышестоящими судами за деятельностью нижестоящих (кассационное, надзорное производство и т.д.).

Апелляция в её классическом проявлении представляет собой повторное рассмотрение уголовного дела, осуществляемое по правилам действия суда первой инстанции путём непосредственного самостоятельного исследования доказательств как имеющихся в деле, так и дополнительно представленных сторонами, с целью обеспечения принятия законного, обоснованного и справедливого решения по рассматриваемому уголовному делу. Она не связана решением суда первой инстанции. Хотя одним из слагаемых назначения апелляционного производства выступает проверка решения суда первой инстанции, целью данного института является осуществление правосудия по рассматриваемому уголовному делу в условиях наличия решения, принятого нижестоящим судом. Именно этим определяются все преимущества апелляции по сравнению с кассацией и другими формами проверки приговоров нижестоящих судов вышестоящими судами. Указанные преимущества чрезвычайно важны, прежде всего, для стороны защиты, поскольку существенно повышают её возможности в оспаривании решений судов первой инстанции и обеспечении прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (Обвинение, как правило, удовлетворяется решением суда первой инстанции. Оно обжалует их значительно реже. Это не удивительно, потому что сторона обвинения, как и суд, рассматривающий дело, представляет государство, а спорить двум государственным органам не с руки. Вот если бы правосудие осуществлялось народом и от имени народа, тогда модель распределения процессуальных функций и правосудия могла быть принципиально иной.). Однако, как показывают результаты проведённого выборочного опроса адвокатов, пока защита существенных преимуществ апелляции не ощутила. Об этом же свидетельствует и анализ итогов рассмотрения отдельных уголовных дел в судах апелляционной инстанции. Возможно эта ситуация обусловлена тем, что защита слишком многого ожидала от нового института, а опыт его использования ещё не наработан, возможно и потому, что уголовные дела в апелляционном порядке в большинстве случаев рассматриваются судьями - бывшими кассаторами. Скорее всего, обе эти причины, так или иначе, сказываются на восприятии результатов сегодняшней апелляционной практики. Тем не менее, его суть заключается не в них,

а в самой законодательной регламентации апелляции. Адвокаты, как и многие другие юристы, ожидали апелляцию в выше приведённом понимании, а получили по существу чуть более содержательно расширенную кассацию, в которой непосредственное исследование доказательств, имеющихся в уголовном деле, а также дополнительно представленных сторонами, полностью поставлено в зависимость от усмотрения суда. Более того, закон сущность производства в суде апелляционной инстанции выразил посредством использования терминологии, свойственной не рассматриваемому институту, а именно кассации. Так, в части 4 ст. 389.13 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции, говорится, что после выступления сторон «суд переходит к проверке доказательств». Там же дословно воспроизведена фраза, составлявшая пятую часть действовавшей до 1 января 2013 года статьи 377 УПК, регламентировавшей ранее порядок рассмотрения дела судом кассационной инстанции, о том, что стороны в подтверждение или опровержение приведённых доводов вправе представить в суд дополнительные материалы. Что это за материалы и зачем нужно тут упоминание о них, если в предыдущей части они уже были обозначены, а из ч. 6 указанной статьи прямо следует, что стороны наделены правом представления в суд апелляционной инстанции новых доказательств. Стереотип кассационного мышления сказался при формулировании многих других норм апелляционного производства. Пленум Верховного суда РФ попытался сгладить это впечатление. В Постановлении от 27 ноября 2012 года он разъяснил, что под проверкой в указанном выше случае надо понимать исследование доказательств по правилам, установленным статьями 87-89 и главой 37 УПК РФ, и что эти правила распространяются как на доказательства, получившие оценку суда первой инстанции, так и не исследованные им, а также на доказательства, дополнительно представленные сторонами [4]. Но Пленум не мог выйти за пределы закона и потому оговорил, что исследование доказательств при этом осуществляется с особенностями, предусмотренными частями 3 - 8 статьи 389.13 УПК РФ. А указанные особенности не мобилизуют, а скорее расхолаживают стороны по использованию предоставленных им прав, поскольку вопрос свидетелей (надо полагать и потерпевших), допрошенных в суде первой инстанции, согласно части 5 статьи 389.13 УПК, возможен только, когда суд признает их вызов необходимым. И хотя в указанной норме говорится о суде, на самом деле это решает судья единолично при назначении и подготовке заседания суда апелляционной инстанции (п.2 ч.1 ст. 389.11 УПК). К тому же Пленум Верховного суда рекомендовал судьям при решении этого вопроса исходить из того, будут ли показания этих лиц иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости приговора или иного судебного решения (абзац 2 пункта 13 Постановления). То есть судья уже заведомо, до рассмотрения уголовного дела должен решить вопрос о значении и доказательственной ценности показаний свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции. Между тем, на практике чаще всего вызывают сомнения именно показания свидетелей обвинения, допрошенных в суде первой инстанции, поскольку они зачастую даются под искусственно организованным (посредством их воспроизведения при оглашении) впечатлением показаний, полученных от них в ходе досудебного производства в условиях отсутствия состязательности и гласности, не исключающих возможность противоправного воздействия на допрашиваемого. Не случайно Председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев в своих публичных выступлениях неоднократно обращал внимание на необходимость обеспечения явки свидетелей обвинения в суд с целью их непосредственного допроса, и предлагал даже возложить такую обязанность на сторону обвинения [5].

Не большими возможностями в апелляционной инстанции стороны обладают и по обеспечению исследования других доказательств, поскольку их ходатайства в этой части разрешаются судом в порядке ст. 271 УПК РФ, не предусматривающей ни каких конкретных критериев решения данного вопроса. Но законодатель счёл чрезмерным и этот порядок. После введения в действие главы 45.1 УПК Федеральным законом от 23 июля 2013 года в ст. 389.13 была введена часть 6.1, которая практически сводит на нет продекларированные ранее возможности сторон по представлению в суд апелляционной инстанции новых доказательств, т.е. доказательств, не исследованных в суде первой инстанции. Теперь такие доказательства могут быть приняты судом только при условии, если лицо, заявившее соответствующее ходатайство, «обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными». Эта норма, прежде всего по отношению к стороне защиты, является абсолютно неприемлемой, потому что, на наш взгляд, противоречит Конституции РФ, не допускающей каких-либо искусственных ограничений по использованию права на защиту. Однажды законодатель уже использовал этот приём при регламентации порядка заявления и разрешения ходатайств стороны защиты при проведении предварительного слушания по уголовному делу. Часть 6 статьи 234 УПК допускала удовлетворение ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби обвиняемого при условии, «если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором», либо о наличии такого свидетеля ей стало «известно после окончания предварительного расследования». Конституционный суд РФ счёл, что это законоположение ограничивает обвиняемого в возможности отстаивать свою позицию по уголовному делу, чем нарушает его право на защиту, и признал его не соответствующим статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2) Конституции РФ [6].

В связи с изложенным, можно только сожалеть, что законодатель при формулировании рассмотренных и других положений не использовал российский исторический опыт. Например, Устав уголовного судопроизводства России 1864 года, вводя, как и УПК РФ, неполную или усечённую апелляцию, устанавливал несколько иное соотношение полномочий суда и сторон. В частности, согласно ст. 879 этого акта присутствие свидетелей и сведущих лиц в соответствующей судебной палате обуславливалось двумя случаями: а) когда палата признает это необходимым и б) когда стороны сами о том просят и к этому не встречается препятствий.

Сравнивая действующую апелляцию с апелляцией по Уставу Уголовного судопроизводства 1864 года, надо отметить, что в современной апелляции более выражено публичное начало. Прежнее апелляционное производство было прямо ограничено пределами жалобы или представления. В ст. 889 Устава говорилось: «Прения и само рассмотрение дела не должны выходить из пределов отзыва или протеста». Тем самым актуализировалась мотивационная составляющая и повышалась значимость деятельности сторон. Нынешнее - формально не имеет этого ограничения, носит ревизионный характер, в нём превалирует судебское усмотрение. Согласно ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе проверить производство по уголовному делу в полном объёме. Представляется, что в старом порядке было больше логики. Предопределённость апелляционного производства правом осуждённого на пересмотр его приговора вышестоящим судом обуславливает необходимость придания большей значимости мнению сторон, в частности стороны защиты, в определении объёма и пределов исследования доказательств в этой судебной инстанции.

Говоря о сущности апелляционного производства,

нельзя не упомянуть о характере и видах принимаемых в нём решений. Во-первых, их перечень чрезмерно широк. Во-вторых, недостаточно проработан и плохо систематизирован. Этим порождены некоторые недоразумения, касающиеся данного вопроса, содержащиеся даже в указанном выше Постановлении Пленума Верховного суда РФ. В частности, принципиальное возражение вызывает позиция Пленума, выраженная им в пункте 20 Постановления. В нём Пленум, сославшись на статью 389.20 УПК, сделал вывод о том, что «перечень решений, принимаемых судом апелляционной инстанции, не является исчерпывающим». Между тем, нормы подобные тем, о которых идёт речь (ст. 389.20 УПК) по определению не могут содержать открытый перечень возможных решений. Примеров подобного рода современная практика не знает. Попробуйте представить себе нечто подобное применительно к любой другой судебной инстанции, например к первой, кассационной или надзорной. Что получится? Да, в Уставе уголовного судопроизводства этот вопрос решался иначе, там суд отчасти сам определял вид решения (приговора), но в Уставе вообще не было формализованного перечня решений, принимаемых судом апелляционной инстанции. При наличии в законе такого перечня произвольный подход к определению вида судебного решения исключается. Возможно, и скорее всего Пленум ВС РФ прав в том, что указанный перечень не охватывает всех возможных решений при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, но решать данный вопрос следовало бы путём предложения об изменении соответствующей статьи закона. Сделав указанный вывод, Пленум искусственно создал проблему обоснования невозможности вынесения апелляционной инстанцией решения об отмене оправдательного приговора с одновременным постановлением обвинительного приговора. В пункте 21 соответствующего Постановления он указал, что это невозможно в силу положений части 3 статьи 50 Конституции РФ, согласно которым каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также по смыслу части 2 статьи 389.24 УПК РФ. Между тем всё гораздо проще. Суд апелляционной инстанции не вправе отменить оправдательный приговор и постановить обвинительный приговор, потому что ст. 389.20 УПК не предусматривает такого вида решения.

Что касается размежевания оснований обжалования, отмены и изменения приговоров и других судебных решений судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, которое предопределило, как указывается в литературе [7], круг задач и процедуру по выявлению и исправлению судебных ошибок каждой из этих инстанций, то тут тоже не всё так просто. Во-первых, законность и обоснованность - тесно связанные между собой понятия. Не обоснованный приговор не может быть признан законным. Фактические ошибки, т.е. неверное установление судом фактических обстоятельств уголовного дела, не всегда, во-первых, устраняются судом апелляционной инстанции, во-вторых, присутствуют в приговорах при явных и существенных нарушениях требований уголовного и уголовно-процессуального закона. Чаще всего они являются следствием ряда или системы, на первый взгляд, незначительных нарушений или отступлений от требований закона. В результате обжаловать такие судебные решения в кассационном и надзорном порядке не только трудно с точки зрения обоснования доводов несогласия с ними, но и порой заведомо безнадежно именно в силу введённого законом указанного выше разграничения соответствующих оснований. В нашем уголовно-процессуальном законодательстве нет понятия «справедливое судебное разбирательство», право на которое гарантируется каждому участнику процесса ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод. Оно пред-

стаёт в виде ряда отдельных требований, закреплённых в законе. Приведём пример. Человек осуждён за приговорение к незаконному сбыту наркотических средств, выразившегося в приобретении и перевозке героина. В обвинительном заключении и в приговоре суда первой инстанции утверждалось, что обвиняемый (осуждённый) приобрёл героин в энской области в **неустановленном** месте у **неустановленного лица** с целью последующего его сбыта и при перемещении на автомобиле был задержан на посту ДПС. При задержании в автомобиле, который осуждённый накануне взял в аренду в пункте проката, было обнаружено и изъято указанное наркотическое вещество. Доказательств приобретения осуждённым героина в уголовном деле нет. Место, время и лицо, у которого подсудимый мог приобрести или приобрёл героин, как уже указывалось, не установлены, что противоречит требованиям ст. 73 УПК РФ, определяющим круг обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу, а по приведённому - в первую очередь, так как именно место, время и другие обстоятельства приобретения наркотиков подсудимым составляли суть обвинения и предмета доказывания по этому делу. Следовательно, а в впоследствии и суд при вынесении и обосновании соответствующих решений по делу оперировали только доказательствами обнаружения наркотиков в автомашине, которой управлял обвиняемый, делая на их основе предположительный вывод о приобретении и закладке наркотиков в автомобиль обвиняемым. С целью опровержения версии обвиняемого (отрицавшего свою причастность к наркотикам), что наркотики под обшивку багажника автомобиля, где они были обнаружены, могли быть заложены работниками службы проката автомобилей, которые были осведомлены о маршруте его движения, вместо директора фирмы, подписавшего договор проката автомобиля, и работника, непосредственно передавшего автомобиль обвиняемому, было допрошено лицо, оказывавшее юридические услуги этой фирме и не присутствовавшее при передаче автомобиля в прокат обвиняемому. Этот человек, будучи вызванным в качестве специалиста, на предварительном следствии превратился в свидетеля, который в своих показаниях разъяснил предусмотренные соответствующей инструкцией правила передачи автомобиля в прокат и утверждал, что при передаче обвиняемому автомобиля был произведён осмотр его багажника. По неизвестным причинам данный свидетель в суд не явился, его показания были оглашены в судебном заседании и положены в основу опровержения версии подсудимого. Подсудимый при этом был лишён права на непосредственное восприятие и опровержение его показаний. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и не усмотрел в деле каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона. Возникает вопрос - каковы шансы на результативное обжалование данного приговора в кассационном порядке? Практически нулевые, что и было подтверждено постановлением судьи соответствующего суда.

А ведь в приведённом случае было нарушено право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, право, которое гарантируется каждому участнику процесса ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, но не зафиксированное в таком виде в российском уголовно-процессуальном за-

конодательстве. Не возможно доказать российскому судье и то, что использование в обвинительных документах при формулировании обвинения терминологии, отражающей не установление элементов события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступного деяния) создаёт препятствия для эффективной защиты от такого обвинения и нарушает соответствующее право обвиняемого, поскольку эта практика стала повсеместной и приобрела вид вполне приемлемой деятельности.

Не имея возможности, в виду ограниченности объёма статьи, для более подробной аргументации излагаемых вопросов, подытожим. Законодательные новеллы, повлекшие строгое разделение оснований обжалования судебных решений, придание апелляции значения единственной и последней инстанции, в которой судебные решения могут быть проверены на предмет правильности установления фактических обстоятельств уголовного дела, сокращение сроков обжалования вступивших в законную силу приговоров по мотивам необоснованного осуждения либо строгости назначенного наказания, упростившие работу судебной системы, существенно осложнили возможности участников уголовного судопроизводства, прежде всего со стороны защиты, защищать и отстаивать свои права и законные интересы в судах кассационной и надзорной инстанций. Эти новшества с учётом отмеченных выше недостатков апелляционного производства чреваты возможностью существенного увеличения количества неисправленных фактических ошибок по уголовным делам и роста числа необоснованно осуждённых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская газета. 2010. 31 декабря. № 297.
2. Червоткин А.С. Некоторые особенности новой апелляции по уголовным делам // Уголовный процесс. 2012. №11. С. 12-19; Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в российском уголовном процессе: ожидания практики // Уголовный процесс. 2012. №11. С.26-33; Апелляция кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / кол.авторов / под общей ред. Н.А. Колоколова. М.: изд-во «Юрист». 2011.
3. Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12(37). С. 1619-1624.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27. 11. 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». //Бюллетень Верховного суда РФ. 2013. № 1.
5. Куликов Владислав. «Придут и повинятся»//Росс. Газ. 2013. 20 февраля. №36 (6012).
6. Постановление Конституционного суда РФ от 29. 06. 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804.
7. Червоткин А.С. Указ раб. С. 12-19; Воскобитова Л.А. Указ. раб. С. 1620.

THE ESSENCE OF THE APPEAL PROCEEDINGS AND PROBLEMS REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL MATTERS

© 2014

V.M. Kornukov, Doctor of Law, professor of Criminal Procedure and Criminalistics
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article examines the nature of the appeal proceedings, marked its shortcomings existing legislative regulation, the issues associated with changes in the grounds of appeal and review of judicial decisions which have entered into force, sets out the considerations of the consequences of these changes.

Keywords: appeal proceedings, legislative innovations, review of judicial decisions, the rights of the individual.

УДК 347.96

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

© 2014

М.К. Кроз, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Гражданское и предпринимательское право»
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Аннотация: Политика государственной власти России в сфере противодействия коррупции оказывает существенное влияние на изменение оснований и причин дисциплинарной ответственности в сфере государственного и муниципального управления. Однако, требования политической конъюнктуры не всегда согласуются с принципами построения института дисциплинарной ответственности. В статье предпринимается попытка анализа норм антикоррупционного законодательства с точки зрения квалификации оснований дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, муниципальная служба, противодействие коррупции, составы дисциплинарной ответственности.

Институт дисциплинарной ответственности в настоящее время можно отнести к одному из наиболее динамично развивающихся институтов юридической ответственности. Реформирование данного института в основном связано с реализацией на всех уровнях государственной власти, а также органами местного самоуправления антикоррупционной политики. Целью антикоррупционного законодательства выступает не только пресечение самих коррупционных правонарушений, содержащих признаки уголовного деяния или дисциплинарного проступка в данной сфере, но и предупреждение их появления на государственной (муниципальной) службе. В связи с этим при установлении мер ответственности за коррупционные правонарушения законодатель, как правило, выбирает увольнение, представляющее собой согласно трудовому праву РФ крайнюю меру дисциплинарной ответственности.

Так, на основании Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] можно выделить следующие составы дисциплинарных проступков, влекущие освобождение от замещаемой (занимаемой) должности и (или) увольнение служащего:

- нарушение запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами в случаях, предусмотренных ФЗ РФ от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [2] (ст. 7.1 ФЗ РФ «О противодействии коррупции»);

- непредоставление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей лицами, обязанными предоставлять такие сведения согласно нормативным правовым актам РФ, субъекта РФ, муниципального образования (ст. 8 ФЗ РФ «О противодействии коррупции»);

- непредставление государственными (муниципальными) служащими в случаях и порядке, которые установлены ФЗ РФ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3], или представление ими неполных или недостоверных сведений о своих расходах либо непредставление или представление заведомо неполных или недостоверных сведений о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (ст. 8.1 ФЗ РФ

«О противодействии коррупции»);

- нарушение обязанности государственным (муниципальным) служащим уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9 ФЗ РФ «О противодействии коррупции»);

- непринятие государственным или муниципальным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов (ч. 5.1 ст. 11 ФЗ РФ «О противодействии коррупции»).

На практике, несмотря на императивность предписаний, устанавливающих применение в перечисленных случаях увольнения, допускается использование иных мер дисциплинарного характера, предусмотренных законодательством о государственной или муниципальной службе. Подобная вариативность связана, прежде всего, с коллизийностью специального по отношению к ФЗ РФ «О противодействии коррупции» законодательства о соответствующих видах службы. Кроме того, условием законности любого увольнения выступает наличие данного основания в статье федерального закона, предусматривающей случаи прекращения служебного контракта. В силу этого применение модельных составов дисциплинарных проступков, закрепленных ФЗ РФ «О противодействии коррупции», возможно лишь в том случае, если подобный состав установлен статьей соответствующего федерального закона.

Так, увольнение с гражданской службы в силу п. 1.1 ч. 1 ст. 37 ФЗ РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» [4] в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции квалифицируется в качестве утраты представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему. При этом, ст. 59.2 ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ» установлен закрытый перечень причин, которые могут повлечь применение подобного основания прекращения служебного контракта. К ним относятся:

1) непринятие гражданским служащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

2) непредставление гражданским служащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

3) участие гражданского служащего на платной

основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

4) осуществление гражданским служащим предпринимательской деятельности;

5) вхождение гражданского служащего в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором РФ или законодательством РФ;

б) нарушение гражданским служащим, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Иные нарушения требований антикоррупционного законодательства могут повлечь применение к государственному гражданскому служащему меры дисциплинарной ответственности, не связанные с увольнением с государственной службы. Согласно ст. 59.1 Закона за несоблюдение гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, налагаются такие взыскания, как: 1) замечание; 2) выговор; 3) предупреждение о неполном должностном соответствии.

Таким образом, квалификация дисциплинарного проступка в качестве нарушения, которое может повлечь увольнение с государственной службы, по законодательству о государственной гражданской службе требует разграничения общих и специальных составов. Следовательно, определение общих составов, допускающих применение мер, предусмотренных ст. 59.1 Закона, должно быть основано на доказанности любого нарушения требований, ограничений, обязанности или запретов, предусмотренных ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ» (ст.ст. 15-18), ФЗ РФ «О противодействии коррупции», нормами других федеральных законов. При этом, в случае, если нарушение таких обязанностей и запретов относится к ситуациям, поименованным в ст. 59.2 Закона, допускается прекращение служебного контракта по инициативе работодателя по п. 1.1 ч. 1 ст. 37 ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ».

Анализ составов проступков, предусмотренных ФЗ РФ «О противодействии коррупции», и ст. 59.2 ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ» позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые составы не идентичны. Однако, следует иметь в виду, что ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ» содержит еще одно основание прекращения служебного контракта, связанное с нарушениями требований, предъявляемых к служебному поведению государственных служащих. Это: основания, предусмотренные п. 13 ч. 1 ст. 33 Закона - «несоблюдение ограничений и невыполнение обязательств, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами»; а также п. 14 ч. 1 ст. 33 Закона - «нарушение запретов, связанных с гражданской службой, предусмотренных ст. 17 Закона «О государственной гражданской службе РФ».

Проблематика применения данных оснований обусловлена, прежде всего, их конкуренцией с составами, предусмотренными ст.ст. 59.1, 59.2 Закона. Кроме того, указанные основания отнесены Законом к общим ситуациям прекращения служебных отношений. Это означает, что к этим основаниям не применяются ограничения и запреты прекращения служебного контракта, относящиеся к системе оснований

расторжения контракта по инициативе представителя нанимателя (ч. 3 ст. 37 Закона). Нарушения, допускающие увольнение с государственной службы по пп. 13, 14 ч. 1 ст. 33 Закона, не требуют соблюдения порядка применения дисциплинарных взысканий, что означает отсутствие необходимости доказывания работодателем наличия полного состава дисциплинарного проступка. Подобное положение, на наш взгляд, существенно снижает уровень прав и гарантий наемных работников.

Несколько иной путь применения увольнения за нарушения в сфере антикоррупционного законодательства избрал законодатель при конструировании оснований ответственности муниципальных служащих.

Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 19 ФЗ РФ от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [5] несоблюдение ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой и установленных статьями 13, 14, 14.1 и 15 данного Федерального закона, может повлечь увольнение служащего с муниципальной службы по инициативе представителя нанимателя. К числу антикоррупционных обязанностей в соответствии со ст. 27.1 Закона отнесены требования к поведению служащего в ситуации конфликта интересов (ст. 14.1 Закона) и к предоставлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 15 Закона). В этих случаях применяются гарантии запрета увольнения, предусмотренные ч. 6 ст. 81 Трудового кодекса РФ.

Следует также указать, что Закон «О муниципальной службе в РФ» более последовательно решил вопрос о порядке выбора представителем нанимателя меры дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционных стандартов. Согласно ст. 27.1 Закона за несоблюдение муниципальным служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, может быть применен один из следующих видов дисциплинарной ответственности: 1) замечание; 2) выговор; 3) увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям (ст. 27 Закона). При применении взысканий, предусмотренных статьями 14.1, 15 и 27 Закона, учитываются характер совершенного муниципальным служащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение муниципальным служащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения муниципальным служащим своих должностных обязанностей (ч. 4 ст. 27.1 Закона).

Однако, конструкция дисциплинарной ответственности, установленная ФЗ РФ «О муниципальной службе в РФ», также не лишена недостатков. Так, в ст. 27.1 Закона по аналогии со ст. 59.2 ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ» причина применения дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционных требований обозначена как «утрата доверия». При этом, подобное основание расторжения трудового договора в Законе «О муниципальной службе в РФ» отсутствует. Следовательно, подлежит применению основание расторжения трудового договора, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 19 Закона.

Положения законодательства о государственной и муниципальной службе в части формулирования оснований, причин, порядка применения дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, таким образом, требуют дальнейшего совершенствования. Думается, что исходя из принципа единства государственной и муниципальной службы,

необходима унификация соответствующих норм законов «О государственной гражданской службе РФ» и «О муниципальной службе в РФ».

2. Российская газета, № 100, 14.05.2013.
3. Российская газета, № 280, 05.12.2012.
4. Российская газета, № 162, 31.07.2004.
5. Российская газета, № 47, 07.03.2007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская газета, № 266, 30.12.2008.

PROBLEMS OF THE INSTITUTE'S DISCIPLINARY LIABILITY FOR CORRUPTION ON THE STATE AND MUNICIPAL SERVICE

© 2014

M.K. Kroz, candidate of jurisprudence, associate professor of «Civil remedial and enterprise law»
Samara state university of economics, Samara (Russia)

Annotation: Anti-corruption Russian Policy has a significant impact on the change of the bases and reasons for disciplinary responsibility in the state and municipal management. However, the political situation is not always consistent with the principles of the Institute disciplinary action. The article analyzes norms of anti-corruption legislation of the disciplinary liability of public and municipal servants.

Keywords: civil service, municipal service, anti-corruption, disciplinary responsibility.

УДК 347.53

ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДАНАМИ

© 2014

И.Г. Кудашева, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»

Аннотация: В статье анализируются нормы права, предусматривающие гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними и недееспособными гражданами.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, возмещение ущерба, преступность несовершеннолетних, возникновение обязательств, гражданское правонарушение, гражданская дееспособность, сделкоспособность, деликтоспособность.

Социально-экономические явления и процессы, происходящие на макроуровне, отражаются на сознании и поведении несовершеннолетних, преломляясь через среду ближайшего социального окружения: семью, школу, трудовые коллективы, неформальные группы молодежи по месту жительства. Эти социальные институты испытывают в настоящее время большие трудности в выполнении своих задач и функций. Антикриминогенный, профилактический их потенциал за годы проводимых в стране реформ значительно снизился.

На сегодняшний день, происходящие в России радикальные изменения в политической, социальной и духовной сферах жизни общества оказывают существенное влияние на состояние и структуру правонарушений. Особенно чутко реагирует на изменения в социальной среде преступность несовершеннолетних, что подтверждено результатами многочисленных криминологических исследований. Меняются не только количественные, но и качественные ее показатели. Исследования фиксируют изменения в мотивации преступного поведения несовершеннолетних, составе участников подростковых преступных групп, механизме вхождения и вовлечения в них подростков, личностных взаимоотношениях их участников, характере их деятельности. Очевидно, что эти обстоятельства невозможно игнорировать при планировании и организации мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних.

Изменения, которые произошли в условиях жизнедеятельности молодого поколения страны, как показывают исследования, подрастающее поколение с наибольшими потерями адаптируется к происходящим в настоящее время в стране сложным и противоречивым социально-экономическим изменениям, находясь на острие этих противоречий со своими потребностями в получении образования, жилья и в обустройстве своей дальнейшей жизни. В переходный, кризисный период все большее влияние на преступность оказывают такие факторы, как имущественное расслоение общества, заметное снижение жизненного уровня широких слоев

населения, явная и скрытая безработица, массовая миграция, а также порожденный экономическими трудностями и нерешенными социальными проблемами неблагоприятный психологический фон [1].

Основным источником причины роста преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, связаны с противоречиями общественного развития. Системный кризис, переживаемый в стране с начала радикальных преобразований в экономике и продолжающийся в определенной мере и в настоящее время, сопровождается возникновением новых и обострением ранее имевшихся противоречий.

Проблемы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних всегда отличались особой остротой и актуальностью. Это обусловлено прежде всего традиционно высокой преступной активностью подростков.

Количественные показатели преступности несовершеннолетних в России претерпевали изменения в связи с направлениями уголовной политики и карательной практики, осуществляемой государством. К примеру, в 1874-1878 гг. удельный вес лиц в возрасте до 17 лет составлял 1% всего числа осужденных в России; в 1910г. - 4%; в 1935г. - 4,6%; в 1945г. - 16,5%; в 1955г. - 5,6%; в 2000г. - 12,6% [2].

Актуальность темы исследования, наряду с вышеуказанными обстоятельствами, подтверждают следующие аспекты:

1) данная тема актуальна для рассмотрения в виду повышенной опасности преступлений совершенных подрастающим поколением;

2) большинство преступлений, совершенных несовершеннолетними и недееспособными, как правило, совершаются в группе, под руководством взрослого преступника-организатора, что еще более повышает социальную опасность таких деяний – подростки и недееспособные не всегда в полной мере осознают противоправность своих деяний и в то же время практически не несут ни уголовной, ни гражданской ответственности, что провоцирует к дальнейшему

совершению преступлений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе возникновения ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними и недееспособными. Предмет исследования – система правовых норм, регулирующих процесс возмещения вреда, причиненного несовершеннолетними и недееспособными.

Таким образом, главная цель работы - изучить правовые аспекты ответственности за вред причиненный несовершеннолетними и недееспособными лицами.

Задачи исследования:

1. Изучить следующие понятия: «вред» (его признаки и формы), «дееспособность», «виды ответственности».

2. Провести анализ оснований и пределов ответственности несовершеннолетних и недееспособных преступников.

Теоретической основой изучаемой темы стали труды отечественных ученых-юристов: Е.М.Цыгановой, А.П.Вершинина и др. Также при написании статьи использовались Постановления Правительства РФ, Федеральные Законы, Уголовный Кодекс РФ, Гражданский Кодекс, литература юристов-теоретиков, инструктивно-методический материал, статьи периодической печати.

1. Гражданско-правовая ответственность и общие положения возникновения обязательств из причинения вреда.

Вред в гражданском праве - умаление субъективного гражданского права или уничтожение блага. Вред может быть причинен личности или имуществу. В юридической литературе, судебной и арбитражной практике используются понятия «вред», «ущерб», «убытки». Вред и ущерб чаще всего рассматриваются в качестве синонимов. Понятия «вред» и «убытки» не совпадают. Вред - более широкое понятие, подразделяющееся на имущественный и неимущественный вред.

Можно отметить несколько принципов гражданско-правовой ответственности.

1. Принцип неотвратимости ответственности означает её неизбежное применение за всякое правонарушение в отношении каждого правонарушителя;

2. принцип индивидуализации ответственности состоит в том, что ответственность наступает с учётом степени общественной опасности, вредоносности деликта, формы вины правонарушителя и других факторов;

3. принцип полного возмещения вреда предполагает восстановление имущественного положения потерпевшего.

Основанием возникновения обязательства служит гражданское правонарушение, выразившееся в причинении вреда другому лицу. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, выполняют как компенсационную, так и предупредительную функции. Восстановительная функция позволяет устранить отрицательные последствия противоправного действия на материальные или нематериальные блага потерпевшего.

Для возложения ответственности за причинение вреда необходимо выполнение определенных условий. Возмещению подлежит имущественный, неимущественный и моральный вред:

- обязательства юридического/физического лица за вред, причиненный работниками;

- обязательства, возникающие вследствие причинения вреда актами власти;

- обязательства, возникающие вследствие причинения вреда несовершеннолетними лицами, признанными недееспособными или частично дееспособными, не способными понимать значения своих действий;

- обязательства, возникающие вследствие причинения вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих;

- обязательства, вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина;

- обязательства, возникающие вследствие вреда, причиненного из-за недостатков товаров, работ или услуг;

- обязательства, возникающие вследствие причинения морального вреда.

2. Гражданская дееспособность.

Статья 18 ГК РФ закрепляет содержание правоспособности граждан, следовательно, под гражданской дееспособностью физического лица (гражданина) понимается его способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [3].

При определении объема и структуры дееспособности различных граждан Гражданский кодекс РФ исходит из классификации их по возрасту.

До 6 лет ребенок считается абсолютно недееспособным в силу незрелости психики.

Физических лиц от 6 до 14 лет Гражданский кодекс РФ характеризует как малолетних, статья 28 ГК закрепляет так называемую дееспособность, а также закрепляет так называемую дееспособность малолетних, которая состоит в способности самостоятельно совершать:

1) мелкие бытовые сделки;

2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды;

3) сделки по распоряжению средствами.

Следовательно, в этих возрастных рамках гражданин обладает частичной сделкоспособностью и частичной дееспособностью осуществлять гражданские права. Деликтоспособностью такие граждане не обладают, поскольку ответственность за вред, причиненный малолетними, несут их родители, усыновители или опекуны.

Вышеуказанные элементы дееспособности малолетних представляют собой исключение из общего правила о том, что за несовершеннолетних, не достигших 14 лет, сделки совершают от их имени только родители, усыновители или опекуны. Поэтому наиболее распространено мнение о том, что эта категория граждан недееспособна [3].

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают частичной дееспособностью, поскольку могут совершать сделки с письменного согласия родителей, усыновителей или попечителей. При этом расширяется объем дееспособности, реализуемой самостоятельно: к объему дееспособности предыдущего возраста ст. 26 ГК добавляет право без согласия родителей, усыновителей и попечителей распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы и искусства, изобретения и иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; в соответствии с законом вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться этими вкладами [3].

Помимо расширения способности самостоятельно осуществлять права и сделкоспособности для граждан этого возраста закон предусматривает и возникновение деликтоспособности.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред, что закреплено ст. 1074 ГК. Здесь же отражена специфика деликтоспособности граждан этого возраста, которая состоит в том, что при отсутствии средств для возмещения вреда у несовершеннолетнего бремя возмещения этого вреда до достижения причинителем совершеннолетия полностью или в недостающей части возлагается на родителей (усыновителей) или попечителя несовершеннолетнего, если они не докажут, что вред возник не по их вине [3].

Определяя 18-летие как момент наступления полной дееспособности абсолютного большинства граждан, ГК,

как исключение, закрепляет два случая, когда полная дееспособность может наступить ранее 18 лет:

1) в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения 18 лет;

2) в случае эмансипации несовершеннолетнего при двух условиях: осуществление несовершеннолетним, достигшим 16 лет, трудовой деятельности по трудовому договору (контракту) или осуществление им предпринимательской деятельности.

Признание в Российской Федерации физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным подчиняется российскому праву и служит одним из оснований привлечения его к имущественной ответственности, в рамках совершаемых правонарушений.

3. Причины и тенденции правонарушений несовершеннолетних.

Проблемы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних всегда отличались особой остротой и актуальностью. Это обусловлено прежде всего традиционно высокой преступной активностью подростков. Несовершеннолетние быстрее реагируют на позитивные и негативные изменения, происходящие в обществе, что находит отражение в динамике преступности. Не случайно в динамике преступлений несовершеннолетних наблюдаются определенные колебания - «волнообразные движения». Так, за годы реформ «пик» в ее динамике пришелся на наиболее сложный в социально-экономическом плане период - на 1993 год. В течение последующих четырех лет (1994-1997 гг.) в России отмечалось снижение и некоторая стабилизация преступности несовершеннолетних. Однако в 1998-1999 гг. количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, вновь стало расти, а в 2000-2002 гг. снова снизилось [2].

Обратимся к данным таблицы 1. На основании приведенных данных напрашивается вывод о положительных результатах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. За рассматриваемый период только в 1998 и 1999 гг. отмечен рост выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними. Удельный вес раскрываемых ежегодно преступлений с участием несовершеннолетних сократился с 14 до 9,1%. Коэффициент преступлений несовершеннолетних также значительно сократился [4].

В процессе изучения следует, что существенные изменения произошли в условиях жизнедеятельности молодого поколения страны. Как показывают исследования, подрастающее поколение с наибольшими потерями адаптируется к происходящим в настоящее время в стране сложным и противоречивым социально-экономическим изменениям, находясь на острие этих противоречий со своими потребностями в получении образования, жилья и в обустройстве своей дальнейшей жизни. В переходный, кризисный период

все большее влияние на преступность оказывают такие факторы, как имущественное расслоение общества, заметное снижение жизненного уровня широких слоев населения, явная и скрытая безработица, массовая миграция, а также порожденный экономическими трудностями и нерешенными социальными проблемами неблагоприятный психологический фон.

Следует отметить, что социально-экономические явления и процессы, происходящие на макроуровне, отражаются на сознании и поведении несовершеннолетних, преломляясь через среду ближайшего социального окружения: семью, школу, трудовые коллективы, неформальные группы молодежи по месту жительства. Эти социальные институты испытывают в настоящее время большие трудности в выполнении своих задач и функций. Антикриминогенный, профилактический их потенциал за годы проводимых в стране реформ значительно снизился.

Итак, приходим к выводу, что коренные причины роста преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, связаны с противоречиями общественного развития. Системный кризис, переживаемый в стране с начала радикальных преобразований в экономике и продолжающийся в определенной мере и в настоящее время, сопровождается возникновением новых и обострением ранее имевшихся противоречий. Изменение форм собственности и связанный с этим интенсивный процесс первоначального накопления капитала привели к резкому имущественному расслоению общества.

Большинство населения, как показывает аналитическое социологическое исследование, обнищало. По данным выборочных социологических исследований 42,4% населения составляют сейчас слой неимущих, находящихся за чертой возможностей физиологически допустимого минимума потребления, а еще 37,1% - слой малообеспеченных, которым доступно только поддержание жизни [5].

С переходом экономики страны на рельсы рыночного хозяйства произошел развал многих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Возникла безработица, реальный уровень которой по оценкам специалистов составляет около 12% [6].

Таким образом, спад производства ограничил возможности материальной поддержки учреждений культуры, образования, здравоохранения. Услуги этих учреждений для многих слоев населения стали труднодоступными.

Глубокие преобразования в сфере экономики отразились на идеологии общества и нравственном сознании населения. Произошла переоценка этических норм и ценностей, общепринятой картины истории и культуры. Объявленная в стране широкая демократия и плюрализм идей привели к возникновению многочисленных общественно-политических и религиозных течений, в том числе анархистского,

Таблица 1 – Динамика и коэффициент преступности несовершеннолетних в России за 1994 - 2002 гг.

Год	Количество выявленных преступлений несовершеннолетних	Рост/снижение, %	Удельный вес от общего числа раскрытых преступлений, %	Коэффициент преступлений несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14-17 лет
1994	221649	-1,8	14,0	2563,1
1995	209777	-5,4	12,0	2402,2
1996	202935	-3,3	11,0	2295,5
1997	182798	-9,9	10,9	2030,2
1998	189293	+3,6	10,3	2029,4
1999	208313	+10,0	9,6	2183,2
2000	195426	-6,2	8,9	2012,1
2001	185379	-5,1	9,0	1877,5
2002	139681	-24,7	9,1	1414,3

нигилистического и шовинистического толков. На фоне социально-экономической неудовлетворенности у различных этнических и национальных групп населения возникло мнимое ощущение ущемленности в правах. В ряде регионов укрепилась националистическая идеология. Стали происходить межэтнические и межнациональные конфликты. Появились потоки беженцев и вынужденных переселенцев.

Необходимо отметить, что все эти процессы привели к росту социальной напряженности. Как показывают результаты опросов общественного мнения, у большинства населения появились чувства неопределенности, неуверенности в будущем, тревожности, потери ориентиров. Усиление социального неравенства и напряженности в обществе вызвало резкий рост преступности, которая стала оказывать обратное негативное влияние на общественное сознание и психологию. В условиях экономической и политической нестабильности и нарастания общей социальной напряженности в числе наименее защищенных социальных групп населения оказалась молодежь: значительно сузились возможности самореализации, приобщения к социально-полезной деятельности, удовлетворения ее потребностей и интересов посредством институциональных форм.

В России насчитывается около 4 миллионов беспризорных детей. Вместе с тем любопытен такой факт: какими бы родители не были, со временем обида проходит и дети стремятся к семье. На вопрос о том, что сыграло бы решающую роль в предотвращении преступления, 83,2% юношей и 75,6% девушек из воспитанников колоний ответили - усиление контроля со стороны родителей. Несовершеннолетние рассчитывают и имеют право на помощь коллектива учебного заведения, предприятия. К сожалению, она не всегда приходит вовремя. Неблагоприятная социальная, среда воздействует, прежде всего на личность, не способную по своим свойствам ей противостоять. Среди преступников значительный процент двоечников, эмоционально неудовлетворенных, обладающих многими акцентуациями характера. По данным И.И. Карпеца, преступность среди второгодников в 11-14 раз выше, чем среди других школьников [7].

По данным личного исследования свыше половины несовершеннолетних, попавших в колонию, не работали и не учились. До 70% различного рода респондентов (взрослых и несовершеннолетних) одним из условий преступной деятельности считают слабую организацию досуга по месту жительства. Это уже стало аксиомой. За последние годы и без того скудная база по месту жительства в загородных лагерях сворачивается.

Незанятость как определенное состояние, интегрирующее многие негативные стороны действительности, включает в себе сильный криминогенный заряд. С незанятостью в значительной степени связан наблюдаемый рост правонарушающего поведения среди несовершеннолетних.

По данным криминологов незанятость как одна из форм изолированности от общества выполняет для определенной части подростков и молодежи функции объединяющего начала. Связанные с возрастом психологические особенности не позволяют подросткам, попавшим в отвергнутое положение, находиться в изоляции, вызывают стремление найти равных по социальному статусу лиц и объединиться с ними.

С учётом анализа учетно-профилактических дел осужденных подростков, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД, показал, что 31,7% девушек и 30,4% юношей до совершения преступления уже употребляли наркотики. Тревожит то обстоятельство, что из опрошенных считают недопустимым для несовершеннолетних употребление наркотиков только 9-12%, а спиртных напитков - лишь 2-4% [8].

4. Анализ оснований и пределов ответственности несовершеннолетних и недееспособных за причиненный ими вред.

Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 14 лет, лежит на их законных представителях (родителях, усыновителях, опекунах). Ответственность в данном случае строится на началах вины, которая заключается либо в ненадлежащем надзоре за несовершеннолетними, либо в их недостаточном воспитании.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет несут ответственность за причиненный вред самостоятельно, и только в тех случаях, когда у них нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, дополнительная обязанность по возмещению вреда может быть возложена на их родителей (усыновителей) или попечителей (ст. 1074 ГК).

Обязанность возместить вред, причиненный несовершеннолетними в этом возрасте, может быть возложена и на воспитательное или лечебное учреждение, в котором он находился при причинении вреда.

При рассмотрении дел по искам о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними, необходимо учитывать следующее:

1. Под виной родителей или опекунов и попечителей, влекущей ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, следует понимать как неосуществление должного надзора за несовершеннолетними, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред (попустительство или поощрение озорства, хулиганских действий, безнадзорность детей, отсутствие к ним внимания и т.п.).

2. Если будет доказано, что причинение несовершеннолетними вреда имело место как по вине родителей или опекунов и попечителей, так и по вине учебных, воспитательных или лечебных учреждений, то вред возмещается по принципу долевой ответственности в зависимости от степени вины каждого.

3. Родители, проживающие отдельно от детей, несут ответственность за вред, причиненный детьми, на общих основаниях.

Родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка.

Вместе с тем родители, усыновители или попечитель могут нести имущественную ответственность за неисполнение или надлежащее исполнение договора в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда.

При отсутствии у него имущества или заработка, достаточных для возмещения, соответствующая обязанность возлагается на его родителей (усыновителей) или попечителей при условии их виновного поведения. Эта их обязанность прекращается по достижении причинителем вреда совершеннолетия либо при появлении у него имущества или заработка, достаточных для возмещения вреда.

Ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным, возлагается на опекуна или организацию, осуществляющую за ним надзор [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы отметить, что происходящие в России радикальные изменения в политической, социальной и духовной сферах жизни общества оказывают существенное влияние на состояние и структуру правонарушений.

Особенно чутко реагирует на изменения в социальной среде преступность несовершеннолетних,

что подтверждено результатами многочисленных криминологических исследований. Меняются не только количественные, но и качественные ее показатели.

Исследования фиксируют изменения в мотивации преступного поведения несовершеннолетних, составе участников подростковых преступных групп, механизме вхождения и вовлечения в них подростков, личностных взаимоотношениях их участников, характере их деятельности.

Очевидно, что эти обстоятельства невозможно игнорировать при планировании и организации мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних.

При анализе количественных показателей преступности несовершеннолетних необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Для преступлений несовершеннолетних характерна более высокая латентность. Если состояние и тенденции развития преступности в целом можно определять по количеству ежегодно регистрируемых преступлений, то среди несовершеннолетних - только по раскрытой их части.

Ежегодно не раскрывается около 30% преступлений, и примерно на столько же следовало бы увеличить число совершенных (выявленных) преступлений несовершеннолетних, отражаемых в статистике [10].

2. Значительная часть несовершеннолетних за совершение общественно опасных деяний не привлекаются к уголовной ответственности по возрасту, хотя все большее распространение среди малолетних получают убийства, изнасилования, грабежи, сбыт наркотиков.

За совершение большинства преступлений, как известно, в России уголовная ответственность наступает с 16 лет. Подростки в возрасте 14 – 15 лет могут быть привлечены к уголовной ответственности лишь по 20-ти из 225 статей УК РФ.

В подразделениях органов внутренних дел России по делам несовершеннолетних состоит на учете около 100 тыс. подростков, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности [11].

3. Количественные показатели преступности несовершеннолетних находятся в прямой зависимости от уголовной политики, карательной практики, изменений уголовного, уголовно-процессуального, административно-правового законодательства.

Неслучайно самое значительное снижение преступности несовершеннолетних отмечено в 1997 г. (первый год действия нового Уголовного Кодекса) и в 2002 г. (начало периода действия УПК России).

Исходя из сказанного, объективные изменения характера преступности несовершеннолетних целесообразнее анализировать на основании качественных показателей её структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нудненко Л.А. Конституционное право и свободы личности в России: Юридический центр Пресс, 2013. – 456 с.
2. Карагодин В. Расследование отдельных видов преступлений совершенных несовершеннолетними: Юридический центр Пресс, 2014. – 448 с.
3. Гражданский кодекс РФ (с учетом изменений и дополнений по состоянию на 25 ноября 2005 г.). – М.: ГроссМедиа, 2006. – 384 с.
4. Жуков Д.А. Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы: МПСИ. 2004. – 458 с.;
5. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А Социальная психология: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов — М: Аспект Пресс, 2013.— 475 с.
6. Гидденс Э. Социология. - М.: Эдиториал УРСС, 2012 - 704 с.
7. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность М.: Российское право, 1992. - 432 с.
8. Габечия Ф.В. Возраст и преступление // Факторы педагогической запущенности и психологические вопросы коррекции делинквентного поведения несовершеннолетних. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт. – 2014 - 31-34 с.
9. Гражданский кодекс РФ (с учетом изменений и дополнений по состоянию на 25 сентября 2013 г.). – М.: КНОРУС, 2013. – (см.ст.1074) 304 с.
10. Вологина Ж. Ю. Преступность среди несовершеннолетних Вологина Ж.Ю., Н. В. Спивакова, А. А. Камалов // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июль 2012 г.). — Уфа: Лето, 2012.
11. Мирсагатова М.Н. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: проблема формирования государственной системы. Семья в России. - 2012. -№3.

FEATURES OF PROPERTY LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY MINORS AND INCAPACITATED CITIZENS

© 2014

*I.G. Kudasheva, master
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: In the article norms are analysed rights envisaging civil liability for harm caused by minor and incompetent citizens.

Keywords: civil liability, damages, juvenile delinquency, the emergence of obligations, tort, civil capacity, sdelkosposobnost, delictual.

УДК 340

ОТКУДА «БЕРЕТСЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ОСОБЕННО УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, КАК ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОСНОВА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ?

© 2014

*А. Лепс, доктор юридических наук, профессор, член Римского Клуба Эстонии
Правовая Академия Таллинского университета, Таллин (Эстония)*

Аннотация: Впервые в юридической литературе, мы постарались раскрыть эти социальные процессы развитого капитализма, которые порождают такие социальные явления, как право, преступление и наказание.

Ключевые слова: философия права и неправа, положительное право, законодательство, прибавочная стоимость.

Бытие

Диалектическая логика гениального немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля распадается на три отдела: на логику бытия, сущности и понятия.

1) В первую категорию бытия – качество – входит три категории: а) единичное владение как таковое; б) владение как бытие для другого и потому признанное другим (собственность); в) договор как наличное единство воль обменивающихся, образующее «для-себя-бытие» владения, – составляют непосредственные определения права, характеризуя его со стороны *качества*. Конечно, такое определение, характеризующее правовые отношения лишь в качестве отношений собственности, не есть характеристика развитого права, например, правовой системы при современных общественных капиталистических производственных отношениях [1]. Следовательно, *договор* является только внешней формой «для-себя-бытия» владения, а внутри-себя-бытием, что является более важным, чем договор, есть *прибавочная стоимость, как субстрат*, (субстрат (от познелатинского *substratum* – основа), общая материальная основа явлений; совокупность относительно простых, качественно элементарных материальных образований, взаимодействие которых обуславливает свойства рассматриваемой системы или процесса) [2] ради чего товаровладельцы и обменивают свой товар. Этот очень важный факт!

2) «Неэквивалентность обмена, пишет К. Маркс, обуславливает далее возможность произвола отдельных индивидов – их посягательства на равенство сторон в договоре, то есть на самую основу абстрактного права. Юридическое выражение этого произвола, которые входят в логической категории количество, охватывает все три возможных степени посягательства: 1) нарушение принципа равенства, устанавливаемого правом, когда стороны не подозревают о неравноценности обмена, то есть, по характеристике К. Маркса, в случае субъективной ошибки во взаимной оценке; 2) нарушение договора, когда посягающий злоупотребляет доверием контрагента в рамках самого договорного отношения, то есть, по словам К. Маркса, «в случае, если один индивид надувает другого»; 3) преступление, когда посягающий попирает право (договор) как таковое, отрицая за ним значение видимости, то есть в случае вступления «изолированного индивида» в борьбу «против господствующих отношений» [3]. Первые две формы составляют сферу преимущественно гражданского права, третья – уголовного [1, с. 51]. Гегель фиксирует этот процесс как количество.

3) Единство качества и количества образует *меру*. С категориальной точки зрения законодательство, в том числе и правонарушение (преступление) и наказание, относится к логической категории *мера*. «Мера, как единство качества и количества, – пишет Гегель, – есть, следовательно, вместе с тем завершенное бытие» [4].

Категории бытия – качество, количество и мера как состояния абстрактного и положительного права, согласно Гегеля, представляют собой различные состояния некоторого *субстрата*. Они не существуют для себя, а составляют определения, приписываемые или принадлежащие другому – *субстрату*. Поэтому ряды отношения мер (качество, количество, мера) должны быть мыслимы, как состояния, в основе которых лежит *субстрат*, как их носитель, играющей роль причины или действия.

К сожалению, до сих пор, никто не смог показать, что именно является этим *субстратом*. Поэтому нам предстоит здесь совершить то, чего мировая правовая наука, и не только правовая наука, а даже социология и другие общественные науки, до сих пор даже и не пытались сделать, – именно показать – что представляет в себе этот *субстрат*. Итак, этим субстратом является как раз – *прибавочная стоимость, как новое знание, как истина*. Вместе с тем исчезнет и загадочность

правонарушения (преступления) и наказания [5].

Логическая категория мера, как и количество, является уже прерогативой государства. Правонарушение (преступление) и наказание есть уже «рабочее поле» законодателя как парламента, т.е. государственного учреждения. Однако, как нам кажется, Гегель рассматривает первоначально общество как «гражданское общество», как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, как войну всех против всех, вместе с государством и только в *абсолютном отношении* показывает, каким образом государство разделяется от общества и как гражданское общество «переходит» в государство.

Сущность

«*Истина бытия*, – пишет Гегель, – это *сущность*» [6]. «Будучи изначально коллективным существом, пишет, – Л. И. Спиридонов, – единичный владелец предполагает наличие других владельцев. И поскольку здесь выбор производителями вида деятельности определяется в зависимости от «в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим», поскольку продукт труда одного индивида отличен от продукта труда другого индивида. Это, в свою очередь, обуславливает различие потребностей производителей-владельцев, побуждает их к обмену и делает последний необходимым» [1, с. 47].

Обменное отношение придает владельцам новые определения, выводящие их за пределы собственной единичности. Раз индивид А может удовлетворить свою потребность, лишь получив товар индивида В, и наоборот, – оба они пользуются друг другом как средством. Следовательно, каждый из них, будучи для себя самоцелью (бытием для себя), становится бытием для другого. В этом смысле они взаимно полагают себя *равными* друг другу [1, с. 48]. Здесь мы тоже видим первоначально капитализма как более конкретная форма абстрактного права – положительное (позитивное) право переходит в законодательство, которая является единым масштабам оценки человеческих поступков. Возникает вопрос? Разве покушение индивида на юридические нормы, не затрагивает экономических основ обмена? По мнению К. Маркса нет ничего более неправильного, чем тот способ, когда рассматривают общество под углом зрения его экономических условий [7].

Мысль К. Маркса движется, по нашему мнению, в правильном направлении, однако, он нигде не писал, что содержанием неправа может быть *прибавочная стоимость*. К. Маркс, конечно хорошо понимал, что *прибавочная стоимость*, имеет не только экономическое, но и огромное социальное значение для членов общества в целом. Однако К. Маркс изучил в первую очередь в основном экономическую «сторону» *прибавочной стоимости*.

Здесь надо подчеркивать очень интересную мысль Л.И. Спиридонова, когда он пишет в своей самой главной книге «Социальное развитие и право» следующее: «...речь идёт не о сущности общества вообще; а о сущности капитализма, не о стоимости как таковой, а о прибавочной стоимости и т.д.» [1, с. 25]. Однако автору этой статьи неизвестно, почему он не развивал дальше идею о прибавочной стоимости и ее связанности с правом и правонарушениями.

Прибавочная стоимость, имеет как раз огромное социальное, в том числе и правовое значение, и, что самое главное – существование *прибавочной стоимости*, как социально-экономической категории, нельзя доказывать только чисто экономическими методами (средствами), как это постарались сделать многие экономисты, например, француз Ж. Аттали, американец П. Суизи, эстонец У. Мересте и др., которые к сожалению, плохо или вообще не знали диалектической логики Гегеля. Поэтому их «научные работы» остались без внимания. Разумеется, задача экономистов при капитализме,

должен быть - выработать методологию: каким образом можно увеличить прибавочную стоимость, чтобы она была в пользу всего общества, а не только капиталистов.

Сущность как рефлексия в самой себе

Тождество: Гегель своей логики в разделе *сущность*, вводит понятие абстрактного (формального) тождества, которому соответствует по нашему мнению - человек, как член общества.

Как известно, капитализм впервые в мировой практике, должен был констатировать, что все производители материальных и умственных благ, являются перед обществом, хотя и формально, равными. Без этого не смогло перед рабством и феодализмом, более прогрессивный капиталистический способ производства, существовать. Впервые это было декларировано во Франции 1789 года в знаменитом декларации «Декларация прав человека и гражданина» (фр. *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), которая являлась политической воли французской буржуазии. Декларация была принята Национальным Учредительным собранием (фр. *Assemblée nationale constituante*) 26 августа 1789 года. В основу идей «Декларации прав человека и гражданина» положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения. Статья 1. Декларации гласит: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе». *Естественными правами человека и гражданина* объявлялись свобода личности, свобода слова. Свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. Декларация до сих пор лежит в фундаменте французского конституционного права [8].

Различие: Однако абстрактное (формальное) тождество включает в себя различие, которое выступает сперва как *разность*.

Уже ближайшее рассмотрение Декларации показывает, что речь идет только о правах *эгоистического индивида*. Она даже в идеале не предусматривает установления связей между людьми как *человеческих отношений*. Каждый индивид является преградой для другого индивида. «Свобода состоит в возможности делать все то, что не вредит другим, - объявляет статья 4, - поэтому осуществлению естественных прав отдельного человека полагается предел только необходимостью обеспечить за другими членами общества пользоваться теми же правами». Если учесть, что частная собственность признавалась важнейшим из прав (статья 17), то Декларацию можно назвать декларацией прав *частного собственника*.

Из истории известно, что отдельные индивиды хотят получить прибавочную стоимость, т.е. прибавку уже существующей собственности, на счет других индивидов, чтобы увеличивать свою частную собственность. Из истории также известно, что эти люди обычно станут королями, военачальниками, богатыми, даже морскими разбойниками и т.д., которые имеют власть над другими людьми и которые получают прибавочную стоимость, как основу частной собственности, за счет других людей. Спрашивается, откуда «идут» эти люди? Об этом писал К. Маркс следующее: «...лишь в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом, лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим» [7 с. 187].

С категориальной точки зрения, т.е. разные люди, которые *разные* чего-то третьего, т.е. «в силу индивидуального превосходства одного индивида над другим» является уже основой следующего (рефлектирует, как-бы сказал Гегель) логической категории - противоположность.

Противоположность: Единство абстрактного (формального) тождества и разности образует *противоположность*. Развитая разность, т.е. частная собственность есть основа противоположности.

Объяснив всех граждан политически равными,

поставив политическое общество, т.е. *государство* над гражданским (однако здесь, Гегель рассматривает государство еще вместе с обществом), она вместе с тем сделала своей предпосылкой казалось, была отобрана от человека. При таких условиях реальный человек признан при капитализме лишь в образе *эгоистического индивида*, от которого капитализм абстрагирует все человеческие качества. Поэтому истинный человек перешла к вещи (человек как вещь, в этой статье не будет рассмотрено) [1, с 145].

Люди, которые получают частную собственность за счет других людей, называются богатыми (имущими), а людей, которые не получают прибавочную стоимость за счет других людей, называются бедными (неимущими). Обычно богатые являются «позитивными» и бедные «негативными» людьми. Итак, обе стороны противоположные вообще, где каждое из них лишь противоположно другому. Они оба отрицательны друг друга. Но они могут быть заменены друг другом, и каждая сторона такова, что ее можно одинаково брать и как положительную, и как отрицательную. Конечно, идеологи капитализма и даже некоторые всемирно известные писатели заявили, как при капитализме, люди могут перемещаться от категории «бедных» к категории «богатых». Действительно, великий немецкий философ И. Кант был сыном шорника, известный священник М. Лутер был сыном рудокопа, президент США А. Линкольн происходил из небогатых фермеров, а Г. Форд когда-то участвовал в сборке автомобилей. Однако, эти только отдельные случаи, и здесь не надо забывать, что по Гегелю на уровне *бытия* все конкретно, а на уровне *сущности* – относительно или вероятно.

Противоречие: Теперь, первые рефлектированные определения – тождество, разность и противоположение переходят в свою *истину*, а именно к противоречию, потому что противоречие же есть корень всякого движения и жизни [9]. *Положительное*, как ранее сделанный труд, как предпосылка общества, как частная собственность и *отрицательное*, как отсутствие частной собственности. Без понимания того, что *частная собственность, вместе своим «двигателем» – прибавочной стоимости*, есть соединяющим звеном членов капиталистического общества и продолжением существования общества (человечества) вообще, тогда, как нам представляется, *частная собственность* является сегодня как раз и *самосознанием капиталистического общества, где отношения между членами общества действуют преимущественно через частную собственность*.

Придаваемые индивиду социальные свойства являются только внешними для него. Капиталисты и наемные работники - они как внешние явления, переходят к противоречию, как отношения, где положительной стороной являются владельцы частной собственности и негативной стороной - рабочая сила, где обе стороны погружаются в основание, (на немецком языке игра слов - *gehen zu Grunde*, идут ко дну, погибают), и идут к *основанию* [4, с. 206-207]. что другими словами означает: быть членом капиталистического общества – значит быть частным собственником или рабочей силой (т.е. ведущими социальными группами или «классами», как сказали бы марксисты).

Марксисты, увы, сурово критиковали Гегеля, за такую «эволюционную теорию общества», потому, что по их теории, противоречие частными собственниками, т.е. имущими и рабочей силы, т.е. неимущими - должно было обязательно ввести к революцию. Однако, главная ошибка марксистов всех времен было и есть сегодня, как мы из истории знаем, что социально-экономический кризис в России и попытку социалдемократами преодолеть кризис в октябре 1917 г. и означавшая начало своей большевистской революции, оказались неудачными, прежде всего, вследствие своей *преждевременности* (!), потому, что общество не

обладало *самосознанием* [10].

Следует отметить, что логическая категория противоречие занимает центральное место не только в «Большой Логике» и в «Энциклопедии философских наук», оно является одним из важнейших и в других работах гегелевского учения. Поскольку логическая категория - противоречие – идет к основанию, то сущность, согласно гегелевскому учению, определяет себя как основание, которое развертывается как абсолютное основание и определенное основание.

Абсолютное основание

«Сущность – пишет Гегель - определяет самое себя как основание *в своей отрицательности*» [6, с. 70-73].

Абсолютное основание, т.е. форма и сущность, форма и материя, (где особую роль имеет как раз форма и материя) и форма и содержание, является одними из самых трудных, может быть даже самыми трудными категориями диалектической логики Гегеля вообще. Философ как-бы «показывает дорогу», каким образом надо дальше вести исследование.

Форма и сущность: По нашему мнению, первая проблема, с которой нам здесь приходится сталкиваться, есть проблема различения существенных и несущественных признаков капиталистического общества.

Сегодня мы живем в обществе, где существует развитый общественный капиталистический способ производства материальных и духовных благ, где основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения продуктов труда. К. Маркс, в своем главном труде «Капитал», который является сегодня классикой, («Классика потому вечна, что она меняется, эволюционирует, приобретает новые качества в каждый данный момент истории. (Следовательно меняется и общественно-экономическая формация и способ производства материальных и духовных благ. – А.Л.)... Меняется система, и произведение культуры меняет эти качества», пишет Л.И. Спиридонов) [10, с. 24] исследовал с позиции диалектической логики способ производства как основу капиталистической общественно-экономической формации, как определенную систему. Это позволило ему посредством открытия *прибавочной стоимости* разоблачить тайну капиталистического производства, выяснить его внутренний механизм, открыть закон его движения, основные тенденции развития [11]. «...Капиталистическим производством, писал он, мы называем такой общественный способ производства, при котором процесс производства подчинен капиталу, т. е. который основывается на отношении между капиталом и наёмным трудом» [12]. Однако совершенно ясно, что каждое производство, разных общественно-экономических формаций, производят *прибавочную стоимость*.

Гегель пишет: «*Определенность* сущности как основания становится тем самым двоякой определенностью *основания* и определенностью *основанного*. Она, *во-первых*, сущность как основание, *определенная* быть сущностью, противостоящей положенности как *неположенности*. *Во-вторых*, она основанное, непосредственное, сущее, однако не в себе и для себя – положенность как положенность (Положенность (*Gesetzsein*)). Быть положенным в терминологии Гегеля означает в самом широком смысле быть производным, несамостоятельным, зависящим от иного. – А.Л.). Тем самым положенность точно так же тождественна с собой, но она тождество отрицательного с собой. Тождественное с собой отрицательное и тождественное с собой положительное есть теперь *одно и то же тождество*. Ибо основание – это тождество с собой положительного или даже положенности; основание – это положенность как положенность, но эта его рефлексия в себя есть тождество основания.

– Следовательно, само это простое тождество не есть основание, ибо основание – это сущность, *положенная* как *неположенное*, *противостоящее положенности*. Как единство этого определенного тождества (основания), и отрицательного тождества (основанного), оно *сущность вообще*» [6, с. 74].

Сказанное Гегелем надо уточнить. Во-первых, капиталистическое общественное производственное отношение является сущностью, т.е. основанием, и прибавочная стоимость - основанная и *vice versa*, прибавочная стоимость является сущностью, т.е. основанием и капиталистическое производственное отношение - основанная. Во-вторых, без капиталистического производственного отношения нет прибавочной стоимости и наоборот, без прибавочной стоимости, нет капиталистического общественного производственного отношения, где прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти получают только собственники средства производства, т.е. капиталисты, которые являются владельцами капитала, как всеобщего *двигателя* или *силы* капиталистического общества. При капитализме, основанный на частной собственности, ведущего социального группы (класса) собственников на средства производства и эксплуатации (этот термин гораздо мягче, чем в категориальном смысле насилия, потому чтобы получить работу, люди даже на коленях просят капиталиста, чтобы им дали работу, чтобы кормить себя и свою семью) капиталом наёмных рабочих, лишённых средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, получают прибавочную стоимость только своим трудом. Поэтому мы можем сказать, что капиталистическое общественное производственное отношение материальных и умственных благ и прибавочная стоимость одно и то же тождество.

Сущность как соотнесенный *субстрат*, т.е. *прибавочная стоимость*, есть *определенная сущность*, что при развитом капитализме означает то, что *собственники производственных средств получают прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда* [13], когда наемные рабочие получают прибавочную стоимость только своим трудом. Совершенно ясно, что собственники производственных средств, будут защищать свою прибавочную стоимость, которую они получают без труда вполне или отчасти труда, и которая является основой их богатства, и они имеют на это *п р а в о*. Эту очень важную проблему мы будем рассматривать в следующей пары категории «форма и материя».

Форма и материя: Сущность *имеет* некоторую форму, которая иначе говоря, есть субстрат или прибавочная стоимость и определения формы, которым классовых обществах является прибавочная стоимость, которую получают только капиталисты, как собственники производственных средств, без труда вполне или отчасти труда, которой можно смело называть «надземным богом». Однако, теперь возникает вопрос. Имеют ли капиталисты право присвоить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда? Да. Они имеют это *право*. Капиталисты имеют такое право потому, что они владельцы производственных средств, они владельцы ранее произведенного труда или частной собственности. Наемные работники не имеют *право* получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда потому, что они не являются владельцами частной собственности. Следовательно, *право* как и *справедливость* имеют всегда два полюса – позитивного и негативного, который в свою очередь значит, что право является сугубо социальным явлением. Это очень важный постулат!

В Эстонии и в других странах, много страсти разжег термин *справедливость*. Якобы, наш самый известный на Западе ученый-правовед И. Таммело (1917-1982) основательно изучил проблему справедливости. Он

писал, «что справедливость есть позитивная этическая социальная ценность, по которой нормативно в двусторонних ситуациях каждому дается его доля» [14]. При этом он отметил, что идея справедливости в таком виде, как она представлена в приведенном определении, непосредственно в теории права не применима. Мы спрашиваем, почему? Всё же правильно, но что И. Таммело не знал, это самая существенная «вещь», явление или ценность, которая определяет или «дает» в двусторонних ситуациях сторонам их долю. Но ценность знаний И. Таммело состоит именно в том, что он очень верно заметил, что в справедливости должна быть «вторая сторона». Однако ясно то, что *право* одного человека или группы людей на какую-то вещь или предмет не может быть справедливо в отношении другого человека или другой группы людей. Ещё Платон различал два вида справедливости: *справедливость* в отношении частных лиц и справедливость в общественном смысле [15].

«Сущность, - пишет Гегель, - становится материей (т.е. правом. - А.Л.), когда ее рефлексия определяет себя так, что она относится к сущности (прибавочной стоимости, которого получают без труда вполне или отчасти труда только капиталисты. - А.Л.) как к лишенному формы неопределенному (право как неопределённая понятие или термин. - А.Л.). Материя есть, следовательно, простое лишенное различий тождество, которое есть сущность (так сказать «после» общественного капиталистического производственного отношения. - А.Л.), с определением - быть иным формы... Если абстрагироваться от своих определений, от всякой формы какого-нибудь нечто, то остается неопределенная материя (т.е. право. - А.Л.). Материя есть нечто совершенно *абстрактное*. Материю нельзя ни видеть, ни осязать и т. д. - то, что видят или осязает, - это уже *определенная материя*, т. е. единство материи и формы» [9, с. 408]. Сказанное Гегелем значит, что члены общества, которые получают прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти без труда, затеваются в том, что прибавочная стоимость «через самое себя низводит себя до этого простого тождества» к *праву*.

«Далее, - пишет Гегель, - форма *предполагает* материю, с которой она соотносится. Но это не значит, что форма и материя *противостоят друг другу* внешне и случайно; ни материя, ни форма не самосущи, другими словами, не *вечны*» [9, с. 408]. Это высказывание Гегеля является одним из самых важных постулатов его диалектической логики. *Без труда вполне или отчасти без труда полученная прибавочная стоимость* (как форма) и *право* (как материя) не является вечными. Следовательно, классовые общества, в том числе и капитализм не являются вечными.

При капитализме, капиталисты, как владельцы производственных средств, что является *положительным*, имеют *право* получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда. Наёмные работники, как *отрицательные*, это *право* не имеют. Однако при социализме, который должен быть «обществом труда», члены общества не могут получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, потому что такое поведение является преступлением.

Возникает еще один очень важный вопрос. Хотя при капитализме собственники имеют право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, однако право их еще не защищает. Право только фиксирует их *право* получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, который является и положительным (позитивным) правом.

Форма и содержание: Теперь *право*, как материя (которая есть пассивное), как сущность, которая считается правильным (положительным или позитивным), по которому капиталисты должны получить прибавочную стоимость без труда вполне

или отчасти труда (как форма, которая есть деятельно), перейдет (рефлектирует) положительную (позитивную) праву, как *форму*, которая будет защищать капиталистов, которые получают прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда и угрожать наказанием этих людей, которые не имеют право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда. Следовательно, содержанием *абсолютного основания*, как общественного капиталистического производственного отношения, является *насилие*. Обязательно надо здесь заметить, что *положительное право* еще не есть *законодательство*, как пишут многие ученые-юристы [6, с. 83-84]. В положительном праве только сказано эти принципы, которые должен быть зафиксировано в законодательных актах, в нашем случае особенно в уголовных кодексах.

С категориальной точки зрения эта картина представляется следующим образом. «При рассмотрении противоположности между формой (положительное право. - А.Л.) и содержанием (насилие. - А.Л.), - пишет Гегель, - существенно важно не упустить из виду, что содержание не бесформенно (содержание, как насилие. - А.Л.), а *форма* одновременно и содержится в *самом содержании* и представляет собою нечто *внешнее* ему (принципы законодательства, в том числе уголовного заонодательства). Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть содержание (положительное право, как форма, переходит (рефлектирует) к содержанию, как насилию. - А.Л.); во-вторых, она, как нерелектированная внутрь себя (т.е. форма, как положительное право. - А.Л.), есть внешнее, безразличное для содержания (т.е. насилию. - А.Л.) существование. *В себе* здесь дано абсолютное отношение (т.е. общественное производственное отношение развитого капитализма. - А.Л.), отношение между формой и содержанием (т.е. в положительном праве, право того, что капиталисты имеют право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда и запрещенная угрозой наказания положительном правом деяния этих людей, которые не имеют право получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда. - А.Л.), а именно, переход их друг в друга, так что содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть нечто иное, как переход содержания в форму. Тот переход представляет собою одно из важнейших определений» [4, с. 224].

Определенное основание

Формальное основание: Формальное основания имеет лишь *одно* содержание для основания и основанного. Это значит, что законодательство, в том числе уголовное законодательство, защищает в первую очередь, основанную на частной собственности капиталистическое производственное отношение. В силу этого тождества основания (на частной собственности основанного капиталистическое производственное отношение) и основанного (законодательство, в том числе уголовное законодательство) как по содержанию, так и по форме, основание есть достаточное основание - нет ничего в основании, чего нет в основанном, так же как нет ничего в основанном, чего нет в основании. Гегель заявляет, что какое из этих определений делают первым, безразлично, переходит ли от одного как положенного к другому как основанию, или от одного как основания к другому как положенному 86, с. 85-86].

Реальное основание: Когда формальное отношение основания имеет лишь одно содержание для основания и основанного, то реальное основание имеет *разное* содержание. Основой реального основания станет *прибавочная стоимость*, которую «производит» на частной собственности базируемой общественное капиталистическое производственное отношение, который есть по Гегелю нечто «третье» или «одно».

Следовательно, в реальном основании законодательство, особенно уголовное законодательство, защищает на частной собственности основанное капиталистическое производственное отношение, который «производит» *прибавочную стоимость*, которая является связывающим звеном между разными составами преступлений и соответствующих им наказаний.

Прибавочная стоимость есть как квант, который с одной стороны, есть частица, а с другой – волна, потому что прибавочная стоимость имеет одно значение при преступлениях и другое значение при наказаниях. Совершенно ясно, что для преступника, при совершении преступления, преступление является для него прибавочной стоимостью, а наказание имеет для него значение, как изъятия прибавочной стоимости.

Один поступок, пишет Гегель, например преступление, может иметь разные основания, каждое из которых поэтому можно выдавать за основание. Отыскивание и указание оснований, в чем главным образом состоит *резонирование*, есть поэтому бесконечное шарханье из стороны в сторону, что Сократ и Платон называют *софистикой*, не приводящее ни к какому окончательному определению [9, с. 422-423].

Что же касается наказания, то под наказанием обычно подразумевается месть виновному, перевоспитание виновного лица, исправление виновного, чтобы он в дальнейшем не совершал виновных деяний, а в отношении тюремного заключения – также то, что пока он изолирован от общества, он, как правило, не может совершить новых преступлений. Все указанные определения наказания ни в коем случае не ошибочные, но они «собранные вместе», не дают того явления, которое Гегель называет «нечто» или «одно», что, кстати, и есть *содержание наказания* [9, с. 420-425].

Однако, ни одно из этих оснований, ни преступлений и наказаний, не исчерпывает сути дела, составляющей их *сочетание* и содержащей их все вместе; ни одно из них не есть *достаточное* основание, которым является как раз *прибавочная стоимость*.

Поэтому основанием или этим «третьим», в реальном основании является прибавочная стоимость. Следовательно, по нашему мнению - *преступление есть уголовным законодательством запрещенная прибавочная стоимость*. Известно, что при совершении преступлений, преступник получает себе *прибавочную стоимость*, а при наказании его, эта прибавочная стоимость от него изымают и *прибавочную стоимость получают все члены общества*. Но это только идеально!

Полное основание: Теперь нам предстоит совершить то, чего до сих пор социальная, в том числе юридическая наука не смогла делать, - именно показать, что действительно является содержанием законодательства, особенно уголовного законодательства. Чего от себя представляет законодательство, в том числе уголовное законодательство в *целом*?

Как известно, капиталисты защищают свое *право* получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда при помощи законодательства, особенно уголовного законодательства, которые и являются первоначально формальным основанием. Как мы уже раньше отмечали, законодательство, в том числе уголовное законодательство, должны защищать прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти

труда капиталистов, т.е. «надземного бога», и наказат тех членов общества, которые не имеют право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, но все-таки хотят прибавочную стоимость получить, т.е. совершают правоотношения и преступления. Сказанное и есть в капиталистическом обществе *содержание* законодательства и особенно уголовного законодательства.

Резюме: По нашему мнению эта статья, во-первых, заявляет, что содержанием абсолютного основания, как развитого общественного капиталистического производственного отношения, является *насилие*; во-вторых раскрывает тайну *права* вообще, и тайну *законодательства*, в том числе уголовного законодательства. В-третьих, она раскрывает юридическую (нормативную) *основу криминологии*.

Conclusion: This essay maintains firstly, that content of the absolute ground as the developed social capitalist production relation is *coercion*; secondly it reveals the secret of *right* in general and secret of *legislation*, incl. criminal legislation. Thirdly it exposes the *juridical* (normative) basis of *criminology*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. – Ленинград.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 49.
2. Философский энциклопедический словарь.- М.: 1983. С. 660.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 323.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. - Москва-Ленинград.: Государственное Издательство, 1930. С. 185.
5. Leps, Ando. Wrong. The Baltic States in the European Union. // Proceedings of the International Conference 25-26 April 2014 Latvian Academy of Sciences. – Riga.: 2014. pp. 62-81.
6. Гегель. Наука Логики. Т. 2. - М.: Академия Наук СССР, 1970. С. 7.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 213.
8. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М.: 1989. С. 26-29.
9. Г.В.Ф. Гегель. Наука Логики. - СПб.: Наука, 2002. С. 398.
10. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. // Научный редактор И.Л.Честнов. -СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Олденбургского, 2002. С. 22.
11. Философский Энциклопедический Словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 244-245.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 148.
13. Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. - Москва-Ленинград.: Государственное социально-Экономическое Изд-во, 1933. С. 379.
14. Tammelo, Ilmar. Õiglus ja hool. (Таммело Ильмар. Справедливость и забота). – Tartu.: Kirjastus Ilmamaa, 2001, 2006. С. 279.
15. Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Санкт – Петербург. // Журнал Санкт – Петербургского международного криминологического клуба. – Санкт-Петербург, 2011. № 1. С. 32.

WHENCE COMES THE LEGISLATION, IN PARTICULAR CRIMINAL LEGISLATION AS THE BASIS OF CRIMINOLOGY?

© 2014

A. Leps, Dr. habil. iur, Professor, Member of the Club of Rome of Estonia
Law Academy of Tallinn University, Tallinn (Estonia)

Annotation: A groundbreaking work in the juridical literature, this essay endeavours to reveal the social processes of advanced capitalism, giving birth to the social phenomena of right, criminal offence and retribution (punishment).

Keywords: the philosophy of right and non-right (wrong), positive law, legislation, surplus value.

УДК 342.9

НАЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

© 2014

Н.В. Макарейко, кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры (докторантуры) Нижегородской академии МВД России
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород (Россия)

Аннотация: Административная ответственность играет одну из ведущих ролей в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности. Законность и эффективность реализации административной ответственности во многом предопределяется выбором и реализацией административного наказания. Существующий механизм назначения административных наказаний требует внесения законодательных корректив.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, правовое регулирование.

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности традиционно являются приоритетными направлениями правоохранительной деятельности. Успех проводимых в России преобразований во многом предопределен их качественной защищенностью. Решение этой многосложной проблемы зависит от выбора и применения соответствующего правового инструментария. В арсенале современного государства имеется широкий перечень средств, которые могут быть использованы в ходе осуществления правоохранительной деятельности по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Особое место в этом механизме принадлежит административной ответственности. Такое положение может быть объяснено следующими факторами. Во-первых, наличием широкой линейки административных наказаний. Во-вторых, возможностью применения административной ответственности как в отношении физических, так и юридических лиц, что во многом компенсирует отсутствие уголовной ответственности юридических лиц. В-третьих, относительной простотой и оперативностью применения по сравнению с уголовной ответственностью.

Следует обратить внимание на тот факт, что федеральный законодатель уделяет повышенное внимание вопросу нормативного правового регулирования института административной ответственности. Так, с момента вступления в силу КоАП РФ – с 1 июля 2002 г. по декабрь 2013 г. изменения были внесены 329 федеральными законами. Эта тенденция сохранилась и в 2014 г., о чем свидетельствуют изменения в КоАП РФ, которые за десять месяцев были внесены более чем шестьдесятю федеральными законами. Такая нестабильность законодательства негативным образом сказывается на правоприменительной практике, способствует совершению юридических ошибок в процессе привлечения к административной ответственности.

Нестабильность законодательства об административных правонарушениях является одной из важных, но, к сожалению, не единственной проблемой института административной ответственности. Важное значение имеет выбор и назначение конкретного административного наказания, что регламентируется главой 4 КоАП РФ. Необходимо обратить внимание, что в данную главу законодателем неоднократно вносились изменения и дополнения. Основная их часть касалась изменений сроков давности привлечения к административной ответственности (статья 4.5 КоАП РФ). Вместе с тем, механизм назначения административных наказаний не претерпел принципиальных изменений и нуждается в существенных коррективах.

Законодателем были внесены изменения, которые были связаны с назначением административных наказаний в случае выявления административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, или административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, совершенного

с использованием транспортного средства либо собственником или иным владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи. Это было обусловлено тем фактом, что в действовавшем на тот момент законодательстве об административных правонарушениях, отсутствовал необходимый правовой механизм назначения административных наказаний в упрощенном порядке и существовала объективная необходимость в его создании (часть 3.1 статьи 4.1 КоАП РФ).

Весьма важные изменения, которые позволили ликвидировать существенную коррупционную составляющую, содержащуюся в механизме назначения административных наказаний при совершении лицом нескольких административных правонарушений (статья 4.4 КоАП РФ), были внесены Федеральным законом от 20 августа 2004 № 118-ФЗ. Вместе с тем, законодателем не уделено должного внимания общим правилам назначения административных наказаний, о чем свидетельствует редакция статьи 4.1 КоАП РФ. На эту проблему обращается внимание в литературе современными исследователями (Д. Н. Бахрах [1, с. 75 - 79], Г. А. Кузьмичева, Л. А. Калинина [2, с. 41 - 46], В. А. Круглов [3, с. 109 - 122], Б. В. Россинский [4, с. 38 - 51], П. П. Серков [5, с. 152 - 165] А. И. Стахов [6, с. 19 - 29], А. С. Телегин [7, с. 13 - 26] и др.).

Рассмотрение проблемы назначения административных наказаний, предполагает анализ их видовой классификации, так как в ней предопределены основы их назначения. Действующим законодательством закреплена система административных наказаний (часть 1 статьи 3.2 КоАП РФ): предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

И. В. Максимов, анализируя систему административных наказаний, сделал следующий вывод: «Нынешнее состояние и содержание системы административных наказаний выражает ... достигнутый уровень правового развития Российского государства. Средства административно-карательного принуждения в их системном сочетании являются, в свою очередь, показателем эффективности административно-наказательной политики государства, экономичности, адаптивности и взаимосвязанности мер административного воздействия» [8, с. 24].

Система административных наказаний обладает

динамикой. Об этом свидетельствует появление новых видов наказаний, которые изначально не были включены в данную систему. С 2005 г. по настоящее время система административных наказаний была дополнена следующими видами: административным приостановлением деятельности; обязательными работами; административным запретом на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. В то же время, из системы административных наказаний было исключено возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения.

Названные изменения вполне аргументированы и были направлены на повышение эффективности реализации административной ответственности. Вместе с тем, целесообразным видится распространение лишения специального права в отношении всей системы специальных прав и разрешений, а также возможность применения данного административного наказания в отношении юридических лиц. Это позволит более эффективно организовать профилактику административных правонарушений, особенно в сфере экономики. Следует обратить внимание, что за нарушение законодательства субъектов Российской Федерации могут быть применены только два вида административных наказаний: предупреждение, административный штраф (часть 3 статьи 3.2 КоАП РФ). Такое положение существенно обедняет потенциал регионального правоприменителя, который в значительной мере ограничен в выборе и применении административных наказаний. Думается, что вполне оправданным было бы внесение в существующий перечень административных наказаний, которые могут быть применены на уровне субъектов Российской Федерации обязательных работ, так как этот вид наказания обладает существенным превентивным потенциалом.

Наличие имеющейся системы административных наказаний позволяет осуществлять действенную реакцию в отношении правонарушителей, не ограничивая граждан и юридических лиц из активных отношений, за исключением применения административного ареста и административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства

Частью 3 статьи 3.3 КоАП РФ определено, что за одно административное правонарушение может быть назначено основное либо основное и дополнительное административное наказание из наказаний, указанных в санкциях применяемой статьи Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административной ответственности. Система административных наказаний наряду с конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения и административным выдворением за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, была дополнена лишением специального права в виде права управления транспортным средством и административным запретом на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, которые могут устанавливаться и применяться в качестве как основного, так и дополнительного административного наказания. При этом лишение специального права в виде права управления транспортным средством может применяться в качестве дополнительного административного наказания за совершение административных правонарушений, предусмотренных исключительно частями 1, 2 и 4 статьи 12.8, частью 1 статьи 12.26, частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ.

При назначении административных наказаний субъект административной юрисдикции должен применять только те административные наказания, которые определены действующим законодательством.

Ключевое правило назначения административных наказаний заложено в части 1 статьи 4.1 КоАП РФ. Административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Данная норма носит императивный характер и запрещает субъекту административной юрисдикции выходить за границы соответствующей административно-правовой санкции.

Вариативность действия правоприменителя предопределена закреплением в нормах Особенной части КоАП РФ и соответствующих законов субъектов Российской Федерации альтернативных и относительно определенных санкций. Это позволяет субъекту административной юрисдикции персонализировать государственно-принудительное воздействие. Исключение составляют отдельные санкции, например, часть 2 статьи 12.9 КоАП РФ, где предусмотрено применение абсолютно определенной санкции.

Наличие абсолютно определенных санкций в действующем законодательстве является исключением и не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, который установил, что «установление законодателем недефиницированного по размеру штрафа за неприменение контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением, невозможно его снижения не позволяет применять эту меру взыскания с учетом характера совершенного правонарушения, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств, что нарушает принцип справедливости наказания, его индивидуализации и соразмерности» [9].

Дифференциация административного наказания правоприменителем достигается посредством учета обстоятельств, которые перечислены в частях 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ. Это законодательное положение нашло отражение в пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», где определено, что при решении вопроса о назначении вида и размера административного наказания судьей необходимо учитывать, что КоАП РФ допускает возможность назначения административного наказания лишь в пределах санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение с учетом характера совершенного правонарушения, личности виновного, имущественного положения правонарушителя - физического лица (индивидуального предпринимателя), финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность. В этой связи судья не вправе назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи и выше высшего предела санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение.

Очень важно, что законодатель индивидуально определил факторы, которые следует учитывать применительно к назначению административных наказаний к физическим и юридическим лицам. В то же время закономерно возникает вопрос - каким образом должны быть учтены выше названные факторы, которые характеризуют как совершенное правонарушение, так и субъекта его совершившего. Законодатель отказался от использования императивного механизма учета факторов индивидуализирующих назначение административных наказаний.

П. П. Серков по этому поводу пишет: «В практической плоскости эффект влияния ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ на административное наказание в настоящее время, к сожалению, не является очевидным. Объясняется это тем, что действие содержащихся в них норм не подкрепляется другими нормами, и поэтому они стали в некотором смысле второстепенными» [5, с. 155].

В настоящее время нормы, содержащиеся в статьях 4.2 и 4.3 КоАП РФ являются «мертвыми» и в этой связи могут быть игнорированы субъектом административной юрисдикции. В этой связи целесообразно использовать тот механизм, который предусмотрен налоговым законодательством. Частью 3 статьи 114 НК РФ определено, что при наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не меньше, чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей НК РФ. Частью 4 статьи 114 НК РФ закреплено, что при наличии обстоятельства, отягчающего ответственность за совершение налогового правонарушения, размер штрафа увеличивается на 100 процентов.

В этой связи целесообразно дополнить статью 4.1 КоАП РФ частью 3.2 следующего содержания: «При наличии хотя бы одного обстоятельства, предусмотренного статьи 4.2 настоящего Кодекса назначается минимальное наказание, установленное законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с настоящим Кодексом. При наличии хотя бы одного обстоятельства, предусмотренного статьей 4.3 настоящего Кодекса назначается максимальное наказание, установленное законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с настоящим Кодексом».

Внесение названных изменений позволит скорректировать деятельность правоприменителя, сделать ее более прогнозируемой, будет нести существенный антикоррупционный потенциал. Учитывая вектор законодательной деятельности, который направлен на предупреждение коррупции, следует внести коррективы в статью 2.9 КоАП РФ, которой предусмотрено освобождение от административной ответственности в связи с малозначительностью деяния. В настоящее время отсутствуют какие-либо ограничения по применению данной нормы. Исключения составляют правонарушения установленные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ. Это обусловлено тем, что пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» определено, что «при назначении наказания за правонарушения, предусмотренные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, надлежит учитывать, что они не могут быть отнесены к малозначительным, а виновные в их совершении лица – освобождены от административной ответственности, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения независимо от роли правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести».

Для повышения эффективности назначения административных наказаний предполагает уточнение механизма освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью административного правонарушения. Мы полагаем, что статью 2.9 КоАП РФ целесообразно дополнить частью 2 в следующей редакции: «Малозначительным признается совершение административного правонарушения впервые при отсутствии причинения

вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни или здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, имущественного ущерба, а также при отсутствии обстоятельств, отягчающих административную ответственность».

Одной из существенных проблем, которые возникают в связи с назначением административного наказания, является отсутствие возможности назначения наказания ниже низшего предела. Такой механизм предусмотрен в отношении наказаний за преступления в соответствии с частью 1 статьи 64 УК РФ, где установлено, что при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить обязательный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного. Схожий механизм установлен статьей 66 УК РФ, которая применяется при назначении наказания за неоконченное преступление.

В настоящее время размер административных наказаний, особенно применяемых в сфере экономики, достаточно высок и влечет наступление существенных правоограничений. При этом следует учитывать, что отсутствие уголовной ответственности юридических лиц в настоящее время компенсируется административной ответственностью. В этой связи вполне закономерным видится правовая позиция Конституционного Суда РФ, которая нашла отражение в пункте 3 резолютивной части Постановления от 17 января 2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт», в соответствии с которой впредь до внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях надлежащих изменений размер административного штрафа, назначаемого юридическому лицу за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 19.8 КоАП Российской Федерации, может быть снижен (курсив наш. – Н. М.) антимонопольным органом или судом на основе требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении.

В дальнейшем это положение получило свое развитие в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики». В пункте 2 резолютивной части данного постановления было отмечено, что впредь до внесения в Кодекс Российской Федерации

об административных правонарушениях подлежащих изменению размер административного штрафа, назначаемого юридическим лицам, совершившим административные правонарушения, предусмотренные частью 1 статьи 7.3, частью 1 статьи 9.1, частью 1 статьи 14.43, частью 2 статьи 15.19, частями 2 и 5 статьи 15.23.1 и статьей 19.7.3 КоАП Российской Федерации, а равно иные административные правонарушения, минимальный размер административного штрафа за которые установлен в сумме ста тысяч рублей и более, может быть снижен судом ниже низшего предела (курсив наш. – Н. М.), предусмотренного для юридических лиц соответствующей административной санкцией, на основе требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении.

В этой связи статью 4.1 КоАП РФ следует дополнить частью 6 следующего содержания. «При наличии исключительных обстоятельств, с учетом роли лица, совершившего административное правонарушение, его поведением во время и после совершения административного правонарушения, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности административного правонарушения, административное наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид административного наказания».

Высказанные в статье предложения направлены на повышение эффективности института административной ответственности, позволят сделать назначаемые наказания более понятными для населения, повысят авторитет правоприменителей. Автор понимает, что отдельные положения статьи носят дискуссионный характер и в этой связи они могут выступить в качестве

факторов актуализирующих дискуссию по заявленной теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 204 с.
2. Кузьмичева Г. А., Калинин Л. А. Административная ответственность: учебное пособие. Нормативные акты. М.: Юриспруденция, 2000. 464 с.
3. Круглов В. А. Административная ответственность: общие положения. Минск, 2004. 160 с.
4. Россинский Б. В. Административная ответственность: курс лекций. М.: Норма, 2004. 448 с.
5. Серков П. П. Административная ответственности в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 480 с.
6. Стахов А. И. Административная ответственность: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 111 с.
7. Телегин А. С. Административная ответственность по законодательству Российской Федерации: учебное пособие. Пермь: НОУ «Западно-Уральский институт экономики и права, 2005. 175 с.
8. Максимов И. В. Система административных наказаний по законодательству Российской Федерации / под ред. Н. М. Конины. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 188 с.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 № 244-О «По жалобам граждан А. И. Косика и Т. Ш. Кенчхадзе на нарушение их конституционных прав положениями абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением».

THE IMPOSITION OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENTS: PROBLEMS OF NORMATIVE LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF REALIZATION

© 2014

N. V. Makareyko, candidate of law science, doctoral candidate of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod (Russia)

Annotation: Administrative responsibility plays a leading role in ensuring public order and public security. Legitimacy and effectiveness of the implementation of administrative responsibility dictates the choice and implementation of administrative punishment. The existing mechanism of administrative punishment requires legislative changes.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, legal regulation.

УДК 34.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

© 2014

Н.А. Макарова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Теории и истории государства и права»

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Аннотация: На современном этапе развития российского общества и государства именно охранительная функция права может считаться приоритетным направлением правового воздействия. Вопрос о средствах охранительного воздействия российского права имеет большое теоретическое и практическое значение. Одним из таких средств выступает юридическая ответственность. Автор статьи приходит к выводу, что эффективность охранительного воздействия российского права в одинаковой степени обусловлена двумя сущностными сторонами юридической ответственности: позитивной и негативной.

Ключевые слова: право, функция, охрана, воздействие, ответственность, средство, предупреждение.

Термин «средство», как правило, трактуется как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь; орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-либо деятельности» [1, с. 621]. Очевидно, что подобными «приспособлениями», позволяющими достичь поставленных целей, должна быть наделена не только производственная, но и

юридическая, прежде всего, правоприменительная деятельность.

Право как сложное социальное явление призвано выполнять самые разные функции, главными из которых являются функции регулирования и охраны, кратко именуемые регулятивной и охранительной. При этом на современном историческом этапе развития Российского

государства, характеризующемся наметившимся спадом в области экономики, сложной криминогенной ситуацией, растущей террористической угрозой и рядом других негативных проявлений, все очевиднее становится необходимость активизации государственного участия именно в сфере охранительных отношений [2, с. 3]. Сказанное подтверждает необходимость обращения повышенного внимания на исследование средств охранительного воздействия современного российского права, наиболее важным из которых выступает юридическая ответственность.

Мнение о том, что ответственность является основным юридическим средством проведения в жизнь охранительной функции права, неоднократно находило отражение в юридической литературе. Так, В.Т. Кабышев отмечает, что «в арсенале правовых средств, выражающих государственную защиту прав и свобод человека, несомненно, важное место занимает реальная юридическая ответственность...» [3, с. 124 - 125]. Ответственность – обязательный элемент механизма правового упорядочения общественных отношений и защиты сложившегося правопорядка. Она побуждает правообязанных, правоуполномоченных лиц к поведению, предписанному законом [4, с. 124].

При этом юридическая ответственность – одна из самых сложных категорий в современной науке теории права и государства. «Проблема юридической ответственности, как и в прошлые годы, остаётся сегодня одной из центральных в правоведении, поскольку право становится бессмысленным без надлежащего механизма обеспечения его реализации, исполнения, основным звеном которого выступает юридическая ответственность» [5, с. 4].

На сущность юридической ответственности как на сложное правовое явление единого общепринятого взгляда не существует. Многолетнее развитие теории юридической ответственности привело к тому, что сложились несколько основных подходов к сущности юридической ответственности.

Согласно первой позиции, юридическая ответственность есть совокупность последствий негативного характера, постигающих правонарушителя. В науке такое понимание получило название ретроспективной или негативной ответственности. По мнению сторонников данной позиции, если принимать во внимание понятие ответственности в каком-то другом, более широком смысле, в котором оно используется в повседневной жизни, философии и т.д., то, в таком случае, потеряется специфика именно юридического понимания ответственности [6, с. 316-317].

С концепцией негативной ответственности тесно связано понимание ответственности как обязанности дать отчет в своих действиях. Так, по мнению В.М. Горшенева, юридическую ответственность необходимо включать в правовой статус личности в качестве важного его компонента. А сама ответственность есть признаваемая государством «способность лица (гражданина, учреждения, органа государства, должностного лица и т.д.) отдавать отчет в своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственного-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно ему принадлежащих» [7, с. 104].

Однако, на наш взгляд, если исходить из того, что юридическая ответственность есть способность претерпевать на себе определенные неблагоприятные меры, неизбежно произойдет смешение категории «юридическая ответственность» с категорией «правосубъектность». Даже если считать единственно возможной стороной юридической ответственности ее негативную сторону, она будет состоять не столько в возможности претерпевания мер государственно-принудительного воздействия, сколько в их практической реализации.

Согласно второй позиции, ответственность – это внутреннее качественное состояние субъекта правоотношений, отражающее его отношение к праву, государству, обществу, труду, а значит, и исполнению своих обязанностей (позитивная ответственность). Так, П.Е. Недбайло отмечает, что юридическая ответственность – это прежде всего обязанность действовать правомерно, а значит, главным видом ответственности является «позитивная» ответственность, в содержание которой входит самостоятельная и инициативная деятельность в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых нормы изданы [8, с. 50-51].

Причем, ряд специалистов в области теории права и государства полагают, что позитивное понимание ответственности является единственно верным. А негативному аспекту вообще нет места при анализе юридической ответственности, антиподом же юридической ответственности выступает юридическая безответственность, выражающаяся вовне в виде неправомерного поведения [9, с. 141-143].

Однако наиболее распространенной является третья позиция, согласно которой сущность юридической ответственности состоит в единстве ее негативного и позитивного аспектов (сторон). Так, по мнению Д.А. Липинского, «юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация. Юридическая ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольную и государственно-принудительную» [10, с. 9].

При этом ссылаясь на то, что позитивная сторона юридической ответственности не имеет юридического содержания, не может быть признана объективной. Поскольку компоненты позитивной ответственности (правомерное поведение, юридические обязанности, поощрения и др.) в своей основе также имеют конкретные юридические нормы, она имеет не только нравственную, но и юридическую природу [11, с. 5-7].

На наш взгляд, «поскольку ответственность возникает уже тогда, когда субъект приступает к исполнению своих обязанностей, а не только когда он их не выполнит или начнет действовать вопреки им, без исследования «позитивной» ответственности нельзя понять и ответственность «негативную» [8, с. 50-52]», а потому из трех вышеуказанных, более достоверной является именно эта последняя, «комбинированная» точка зрения, согласно которой сущность ответственности в единстве ее «негативной» и «позитивной» сторон.

Суть юридической ответственности состоит не только в принуждении к исполнению наказания, но в том числе в состоянии принуждения к правомерному, а, следовательно, и ответственному поведению. Неблагоприятные последствия, наложение которых связано с осуждаемым, виновным и противоправным (безответственным) поведением определенных лиц, имеют конечной, главной целью не отмщение виновным, а предупреждение совершения ими и иными лицами новых противоправных деяний [12, с. 22].

Охранительная функция права, выделяемая на основе целей и задач, стоящих перед правом, также не замыкается исключительно на карательной ее составляющей. Мы исходим из того, что охранительная функция права содержит в себе три равнозначные подфункции: превентивную (предупредительную), карательную и правосстановительную. Более того, очевидно, что карательный механизм охранительно-

правового воздействия нужно рассматривать только через призму других его компонентов – предупредительного и правовосстановительного. Необходимо помнить, что цель охранительного воздействия права, прежде всего, состоит в том, чтобы максимально восстановить нормальный порядок общественных отношений, подорванный нарушением закона, и не допустить подобных негативных проявлений в будущем, и только затем в установлении непосредственной кары для правонарушителя [13, с. 194-199].

Исключительно под таким углом зрения необходимо рассматривать любое средство, позволяющее воплотить в жизнь охранительное направление правового воздействия, в том числе и институт юридической ответственности.

Сказанное означает, что полноценная реализация целей и задач, стоящих перед российским правом в целом, и его охранительной функцией, в частности, не возможна при однобоком подходе к исследованию сущности «юридической ответственности». Очевидно, что предупредительное воздействие может оказать не только страх наказания, основанный на неотвратимости негативной юридической ответственности, но и не в меньшей степени примеры должного, профессионального отношения к трудовым обязанностям; проявлений активной жизненной позиции и т.д. Именно в таком отношении институт юридической ответственности может и должен восприниматься в качестве средства реализации охранительной функции современного российского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
2. Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект) : автореф. дис. ... канд.

LEGAL RESPONSIBILITY AS A MEANS OF IMPLEMENTATION GUARDING FUNCTION OF THE RUSSIAN LAW

© 2014

N.A. Makarova, candidate of juridical sciences, senior lecturers of the cathedra of «Theory and History of State and Law»

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, Samara (Russia)

Annotation: At the present stage of development of Russian society and the state a guarding function of the law can be considered as a priority for legal influence. The means of guarding influence of the Russian law has large theoretical and practical significance. One of such means is a legal responsibility. The author comes to the conclusion that the effectiveness of guarding influence of the Russian law to the same extent due to two aspects of legal responsibility: positive and negative.

Keywords: law, function, guarding, influence, responsibility, means, prevention.

УДК 342.565.2

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ОБЩЕОБЯЗЫВАЮЩЕЙ ЮДИКАТУРЫ ЛАТВИЙСКИХ СУДОВ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

© 2014

Г.В. Микелсоне, магистр филологии, магистр юриспруденции, претендент на научную степень доктора юридических наук в юридическом факультете Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»

Латвийский Университет, Рига (Латвия)

Аннотация: В статье изложены причины, по которым в нормативных правовых актах для частного лица необходимо предусмотреть возможность обращения в Конституционный суд Латвии, или суд Сатверсме Латвийской Республики (далее – суд Сатверсме), в следующих случаях: если суд всеобщей юрисдикции, постановление или решение которого в конкретной ситуации окончательно (обжалованию не подлежит), противоправно произвел или отказался произвести дальнейшее формирование права, или не соблюдал общеобязывающую юдикатуру суда Сатверсме, и это нарушает права человека или основные права этого лица.

Ключевые слова: юдикатура, судейское право, источники права (правовые источники), общеобязывающая сила, конституционный контроль, Конституционный суд.

В своей промоционной работе «Значение юдикатуры¹ в правовой системе Латвии как демократического

юрид. наук. – СПб., 2002. 26 с.

3. Кабышев В.Т. Защита прав человека – главное направление правовой политики России // Правоведение. 1998. № 1. С. 124–125.

4. Королев С.Ю. Государственный контроль за охраной и использованием земель в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. 203 с.

5. Самойлов В.Г. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве: Общая и специальная: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. 29 с.

6. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. 156 с.

7. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.

8. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53.

9. Бондарев А.С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133–145.

10. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. 46 с.

11. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.

12. Чирков А.П. Ответственность в системе права: Учебное пособие. – Калининград: изд-во Калинингр. ун-та. 1996. 77 с.

13. Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2. С. 194–199.

¹ Юдикатура – это все правовые юридически значимые заключения (выводы), содержащиеся в постановлениях и решениях судов и судей и сформулированные судом с использованием любого юридического метода, в особенности результат интерпретации правовых норм и результат дальнейшего формирования права.

Всеобязывающим является результат произведенного латвийскими судами дальнейшего формирования права, или судебское право², и результат проведенной судом Сатверсме интерпретации правовых норм. Из этого следует, что в нормативных правовых актах необходимо предусмотреть возможность обращения частного лица в суд Сатверсме, если суд всеобщей юрисдикции, постановление или решение (далее – постановление) которого в конкретной ситуации окончательно (обжалованию не подлежит), противоправно произвел или отказался произвести дальнейшее формирование права, или не соблюдал общеобязывающую юрисдикцию суда Сатверсме (результат интерпретации правовых норм или результат дальнейшего формирования права), и если это нарушает права человека или основные права этого лица.

Возможность обращения в суд Сатверсме необходимо предусмотреть, потому что в этих случаях всегда нарушается право лица на справедливый суд, гарантированное первым предложением ст. 92 Конституции Латвии, или Сатверсме Латвийской Республики (далее – Сатверсме), и первой частью ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека (далее – ЕК), а иногда и другие права человека. Право на справедливый суд включает в себя право требовать, чтобы дело в суде было рассмотрено согласно действующим в стране материальным и процессуальным правовым нормам, а также право на доступ к суду. Если суд всеобщей юрисдикции, постановление которого в конкретной ситуации окончательно, противоправно произвел дальнейшее формирование права или не соблюдал общеобязывающую юрисдикцию суда Сатверсме, это постановление не отвечает латвийским правовым нормам. В свою очередь, если такой суд противоправно отказался от дальнейшего формирования права, то при этом нарушаются права лица на доступ к суду, а иногда и другие права человека.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) тоже несоответствие судебных постановлений судов стран-участниц ЕК надлежащим правовым нормам государства и ограничение права доступа к суду оценивает как нарушение первой части ст. 6 ЕК [см. соответственно 1, с. 202 и 2, с. 557–558; 3, пункт 36]. Таким образом, в случаях, когда суд всеобщей юрисдикции, постановление которого в конкретной ситуации окончательно, противоправно произвел или отказался произвести дальнейшее формирование права, или не соблюдал общеобязывающую юрисдикцию суда Сатверсме, лицо может обратиться в ЕСПЧ. Но следует помнить, что обращение в ЕСПЧ является субсидиарным механизмом защиты прав человека, поэтому обязанность государства – снизить до минимума необходимость его использования [2, с. 126; 4, пункт 51]. Стране-участнице ЕК прежде всего необходимо дать возможность самой своими средствами в рамках своей правовой системы устранить допущенную по отношению к лицу несправедливость [5, с. 60].

Так как соблюдение и обеспечение основных прав является конституционной обязанностью государства, то в случаях, когда суд всеобщей юрисдикции, постановление которого в конкретной ситуации окончательно, противоправно произвел или отказался произвести дальнейшее формирование права, или не соблюдал общеобязывающую юрисдикцию суда Сатверсме, для лица необходимо предусмотреть возможность обращения в суд Сатверсме, который является главным «стражем» Конституции Латвии.

Таким образом государство предложило бы еще одно национальное средство защиты прав, которое было бы эффективно и адекватно и которое поэтому нужно было бы использовать до обращения в ЕСПЧ. Судьи ЕСПЧ еще в 2013 году тоже рекомендовали оценить возможность увеличения полномочий и компетентности суда Сатверсме в разрешении вопросов, касающихся прав человека [6].

1. Конституционный контроль³ дальнейшего формирования права, осуществленного судами всеобщей юрисдикции

Судейское право судов всеобщей юрисдикции – это общеобязывающие правовые нормы, а результат методологически неправильного дальнейшего формирования права, наоборот, не правовая норма, а ошибочное заключение суда. Однако это заключение, если оно внесено в постановление суда всеобщей юрисдикции, которое невозможно обжаловать и которое поэтому вступает в силу, так же, как и любая правовая норма, обязывающе влияет на права или правовые интересы лица. Из ст. 16 Закона о суде Сатверсме вытекает, что в компетенции этого суда между прочими включено право оценки конституционности, или соответствия правовым нормам высшей юридической силы, письменно зафиксированных правовых норм. Так как результат дальнейшего формирования права по своему влиянию на права и правовые интересы лица ничем не отличаются от письменно зафиксированных прав, суд Сатверсме необходимо наделить правом оценки конституционности результата дальнейшего формирования права, осуществленного судами всеобщей юрисдикции.

Такое же мнение уже лет десять назад высказала профессор юридического факультета Латвийского Университета *Dr. iur.* Дайга Резевска: если в компетенцию суда Сатверсме входит оценка всеобязывающих правовых норм, то, очевидно, её нужно бы распространить и на созданные в ходе дальнейшего формирования права правовые нормы, расширяя таким образом компетенцию суда Сатверсме правом контролировать согласованность всей правовой системы; нельзя допускать существование в правовой системе нормативных предписаний, конституционность которых не может быть оспорена и проверена и которые в случае надобности невозможно признать не имеющими силы [7, с. 107–108].

Яркий пример методологически неправильного и, следовательно, антиконституционного дальнейшего формирования права можно найти в постановлении Департамента по гражданским делам Сената Верховного суда Латвийской Республики (далее – Сенат ДГД) от 10 ноября 2010 года по делу №SKC-821/2010. В пункте 11 постановления читаем: пусть даже это *expressis verbis* не указано в ст. 97 Закона о труде, но для изменений в трудовом договоре по аналогии применимы и другие правила, регламентирующие форму трудового договора, а именно, первая и вторая части ст. 41 Закона о труде, и в случае, если работник и работодатель начали исполнение работы в соответствии с не оформленными письменно изменениями в трудовом договоре, несоблюдение письменной формы имеет те же самые правовые последствия, как и изложенные письменно изменения трудового договора, и стороны могут потребовать изложения таких изменений письменно [9].

Это заключение суд кассационной инстанции обнаружил в правовой системе и сформулировал, используя один из методов дальнейшего формирования

² Судейское право – это включенные в постановления и решения судов и судей правовые нормы, найденные в правовой системе при использовании какого-либо из методов дальнейшего формирования права, и которые вследствие этого являются результатом дальнейшего формирования права. Судейское право – составная часть юрисдикции.

³ Суд Сатверсме осуществляет конституционный контроль, а не конституционный надзор. Контролирующий субъект имеет право обжалованную правовую норму или акт признать не имеющим силы. В свою очередь, у институции, реализующей функцию надзора, такого права нет. В системах конституционного надзора исключение правовой нормы (акта) из правовой системы находится в ведении других институций, обычно тех, которые приняли правовую норму (акт) [8, с. 15, 16].

права – аналогию закона, – и первую и вторую части ст. 41 Закона о труде, которые относятся к трудовому договору, по аналогии применил для изменений трудового договора. Аналогия закона – это метод, используя который для фактического состава, который непосредственно не отрегулирован в нормативном правовом акте, применяются правовые последствия правовой нормы, которая регулирует подобный фактический состав [7, с. 105]. В свою очередь, схожесть между ситуацией, когда письменно не изложен трудовой договор, и случаем, когда письменно не изложены изменения трудового договора, – только частичная, поэтому найденная путем аналогии Сенатом ДГД правовая норма только частично может быть признана правовой.

В случаях, когда письменно не оформлен трудовой договор, а работник и работодатель или хотя бы одна из сторон начала выполнение договорных обязанностей, приравнивание письменно не оформленного трудового договора к изложенному письменно трудовому договору в отношении правовых последствий предусмотрено только в интересах работника, чтобы улучшить его правовое положение. На это указывают не только все включенные в Закон о труде основные принципы трудового права, но и первая часть ст. 41 этого закона, в которой говорится, что право требовать письменного изложения трудового договора, если при заключении трудового договора не была соблюдена его письменная форма, принадлежит только работнику. Это весьма логично, потому что работодателю ничего не надо требовать. Работодатель сам может подготовить письменный трудовой договор (и это его обязанность в соответствии с шестой частью ст. 40 Закона о труде!) и предложить потенциальному работнику подписать его, и, если тот отказывается, не допустить его к работе. Работник же, наоборот, только в редких случаях может самостоятельно подготовить письменный трудовой договор (для этого необходимы специальные знания) и позволить себе отказаться начать работу без письменного трудового договора (для этого необходимо хорошее материальное положение).

В ситуациях, когда письменно не оформлены изменения трудового договора, а работник и работодатель или хотя бы одна из сторон начала выполнение изменений трудового договора, приравнивание письменно не оформленных изменений трудового договора к изложенным письменно изменениям трудового договора в отношении правовых последствий может как ухудшить, так и улучшить правовое положение работника. То, улучшит или ухудшит правовое положение работника такое приравнивание, зависит от содержания изменений в трудовом договоре.

Применяя по аналогии первую и вторую части ст. 41 Закона о труде, суд легализовал право работодателя нарушить статьи 97 и 40 Закона о труде. По мнению суда, у работодателя есть право не соблюдать обязанность заботиться о письменном оформлении изменений в трудовом договоре, потому что он может «изменить» трудовой договор проще – самовольно и односторонне поменяв условия трудового договора, при этом не в пользу работника – и, если работник, находясь в правовых трудовых отношениях, против этого не возражает, действия работодателя правомерны.

Из вышенаписанного следует, что на сформулированное Сенатом ДГД предписание должно быть наложено ограничение (это предписание должно быть исправлено с помощью телеологической редукции), принимая во внимание цель Закона о труде – защитить работника и не допустить того, чтобы работодатель ухудшил правовое положение работника вопреки установленному в нормативных правовых актах (Закон о труде, ст. 6). Следовательно, применяя по аналогии первую и вторую части ст. 41 Закона о труде, можно сделать вывод:

1) если, вводя изменения в трудовой договор, не соблюдена письменная форма, работник имеет право требовать изложения изменений в письменном виде; с этой целью работник может использовать любые доказательства, относящиеся к наличию и содержанию изменений в трудовом договоре;

2) если работник и работодатель или хотя бы одна из сторон начала выполнение изменений в трудовом договоре, то не отвечающие письменной форме изменения трудового договора имеют такие же правовые последствия, как и изложенные письменно изменения трудового договора, если они не ухудшают положение работника.

Спор в этом деле разрешен, основываясь на предписании, созданном в результате ошибочного дальнейшего формирования права. Таким образом нарушено право на справедливый суд вовлеченной в конкретное дело работницы – право на то, чтобы дело было рассмотрено согласно действующим в стране материальным правовым нормам. В настоящее время в Латвии нет ни одного национального средства защиты прав, с помощью которого частное лицо могло бы устранить такое нарушение прав, поэтому в нормативных правовых актах необходимо предусмотреть возможность оспаривания противоправного результата дальнейшего формирования права в суде Сатверсме и добиться того, чтобы ошибочное заключение потеряло свою силу. Это особенно важно в ситуациях, когда антиконституционное предписание суды используют в других делах в качестве судейского права. Так ошибочное заключение, имеющееся в постановлении Сената ДГД от 10 ноября 2010 года по делу №SKC-821/2010, в качестве общеобязывающей правовой нормы применено в гражданском деле №C28473712 [10, пункты 6, 6.2]⁴ и административном деле №A420522010 [11, пункты 14 – 16, 20]⁵.

2. Конституционный контроль применения общеобязывающей юдикатуры суда Сатверсме

Общеобязывающая сила юдикатуры суда Сатверсме – результата интерпретации правовых норм и результата дальнейшего формирования права – вытекает из нескольких латвийских нормативных правовых актов: 2¹ части ст. 29, второй и третьей части ст. 32 Закона о суде Сатверсме, пятой части ст. 17 Закона об административном процессе, второй части ст. 2 Закона об уголовном процессе. Тем не менее суды всеобщей юрисдикции иногда игнорируют представленную в постановлениях суда Сатверсме интерпретацию правовых норм, которую им было бы необходимо соблюдать и применять в качестве общеобязывающего источника права. Так нарушаются как упомянутые правовые нормы, так и право лиц на справедливый суд – право требовать, чтобы дело было рассмотрено согласно правовым нормам соответствующего государства.

Обращение в суд Сатверсме в этой ситуации было бы эффективным средством защиты прав как минимум по трем причинам. Во-первых, как уже упоминалось, право на справедливый суд – это конституционное право и главным стражем конституции является суд Сатверсме. Во-вторых, сам суд Сатверсме лучше всех смог бы оценить, соблюдали или нет в конкретной ситуации суды всеобщей юрисдикции его общеобязывающую юдикатуру. В-третьих, возможны ситуации, когда общеобязывающую юдикатуру Конституционного суда суды различных инстанций понимают совершенно противоположно, и растолковать свою юдикатуру лучше всего сможет сам суд Сатверсме.

Характерным примером является гражданское дело №C04267505, в котором, при первичном рассмотрении, суд первой и апелляционной инстанции, с одной

4 На это постановление подана кассационная жалоба и возбуждено кассационное судопроизводство.

5 Постановление не обжаловано в кассационном порядке и вступило в силу 29 июля 2011 года

стороны, и Сенат ДГД, с другой стороны, радикально противоположно истолковали содержание 5-го и 6-го пунктов заключительной части постановления суда Сатверсме по делу №2002-12-01 [12] от 25 марта 2003 года [см. соответственно 13, с. 6–7; 14, с. 16 – 17; 15, с. 10]. Случай не обычен тем, что содержащиеся в этих пунктах заключения Конституционного суда сформулированы достаточно четко, чтобы не могло возникнуть разногласий. Рассматривая дело повторно, Судебная палата по гражданским делам Верховного суда Латвийской Республики (далее – Судебная палата) соблюдала интерпретацию юдикатуры Конституционного суда, предоставленную Сенатом ДГД (что, на взгляд автора, неверно), поэтому истинное мнение суда апелляционной инстанции невозможно узнать [16, с. 7; 17, с. 11–13]. Сам Сенат ДГД при повторном рассмотрении дела мнение не изменил [18, с. 8–9].

В демократическом правовом государстве недопустимо несоблюдение судом правовых норм, а также тех, что регламентируют всеобязывающую силу юдикатуры суда Сатверсме. Столь же недопустима ситуация, когда лицу недоступно ни одно национальное средство защиты прав в случае, когда суды всеобщей юрисдикции различно интерпретируют юдикатуру суда Сатверсме, потому что сам Конституционный суд может легко устранить эти разногласия. Если бы суд Сатверсме сделал в постановлении вывод о том, что суд всеобщей юрисдикции не соблюдал всеобязывающую юдикатуру суда Сатверсме, это можно было бы считать вновь открывшимися обстоятельством. Суду всеобщей юрисдикции в соответствующих процессуальных законах следовало бы определить обязанность – при рассмотрении дела заново, опираясь на предоставленное в постановлении суда Сатверсме заключение о содержании (разъяснение) соответствующего вывода юдикатуры Конституционного суда.

Можно обоснованно возразить, что обязательно найдется какой-нибудь в конкретном случае суд высшей инстанции (суд, постановление которого обжалованию не подлежит), который бы не понял или только притворялся, что не понимает, даже разъяснение предыдущей юдикатуры суда Сатверсме. По мнению автора, такие случаи были бы возможны, но так редко, что в них можно было бы не предусматривать национальные средства правовой защиты, оставив для частного лица возможность обращения в ЕСПЧ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Law of the European Convention on Human Rights. Second edition. D.J. Harris, M. O' Boyle, E.P. Bates and others. New York: Oxford University Press Inc., 2009.
2. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Fourth Edition. Arai Y., van Hoof F., Bleichrodt E. etc. Van Dijk P., van Hoof F., van Rijn A., Zwaak L. (eds.). Antwerpen – Oxford: Intersentia, 2006.
3. Постановление ЕСПЧ по делу 4451/70, Golder v. the United Kingdom, 21 February 1975. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57496> (осмотрено 07.08.2014.).

4. Постановление ЕСПЧ по делу 21987/93, Aksoy v. Turkey, 18 December 1996. Доступен: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58003> (осмотрено 07.08.2014.).

5. Решение Европейской комиссии по правам человека о приемлемости по делу 5964/72, X. v. Federal Republic of Germany, 29 September 1975. Decisions and Reports, 3 (1976). Доступен также: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-75021> (осмотрено 07.08.2014.).

6. ECT tiesnesis: no Latvijas iedzīvotājiem liels sūdzību skaits (08.07.2013.) (Судья ЕСПЧ: от жителей Латвии большое число жалоб (08.07.2013)). Доступно: http://www.tvnet.lv/zinas/viedokli/470659-ect_tiesnesis_no_latvijas_iedzivotajiem_liels_sudzibu_skaits (осмотрено 30.07.2014.).

7. Pjanova D. Vispārējo tiesību principu nozīme un piemērošana. Rīga: Ratio iuris, 2005 (Ильянова Д. Значение и применение всеобщих правовых принципов). Rīga: Ratio iuris, 2005.

8. Rodiņa A. Konstitucionālās sūdzības teorija un prakse Latvijā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2009 (Родиня А. Теория и практика конституционной жалобы в Латвии). Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2009.

9. Постановление Сената ДГД от 10 ноября 2010 года по делу №SKC-821/2010, не опубликован.

10. Постановление судебной Коллегии по гражданским делам Рижского окружного суда от 10 июня 2014 года по делу №C28473712, СА-1609/21, 2014 год, не опубликован.

11. Постановление Административного окружного суда от 28 июня 2011 года по делу №A420522010, AA43-0555-11/9. Доступен: http://www.tiesas.lv/files/AL/2011/06_2011/28_06_2011/AL_2806_apg_AA43-0555-11_9.pdf (осмотрено 31.07.2014.).

12. Постановление суда Сатверсме от 26 марта 2003 года по делу №2002-12-01 «О соответствии 3-го пункта первой части ст. 12 закона «О земельной реформе в городах Латвийской Республики» статьям 1 и 105 Сатверсме (Конституции) Латвийской Республики». Latvijas Vēstnesis, 2003, 26 марта, №47.

13. Постановление судебной Коллегии по гражданским делам Рижского окружного суда от 22 ноября 2006 года по делу №C04267505, С-1284/15, не опубликовано.

14. Постановление судебной Палаты от 27 марта 2008 года по делу №C04267505, PAC-0181, 2008 год, не опубликовано.

15. Постановление Сената ДГД от 13 мая 2009 года по делу №SKC-86/2009, не опубликовано.

16. Постановление судебной Палаты от 15 февраля 2011 года по делу №C04267505, PAC-0271, 2011 год, не опубликовано.

17. Постановление судебной Палаты от 11 ноября 2013 года по делу №C04267505, PAC-0920/2013, не опубликовано.

18. Постановление Сената ДГД от 17 октября 2012 года по делу №SKC-407/2012, не опубликовано.

THE CONSTITUTIONAL CONTROL OF THE BINDING CASE LAW OF LATVIAN COURTS AND ITS APPLICATION

© 2014

G.V. Mikelsona, Master of Philology, Master of Law, pretender to the degree of the doctor of legal sciences in the University of Latvia, Faculty of Law, lawyer in the advocate office «Centrs»
University of Latvia, Rīga (Latvia)

Annotation: This article outlines the reasons for which it is necessary to confer for an individual the right to apply to the Constitutional Court of the Republic of Latvia (hereinafter the Constitutional Court) in the following cases: if the court of general jurisdiction, judgement of which in particular situation is final (not a subject to appeal), unlawfully done or refused to do the further law making, or had not comply with the binding case law of the Constitutional Court, and if it violates the human rights or fundamental rights of this person.

Keywords: case law, judge-made law, legal sources, the binding force, constitutional control, the Constitutional Court.

УДК 372.881.1

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

© 2014

А.Е. Миронов, студент 2 курса магистратуры, кафедры «Теория государства и права», Институт права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Государственное регулирование внешнеторговой деятельности, осуществление таможенной службой фискальной, правоохранительной функций, правоотношения, затрагивающие непосредственно нарушение порядка перемещения товаров и транспортных средств через таможенную территорию РФ, а также таможенного контроля и таможенного оформления товаров и транспортных средств.

Ключевые слова: нарушение таможенных правил и административная ответственность за их нарушение, виды взыскания за административные правонарушения.

Юридическая ответственность – возлагаемая в установленных законом формах обязанность лица претерпевать определенные лишения личного, имущественного и организационного характера за совершенное правонарушение.

С точки зрения этимологии, ответственность – это обязанность, необходимость давать отчет о своих действиях и поступках, а также отвечать за их возможные последствия, а что касается юридической ответственности, то – это вид социальной ответственности, всегда связанный с возможностью применения принудительной силы государства и выраженный в санкциях правовых норм.

Таким образом, отличительным признаком юридической ответственности является государственное принуждение нарушителя к исполнению требований данного права.

Различают четыре основных вида юридической ответственности, соответствующие основным видам правонарушений: уголовная ответственность; административная ответственность; дисциплинарная ответственность; гражданско-правовая ответственность. Так, в зависимости от вида совершенного деяния устанавливаются соответствующий вид ответственности и наказания, закрепленные в законодательстве.

Например, основанием административной ответственности конкретного лица является совершение им деяния, содержащего все признаки состава административного правонарушения.

Понятие ответственности за правонарушения в области таможенного дела носит сложный комплексный характер, обусловленный комплексным характером самого таможенного дела.

Административную ответственность за правонарушения в области таможенного дела можно определить как форму воздействия государства на лицо, совершившее деяние, обладающее всеми признаками состава административного правонарушения, посягающее на установленный законодательством РФ порядок перемещения, таможенного контроля и таможенного оформления товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу РФ, обложения таможенными платежами и их уплаты, предоставления таможенных льгот и пользования ими, выражающуюся в возложении на нарушителя обязанности претерпеть определенные неблагоприятные последствия.

Административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения административного правонарушения 16 лет. Здесь также необходимо учитывать п. 5. Ст. 8 Федерального закона от 27 ноября 2010 года N 311-ФЗ (принят ГД ФС РФ 19.11.2010) «О таможенном регулировании в РФ», который указывает: «Никто не может быть привлечен к ответственности за нарушение актов таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Российской Федерации о таможенном деле и (или) иных правовых актов РФ в области таможенного дела, если такое

нарушение вызвано неясностью правовых норм, содержащихся в таких актах».

Говоря об административной ответственности юридических лиц за нарушения таможенных правил следует подчеркнуть, что в процессе производства по этим делам следует каждый раз точно устанавливать дееспособность и правоспособность соответствующих юридических лиц, для чего необходимо истребовать их устав и регистрационные документы. Это очень важно делать потому, что за нарушения таможенных правил подлежат административной ответственности сами юридические лица, а не их представительства и филиалы (обособленные подразделения), которые обладают полной дееспособностью и действуют (вступают в правоотношения) от имени и по поручению юридического лица.

Борьба с административными правонарушениями в области таможенного дела (нарушениями таможенных правил), является одним из важнейших направлений в правоохранительной деятельности государства. При совершении таможенных правонарушений наносится вред экономическим интересам государства, что является недопустимым для оптимального развития отечественной экономики и что также негативно сказывается на благосостоянии всего населения страны.

Для защиты экономической безопасности государства необходимо пресечение совершаемых и готовящихся к совершению таможенных правонарушений и привлечение к ответственности лиц, их совершивших.

Производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела и рассмотрение таких дел в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях осуществляет Федеральная таможенная служба России (далее ФТС).

Общим для всех видов нарушений таможенных правил является то, что все они в той или иной степени посягают на урегулированные нормами таможенного права общественные отношения – таможенно-правовые отношения (отношения, возникающие в связи и по поводу перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу). Различаются же они по степени общественной опасности, по направленности на причинение вреда тем или иным аспектам таможенного дела, в зависимости от способа, места и времени их совершения (т.е. по признакам объективной стороны), в ряде случаев – по субъектам, их совершающим, и по некоторым другим критериям [1, с. 3].

Классификация нарушений таможенных правил в соответствии с теми или иными признаками имеет важное значение для совершенствования правоприменительной деятельности таможенных органов, поскольку позволяет, с одной стороны, выявить некие качественные особенности каждого конкретного состава таможенного правонарушения и в то же время, с другой стороны, избежать односторонности его интерпретации.

Наиболее общей классификацией нарушений

таможенных правил является их классификация по степени общественной опасности. В соответствии с этим критерием все виды составов нарушений таможенных правил можно условно разделить на незначительные нарушения, не представляющие большой общественной опасности для экономических интересов России и на грубые нарушения, совершение которых наносит реальный ущерб экономическим интересам и безопасности нашей страны.

К первой группе относятся такие нарушения таможенных правил, как, например, нарушение режима зоны таможенного контроля (ст. 16.5 КоАП РФ), несоблюдение порядка внутреннего таможенного транзита или таможенного режима международного таможенного транзита (ст. 16.10 КоАП РФ), непредставление в установленный срок в таможенный орган отчетности (ст. 16.15 КоАП РФ) и другие незначительные нарушения, совершение которых происходит в основном, как следствие халатного исполнения участниками таможенно-правовых отношений своих обязанностей в сфере таможенного дела.

Ко второй группе следует отнести нарушения, совершение которых несет реальный ущерб экономическим интересам России, нравственности и здоровью ее населения и которые, как правило, направлены на получение той или иной выгоды для лиц, их совершающих. Сюда относятся прежде всего, нарушения таможенных правил так называемой «контрабандной группы» [1, с. 8] - незаконное перемещение товаров и (или) транспортных средств через таможенную границу (ст. 16.1 КоАП РФ) и недекларирование либо недостоверное декларирование товаров и (или) транспортных средств (ст. 16.2 КоАП РФ) иные грубые нарушения.

Можно проводить классификацию нарушений таможенных правил по направленности на причинение вреда тем или иным аспектам таможенного дела (т.е. по объекту посягательства). Представляется, что по этому критерию следует выделить четыре группы нарушений таможенных правил:

1) Нарушения таможенных правил, посягающие на порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ (ст. 16.1, 16.3, 16.18 КоАП РФ);

2) Нарушения таможенных правил, посягающие на порядок оформления, порядок применения иных таможенных процедур и порядок таможенного контроля перемещаемых через таможенную границу России товаров и транспортных средств и порядок осуществления деятельности в области таможенного дела (ст. 16.2, 16.4, 16.17, 16.19 КоАП РФ);

3) Нарушения таможенных правил, посягающие на порядок обложения перемещаемых через таможенную границу России товаров таможенными платежами и порядок их уплаты (ст. 16.22 КоАП РФ);

4) Нарушения таможенных правил, посягающие на порядок предоставления в отношении указанных выше товаров и транспортных средств таможенных льгот и порядок пользования ими (ст. 16.20, 16.21 КоАП РФ).

Следующий способ возможной классификации видов нарушений таможенных правил – это классификация в зависимости от способа, места и времени их совершения, т.е. по признакам объективной стороны правонарушения.

Юридический анализ действующих таможенно-правовых норм позволяет выделить в объективной стороне составов административных проступков, именуемых нарушениями таможенных правил, следующие характерные признаки их классификации:

1) Форма совершения противоправного деяния (действие или бездействие);

2) Противоправный результат (материальный или нематериальный вред, ущерб);

3) Место, время и средства совершения

правонарушения.

И наконец, в зависимости от субъектов, их совершающих, нарушения таможенных правил можно подразделить на:

1) Нарушения таможенных правил, субъектами которых могут быть любые физические или юридические лица, отвечающие общим признакам субъекта административного правонарушения (таковых большинство); [1, с. 427]

2) Нарушения таможенных правил, субъектами которых могут быть только специальные субъекты, т.е. физические или юридические лица, обладающие помимо общих признаков субъекта административного правонарушения еще и некоторыми характерными признаками, позволяющими им выступать в качестве конкретных правонарушений (например, невывоз либонеосуществление обратного ввоза товаров и (или) транспортных средств физическими лицами (ст. 16.18 КоАП РФ), где субъектом правонарушения могут выступать только физические лица, временно ввезшие в РФ или вывезшие из нее товары и транспортные средства для личного пользования).

Административные взыскания за нарушения таможенных правил - это меры ответственности за таможенные правонарушения. Они обладают рядом общих характерных признаков.

Во-первых, они выражают реакцию государства на правонарушение в виде отрицательной оценки как совершенного правонарушения, так и самого правонарушителя.

3) Эта оценка непосредственно находится в норме закона, а при ее применении она отражается в определенном управленческом решении таможенного органа (должностного лица), выступающего от имени государства и наделенного в необходимых случаях правом на государственное принуждение. Государственное принуждение не может быть и не является единственным средством обеспечения исполнения правовых норм, но там, где такая сила отсутствует, там вообще нет самого права, реального исполнения правовых норм [2, с. 127]

Во-вторых, административно-правовые взыскания за нарушения таможенных правил по своей социальной сущности и содержанию представляют собой меры принуждения, ограничивающие виновного в его правах.

В-третьих, содержится исчерпывающий перечень взысканий за нарушения таможенных правил. Должностные лица таможенных органов не вправе применять другие взыскания, кроме тех, которые предусмотрены в КоАП. Указанный перечень взысканий за нарушения таможенных правил включает различные по характеру и тяжести санкции, отражающие различный характер и степень общественной опасности нарушений таможенных правил, предусмотренных в КоАП.

В ст. 3.2 КоАП России приведен исчерпывающий перечень наказаний, состоящий из восьми видов: предупреждение, административный штраф и т.д.

За нарушение таможенных правил в зависимости от вида совершенного правонарушения могут быть назначены наказания исключительно в виде предупреждения, административного штрафа и конфискации орудия совершения или предмета правонарушения [3, с. 127].

Предупреждение и административный штраф относятся к категории так называемых основных наказаний, в то время как конфискация может устанавливаться и применяться в качестве также и дополнительного наказания. За совершение нарушений таможенных правил таможенные органы могут самостоятельно принять решение о привлечении к ответственности и назначении административных наказаний только в виде предупреждения и штрафа. Решение о конфискации всегда принимается судом (например в ч. 2 ст. 208 ТК ТС содержится условие того,

что конфискация производится по решению суда)

Административный штраф, по общему правилу, должен быть уплачен лицом, привлеченным к ответственности, не позднее тридцати дней со дня вступления вынесенного постановления о назначении наказания в законную силу. При этом соответствующая сумма вносится или перечисляется в банк или иную кредитную организацию. В случае неуплаты штрафа в установленный срок виновное лицо может быть привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

В соответствии с требованиями КоАП РФ административное наказание может быть назначено только в установленных законом пределах, при этом никто не может нести ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение.

Назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой лицо привлечено к ответственности (к примеру, обязанность по уплате таможенных платежей, производству таможенного оформления товаров и др.).

Одним из наиболее мягких видов административного взыскания, применяемого за нарушения таможенных правил, является предупреждение. Оно непосредственно направлено на личность правонарушителя, его применение имеет, в основном, моральный характер и не связано с ограничением каких-либо прав виновного.

Под предупреждением понимается мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица, которая выносится в письменной форме (ст. 3.4 КоАП РФ).

На практике предупреждение применяется в случае совершения незначительных таможенных проступков и в отношении лиц, впервые или по неосторожности совершающих нарушения таможенных правил.

Эта мера взыскания выносится в письменной форме и должна оформляться постановлением полномочного органа (должностного лица).

Вторым видом взыскания за нарушение таможенных правил является административный штраф, возможность применения которого предусмотрена почти во всех статьях КоАП, устанавливающих ответственность за нарушения таможенных правил.

Административный штраф - является денежным взысканием, выражается в рублях и устанавливается для граждан в размере, не превышающем пяти тысяч рублей; для должностных лиц - пятидесяти тысяч рублей; для юридических лиц - одного миллиона рублей.

Вместо понятия "штраф" законодатель пользуется понятием "административный штраф", подчеркивая тем самым его отличие от штрафа, назначаемого в качестве уголовного наказания.

При определении видов штрафа и его размеров таможенное законодательство учитывает специфику отдельных видов нарушения таможенных правил, особенность этих деяний с точки зрения всех элементов составов правонарушений, причиняющих ущерб экономическим интересам государства.

Так, может применяться несколько видов административного штрафа.

Во-первых, административный штраф определяется применительно к минимальному месячному размеру оплаты труда. Максимальный размер такого штрафа равен 5 млн., а минимальный - 3 тысячи рублей.

В большинстве составов нарушений таможенных правил он исчисляется, исходя из минимальной оплаты труда на день совершения правонарушения, а если такой день невозможно установить - на день обнаружения правонарушения.

Во-вторых, административный штраф за нарушение таможенных правил определен в виде суммы начислений в процентном отношении, исходя из стоимости товаров

и транспортных средств, под которой понимается их свободная (рыночная) цена на день обнаружения правонарушения.

В-третьих, в некоторых статьях штраф устанавливается отдельно как для физических лиц, так и для юридических лиц и в том числе для должностных лиц.

Штраф во всех случаях может быть назначен только в качестве основного наказания. Должностным лицам таможенных органов предоставлено право определять размер штрафа с учетом конкретных обстоятельств и материалов того или иного дела.

Изучение практических материалов таможенных органов свидетельствует о том, что нередко встречаются случаи, когда товары, транспортные средства и иные предметы, в отношении которых вынесено постановление о конфискации, до обращения постановления к исполнению с разрешения вышестоящего таможенного органа выкупаются лицом, у которого они были изъяты по двойной стоимости этих предметов.

КоАП России значительно сократил выбор между тем или иным видом административного наказания, что может рассматриваться как с позитивной стороны (устранение ненужного деления конфискации на виды по признаку предмета, исключение из перечня административных наказаний взыскания стоимости, ставшего нецелесообразным), так и с негативной (исключение из перечня административных наказаний отзыва лицензии или квалификационного аттестата, что ранее являлось действенной мерой воздействия).

Административные правонарушения в области таможенного дела порождены стремлением заинтересованных лиц любыми способами обойти, установленный государством, порядок перемещения товаров через таможенную границу, уходят корнями в далекое прошлое, а арсенал ухищрений и изощренных тайных методов и приемов их применения неисчерпаем и постоянно пополняется новыми способами ухода от уплаты таможенных платежей.

Основным резервом эффективности правоохранительной деятельности таможенных органов в части пресечения и профилактики административных правонарушений в области таможенного дела было и остается освоение и внедрение правильных приемов работы с КоАП РФ, ТК РФ, другими нормативными правовыми актами, регламентирующую работу правоохранительных подразделений таможенных органов по пресечению незаконного перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации.

Однако реализация закрепленных за таможенными органами правоохранительного статуса встречается с проблемами, решение которых потребует времени, активных творческих поисков сотрудников специальных подразделений ФТС России и совместных усилий родственных правоохранительных структур [4, с. 92, 5, с. 31]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что таможенные правонарушения (или нарушения таможенных правил) - достаточно важный и серьезный вопрос, который заслуживает пристального внимания не только со стороны законодателя, но и со стороны таможенных органов.

Статистические данные показывают рост различных нарушений в области таможенного дела, что обуславливает необходимость в усилении контроля за соблюдением действующих норм законодательства.

Что касается видов административных правонарушений, то данному вопросу посвящена глава 16 КоАП РФ, в которой указаны конкретные правонарушения и предусмотрена ответственность за них.

Важное значение, также, имеют меры ответственности за таможенные правонарушения (административные

взыскания), которые обладают рядом определенно-установленных признаков. В зависимости от вида совершенного правонарушения, могут быть назначены наказания только в виде предупреждения, административного штрафа и конфискации орудия совершения или предмета правонарушения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, что правовая квалификация правонарушений – это одна из важнейших частей, необходимых для правильного установления ответственности за таможенные правонарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимошенко И. В. Таможенное право России. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 2004 г. – 512 с.
2. Сосна Б.И., Ивлиев Г.П., Аворник Г.К.

Таможенное право России. - М.: Проспект, 2005 г. – 593 с.

3. Егиазарова В.В. Ответственность за нарушения таможенных правил: виды взысканий и правила их наложения. - М.: Проспект, 2005 г. – 205 с.

4. Сердеев В.А. Теоретические проблемы взаимосвязи оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24). – С. 90-95.

5. Иванько И.В. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка: состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24). – С. 30-35.

THE LEGAL BASIS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A KIND OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE FIELD OF CUSTOMS

© 2014

A.E. Mironov, student of Magistracy, Department of «Theory of State and Law», Law Institute
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: State regulation of foreign trade activity, the implementation of the customs, fiscal, law enforcement functions, relations, affecting directly the violation of the procedure for moving goods and vehicles across the customs territory of the Russian Federation and the customs control and customs clearance of goods and vehicles.

Keywords: violation of customs regulations and administrative responsibility for the violation, the types of penalties for administrative offences.

УДК 34.343.7

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

© 2014

А.В. Мокеев, судья Кировского районного суда г. Самары, аспирант
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: Проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности при назначении наказаний за преступления против собственности, применении положений Общей части УК РФ при замене назначенных судом наказаний, реализация принципов дифференциации уголовной ответственности и справедливости наказаний за криминальные посягательства на собственность.

Ключевые слова: хищения, преступления против собственности, уголовное наказание, дифференциация ответственности, принцип справедливости наказания.

В научной литературе преступлениям против собственности и ответственности за данные деяния посвящено множество монографий таких авторов, как Бойцов А.И., Лопوشенко Н.А., Безверхов А.Г., Плохова В.И., Кочои С.М., Яни П.С. и др.

Проблемы квалификации посягательств на собственность и ответственности за них всегда были актуальными для нашего общества и остаются значимыми в настоящее время, поскольку удельный вес данной категории преступлений в общей массе уголовно наказуемых деяний слишком высок.

Так, согласно данным ГИАЦ МВД РФ за 2013 год в России зарегистрировано 2206249 преступлений, из которых 1304622 или 59% приходится на преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ. Указанные статистические показатели свидетельствуют о широкой распространенности хищений и соответственно повышенной общественной опасности указанных посягательств на собственность. Если посмотреть аналогичную статистику за предыдущие годы, то увидим такое же соотношение между общим числом регистрируемых преступлений и регистрируемых хищений.

Широкая распространенность краж, грабежей, мошенничеств и других преступлений против собственности в силу их многочисленности требуют адекватных мер реагирования со стороны правоприменителя.

В данной статье будут раскрыты некоторые

проблемы, связанные с назначением наказания за преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ.

Санкции статей данной категории предусматривают разные виды наказаний, такие как штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, арест, принудительные работы и лишение свободы на определенный срок.

Одной из проблем является соотношение размеров видов наказаний.

Согласно ст.ст. 71, 72 УК РФ законодатель определил для правоприменителя правила сложения наказаний, их исчисления и зачета.

Так, один день лишения свободы приравнивается к одному дню принудительных работ или ареста, двум дням ограничения свободы, трем дням исправительных работ, 8 часам обязательных работ.

Если сопоставить размеры таких наказаний как обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы с лишением свободы на определенный срок применительно к наиболее распространенной категории преступлений, то математического равенства между ними не получится.

Например, санкция за простой грабеж (ч.1 ст. 161 УК РФ) без квалифицирующих признаков наряду с 4 годами лишения свободы содержит такие наказания как обязательные работы до 480 часов, исправительные работы до двух лет, ограничение свободы от двух до 4 лет.

Если сопоставить предлагаемые законодателем наказания, то получится, что размеры такого наказания как лишение свободы за грабеж несоизмеримо завышены по отношению к другим наказаниям, либо размеры более мягких наказаний с учетом их максимальных размеров, указанных в ч. 2 ст. 49, ч.2 ст. 50, ч.2 ст. 53 УК РФ, необоснованно занижены по отношению к лишению свободы.

Казалось бы, что здесь нет ничего страшного, ведь Закон напрямую не содержит требований к наличию равенства между размерами наказаний с использованием формул расчета, указанных в ст.ст. 71, 72 УК РФ.

Вместе с тем на практике возникают серьезные неразрешимые проблемы, связанные с назначением наказаний, их исчислением и зачетом с использованием положений ст.ст. 71, 72 УК РФ.

Вышеуказанными формулами расчета наказания пользуется суд не только при назначении наказания при рассмотрении дела по существу, решая вопрос о совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ) или совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), но и при решении вопроса о замене менее строгого наказания на более строгое в связи со злостным уклонением от отбывания наказания, назначенного судом (ч.3 ст. 49, ч.4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ), либо решении вопроса о замене неотбытой части наказания менее строгим видом наказания (ст.80 УК РФ).

Например, при замене такого наказания как обязательные работы в размере 360 часов (максимальное наказание за преступление, предусмотренное ч.2 ст. 160 УК РФ) по правилам ч.3 ст. 49 УК РФ осужденному будет определено наказание в виде 45 дней лишения свободы, что ниже минимального размера наказания в виде лишения свободы, предусмотренного общей частью УК РФ (ч.2 ст. 56 УК РФ). При этом данное преступление относится к категории средней тяжести и за него также предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или 1825 дней лишения свободы. Другими словами максимальный размер наказания в виде лишения свободы за данное преступление с учетом положений ст.ст. 71, 72 УК РФ в 40,5 раз превышает максимальный размер наказания в виде обязательных работ, что очевидно несправедливо.

Согласно ст. 80 УК РФ лицу, отбывающему лишение свободы за преступление небольшой или средней тяжести, возместившему вред потерпевшему, и при хорошем поведении неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания после фактического отбытия не менее одной трети срока наказания.

Если к осужденному за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ, к 3 годам лишения свободы после отбытия трети срока наказания (одного года) будут применены положения ст. 80 УК РФ, то такому лицу следует назначить наказание в виде 6 лет исправительных работ, тогда как размер данного наказания согласно ч.2 ст. 50 УК РФ не может превышать двух лет.

Согласно ч.3 ст. 80 УК РФ суд при замене наказания на более мягкое не может выходить за рамки размеров наказаний, установленных статьями Общей части УК РФ.

Из данного правила следует, что суд либо не вправе применять положения ст. 80 УК РФ в данном случае, либо обязан определить наказание в виде 2 лет исправительных работ.

Согласно пункту 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 "О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания" неотбытая часть наказания может быть заменена судом более мягким видом наказания, указанным в статье 44 УК РФ, которое в силу части 3 статьи 80 УК РФ не может быть

больше максимального срока или размера наказания, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации для этого вида наказания.

Рассмотрим последний вариант.

Так, лицу, отбывшему один год лишения свободы из назначенных трех лет, оставшаяся часть неотбытого наказания заменяется на два года исправительных работ. Однако данное лицо после освобождения из мест лишения свободы начинает злостно уклоняться от отбывания нового наказания, и в этом случае на основании ч.3 ст. 49 УК РФ его можно будет вернуть в места лишения свободы для отбывания наказания, но не двух лет, которые он фактически не отбыл, а лишь восьми месяцев, что явно не соответствует принципу справедливости, а также целям и задачам уголовного судопроизводства.

Рассмотрим другую проблему, связанную с назначением наказания за преступления против собственности.

Наказание в виде обязательных работ предусмотрено многими санкциями статей главы 21 УК РФ. Исходя из положений общей части УК РФ, тяжесть наказания должна определяться характером и степенью общественной опасности деяния. Соответственно, что опаснее преступление, тем строже должно быть наказание.

Однако данное положение не в полной мере характерно для санкций некоторых статей Особенной части УК РФ.

Так, наказание в виде обязательных работ до 360 часов, являющееся альтернативой двум годам лишения свободы, может быть назначено за преступления небольшой тяжести (ч.1 ст. 158 УК РФ, ч.1 ст. 159, ч.1 ст. 159.1, ч.1 ст. 159.2, ч.1 ст. 159.3, ч.1 ст.159.5, ч. ст. 159.6 УК РФ), и за преступление, относящееся к категории средней тяжести (ч.2 ст. 160), где альтернативой 360 часам обязательных работ выступают пять лет лишения свободы.

Также, на наш взгляд, представляется неверным наличие в санкциях за неквалифицированные преступления более тяжких наказаний, чем в квалифицированных.

Так, за преступления небольшой тяжести, предусмотренные ч.1 ст. 158, ч.1 ст.159, ч.1 ст. 159.1, ч.1 ст. 159.2, ч.1 ст. 159.3, ч.1 ст. 159.4, ч.1 ст. 159.5, ч.1 ст.159.6, ч.1 ст. 160 УК РФ, в качестве одного из наказаний, наряду с обязательными работами, исправительными работами и лишением свободы указано ограничение свободы. Однако во вторых частях тех же статей, предусматривающих ответственность за преступления средней тяжести, в качестве альтернативы тем же самым наказаниям законодатель решил не добавлять ограничение свободы. Ограничение свободы за совершение вышеуказанных квалифицированных хищений предусмотрено лишь в качестве дополнительного наказания к лишению свободы.

Как справедливо пишут Кругликов Л.Л. и Василевский А.В., применение мер уголовно-правового регулирования за содеянное виновным, применение мер уголовно-правового воздействия во многом предопределяется теми потенциальными возможностями, которые заложены в соответствующей санкции самим законодателем. Поэтому так важно дать строго выдержанные, взаимно согласованные, соизмеримые с тяжестью преступления и личностью виновного санкции [1].

При таком подходе к формированию санкций статей, предусмотренных главой 21 УК РФ, говорить об эффективной реализации принципа дифференциации уголовной ответственности, а соответственно об адекватном реагировании государства на преступные посягательства и достижении целей уголовного наказания не представляется возможным. Лишь при системном и кропотливом подходе к конструированию

санкций за уголовно - наказуемые деяния можно добиваться значимых результатов. Любой закон, а тем более уголовный, должен быть справедливым и понятным преступникам, потерпевшим и иным членам общества, поскольку бессистемное назначение наказаний подрывает авторитет публичной власти и влечет за собой негативное отношение к самому непонятному, нелогичному и противоречивому закону,

чего государство не должно допускать ни при каких обстоятельствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский
Дифференциация ответственности в уголовном праве. -
СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 267 с.

ON SOME ISSUES OF SENTENCING AGAINST PROPERTY

© 2014

A.V. Mokeev, judge, a graduate student
Samara State University, Samara (Russia)

Annotation: Problems in enforcement activities in sentencing for crimes against property, the application of the provisions of the Criminal Code by replacing the sentence to the realization of the principles of differentiation and criminal liability criminal justice sanctions for infringement of property.

Keywords: theft, property crimes, criminal punishment, the differentiation of responsibility, the principle of fair punishment.

УДК 340

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

© 2014

A.A. Musatkina, кандидат юридических наук, доцент заведующая кафедрой
«Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье исследуется общее понятие финансового правонарушения, определяются его признаки. На основе общих признаков финансового правонарушения формулируются авторские дефиниции налогового, валютного и бюджетного правонарушения. Акцентируется внимание на признаке общественной опасности финансового правонарушения.

Ключевые слова: правонарушение, финансовое правонарушение, виды финансовых правонарушений, признаки финансовых правонарушений, виновность, общественная опасность, наказуемость.

Финансовое правонарушение – новая разновидность правонарушений, которая сравнительно недавно была закреплена в действующем законодательстве. В юридической литературе в связи с развитием законодательства стали отмечать наличие банковских, бюджетных, налоговых и валютных правонарушений [1, 2, 3, 4, 5]. Финансовое правонарушение занимает самостоятельное место в системе конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных и иных правонарушений, т.к. обладает особенностями объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, а также санкциями за его совершение. Следовательно, понятие финансового правонарушения – родовое, а налоговое, бюджетное, валютное, банковское правонарушения – видовые понятия. Объединить в один род позволяет их отраслевая принадлежность, т.к. они предусмотрены нормами финансового права, а их разграничение возможно на основе объектов посягательства, которые существуют в рамках общего родового объекта.

Финансовые правонарушения занимают самостоятельное место в системе конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных и иных деликтов, т.к. обладают только им присущими особенностями объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, а также мерами ответственности за их совершение.

Понятие финансового правонарушения основывается на общем понятии правонарушения, которое разработано теорией государства и права. Таким образом, признаками финансового правонарушения выступают: 1) общественная опасность; 2) финансовая противоправность; 3) волевое деяние (действие или бездействие); 4) предусмотренность за его совершение финансовой ответственности; 5) виновность. При этом финансовое правонарушение не охватывается понятием «административное правонарушение» [6, с. 19]

С учетом чего финансовое правонарушение можно определить как общественно опасное,

виновное, противоправное (в нарушение финансового законодательства) деяние, посягающее на финансовые отношения, за совершение которого предусмотрены меры финансовой ответственности.

Финансовое правонарушение – это родовое понятие, в рамках которого, в зависимости от разновидности объектов посягательства, существуют разновидности финансовых правонарушений. Они предусмотрены финансовым законодательством, в том числе Налоговым кодексом, Бюджетным кодексом, ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» и рядом других нормативно-правовых актов.

Проанализируем признаки отдельных разновидностей финансовых правонарушений. В ст. 106 НК РФ определено: «Налоговым правонарушением признается виновно совершенное, противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность».

Первый признак налогового правонарушения – *налоговая противоправность*, т.е. совершение деяния в нарушение законодательства о налогах и сборах. В НК РФ указывается: «Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах».

Другой признак налогового правонарушения – *налоговая наказуемость*. Из понятия налогового правонарушения следует, что налоговая наказуемость устанавливается исключительно в Налоговом кодексе РФ. Такой вывод вытекает из пп. 6 п. 2 ст. 1 НК РФ, в котором регулирование ответственности относится к исключительной прерогативе Налогового кодекса. Таким образом, признак налоговой противоправности и налоговой наказуемости – два взаимодополняющих признака. Во-первых, обязанности уплачивать налоги и сборы могут быть предусмотрены как в Налоговом

кодексе, так и в иных нормативно-правовых актах. Во-вторых, ответственность за нарушение этих обязанностей может быть предусмотрена только в Налоговом кодексе РФ.

С признаком противоправности тесно связан и *признак деяния*, т.к. противоправным является именно деяние, а не мысли, чувства или эмоции. Само деяние должно быть волевым и осознанным и может быть выражено в форме действия или бездействия. Некоторые налоговые правонарушения могут совершаться как в форме действия, так и в форме бездействия. Например, грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения (ст. 120 НК РФ), совершается как в форме действия, так и в форме бездействия. Непредставление налоговой декларации (ст. 119 НК РФ) совершается только в форме бездействия.

Следующий признак налогового правонарушения – *признак виновности*. В ст. 110 НК РФ предусмотрены две формы (умысел и неосторожность). «Виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности. Налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких действий (бездействия). Налоговое правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать».

В связи с законодательным определением налогового правонарушения как виновно совершенного деяния выглядят бессмысленными все попытки некоторых ученых обосновать налоговую ответственность без вины. На общеправовое значение вины указывается в постановлении Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 1070 ГК РФ» указывается: «Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно». Налоговый кодекс не содержит каких либо оговорок и исключений о возможности совершения налоговых правонарушений без вины.

Недостатком Налогового кодекса следует признать отсутствие в нем указа-ний на то, какие налоговые правонарушения совершаются умышленно, а какие – по неосторожности, что ведет к правоприменительному субъективизму в процессе квалификации деяния.

Следующий признак налогового правонарушения – *общественная опасность*. В законодательном определении налогового правонарушения отсутствует признак общественной опасности, что не означает реального отсутствия общественной опасности у налоговых правонарушений. Любое государство не может нормально функционировать без полного и своевременного сбора налогов, поступление которых в казну обеспечивает реализацию прав и свобод человека и гражданина, внутреннюю и внешнюю безопасность и т.д. Общим объектом налоговых правонарушений будет выступать совокупность общественных отношений, обеспечивающих своевременное и полное взимание налогов и сборов, налоговый контроль и процессуальные налоговые отношения, которым и причиняется вред. Соответственно, можно определить три группы родовых объектов налоговых правонарушений. Во-первых, отношения, обеспечивающие своевременное и полное взимание налогов и сборов. Во-вторых, отношения, обеспечивающие налоговый контроль. В-третьих, налогово-процессуальные отношения.

Такие налоговые правонарушения как: грубое нарушение правил учета доходов и расходов (ст. 120 НК РФ), неуплата или неполная уплата сумм налога (ст. 122 НК РФ), невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и (или) перечислению налогов (ст. 123 НК РФ) посягают на отношения, обеспечивающие своевременное и полное взимание налогов.

Правонарушения, предусмотренные статьями 128 (ответственность свидетеля), 129 (отказ эксперта, переводчика или специалиста от участия в проведении налоговой проверки, дача заведомо ложного заключения или осуществление заведомо ложного перевода), 125 (несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, на которое наложен арест), посягают на отношения, возникающие в процессе осуществления налогового расследования.

Правонарушения, предусмотренные статьями 116 (нарушение срока постановки на учет в налоговом органе), 117 (уклонение от постановки на учет в налоговом органе), 118 (нарушение срока представления сведений об открытии и закрытии счета в банке), 119 (непредставление налоговой декларации), 126 (непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля), посягают на отношения, обеспечивающие налоговый контроль, но при этом эти отношения очень тесно связаны с отношениями по своевременному и полному взиманию налогов.

Отдельную главу в НК РФ составляют правонарушения, заключающиеся в невыполнении банками обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах (глава 18). Анализ ст. 132-136 НК РФ показывает, что указанные правонарушения в основном посягают на отношения, обеспечивающие осуществление налогового контроля, но эти правонарушения только косвенно связаны с взиманием налогов и сборов. Исключение составляет ст. 135 НК РФ, устанавливающая ответственность за неисполнение банком решения о взыскании налога и сбора.

В ст. 281 БК РФ дается понятие нарушения бюджетного законодательства РФ, которым признается: *«неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного настоящим Кодексом порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля за исполнением бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации признается нарушением бюджетного законодательства, которое влечет применение к нарушителю мер принуждения»*.

Общественная опасность бюджетного правонарушения состоит в причинении вреда (или угрозе причинения вреда) отношениям, возникающим в процессе формирования доходов и осуществления расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Исходя из анализа конкретных бюджетных правонарушений, указанные отношения можно конкретизировать. Например, это могут быть отношения по целевому использованию бюджетных средств, своевременному и полному перечислению бюджетных средств, своевременному представлению отчетов об исполнении бюджета и т.п.

Ст. 283 БК РФ определяет следующие виды бюджетных правонарушений: неисполнение закона (решения) о бюджете; нецелевое использование бюджет-ных средств; перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств; неполное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств; несвоевременное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств; несвоевременное зачисление бюджетных средств на счета получателей бюджетных средств; несвоевременное представление отчетов и других сведений, связанных

с исполнением бюджета; несвоевременное доведение до получателей бюджетных средств уведомлений о бюджетных ассигнованиях и др. Анализ конкретных бюджетных правонарушений показывает, что они могут быть совершены как путем действия, так и путем бездействия.

Меры финансовой ответственности за бюджетные правонарушения (при-знак наказуемости бюджетного правонарушения) представлены в ст. 282 БК РФ. К бюджетным правонарушителям могут быть применены следующие ме-ры: предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса; изъятие бюджетных средств; блокировка расходов; наложение штрафа; начисление пени. Перечень мер финансовой ответственности законодатель оставляет открытым, т.к. статья содержит отсылку, указывая, что могут применяться иные меры в соответствии с БК РФ и федеральными законами.

В Бюджетном кодексе не делаются упоминания о признаке вины. Отсутствие указания на данный признак не означает возможность существования ответственности без вины в бюджетных отношениях. Без вины нет правонарушения, упречного поведения и не должно быть ни юридической ответственности, ни наказания. Иной позиции придерживается А.Г. Братко. По его мнению, «санкции – одно из главных различий между банковским правом и другими отраслями права. В отличие от административного или уголовного права санкции банковского права применяются к кредитной организации не за правонарушение, а за нарушение». [1, с. 61] В банковском праве не имеет значения признак виновности как основания ответственности[1, с. 61]. Еще раз обратимся к постановлению Конституционного Суда от 25 января 2001 г. Во-первых, в нем подчеркивается **общеправовое** значение вины, и во-вторых, отмечается, что всякое исключение из этого правила должно быть специально оговорено в законе. В банковском, валютном, бюджетном законодательстве просто умалчивается о признаке виновности, но специальные положения о том, что ответственность может применяться без вины субъекта, отсутствуют. Правоприменительная практика в банковских, валютных, бюджетных правоотношениях часто не принимает во внимание признак виновности субъекта, но задача науки заключается не в описании правоприменительной практики, а в выявлении ее недостатков. Поэтому мы считаем, что любой вид финансового правонарушения должен включать в себя признак виновности.

Субъектами бюджетных правонарушений могут быть только юридические лица, являющиеся участниками бюджетного процесса.

Следующей разновидностью финансовых правонарушений являются валютные правонарушения. Валютные правонарушения предусмотрены ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» и рядом других нормативно-правовых актов. Общественная опасность валютных правонарушений заключается в причинении вреда отношениям, связанным с владением, пользованием и распоряжением валютными ценностями.

Основными валютными правонарушениями, вытекающими из ФЗ РФ «О валютном регулировании и контроле» являются: приобретение и продажа валютных ценностей помимо уполномоченного банка, нарушение правил об обязательной продаже части валютной выручки в уполномоченном банке, нарушение правил открытия и ведения валютных счетов и т.д.

Наказуемость валютных правонарушений закреплена не только в ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», но и в иных нормативно-правовых актах, принятых Министерством финансов Российской Федерации. В качестве санкций за валютные правонарушения законодатель предусматривает не только штрафы, но и приостановление действия лицензий, взыскание в доход государства

всего необоснованного приобретенного по сделке с валютными ценностями, отзыв лицензии.

В валютном законодательстве не упоминается о признаке вины валютного правонарушения, но как указывалось выше, виновность выступает общепризнанным принципом юридической ответственности, а специальных оговорок, исключающий этот принцип валютное законодательство не содержит.

Итак, валютное правонарушение – это общественно опасное, противоправное и виновное деяние, посягающее на валютные отношения, за совершение которых установлена финансовая ответственность.

По мнению некоторых ученых, в банковском праве существует понятие «нарушение», а не «правонарушение» [1, с. 64]. С такой позицией нельзя согласиться по нескольким основаниям. Во-первых, выделение банковского права как самостоятельной отрасли права весьма спорно. Во-вторых, понятие «нарушение» может существовать одновременно с понятием «правонарушение», но будет отличаться от правонарушения одним или двумя признаками. У «нарушения» (в отличие от правонарушения) может отсутствовать признак общественной опасности или признак виновности. Нарушение не должно влечь применения мер юридической ответственности

Банковская противоправность определяется в ст. 74 ФЗ РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» как нарушение кредитной организацией федеральных законов и издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России, непредоставления информации, представления неполной или недостоверной информации.

Общественная опасность этих правонарушений состоит в причинении вреда (или угрозе его причинения) публичным банковским отношениям, складывающимся между Банком России и иными кредитными организациями. Это могут быть отношения банковского надзора, отношения обеспечения стабильности денежной системы, отношения, обеспечивающие защиту вкладов в коммерческих банках и т.д.

Противоправное деяние может быть в виде недоставления ЦБ РФ информации, невыполнении нормативов ЦБ РФ (например, норматива текущей ликвидности), искажения отчетности, нарушения условий формирования резервного фонда и уставного капитала и т.д.

Наказуемость банковских правонарушений определена в ст. 74 ФЗ РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Так, к кредитной организации могут быть применены следующие меры финансовой ответственности: наложен штраф, отозвана лицензия на осуществление отдельных банковских операций, введен запрет на открытие филиалов и др.

В нормативно-правовых актах, устанавливающих банковские правонарушения, отсутствует указание на наличие вины, что является недостатком банковского законодательства.

Субъектами банковских правонарушений выступают исключительно кредитные организации, что соответствует концепции равнообязательности закона [7, с. 26]

Итак, банковское правонарушение – это общественно опасное, противоправное и виновное деяние, посягающее на публичные банковские отношения, за совершение которых установлена финансовая ответственность.

Нами были рассмотрены виды финансовых правонарушений, определяемых в зависимости от их отраслевой принадлежности, но понятие «финансовое правонарушение» иногда употребляется и в более широком значении. В этом случае в основу классификации берется не признак отраслевой принадлежности, а объект правонарушения - финансовые отношения. На основе такой классификации выделяют:

а) преступления, посягающие на финансовые отношения б) административные правонарушения, посягающие на финансовые отношения в) налоговые, бюджетные, валютные и банковские правонарушения, которые были рассмотрены выше. Таким образом, понятие «финансовое правонарушение» может употребляться в узком и широком значении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братко А.Г. Банковское право России. – М., 2003. – 459 с.
2. Другова Ю.В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 3. – С. 25-32
3. Староверова О.В., Толочнева Н.А. Государственное

принуждение в налоговом праве // Закон и право. 2003. № 6. – С. 57-62

4. Степанян М.Г. Правовое регулирование валютной ответственности // Банковское право. – 2001. № 2. – С. 47-53

5. Сапожников Н. Ответственность в валютных правоотношениях // Законность. 2001. № 9. – С. 35-40.

6. Сумачев А.В. Проблемы теории административного права в контексте междисциплинарных исследований // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). – С. 18-21.

7. Анохин Ю.В. О понимании принципа равной обязательности закона: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). – С. 27-33

DISCUSSION QUESTIONS THE CONCEPT OF FINANCIAL OFFENCES

© 2014

A.A. Musatkina, PhD, associate professor, Head of Department of Theory of State and Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In the article the general concept of financial offenses, defined by its symptoms. On the basis of the common signs of financial crime author formulated the definition of tax, Monetary and fiscal offenses. Attention is focused on the sign of the social danger of financial wrongdoing.

Keywords: offense, fiscal offense, types of financial crime, signs of financial offenses, guilt, public danger, penalty.

УДК 340

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

© 2014

Г.А. Ожегова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной статье рассматриваются тенденции связанные с реализацией принципа свободы договора. Анализируется новый подход к определению императивности или диспозитивности нормы права.

Ключевые слова: принцип свободы договора, диспозитивные и императивные нормы, обязательства.

Принцип свободы договора получил свое законодательное закрепление в ст. 8 Конституции РФ, провозгласившей свободу экономической деятельности, и в ст. 1 и ст. 421 ГК РФ, и до не давнего времени не вызывал особенного интереса, так как правоприменительная практика в данной области в основном сложилась, выработались единые подходы к толкованию данных норм.

Принцип свободы договора подразумевает под собой то, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, или договор, содержащий элементы различных договоров [1, с.412].

Принцип свободы договора распространяется и на его условия. Так, условия договора определяются по усмотрению сторон. Однако статья 422 ГК РФ предусматривает, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами – императивным нормам, действующим в момент его заключения.

Также в случаях, когда условие договора предусмотрено диспозитивной нормой, т. е. нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное, стороны могут своим соглашением исключить ее применение, либо установить другие от предусмотренных условия. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой. Если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон.

Это то, что подразумевает под собой принцип свободы договора согласно действующему законодательству.

Недавно вышло Постановление Пленума Высшего

Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»[2]. Данный документ не только закрепил ряд важных тенденций правоупонимания в рассматриваемой сфере, но и во многом изменил привычное понимание и толкование норм права, связанных с реализацией принципа свободы договора. Появление данного Постановления можно оценить как дальнейшее закрепление и усиление принципа свободы договора в правоприменительной практике. Исходя из положений нового Постановления Пленума стороны договора могут устанавливать для себя правила иные, чем предусмотренные законом.

В Постановлении предложен новый подход к определению императивности или диспозитивности нормы права. Так, норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. Например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы.

Вместе с тем из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно. В частности, суд может признать, что данный запрет не допускает установление сторонами только условий, ущемляющих охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена.

В качестве примера такой ситуации Пленум приводит следующее. Часть четвертая статьи 29 ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»

устанавливает запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, однако это не означает, что запрещено такое одностороннее изменение указанного порядка, вследствие которого размер процентов по кредиту уменьшается.

Постановлением устанавливаются и определенные критерии императивности, то есть общеобязательности, нормы права, которые и при отсутствии явно выраженного запрета установить в договоре иное правило, нежели в законе, делают норму императивной. В частности, норма является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора.

В качестве примера условий императивности нормы права приводится следующий [3, с. 101]. Пункт 2 статьи 610 ГК РФ предусматривает право каждой из сторон договора аренды, заключенного на неопределенный срок, немотивированно отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону в названные в данной норме сроки. Эта норма хотя и не содержит явно выраженного запрета на установление иного соглашения сторон, но из существа законодательного регулирования договора аренды как договора о передаче имущества во временное владение и пользование или во временное пользование (статья 606 ГК РФ) следует, что стороны такого договора аренды не могут полностью исключить право на отказ от договора, так как в результате этого передача имущества во владение и пользование фактически утратила бы временный характер.

Перечисленные категории в основном являются явно оценочными, поэтому в каждом конкретном случае суд должен оценить насколько та или иная норма права в отношении рассматриваемых судом правоотношений направлена, например, на защиту особо значимых охраняемых законом интересов. Причем одна и та же норма права в одном случае может оказаться императивной, а в другом, напротив, диспозитивной.

Положения Постановления Пленума, действительно, устанавливают и некоторые ограничения принципа свободы договора. Если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашение сторон, суд исходя из существа нормы и целей законодательного регулирования может истолковать такое указание ограничительно, то есть сделать вывод о том, что диспозитивность этой нормы ограничена определенными пределами, в рамках которых стороны договора свободны установить условие, отличное от содержащегося в ней правила.

Если же норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют вышерассмотренные критерии императивности, она должна рассматриваться как диспозитивная. В таком случае отличие условий договора от содержания данной нормы само по себе не может служить основанием для признания этого договора или отдельных его условий недействительными [4, с 37].

В качестве примера подобных диспозитивных норм в Постановлении Пленума приводится в том числе статья 410 ГК РФ. Данная норма права предусматривает возможность прекращения обязательства зачетом и звучит следующим образом: «Обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого

наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. Для зачета достаточно заявления одной стороны».

С учетом всего вышесказанного, относя данную норму к числу диспозитивных, делается вывод о том, что нормы статьи 410 ГК РФ, устанавливающие предпосылки прекращения обязательства односторонним заявлением о зачете, не означают запрета соглашения договаривающихся сторон о прекращении неоднородных обязательств или обязательств с не наступившими сроками исполнения и т. п.

На наш взгляд, изложенный подход излишне идеализирует принцип свободы договора и при недобросовестности участников гражданских правоотношений может быть направлен на нарушение иных принципов, таких как справедливость и законность. Ведь не секрет, что одна из сторон, пользуясь своим положением на рынке определенных товаров или услуг, может навязывать другой стороне условия весьма невыгодные. При этом оспорить такие условия как противоречащие закону с учетом того, что они противоречат особо охраняемым законом интересам слабой стороны, будет весьма непросто.

В целом, рассматривая положения Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», создается еще и впечатление, что ко всему прочему данные положения служат усилению роли органов судебной власти в разрешении судебных споров. Это связано с тем, что многие положения носят оценочный характер, дают право суду выбора различных вариантов решения, толкования условий договора и норм права, квалификация тех или иных правоотношений сторон в большей мере отнесена к судебному усмотрению. При этом сложно однозначно сказать относительно положительного влияния этих положений на гражданский оборот. Полагаем, что во многом это будет определяться качеством работы судебной системы, включая ее проверочные инстанции, которые зачастую определяют практику рассмотрения тех или иных категорий дел, а также качеством представительства в судебном процессе и уровнем его профессиональной подготовки.

Подводя итог следует заметить, что нынешняя трактовка реализации принципа свободы договора при рассмотрении дел арбитражными судами делает советы юристов относительно необходимости внимательного отношения к условиям заключаемых договоров как никогда актуальными. Вместе с тем умелое использование в хозяйственной практике возможности самостоятельного определения основных условий заключаемых договоров может сыграть и положительную роль для субъектов предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2009. - 993 с.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. — май 2014. — № 5. [электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11. - С. 100-133.
4. Кузнецова О.А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, как цели и способы защиты гражданских прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). – С. 36-41

© 2014

G.A. Ozhegova, PhD, Associate Professor, Department of theory of State and law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article describes trends associated with the implementation of the principle of freedom of contract. Examines a new approach to the definition of effect or the imperative character of the rule of law.

Keywords: the principle of freedom of contract, the legal and mandatory rules, obligations.

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ

© 2014

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права

Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье представлены результаты анализа двух элементов формуляра жалованных грамот (*dispositio* и *sanctio*), которые позволили дать новое для историко-правовой науки определение жалованных грамот, выявить критерии их отличия от других грамот, с которыми их часто смешивают. Отдельно рассмотрены вопросы юридической ответственности в жалованных грамотах.

Ключевые слова: источники русского права, право Московского государства, жалованные грамоты, классификация грамот.

Среди всех источников русского средневекового права жалованные грамоты реже всего привлекаются для раскрытия проблем юридической ответственности. Между тем в составе формуляра жалованных грамот есть важный элемент, который напрямую связан и с юридической ответственностью, и с важной проблемой классификации этой группы источников права.

Первые попытки обобщения огромного массива жалованных грамот и составления сводного текста относятся к XIX в. Первой такой работой, носившей глубокий и обстоятельный характер, является исследование А.Н. Горбунова. Несмотря на последующую критику со стороны советских исследователей и обвинения в антиисторическом подходе, в работе Горбунова был последовательно выдержано стремление систематизировать жалованные грамоты в связи с их юридическим содержанием, для чего им были использованы особенности формальной стороны грамот.

А.Н. Горбунов отождествлял жалованные грамоты с понятиями «льготные» и «тарханные», понимая под ними «такие акты, по которым высшая власть ... предоставляла какому-нибудь физическому или юридическому лицу или имуществу в собственность, во владение, или право на изъятие от нормального порядка вещей» [1, с. 1,2]. Основу его исследования составили 230 жалованных грамот, отобранных по двум критериям: 1) принадлежность к хронологическому периоду XIII-XV вв.; 2) адресатом выступали церкви и монастыри.

А.Н. Горбунов выделял санкцию среди трёх устойчивых элементов формуляра [1, с. 13]. Определив наиболее часто встречающуюся конструкцию, Горбунов не смог объяснить или классифицировать многочисленные отклонения от неё.

Д.М. Мейчик в своём исследовании основывался на анализе корпуса из вводимых им в научный оборот 110 жалованных грамот, которые должны были дополнить источниковую базу, изученную А.Н. Горбуновым. Д.М. Мейчик отмечал, что сделанные А.Н. Горбуновым наблюдения только в некоторых частностях дополняются новым материалом, но при этом справедливо указывал на недостаточно полное раскрытие формальной стороны и юридического значения жалованных грамот [2, с. 4-5].

Нарубеже XIX-XX вв. в научный оборот были введены многочисленные жалованные грамоты служилым людям, что существенно повлияло на дальнейшие исследования этой группы актов [3]. Уже в первых исследованиях, вышедших после 1917 г., эта группа жалованных грамот становится ядром источниковой

основы [4; 5]. Кроме того, после революции 1917 г. массив жалованных грамот существенно пополнился в результате источниковедческих работ в архивах Троице-Сергиева, Макарьева-Колязина, Симонова, Кирилло-Белозерского и других монастырей.

В советской исторической науке жалованные грамоты интересовали исследователей прежде всего в качестве источника по истории феодальных отношений. В полной мере противоположность подходов дореволюционной и советской историографии раскрывается в жёсткой критике Л.В. Черепниным работ А.Н. Горбунова и Д.М. Мейчика [6, с. 98-100]. С точки зрения советского исследователя, дореволюционные историки слишком много внимания уделяли абстрактным юридическим категориям, не раскрывающим, а затемняющим конкретное историческое содержание грамот [6, с. 100].

Изучение жалованных грамот, их формы и содержания было непосредственно связано с изучением феодального землевладения и классовых отношений. Например, Л.В. Черепнин сформулировал следующие задачи изучения жалованных грамот: «Жалованные грамоты должны раскрыть нам как формы эксплуатации непосредственных производителей методами внеэкономического принуждения, так и политику княжеской власти в области феодального землевладения» [6, с. 111].

Л.В. Черепнин положил в основу классификации жалованных грамот два критерия: статус адресата и предмет грамоты. Жалованные грамоты привилегированным землевладельцам он предложил разбить на следующие группы: 1) грамоты, закрепляющие переход недвижимой собственности в руки феодалов; 2) грамоты, предоставляющие судебные привилегии; 3) грамоты, предоставляющие землевладельцам освобождение от различных податей и повинностей; 4) охранные (заповедные) грамоты на феодальные владения; 5) грамоты, предоставляющие право на производство промыслов и торговли и сбор торговых и таможенных пошлин [6, с. 112].

В современной науке жалованные грамоты по-прежнему преимущественно интересуют исследователей с точки зрения источниковедения, раскрытия особенностей политической и социально-экономической истории [7; 8; 9]. Отдельно следует отметить работы С.М. Каштанова, внёсшего существенный вклад в изучение формуляра жалованных грамот с точки зрения дипломатики [10; 11].

Практически все исследователи жалованных грамот выделяли такой постоянный элемент их формуляра как

санкцию (sanction в европейской дипломатике). В отличие от других, не выделяя *sanctio* в виде обязательного элемента формальной стороны жалованных грамот, Д.М. Мейчик отмечал, что чаще всего в заключительной части грамот встречается угроза за ослушание «в самых общих выражениях» [2, с. 9]. По мнению исследователя, обобщенная санкция вводилась в тех случаях, когда угроза относится к должностным лицам, имевшим возможность нарушить льготы. В тех случаях, если адресат грамоты получал льготу, направленную против частных обидчиков, то санкция носила конкретный характер и была выражена рублевой, двухрублевой и т.п. заповедью или же взысканием двойных убытков без суда [2, с. 9].

Действительно, чаще всего жалованные грамоты содержат светскую *sanctio*, выраженную обобщенно, неконкретно: «а кто сей моей грамоты ослушается, имь отъ меня быти въ казни» [12, с. 4].

В жалованных грамотах не встречается сакральная *sanctio*, но иногда она соединяет в себе сакральный и светский элемент: «а кто детей моихъ, или братьи моее, мое данье порушить, а то судить ему Богъ и святыи Геворгъ въ страшное свое пришествіе, а Князю Великому дать сто рубля...» [12, с. 2].

Дополнительный светский элемент мог включать в себя не только штраф, но и телесное наказание: «... да не будетъ на немъ милость Божія и Его пречистые Матери и присещенія великого Архистратига Михаила, и проклять будетъ въ си векъ и въ будуще; а къ тому азъ Князь Великии велю его казнити торговою казнью, а себе возьмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ наполю, а взятое велимъ взяти втрое и съ проторы» [12, с. 27]. Здесь *sanctio* разделяется на сакральный и светский элементы, при этом последний включает в себя две меры уголовной ответственности: телесное наказание в виде торговой казни и штраф. Сумма штрафа определяется на основе незаконно взысканной дани (в нарушение жалованной грамоты), при этом сумма незаконного сбора увеличивается в три раза и к этой сумме прибавляются убытки, причиненные незаконными поборами. Как и в других грамотах, половина взысканного с нарушителя штрафа поступает в княжескую казну, другая половина – монастырским властям.

Исключительно редко встречающаяся конкретно-определенная светская санкция упоминается, например, в новгородской жалованной грамоте, выданной городской общиной Троицкому Сергиеву монастырю: «А кто сю грамоту Новгородскую переступить ... и онъ дастъ посаднику и тысяцькому и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублевъ въ стену» [12, с. 32].

Помимо *sanctio* нормы уголовно-правового характера встречаются в другом элементе формуляра жалованных – в диспозитивной части грамоты. Именно с этим элементом формуляра следует связывать вопрос идентификации грамоты как жалованной. Очень часто исследователи строят свою классификацию жалованных грамот на различении вариантов *dispositio*, выделяя в качестве отдельных подвидов, например, грамоты, закрепляющие переход недвижимой собственности в руки феодалов [6, с. 112]. Однако сама по себе передача недвижимого имущества не может быть содержанием диспозитивной части жалованной грамоты. Для оформления такого рода правоотношений существовали другие разновидности (уже не публично-правовых, а частно-правовых) грамот – прежде всего, данные грамоты. Жалованной грамота становится в том случае, когда её посредством передаётся определённый объём публичной власти: передача недвижимого имущества князем монастырю будет оформлена данной или вкладной грамотой, а передача той же недвижимости, но уже с правом сбора определённых даней или передачей права суда будет оформлена жалованной [12, с. 11, 31-32]. То же касается и тех жалованных

грамот, где содержанием *dispositio* является разрешение феодалу приобрести тяглую деревню – опять же, важным условием выступает регуляция определённым объёмом публичной власти, например, оговаривается, что в последующем фискальная и судебная власть закрепляются за новым собственником [12, с. 15]. Или в тех грамотах, где адресату даётся позволение купить пустоши с освобождением от даней населения, которое новый собственник сумеет привлечь на эти земли [12, с. 28], – жалованной эту грамоту делает, конечно, не разрешение купить земельный участок, а это условие, предусматривающее определённое регулирование в сфере публично-правовых отношений.

При предоставлении судебных полномочий жалованные грамоты часто делают оговорку, исключая из ведения адресата дела о душегубстве, разбое и татьбе с поличным: «а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоце не судити, опроче татбы и розбоя и душегубства, а то судить ихъ человекъ святаго Юрья промежи собою» [12, с. 2]. Впрочем, многие грамоты не делают такого исключения [12, с. 3], а сам этот элемент долгое время не имел устоявшейся формы: в жалованных грамотах часто говорится только о душегубстве, или о душегубстве и разбое, или о душегубстве и разбое с поличным и т.п.

Таким образом, жалованные грамоты можно определить как разновидность источников права, передававших определённый объём публичной власти (как правило, фискальной и судебной) в руки частных лиц, светских и духовных феодалов. Именно в этом состоял сам акт «пожалования», а не в передаче недвижимых имуществ, не в разрешении на приобретение недвижимости и т.п. Тот факт, что на это обстоятельство не обращали внимание в историко-правовой науке, привёл к тому, что жалованные грамоты часто смешивают с данными, вкладными, уставными, купчими и др. Между тем, жалованные грамоты составляют чётко определённую группу актов, которые можно отграничить от других разновидностей, тем более от частноправовых грамот.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту №13-03-00099 «Источники русского права (X-XVIII вв.): историко-теоретическое исследование»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунов А.Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1860.
2. Мейчик Д.М. Грамоты и другие акты XIV-XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
3. Акты XIV-XV вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч.1. М., 1898.
4. Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
5. Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии. Вып. 34. Л., 1927.
6. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч.2. М., 1951.
7. Комочев Н.А. Жалованные грамоты великого князя Василия III Волоколамскому Воскресенскому собору 1514-1516 гг. // Исторический архив. 2011. №4. С. 189-198.
8. Кучкин В.А. Сотские в жалованных грамотах XV – начала XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. Т.18. №4. С. 63-81.
9. Ельчанинова О.Ю. Царские указы XVII в.: юридическая природа и пути эволюции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. №4 (15). С. 20-23.
10. Каштанов С.М. Жалованные акты на Руси XII-

RESPONSIBILITY PROBLEMS IN APPOINTED DIPLOMAS

© 2014

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law
Samara law institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Samara (Russia)

Annotation: Results of the analysis of two elements of the form of appointed diplomas (dispositio and sanctio) which allowed to give definition of appointed diplomas, new to historical and legal science, to reveal criteria of their difference from other diplomas with which they are mixed often. Questions of legal responsibility in appointed diplomas are separately considered.

Keywords: sources of the Russian law, law of the Moscow state, appointed diplomas, classification of diplomas.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

© 2014

А.В. Оськин, заместитель руководителя следственного управления, полковник юстиции
Следственный комитет Российской Федерации по Самарской области, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы юридической ответственности органов предварительного следствия, на примере следователя и руководителя следственного органа, за ненадлежащее исполнение ими своих процессуальных полномочий. Обосновывается вывод о целесообразности использования в таком качестве двух видов юридической ответственности – уголовной и дисциплинарной.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, следователь, руководитель следственного органа, юридическая ответственность, уголовно-процессуальная ответственность, уголовная ответственность.

Согласно ч.1 ст.38 УПК РФ, следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. И хотя закон применительно к глаголу «осуществлять» не содержит термина «самостоятельно», перечень полномочий следователя, содержащийся в ч.2 указанной статьи, возлагает на него право самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, что позволяет рассматривать следователя в качестве отдельного участника уголовного процесса, обладающего процессуальной самостоятельностью. С другой стороны, в соответствии со ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных и процессуальных действий и т.д. При этом указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем.

При анализе и сопоставлении данных нормативных положений очевидно, что допускается определенная несогласованность, противоречивость в регулировании процессуального статуса следователя в решении одних и тех же вопросов: по одной норме он самостоятелен, а по другой – подчинен своему руководителю. В практической деятельности, в условиях иерархичной структуры следственных органов и субординационной основы взаимоотношений между должностными лицами, второй аспект является доминирующим. В результате следователь предстает не как самостоятельный участник уголовного судопроизводства, а как лицо, действующее под началом своего руководителя (PCO) и в единстве с ним. Такой «союз» следователя со своим непосредственным руководителем в рамках уголовно-процессуальных отношений предполагает объединение их процессуальных статусов и опосредует возникновение нового процессуального субъекта – органа предварительного следствия, обладающего собственными процессуальными полномочиями. Следовательно, говоря о процессуальной самостоятельности субъекта, осуществляющего

предварительное следствие по уголовному делу, целесообразно и логически обоснованно говорить не о конкретных должностных лицах следственных органов (следователе либо руководителе следственного органа), а об органе предварительного следствия, образованном посредством соединения двух участников - следователя и его руководителя, а в отдельных случаях и иных должностных лиц, привлекаемых к расследованию уголовного дела. Именно орган предварительного следствия является процессуально самостоятельным субъектом, осуществляющим предварительное следствие самостоятельно и независимо от остальных участников уголовного судопроизводства. Относительно следователя и руководителя следственного органа стоит согласиться с С.И. Вершиной, по мнению которой, в уголовно-процессуальных отношениях они выступают не как отдельные лица, а как представители государственного органа, осуществляющего функции расследования и уголовного преследования [1].

Рассматривая орган предварительного следствия в качестве соединенного, «суммированного» субъекта, мы неизбежно столкнемся с проблемой юридической ответственности должностных лиц, образующих этот орган. Это далеко не частный вопрос. Как верно отметил заместитель председателя Верховного Суда РФ В.Н.Мартышкин, выступая на научно-практической конференции «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (24 и 25 ноября 2010 г. Нижний Новгород), «одной из гарантий от произвола и юридических ошибок является повышение персональной ответственности правоприменителя...» [2]. Заметим, речь идет не об ответственности государственных органов, а об ответственности должностных лиц, что является действенным инструментом организации эффективного и качественного уголовного процесса. В связи с этим возникает вопрос: следователя либо его руководителя, необходимо рассматривать в качестве правоприменителя при производстве по уголовному делу и привлекать к юридической ответственности за ненадлежащее исполнение уголовно-процессуального закона.

Если ориентироваться на ст.38 УПК РФ, то правоприменителем и субъектом ответственности должен выступать следователь, непосредственно ведущий производство по уголовному делу, и тогда вопрос ответственности его руководителя становится чрезмерным. Если же основываться на положениях ст.39 УПК РФ, то в качестве правоприменителя необходимо рассматривать руководителя следственного органа, обеспечивающего процессуальное руководство и контроль над деятельностью следователей, выступающих его процессуальными помощниками. Очевидно, что такие подходы не применимы в действующей системе досудебного производства.

Ответственность правоприменителя за результаты досудебного производства необходимо рассматривать в разрезе ответственности органа предварительного следствия, представленного совместной деятельностью следователя и руководителя. При таком подходе очевидно, что при выявлении нарушений, допущенных при производстве по уголовному делу, к ответственности должны привлекаться не только следователь, но и его руководитель. Каждый из них должен нести персональную ответственность за ненадлежащее качество исполнения возложенных на него полномочий. Однако объем и вид ответственности не может быть одинаковым и зависит от совершенного проступка.

Традиционно применяются два вида ответственности: уголовная и дисциплинарная. В общем объеме ответственности, применяемой к следователям за неисполнение своих профессиональных обязанностей, уголовная ответственность, к сожалению, занимает достаточно значимое место. Так, в Российской Федерации в 2013 году к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений было привлечено 83 следователя, в т.ч. 59 следователей МВД РФ, 11 следователей ФСКН России и 11 следователей СКР. За 5 месяцев 2014 года к уголовной ответственности привлечено 20 следователей, в том числе 18 следователей МВД, 1 следователь ФСКН и 1 следователь ФСБ. Во всех указанных случаях, как мы предполагаем, должна следовать и дисциплинарная ответственность руководителя следственного органа, не обеспечившего должный процессуальный контроль над деятельностью следователя.

Наибольший вес в системе репрессивных мер, используемых в отношении должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, имеет дисциплинарная ответственность, применяемая за ненадлежащее исполнение должностным лицом своих процессуальных полномочий. В Самарской области в следственном управлении СК России осуществляют деятельность 142 следователя. В 2013 году на 47 следователей (более чем 33%) было наложено 64 дисциплинарных взыскания, кроме того 56 раз применялись такие меры, как лишение или снижение доплат за сложность. За 6 месяцев 2014 года к дисциплинарной ответственности привлечено 24 следователя (более 16%), на которых было наложено 31 взыскание, 22 раза применялись материальные меры воздействия.

Руководители следственного органа (РСО) привлекаются к ответственности не во всех случаях. Если в 2013 году к дисциплинарной ответственности привлечено 47 следователей, то дисциплинарную ответственность понесли 12 руководителей СО и 10 заместителей РСО. За 6 месяцев 2014 года к дисциплинарной ответственности привлечено 26 следователей, 4 руководителя СО и 5 заместителей РСО. Таким образом, не каждый проступок следователя, повлекший его дисциплинарное наказание, автоматически влечет и привлечение к дисциплинарной ответственности руководителя СО. Если следователь несет ответственность за конкретное действие или бездействие по уголовному делу или проверочному

материалу, то его руководитель привлекается к дисциплинарной ответственности за просчеты в организации работы своих подчиненных, ослабление процессуального контроля. Здесь необходимо учитывать и тяжесть нарушения. Как правило, при привлечении следователя к ответственности за нарушение, которое руководитель должен был предотвратить, например, проконтролировать сроки принятия решения, или законность и обоснованность решения об отказе в возбуждении дела до его вынесения, (так называемый упреждающий процессуальный контроль), руководителю СО указывается на недостатки и в соответствующем приказе он предупреждается о привлечении к ответственности при повторении. Если у предупрежденного РСО другой или тот же следователь вновь допускает нарушения, то тогда уже привлекаются к ответственности и следователь, и РСО.

В качестве руководителя следственного органа выступает тот руководитель, за которым соответствующим приказом о распределении обязанностей закреплена тот или иной участок работы. Например, руководитель СО контролирует уголовные дела, а его заместитель - отказные материалы, или за руководителем СО непосредственно закреплена одна часть следователей, за заместителем РСО - другая. Привлекается к ответственности тот руководитель, в чьем подчинении находится следователь, привлеченный к ответственности. Если же нарушения в подчиненном подразделении многочисленны или системные, и на них уже указывалось, то руководитель может быть привлечен к дисциплинарной ответственности вне зависимости от распределения обязанностей.

Еще одна особенность в реализации дисциплинарной ответственности руководителей следственных органов проявляется в совместной ответственности нескольких руководителей. Например, если привлекается к ответственности следователь и заместитель руководителя СО, то руководитель СО так же может быть привлечен к дисциплинарной ответственности как должностное лицо непосредственно обеспечивающее деятельность данного органа предварительного следствия.

Основания дисциплинарной ответственности и порядок ее применения регламентируются Трудовым кодексом РФ, а так же федеральными законами, определяющими деятельность конкретных правоохранительных органов, уполномоченных проводить предварительное следствие, ведомственными приказами и другими правовыми актами. Специальной инструкции по этому вопросу в следственных органах нет. Применительно к органам СКР есть общий приказ Председателя Следственного комитета РФ об организации предварительного расследования (№ 2 от 15.01.2011) и Приказ об организации процессуального контроля (№ 1 от 15.01.2011), а также ряд приказов по конкретным направлениям деятельности [3]. Они не содержат запретов, не определяют порядок и особенности привлечения к ответственности, а отмечают обязанность руководителя СО организовывать расследование и контролировать законность предварительного следствия по каждому уголовному делу.

Значимость дисциплинарной ответственности подчеркивается многими учеными. Однако не во всех случаях она может иметь место. Например, за применение к обвиняемому заключения под стражу или продление срока содержания под стражей, вряд ли правильно ставить вопрос об ответственности должностных лиц органов предварительного следствия. В качестве примера можно рассмотреть дело обвиняемой Веры Трифоновой, скончавшейся 30 апреля 2010 г. в СИЗО №1 «Матросская тишина» в г.Москва, после 4-х месячного содержания под стражей [4]. За несколько дней до ее смерти, а именно 16 апреля 2010 г., суд рассмотрел ходатайство следователя о продлении срока заключения под стражу и удовлетворил его несмотря

на ходатайство стороны защиты о применении залога и представленные доказательства, подтверждающие серьезное заболевание обвиняемой. Возникает вопрос: кто должен нести ответственность за незаконное и необоснованное применение меры пресечения, если эта мера применяется только на основании судебного решения? Тем более что в данном случае, судебное решение о продлении заключения под стражу постановлено при отсутствии возражений на применение залога со стороны прокурора и следователя. Несмотря на указанные обстоятельства следователь уволен, в отношении него возбуждено уголовное дело, которое затем прекращено за отсутствием состава преступления. Судья же, принявшая решение о продлении срока заключения под стражу и отказавшая в применении залога, избежала ответственности, подав в отставку «по семейным обстоятельствам», но уже после того, как ее решение было отменено вышестоящей судебной инстанцией [5].

В уголовно-процессуальной науке выделяется еще один вид юридической ответственности, применяемой к должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, в том числе и к следователям. Речь идет об уголовно-процессуальной ответственности, санкции которой по мнению отдельных ученых, предусмотрены нормами уголовно-процессуального законодательства и обеспечивают достижение целей судопроизводства. Например, по мнению В.В. Бородинова, судья, приговор которого «забракован» вышестоящей инстанцией, не может не испытывать чувства ущемленности собственного достоинства, и в этом высокая мера его уголовно-процессуальной ответственности [6]. Следуя такой логике следует признать мерой ответственности негативные эмоции следователя при отмене руководителем следственного органа его решений. Допуская такие рассуждения, мы забываем общетеоретические положения, предопределяющие смысл и содержание любого вида юридической ответственности, в том числе и уголовно-процессуальной. Юридическая ответственность не может быть умозрительной, надуманной, связанной с личностными психическими переживаниями лица. Юридическая ответственность есть реальное наказание, применяемое к лицу за совершение им деяния, запрещенного законом.

Таким образом, рассматривая юридическую ответственность должностных лиц органов предварительного следствия за ненадлежащее исполнение процессуальных полномочий, следует говорить о двух видах юридической ответственности – уголовной и дисциплинарной, каждый из которых имеет собственное отраслевое регулирование, не связан непосредственно с уголовно-процессуальным законодательством, но в полной мере обеспечивает охрану и защиту процессуальных отношений от неправомерных действий лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинина С.И. О теории государственного принуждения // Право и политика. № 4 (124), 2010, с.708-717
2. Мартышкин В.Н. Компетентность судьи – как гарантия эффективной защиты личности // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом. П/р Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. -543с., С.42
3. Приказ Председателя Следственного комитета РФ № 10 от 15.01.2011 «Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы», Приказ № 130 от 11.08.2011 «Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по расследованию преступлений, имеющих признаки серийности», Указание № 3/224 от 25.03.2011 «О дополнительных мерах по усилению процессуального контроля в досудебном производстве» и т.д.
4. Никто не взял на себя ответственность и, в итоге, человек умер / Председатель правления МОО «Справедливость» Андрей Столбун о причинах гибели в СИЗО Веры Трифоновой // http://slon.ru/russia/nikto_ne_vzyal_na_sebya_otvetstvennost_i_v_itoge-366748.xhtml
5. Продление ареста Трифоновой признано незаконным. –Московский комсомолец. 12 мая 2010 года; Против следователя, который вел дело Веры Трифоновой, возбуждено уголовное дело по статье «халатность» / Сайт Новости NEWSru.com в России / <http://www.newsru.com/russia/04may2010/trifonova.html>
6. Бородинов В.В. Обеспечение правосудности вышестоящим судом. Монография. М., 2005. –с.27

TO THE QUESTION OF LEGAL LIABILITY OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2014

*A.V. Oskin, Deputy Head of the Investigative Department, Colonel of Justice
Investigative Committee of the Russian Federation on the Samara region, Samara (Russia)*

Annotation: The article examines the legal liability of the preliminary investigation, on an example of the investigator and head of the investigative authority for the improper performance of their procedural powers. Article substantiates a conclusion about the usefulness as such two kinds of legal liability - criminal and disciplinary.

Keywords: bodies of preliminary investigation, investigator, the head of the investigative body, legal liability, Criminal liability, criminal liability.

УДК 340.113

О ПОНИМАНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2014

*М.Н. Петренко, соискатель
Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Самара (Россия)*

Аннотация: Обеспечение реализации лицом своих прав, свобод и законных интересов в публичных правоотношениях требуют четкого понимания содержания применяемых законодателем терминов. Последнее приобретает особую значимость в вопросах, связанных с вмешательством в сферу прав и законных интересов человека.

Ключевые слова: принуждение, власть, насилие, признаки принуждения.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] многонациональный народ Российской Федерации, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, утверждая незыблемость ее демократической основы, установил, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина возложена на государство.

Вместе с тем, принятая обязанность не сможет быть реализованной при неопределённости содержания как категории прав и свобод человека, подлежащих соблюдению и защите, так и категорий, характеризующих вмешательство в указанную сферу. К последним, полагаем, следует отнести категорию принуждения.

В науке понятие принуждения бесспорно следует отнести к числу дискуссионных, причём указанное положение отнюдь не является продуктом современных исследований.

Так, Г.В.Ф. Гегель в работе «Философия права» понимает под принуждением подчинение внешней стороны человека власти других [2, 141-142].

Исследователем и философом Ф. А. Хайеком в труде «Конституция свободы» принуждение определяется как управление окружением, жизненными обстоятельствами индивида так, чтобы он был вынужден действовать по служащему целям другого плану [3, с.20-22,133].

А.С. Пучининым в своём диссертационном исследовании «Принуждение и право» принуждения определяет как реакцию воли и деятельности человека в результате понуждения, то есть результат снятия воли [4, с.67]. И.П. Жаренов в своей работе «Государственное принуждение в условиях демократизации общества» указывает, что сущность принуждения состоит в воздействии на волю подвластного субъекта с целью её изменения и ориентации на социально необходимое поведение [5, с.9].

По результатам проведённого М.А. Латушкиным исследования на тему обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения утверждает, что сущность социального принуждения следует определять как организацию безусловного выполнения властной принуждающей воли, а содержанием феномена следует считать внешнее волевое воздействие субъекта на объект посредством применения или угрозы применения насилия для осуществления интересов принуждающего [6, с.14; 7, с.192].

Из вышеуказанных примеров следует, что сколь угодно единообразное понимание принуждения в настоящий момент отсутствует: исследователями, в связи с нетождественностью используемых парадигм, выделяются различные признаки феномена, которые, зачастую, противоречат друг-другу.

Очевидно, что отсутствие единообразия в понимании принуждения среди исследователей и учёных не могло положительно сказаться на качестве продуктов нормотворчества, на что нами и предлагается обратить внимание.

Поскольку одной из наиболее значимых точек соприкосновения человека и государства являются взаимоотношения, складывающиеся в связи с преступлением в ситуации, когда человеку противостоит государственный механизм, полагаем верным проанализировать понимание принуждения именно в уголовном законодательстве.

В основном нормативно-правовом акте Российской Федерации, регулирующим отношения в сфере уголовно-материального законодательства – Уголовном кодексе Российской Федерации [8] (далее - УК РФ) термин «принуждение» упоминается многократно: в Общей и Особенной частях. Причём в рамках уголовного закона принуждение обоснованно дифференцируется исследователями на две группы – правомерное и неправомерное [9, с.20-22].

Начать анализ считаем уместным с выявления участников принудительного воздействия в понимании законодателя.

В соответствии со ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. Указанный подход содержится также в ст.ст. 11-13 УК РФ.

Таким образом, объектом принудительного воздействия (принуждаемым) является физическое лицо, обладающее свойствами вменяемости и необходимого возраста. Указанный тезис верен как при правовом принуждении, так и при неправовом принуждении, поскольку в понимании уголовно-правового закона России принудить могут лишь физическое лицо (п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ).

Вторым необходимым участником принуждения в рамках принудительного воздействия является субъект воздействия (принуждающий).

Частью 1 ст. 43 УК РФ устанавливается, что к мерам государственного принуждения относится наказание, назначаемое по приговору суда. Указанная норма, в совокупности с положением ч.1 ст. 11 и главой 7 Конституции Российской Федерации [1], устанавливающих положение, согласно которому государственную власть в Российской Федерации осуществляют, в том числе суды Российской Федерации, позволяет считать субъектом правового принуждения государство.

Вместе с тем, поскольку феномен государства, как лица, в известной мере является юридической фикцией, последнее выступает в правоотношениях в лице уполномоченных органов.

Субъектом неправомерного принуждения, с учётом ранее означенного положения ст. 19 УК РФ, считаем является физическое лицо, поскольку в понимании уголовного закона принудить не только могут, но и может лишь физическое лицо (п. «к» ч.1 ст. 63 УК РФ, ч.1 ст.302 УК РФ, п.«а» ч.2 ст. 141 УК РФ).

Говоря о целях принуждения следует заметить, что в силу ч.2 ст. 43 УК РФ целью наказания, являющегося видом правового принуждения, является восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений. Статьей 98 УК РФ установлено, что целью применения принудительных мер медицинского характера является излечение лиц или улучшение их состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, имеющих признаки уголовно-наказуемых.

Вместе с тем, указанные положения детализирует общую, закреплённую ст. 2 УК РФ норму, согласно которой задачами УК РФ следует считать охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений

Таким образом, с учётом положений ст. ст. 21, 22, ч.2 ст. 87 УК РФ, полагаем уместным считать, что целями правового принуждения являются общие задачи уголовного законодательства, включающие в себя частные цели такой сферы уголовного права как наказание.

Вопрос целей неправомерного принуждения законодателем специально не обозначается, в связи с чем у нас отсутствуют основания включения какой бы то ни было цели неправомерного принуждения в формируемую нами дефиницию в понимании законодателя.

Далее предлагаем проанализировать вопрос содержательной стороны принуждения в понимании

уголовного законодательства.

В силу ч.1 ст. 43 УК РФ такая мера государственного принуждения, как наказание, заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод лица.

Согласно ч.2 ст. 90 и ст. 91 УК РФ к несовершеннолетнему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия.

Как указывалось ранее, к третьему виду правовых принудительных мер в УК РФ отнесены такие иные меры уголовно-правового характера, как принудительные меры медицинского характера.

К ним, согласно ч.1 ст. 99 УК РФ отнесено амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа, принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа, принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Не вдаваясь в особенности осуществления конкретных принудительных мер медицинского характера, выходящих за сферу исследования, отметим, что с учётом терминологии законодателя содержанием указанной принудительной меры является лечение и медицинское наблюдение лица.

Следовательно к содержанию легального принуждения, в зависимости от вида, может являться лишение или ограничение прав и свобод лица, воспитательное воздействие, лечение и медицинское наблюдение лица.

Несмотря на то, что само по себе воспитательное воздействие и лечение и медицинское наблюдение не ограничивает права и свободы лица, они, тем не менее, отнесены к принудительным и назначаемым по решению суда и в этом смысле указанные мероприятия при самой минимальной интенсивности ограничивают конституционное право на свободу перемещения.

Из сказанного следует, что содержанием правомерного принуждения в понимании УК РФ является ограничение прав и свобод вплоть до их лишения.

Содержание неправомерного принуждения в УК РФ не столь очевидно как правомерное, что в значительной мере связано с тем, что законодатель ограничивается лишь указанием на него и соотносением принуждения с такими феноменами, как насилие, угроза насилия и других.

Так, п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ помимо дифференциации принуждения на физическое и психическое говорится о таких равнозначных, но не тождественных принуждению понятиях, как материальная, служебная или иная зависимость. Пунктом «к» ч.1 ст. 63 УК РФ к равнозначным понятиям законодателем отнесено совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, и иных подобных предметов и веществ.

Частью 2 ст. 141 УК РФ к вышеуказанному ряду добавлен подкуп, обман, применение насилия или угрозы его применения, а ч. 2 ст. 142 УК РФ - уничтожение имущества, угроза уничтожения имущества.

Таким образом законодатель позволяет считать, что неправомерное принуждение не является означенными выше феноменами.

Продолжая анализ, обратим внимание на тот факт, что ст. 149 УК РФ устанавливается ответственность за принуждение к участию в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях если эти деяния совершены с применением насилия или с угрозой его применения.

Частью 1 ст. 179 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого

имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Указанное позволяет утверждать, что принуждение в ряде случаев включает в себя иные, не тождественные феномены, как например насилие, угроза насилия, повреждение имущества и другие, что в совокупности с ранее изложенными выводами о дифференцированности принуждения и смежных категорий свидетельствует о противоречивости представлений законодателя о содержательной стороне принуждения.

Следующим критерием анализа феномена считаем уместным использовать отношение объекта к применяемому к нему принуждению.

Как и ранее, начнём анализ с мер правомерного принуждения.

Говоря о правомерном принуждении следует отметить, что согласно ст.44 УК РФ законодатель выделяет 13 видов уголовных наказаний: от штрафа до пожизненного лишения свободы. Причём в регламентации ряда наказаний имеются нормы, свидетельствующие о наличии у принуждаемого лица альтернативы в поведении, способной повлечь изменения юридически значимых обстоятельств (п.5 ст. 46 УК РФ).

Аналогичный подход содержится в п.3 ст. 49 УК РФ (обязательные работы), п. 4 ст. 50 УК РФ (исправительные работы), п.5 ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), п.6 ст. 53.1 УК РФ (принудительные работы).

Схожий подход содержится в ст. 79 УК РФ, говорящей об условно-досрочном освобождении лиц при применении к ним таких видов наказаний как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы, лишение свободы, пожизненное лишение свободы в случае, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания, так же в ст. 80 УК РФ, говорящей о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания для лиц, которым назначены такие его виды, как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы.

Таким образом, в двух третьих из указанных законодателем наказаний имеется возможность выбора у привлечённого к ответственности лица – согласен ли он отбыть назначенное наказание либо не согласен. В случае если он согласен и это конклюдентно подтверждается лицом – кара может смягчиться вплоть до полного нивелирования, в случае же если лицо не согласен – кара ужесточается.

Вместе с тем, ни первое не второе не отменяет существования у лица возможности выбора. Лицо подвергается принудительному воздействию в указанных случаях лишь при наличии его воли на это, то есть, иными словами – его согласия на принуждение.

Похожим образом обстоит дело с принудительными мерами воспитательного воздействия и медицинского характера. Так, в соответствии с п.4 ст.90 УК РФ в случае систематического, неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия означенная мера отменяется и материалы направляются для привлечения к уголовной ответственности.

Особым случаем является применение принудительных мер медицинского характера.

Специфика его заключается в том, что лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительной меры медицинского характера изначально может не обладать вменяемостью, а, следовательно, в понимании ст. 19 УК РФ, не быть лицом в уголовно-правовом понимании.

Таким образом, лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, а так же лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение

или исполнение наказания не обладают волей и в этом смысле не могут обладать возможностью выбора.

Что же касается лиц, обладающих расстройством, не исключая вменяемость, то в отношении них решается вопрос о наказании по общим правилам исходя из «лестницы наказаний», закреплённых в ст. 44 УК РФ.

Таким образом, несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев правомерного принуждения у осуждённого лица имеется альтернатива, но она имеет быть не всегда. Последнее означает, что внесение признака альтернативности при принуждении лица в дефиницию правомерного принуждения будет безосновательным.

Вопрос же отношения объекта к применяемому к нему неправомерному принуждению в УК РФ не прослеживается по ранее указанным обстоятельствам.

Завершая анализ, отметим также, что основным и наиболее явным признаком принуждения, позволяющим отграничить правомерное принуждение от неправомерного является правовая регламентированность: очевидно, что правомерное принуждение обладает регламентированностью, а неправомерное таковой не обладает.

Таким образом, в рамках уголовного законодательства принуждение, понимаемое как правомерное, характеризуется такими чертами, как:

Во-первых, объектом принуждения - физическое лицо.

Во-вторых, субъектом принуждения - государство (в лице уполномоченных органов).

В-третьих, целью принуждения является охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений.

В-четвёртых, принуждение подразделяется на наказание, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия.

В-пятых, основанием принуждения является законодательство.

В-шестых, содержанием принуждения является ограничение прав и свобод.

Следовательно правомерное принуждение в понимании, используемом УК РФ, может быть определено как нормативно-определённое воздействие государства на физическое лицо с целью охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости,

исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений и заключающейся в ограничении или лишении прав и свобод лица.

Вопросы видов правомерного принуждения нами опущены в связи с тем, что они не освещают сущность феномена, что, вместе с тем, не умаляет их значения для последующих исследований.

Принуждение, понимаемое как неправомерное, характеризуется законодателем такими чертами как:

Во-первых, объектом принуждения - физическое лицо.

Во-вторых, субъектом принуждения - физическое лицо.

В-третьих, принуждение противозаконно.

В-четвёртых, принуждение подразделяется на физическое и психическое.

При указанных обстоятельствах полагаем невозможным дефинирование неправомерного принуждения в понимании законодателя в рамках УК РФ.

Предлагаемые нами выводы, полагаем, верны для уголовно-материального права. Вместе с тем, говоря о криминально-правовом законодательстве не следует забывать процессуальную сферу, анализ которой нам видится не менее значимым, а, следовательно, требующим отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990.
3. Hayek F.A. The Constitution of Liberty - Chicago: University of Chicago Press, 1960.
4. Пучинин А.С. Принуждение и право: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук - Тамбов, 1999.
5. Жаренов И.П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. - Саратов, 2011.
7. Латушкин М.А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал, 2010, № 2.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации, принят Государственной Думой Российской Федерации 24.05.1996 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Куманьева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук - М., 2012.

COERCION WITHIN THE MEANING OF CRIMINAL LAW

© 2014

M.N. Petrenko, external doctorate student

Samara legal institute of Russian Federal service of execution punishments, Samara (Russia)

Annotation: Possibility of a natural person to exercise his rights, freedoms and lawful interests in public legal relationship requires clear understanding of the terms used by the legislator. The latter acquires especial significance in the issues connected to intrusion into the rights and lawful interests of a person.

Keywords: coercion, power, violence, coercion signs, compulsion.

А.И. Петропавловский, магистрант

О.В. Тюшнякова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»
 Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье раскрываются проблемы широкого судебного усмотрения при назначении наказания, рассматривается соотношение судебного усмотрения и принципов уголовного права. Делается вывод о том, что во избежание вынесения необъективных решений судьями, исключения человеческого фактора, а, возможно, и для руководства начинающим судьям, необходимо создание единой постатейной шкалы уровня наказания в зависимости от комплекса обстоятельств дела, учитываемых судом при вынесении приговора.

Ключевые слова: наказание, судья, статистика, принципы права.

Человеческий фактор – в широком смысле понятие, используемое в социально-экономических дисциплинах для характеристики комплекса оказывающих определяющее влияние на эффективность общественного производства факторов, связанных с мотивацией, системой ценностей, материальными и духовными условиями существования человека; в узком смысле интегральные характеристики связи человека и технического устройства, проявляющиеся в конкретных условиях их взаимодействия при функционировании эргатической системы. Так описывает термин Словарь терминов по общей и социальной педагогике [1].

С другой стороны, человеческий фактор - 1) психологические и др. характеристики человека, его возможности и ограничения, определяемые в конкретных условиях его деятельности; 2) причина несчастного случая, аварии, происшествия в результате неправильных действий человека [2].

Учитывая социальное значение приговора суда, человеческий фактор в уголовном судопроизводстве может оказаться настоящей катастрофой для осуждённого, а в масштабе государства – мощным стихийным бедствием.

Можно ли судить о пагубном воздействии человеческого фактора по приговорам суда? Оно достаточно завуалировано, кроме откровенно вопиющих случаев так называемых «громких» дел, когда юристу на уровне логики и знания и «неюристу» на уровне той же логики и интуиции одновременно становится ясно, что суд своим решением нарушает ценности, установленные уголовным законом.

Уголовный кодекс, определяя пределы назначения наказания осуждённым в санкциях Особенной части, ставит, на первый взгляд, достаточно жёсткие, хотя и широкие рамки (особенно после редакций, отменивших нижний предел наказания). Однако есть нормы Общей части, прямо предусматривающие обход санкций Особенной части: например, ст. 64 УК РФ [3, с. 26],

позволяющая судье назначить наказание ниже низшего предела санкции.

Таким образом, в руках человека, пусть и профессионала, но всё же человека, подверженного стрессу, плохому самочувствию, проблемам в семье и естественной антипатии/симпатии к подсудимому, оказывается огромная власть, позволяющая выходить за и без того зыбкие границы пределов наказаний.

В данных случаях нарушение несколько абстрактных принципов равенства (например, при негативном отношении к обвиняемому) и справедливости (т.е. несоизмеримости деяния и воздаяния) может не противоречить общеправовому принципу законности, когда наказание назначено в пределах санкции.

Возникают явные с точки зрения логики противоречия. Зачастую и виды наказаний в схожих обстоятельствах и деяниях не совпадают, что особо заметно в преступлениях небольшой тяжести, где альтернатива санкций широка (например, ч. 1 ст. 158 УК [3, с. 78]: предусматривает штраф, обязательные работы, исправительные работы и др.). При анализе судебной практики [4] невозможно провести единую логическую линию, вдоль которой должны выстраиваться приговоры (см. табл. 1).

Если же обстоятельства дела действительно практически идентичны, а решения по ним резко различны, то, как минимум одно из решений ложно.

Для демонстрации пространности диапазона разброса судебных решений приведём примеры приговоров апелляционных инстанций в открытом доступе, подобранных без отягчающих обстоятельств.

Притом закон не нарушен. Приговоры вынесены в соответствии с Уголовным кодексом.

Понятие о справедливости у каждого судьи своё (у начинающих судей оно либо сформировано весьма расплывчато, либо сформируется под корректировкой практики). Притом моральная и материальная тяжесть поступка всегда одна, независимо от того, в каком регионе

Таблица 1. Примеры наказания, назначенного по ч. 1 ст. 158 УК РФ

Показатель/дата приговора	Приговор от 18 июля 2012 г.	Приговор от 3 мая 2012 г.	Приговор от 3 июля 2012 г.	Приговор от 25 июля 2012 г.
смягчающие обстоятельства по ст. 61 УК РФ	-	явка с повинной, возмещение убытков	-	явка с повинной, возмещение убытков
иные ¹ смягчающие и отягчающие обстоятельства	признание ² , раскаяние, не судим, положительно характеризуется	признание, раскаяние	признание, раскаяние	признание, раскаяние
отягчающие обстоятельства по ст. 63 УК РФ	-	-	-	-
Итог	120 ч обязат. работ	180 ч обязат. работ	6 мес. исправ. работ (5%)	штраф 10000 руб.

1 Имеются в виду данные о личности виновного, склоняющие к принятию более сурового (например, алкоголизм или совершение административных правонарушений) либо менее сурового решения (например, тяжёлое состояние здоровья, совершение преступления впервые). Не предусмотрены статьями 61 и 63 УК РФ.

2 Согласно исследованным материалам судебной практики (приговорам [4]), понятия «признание», «раскаяние» и «явка с повинной» отделены друг от друга, не синонимичны и учитываются в качестве самостоятельных смягчающих обстоятельств.

проходит суд, при каком судье и с каким настроением пришёл судья в зал заседаний. Следовательно, каждому преступлению должно соответствовать лишь одно воздаяние. Необходим поиск этого единственно верного решения, объективного в контексте истории и социально-политической обстановки в государстве.

Также достаточно показателен пример анализа статистики приговоров по ст. 116 ч. 1 [3, с. 52] (как одной из наиболее популярных у дознавателей «на лицах») с применением в качестве наказания исправительных работ: при известных данных о наличии постоянной работы/собственного бизнеса у каждого из осуждённых, процент отчислений из дохода в пользу государства распределялся следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 2. Процент отчислений в пользу государства по исправительным работам

5 % отчислений	10 % отчислений	15 % отчислений	20 % отчислений
42 % случаев	50 % случаев	8 % случаев	- ³

3 К слову, анализ более 1000 приговоров показал, что ни один из них не предусматривал отчисления в пользу государства в размере 20%.

Причём средняя «концентрация» смягчающих обстоятельств наиболее высокой была в случаях с 10 % отчислений.

С позиции принципа справедливости объяснить описанные выше реальные несоответствия нельзя. Требуются иные рамки, не предусмотренные в настоящее время законом.

Во избежание вынесения необъективных решений судьями, исключения человеческого фактора, а, возможно, и для руководства начинающим судьям, необходимо создание единой постатейной шкалы уровня наказания в зависимости от комплекса обстоятельств дела, учитываемых судом при вынесении приговора.

Как при такой системе сохранить учёт мнений судей, их понятия о справедливости, дабы как можно аккуратнее затронуть принцип независимости судей? На какой основе создавать данный «измеритель виновности»? Для этого необходим постатейный (при изучении приговоров по разным составам преступлений становится ясно, что и измерители должны быть разные) анализ статистики с определением поля допуска. Аналогично действуют в математической статистике для определения допустимого отклонения точек от прямой (см. рис. 1).

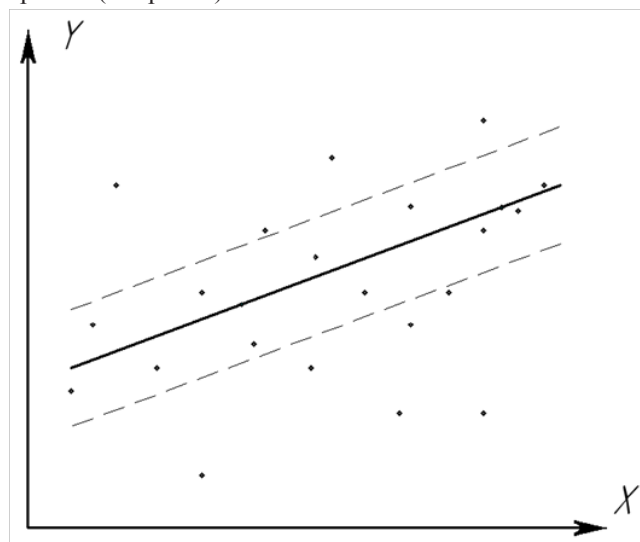

Рисунок 1 – Определение уравнения прямой

Если допустить, что:

1) оси X и Y –отягчающие «баллы» и суровость

конкретного вида наказания (например, штраф в рублях), соответственно;

2) прямая, выделенная жирным шрифтом – функция расчёта наказания от «отягчающего фактора»;

3) точки на графике – отдельные судебские решения;

4) прямая, начерченная пунктиром, является полем допуска решений, которые мы можем использовать для определения уравнения искомой функции;

тогда полученная шкала будет основана именно на мнениях судей, чьи решения не согласованно выстроились в примерно общую логическую схему определения наказания (не стоит забывать об ограничении срока наиболее раннего приговора ближайшими 2-3 годами или ближайшими изменениями законодательства по данной статье для соблюдения соответствия реалиям современности).

Следует сделать оговорку, что подобный анализ с выведением конкретных формул чисто математически возможен всегда: при любом количестве точек, любом выбранном поле допуска, что подтверждает его универсальность.

Естественно, желательно чтобы определённая тенденция была уже сформирована по конкретному составу преступления (т.е. не было большого разброса решений – см. рис.2). Даная тенденция будет отражать понимание справедливого приговора в момент времени.

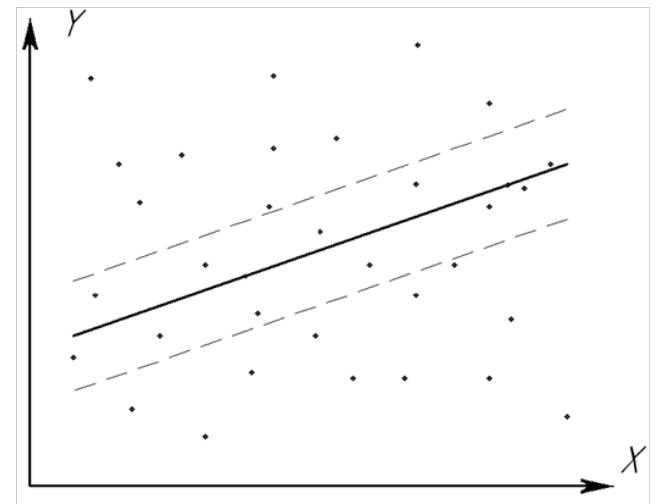

Рисунок 2 – Разобщённость приговоров

Разобщённость приговоров и их «облачное» расположение будут свидетельствовать о плачевном состоянии правоприменительной практики в государстве и несоответствии наказаний тяжести совершённого преступления.

Следует отметить частичное решение проблемы «купленных» судебских решений, которые также имеют место:

«Вы действовали как дикие звери, и ваше счастье, что вы не изнасиловали несчастную девушку, <...> но учитывая вашу молодость, безукоризненное прошлое и незапятнанную репутацию ваших семей, я приговариваю вас к трем годам заключения условно» [5].

Несмотря на художественность примера, подобными решениями пестрят новостные системы (Интернет, пресса и др.). Строгая балльная система частично компенсировала бы убавленное наказание. Частично, потому что интерпретация доказательств всё равно оставалась бы за судьёй. Но это аспект уже другой системы...

Теперь о принципе равенства перед законом: принцип равенства можно аккуратно перефразировать без потери его основного смысла – это тот же принцип справедливости для равных, т.е. справедливый приговор без дискриминации. В ст. 4 УК РФ [3, с. 5] «Принцип равенства граждан перед законом» перечислен неполный

перечень факторов, не несущих юридического значения, которые суд не вправе учитывать при назначении наказания.

Одним из ключевых параметров, учитываемых при вынесении приговора, является характеристика личности преступника. Несмотря на официальную неисчерпываемость перечня характеристик личности и смягчающих обстоятельств, судебная практика не столь разнообразна, и при провозглашении приговора произносится определённый их ряд:

- характеристика с места работы/учёбы/проживания/отбывания наказания;
- злоупотребление алкогольными напитками;
- совершённые ранее административные правонарушения и др.

В балльной системе возможен учёт каждого из параметров личности по соответствующим документам (характеристикам, справкам, показаниям свидетелей), что позволит избежать дискриминации со стороны судей.

Применение строгой наказательной шкалы, основанной на компромиссе между требованиями принципов справедливости и равенства и личным судебским понятием о справедливости, может решить ряд перечисленных реально существующих проблем современного судопроизводства.

Но ввиду за принятием столь радикальных мер следует ряд иных спорных вопросов:

Как корректировать данную шкалу течением времени и учётом исторической и социальной обстановки? Что делать с новыми составами преступлений, по которым судебная практика ещё не сформировалась? Следует ли учитывать судебские решения судов первой инстанции, или начинать с апелляции/кассации?

Что делать с пределами наказаний, указанными в санкции Уголовного закона (как максимальными, так и минимальными, где они есть)? Действовать они не будут (см. рис.3), поскольку при определённом наборе баллов последует переход к следующему более строгому/мягкому виду наказания.

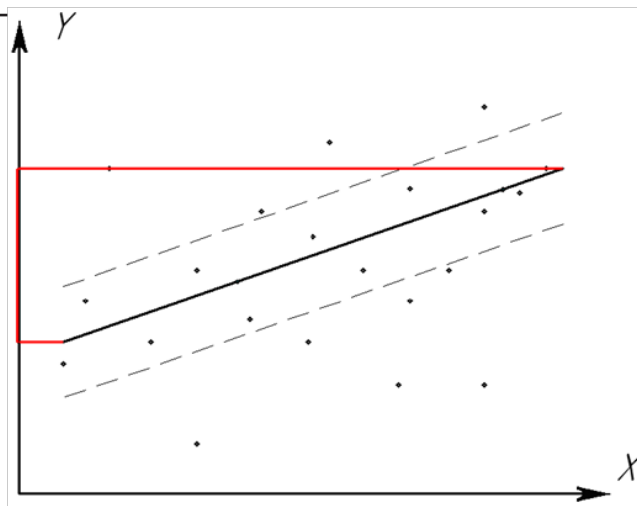

Рисунок 3 – Пределы наказаний

Одной публикацией данную тему не охватить. Раскрытие вопросов последует далее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013 [Электронный ресурс] // электронный словарь Online. – URL : <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 13.09.2014)
2. EdwART. Словарь терминов МЧС, 2010 [Электронный ресурс] // электронный словарь Online. – URL : <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 13.09.2014)
3. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс] // правовая навигационная система. – URL : <http://www.zakonrf.info/> (дата обращения 12.09.2014)
4. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // крупнейшая в сети база судебных актов. – URL : <http://sudact.ru/> (дата обращения 12.09.2014)
5. Марио Пьюзо. Крестный отец [Электронный ресурс] // электронная библиотека Он-лайн. – <http://www.lib.ru/PJUSO/crestnyj.txt> (дата обращения 13.09.2014)

JUDICIAL DISCRETION AND PRINCIPLES OF PENAL LAW

© 2014

A.I. Petropavlovskiy, undergraduate

O.V. Tyushnyakova, candidate of juridical sciences, professor of department «Penal law and criminology»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article describes the problems of broad judicial discretion in sentencing, discusses the relation of judicial discretion and criminal law principles. The conclusion is that in order to avoid making biased decisions by the judges, the exclusion of the human factor, and possibly to guide novice judges, the creation of a single-item scale of penalties depending on the circumstances of the case considered by the court at sentencing.

Keywords: penal sanctions, judge, statistics, principles of law.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2014

О.Е. Репетева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены особенности уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних и предложены меры по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, семья, преступление, защита, санкция.

Уголовно-правовая охрана семьи, несовершеннолетних, защита их законных прав и интересов является одним из основных направлений деятельности государства. Она становится особенно актуальной в современных условиях, когда построение правового государства и развитие демократических начал общественной жизни предполагают признание приоритета общечеловеческих ценностей, прежде всего

жизни, здоровья, свободы, чести, достоинства, прав и интересов личности. Сегодня государственная политика направлена на профилактику семейного неблагополучия и социального сиротства детей, укрепление семьи, поддержку детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

СК РФ не дает легального определения семейного правонарушения и не называет прямо, какие

правонарушения относятся к семейной сфере. Под семейным правонарушением понимается виновное противоправное действие (бездействие), нарушающее нормы семейного законодательства [1].

В ст. 69 СК РФ перечислены основания лишения родительских прав, которые следует относить к семейным правонарушениям:

– уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;

– отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо иного лечебного учреждения, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения и других аналогичных учреждений;

– злоупотребление родительскими правами; под этим следует понимать использование родительских прав в ущерб интересам детей, например, склонение к воровству, попрошайничеству, созданию препятствий в обучении;

– жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психологического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;

– хронический алкоголизм или наркомания родителей;

– совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга.

Из перечисленных правонарушений следует, что они посягают на отношения, обеспечивающие нормальное психическое, физическое и нравственное развитие ребенка, отношения, обеспечивающие его жизнь и здоровье. Вместе с тем, в семейном праве существует значительно больше видов правонарушений. Так, можно выделить семейно-правовые правонарушения, посягающие на следующие разновидности общественных отношений: отношения, возникающие в процессе заключения брака; отношения, в которых реализуются права и обязанности супругов; отношения совместной собственности супругов; отношения, обеспечивающие нормальное психофизическое и нравственное развитие детей; алиментные отношения и т. д.

Рассматривая особенности семейно-правовых нарушений, необходимо отметить, что семейное право не дает понятия деликтной ответственности, т.е. факта, когда деликтное правоотношение, в котором реализуются меры ответственности, возникает из правонарушения. Для семейного права характерны сначала регулятивные отношения между членами семьи, а затем неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей приводит к возникновению охранительного правоотношения и применения мер ответственности [2].

Указанные в ст. 69 СК РФ основания лишения родительских прав могут выступать и в качестве оснований уголовной ответственности. Так, уклонение от обязанности по воспитанию детей, сопряженное с жестоким обращением, может влечь уголовную ответственность, предусмотренную ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетних). Преступление, которое выражается в неисполнении своих родительских обязанностей, всегда совершается в форме бездействия. При этом родители не совершают действий, которые они обязаны совершать по закону. «Чаще всего уклонение родителей от выполнения родительских обязанностей выражается в том, что родители не уделяют детям должного внимания, не заботятся о них. Дети, оставленные без присмотра, нередко оказываются в опасности и становятся жертвами несчастных случаев» – пишет И.В. Маштаков [3].

Как отмечает Л.Ю. Михеева, подобное поведение родителей не только способно причинить физические и нравственные страдания ребенку, но и, как правило,

негативно влияет на будущую социализацию ребенка, деформирует его психику, формирует у ребенка неверное представление о семейных отношениях [4].

Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя пределы осуществления родительских прав, отмечает в своем Постановлении от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [5], что уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду. Злоупотребление родительскими правами может иметь место при создании родителями препятствий в обучении детей, склонении их к попрошайничеству, воровству, проституции, к употреблению спиртных напитков или наркотиков и т.п.

Жестокое обращение с детьми чаще всего совершается в виде активных действий, однако возможно и в форме бездействия (оставлении ребенка без пищи, тепла). Под таким обращением понимается как физическое насилие над ребенком, так и психическое (унижение, запугивание). В качестве жестокого обращения рассматривается и покушение родителями на половую неприкосновенность ребенка. В зависимости от наличия признака жестокости при совершении нарушения, субъект правонарушения будет привлечен к уголовной или к иной ответственности.

УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150) и за вовлечение в совершение антиобщественных действий (ст. 151). В случае превышения родительской власти, т.е. применения недозволенных методов воспитания, возможно наступление уголовной ответственности за причинение побоев, вреда здоровью и т.д.

Ст. 157 УК РФ предусматривает ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что вследствие пренебрежительного отношения к выполнению обязанностей родителями по содержанию несовершеннолетних, а равно нетрудоспособных детей, достигших 18-летнего возраста, ставятся под угрозу материальные условия их существования, поскольку в силу возраста и нетрудоспособности они не в состоянии добывать средства для жизни самостоятельно.

Анализируя санкцию ст. 157 УК РФ, отметим, что данная статья на практике является малоэффективной. С учетом высокой общественной опасности данного преступления имеется необходимость ужесточения уголовного наказания. Следует установить в санкции ст. 157 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. В то же время целесообразно исключить такой вид наказания как арест. Полагаем, эти меры будут иметь определенное превентивное значение и способствовать сокращению числа случаев злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

В связи с изложенным предлагается новая редакция ст. 157 УК РФ «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»:

«1. Злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо принудительными работами на тот же срок, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Злостное уклонение совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей, – наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо принудительными работами на тот же

срок, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Таким образом, охрана интересов семьи и несовершеннолетних в настоящее время остается одним из приоритетных направлений политики в нашей стране. Немаловажную роль в выполнении указанной задачи имеют меры уголовно-правового характера, призванные обеспечить охрану прав и свобод несовершеннолетних от преступных посягательств. Не меньшее значение имеет и повышение эффективности уголовно-правовых санкций за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Ю. Основания и порядок лишения родительских прав // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 24.

2. Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. М.: Юрист, 1995. С. 98.

3. Маштаков И.В. Проблемы теории правонарушения: Монография. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2005. С. 77.

4. Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16.

5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей (в ред. от 06.02.2007 г. № 6) // Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 7.

FEATURES CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

© 2014

O.E. Repeteva, candidate of laws, associate professor, Head of the department of business and labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article describes the features of criminal responsibility for crimes against the family and minors and to propose measures to improve the legislation in this area.

Keywords: criminal responsibility, juvenile, family, crime, the protection of the sanctions.

УДК 34.03:342.55

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

© 2014

П.А. Румянцев, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается становление и развитие элементов взаимной ответственности органов представительной и исполнительной власти в регионах страны. Особое внимание уделяется соответствию мер взаимной ответственности балансу в региональном государственном механизме.

Ключевые слова: взаимная ответственность, представительный орган, администрация, выражение недоверия, роспуск парламента.

В отношениях между региональными законодательными и исполнительными органами власти реализуются равенство, справедливость, уважение прав человека, гуманизм, неотвратимость, а, следовательно, и взаимная ответственность. Конституционно закрепленный принцип взаимной ответственности, по мнению А.Ф. Ефремова, находит свое выражение в различных отраслях законодательства [1]. Характеризуя его современное развитие, необходимо отметить, что оно направлено на усиление взаимной ответственности органов власти, что выражается, в частности, в появлении новых норм, предусматривающих ответственность, в увеличении количества составов правонарушений. Однако становление института взаимной ответственности на региональном уровне с начала 1990-х гг. на разных этапах развития государства имело свои особенности.

Определяющим моментом в истории взаимоотношений органов власти можно считать август 1991 г., когда неудавшийся переворот выступил предпосылкой и катализатором глубоких преобразований действующей властной системы, характеризовавшихся началом активного строительства системы вертикального управления, параллельно существовавшей представительной в лице Советов народных депутатов.

22 августа 1991 г. Президент РСФСР приступил к формированию иерархической системы государственного управления в стране. Осуществление исполнительно-распорядительных функций в регионах переходило в ведение администраций, с момента назначения руководителей которых полномочия исполкомов Советов прекращались [2]. Создание региональных администраций должно

было олицетворять формирование качественно иного состояния государственной власти и методов управления обществом согласно новому вектору развития государства. Основной задачей их образования являлось укрепление влияния президента страны в регионах и одновременное ослабление советских органов.

Правоприменительная деятельность по нормативно-правовому и функциональному разделению органов власти на местах проходила непросто и порой весьма болезненно. Борьба за власть позволила Советам сохранить большую часть своих полномочий, исполнительно-распорядительных и контрольных функций [3]. Преимущественное положение советских органов дало им возможность закрепить такую меру ответственности главы региональной администрации, как выражение ему недоверия [4]. Тенденции усиления ответственности были продолжены с принятием Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2449-1 «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» [5]. Советы получили право самостоятельно отменять акты администрации либо могли возложить такую обязанность на ее главу в случае, если акты исполнительного органа противоречили федеральным нормативным актам или решениям Совета.

Кроме того, закон уточнял механизм выражения недоверия главе администрации, его заместителям и руководству отдельных органов. Оно могло быть инициировано группой депутатов, составлявших не менее одной трети от установленной численности. При этом инстанцией ответственности при нарушении главой администрации Конституции и законов РФ выступал глава государства, а при применении этой меры ответственности по другим мотивам инстанцией становился региональный Совет, который был

вправе в течение одного месяца со дня выражения недоверия назначить дату голосования об отзыве главы администрации. Как представляется, действовать эта норма могла только в отношении тех глав, которые избирались напрямую населением, что исключало ее применение в 1991-1992 гг., поскольку Съезд народных депутатов под давлением Президента РСФСР Б.Н. Ельцина ввел 13-месячный мораторий на проведение выборов всех уровней [6].

Для иных должностных лиц администрации, назначение которых утверждалось Советом, действовала упрощенная процедура: решения о недоверии было достаточно для обязательного освобождения чиновников от должности.

В большинстве национально-территориальных образований прокатившаяся волна суверенизации оформила должность главы республики в качестве руководителя всей исполнительной системы, а не высшего органа управления, что вынуждало народных депутатов разграничивать меры ответственности. Так, по первоначальной редакции Конституции Республики Татарстан 1992 г., Верховный Совет имел право выразить недоверие Кабинету министров, что автоматически влекло его отставку, а Президент мог быть освобожден от должности только за нарушение Конституции РТ. В обоих случаях для принятия решения было необходимо не менее двух третей голосов депутатов [7].

Несмотря на декларировавшийся отход от принципа демократического централизма к построению властной конструкции по принципу разделения властей, первоначально ни главы администраций, ни руководители республик не обладали необходимым инструментарием для привлечения к ответственности региональных Советов. Право «вето» республиканских глав либо предусмотренное Законом РФ от 5 марта 1992 г. № 2449-1 право глав администраций на опротестование решений Советов, противоречивших законодательству РФ, другим решениям Советов или недостаточно обеспеченных финансовыми ресурсами, хотя и могло на время приостановить их действие, все же не являлось правомочием, адекватно уравновешивавшим две ветви власти.

Построение новой властной системы при одновременном видоизменении старых и образовании новых органов на фоне сохранения представительной вертикали нуждалось в формировании иных схем взаимодействия между институтами власти, однако проходило сложно ввиду консерватизма советской формы представительства. Начавшийся еще в 1992 г. острый конфликт главы государства с народными депутатами привел к принятию последними Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4733-1 «О порядке назначения на должность и освобождения от должности глав краевой, областной, автономной области, автономного округа, города федерального значения, районной, городской, районной в городе, поселковой, сельской администрации», который предусматривал выражение недоверия в качестве меры ответственности, применявшейся уже и к назначенному главе администрации: теперь Президент РФ в течение двух недель был обязан освободить его от должности, если региональный Совет принял решение о недоверии не менее чем двумя третями от установленного числа депутатов.

Каких-либо дополнительных мер ответственности представительных органов перед главами администраций вновь принимаемое законодательство, естественно, не предусматривало. В связи с этим система государственной власти находилась в крайне неуравновешенном состоянии и в случае достижения критического уровня могла быть полностью разрушена. Происходившее построение единой исполнительной вертикали, необходимое главе государства для ослабления Советов, заложило основу для кризиса во взаимоотношениях между ветвями власти не

только на федеральном уровне, но и на местах. Как известно, политическая нестабильность и отсутствие взаимопонимания в итоге привели к противостоянию двух ветвей власти и получению главой государства неограниченной власти. В период своего авторитарного правления осенью 1993 г. он посредством указного нормотворчества буквально за месяц перекроил весь государственный механизм, определил новую структуру и компетенцию органов власти. Кроме того, с ликвидацией советской системы произошел развал всей властной конструкции на местах [8, с. 382].

Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» не только перераспределил компетенцию между действующими органами региональной власти и установил необходимость избрания новых легислатур, но и фактически предоставил главам администраций возможность привлечения представительных органов к ответственности в виде их роспуска. Объективная сторона конституционно-правового нарушения в данном случае выражалась в игнорировании депутатами заседаний парламента либо отказе от депутатских мандатов, что в любом случае приводило к невозможности выполнения Советом своих полномочий ввиду отсутствия необходимого кворума.

Так, по свидетельству К.П. Ланге, хотя большинство депутатов Самарского облсовета планировали работать до появления нового регионального парламента и принять активное участие в его становлении, начался массовый отказ от депутатских мандатов [9, с. 213]. При этом глава администрации Самарской области К.А. Титов 14 октября 1993 г. издал постановление № 353 «О социальных гарантиях для народных депутатов областного Совета и местных Советов народных депутатов созыва 1990-1995 годов», в соответствии с которым депутаты в случае сложения полномочий до 19 октября сохраняли за собой статус до выборов в новые представительные органы власти, а также получали некоторые социальные и материальные гарантии, чем многие народные избранники воспользовались. Сделав парламента нежизнеспособным, 20 октября 1993 г. К.А. Титов прекратил полномочия облсовета и передал их областной администрации [10].

В Саратовской области 12 октября 1993 г. на внеочередной сессии областного Совета 107 депутатов сложили свои полномочия, в связи с чем парламента также утратил возможность правомочного функционирования [11]. Постановлением администрации Саратовской области от 12 октября 1993 г. № 288 «Об образовании Временного областного комитета по вопросам реформы органов представительной власти и организации местного самоуправления» деятельность областного Совета народных депутатов и его Малого Совета была прекращена, с передачей их полномочий областной администрации [12].

Получив реальную возможность привлечения к ответственности представительных органов власти, в большинстве регионов страны, за исключением национально-территориальных образований, главы администраций воспользовались ей по праву победителей властного противостояния, что позволило им занять привилегированное положение при формировании нового государственного механизма и активно участвовать в определении компетенции легислатур. В республиках, учитывая их особый статус государств, этот процесс осуществлялся эволюционным путем за счет собственного институционального реформирования.

После событий осени 1993 г. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2449-1 «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» в обновленных условиях не мог в полной мере регулировать взаимоотношения органов

власти, поскольку все меры ответственности главы администрации перед представительным органом были признаны Президентом РФ недействующими [13]. В связи с возникшим правовым вакуумом, положения об их взаимной ответственности должны были включаться в уставное законодательство. Однако во многих регионах в процессе согласования уставов решили отказаться от жестких мер ответственности. В частности, в Пензенской и Ульяновской областях лишь ограничились возможностью взаимного обращения главы региона и парламента друг к другу по вопросу приостановления действия или отмены принятых актов. В Саратовской области дополнительно была предусмотрена отставка областной Думы в случае, если на инициированном парламентом референдуме о недоверии губернатору население выскажется за доверие ему. Такая же участь ждала губернатора – инициатора референдума о недоверии областной Думе при положительном отношении народа к региональной легислатуре [14]. И большинство уставов содержало положения о недопустимости прекращения деятельности представительного органа, кроме как посредством самороспуска или на основании референдума. Главы администраций также были защищены от возможности отрешения от должности по решению регионального парламента.

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. взаимная ответственность законодательных и исполнительных органов в субъектах РФ определялась как на основе исторических традиций, так и, исходя из практических соображений, что было предопределено отсутствием централизованного регулирования. Восполнил этот пробел принятый после длительных согласований Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», содержащий общие для всех регионов критерии организации системы органов власти [15], в том числе механизм их взаимной ответственности, в состав которого вошли такие элементы как выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта Федерации и возможность роспуска им регионального парламента.

Местным законодателям было предоставлено право на выражение недоверия руководителю региона в случае издания им актов, противоречащих федеральному и региональному законодательству, если такие противоречия установлены решением суда и в течение месяца со дня вступления его в силу не были устранены, либо по причине грубого нарушения законов и подзаконных актов, установленного судом, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан. До декабря 2004 г. решение о недоверии могло повлечь автоматическую отставку высшего должностного лица и возглавляемой им администрации. Изменения в федеральном законодательстве привели к тому, что в настоящее время выражение недоверия главе региона как мера конституционно-правовой ответственности носит условный характер и может не нести каких-либо последствий. Принятое решение не означает немедленной отставки, а направляется на рассмотрение главе государства, который может и не прислушаться к мнению депутатов, как это было в случае с выражением недоверия губернатору Советом народных депутатов Алтайского края в 2005 г. [16, с. 109]. До сих пор в истории России отрешения от должности главы региона по такому основанию не было, в связи с чем отсутствие реальной возможности для отрешения высшего должностного лица сильно ослабляет легислатуру в качестве противовеса исполнительной власти.

К тому же глава субъекта РФ имеет право роспуска регионального парламента при наличии определенных

условий. Первоначально закон предусматривал только одно основание: при принятии легислатурой нормативно-правовых актов, противоречащих федеральному и региональному законодательству, если такие противоречия установлены решением суда и в течение шести месяцев со дня вступления его в силу не были устранены. Однако политические реалии заставили законодателей пересмотреть перечень оснований. В последние годы высокая степень интенсивности политической борьбы и повышенная роль партийной системы явились катализаторами процессов бойкотирования, затруднения нормального функционирования легислатур, формирования состояния недостаточной парламентаризации [17, с. 71-72], мешающего обеспечению нормальной работы представительных органов. Хотя блокирование заседаний является часто используемым средством в мировой практике работы парламента, оно не должно приводить к параличу их деятельности. В связи с этим в 2007 г. в закон были внесены изменения, в соответствии с которыми в случае, если вступившим в силу решением суда установлено, что парламента не проводил заседание в течение трех месяцев подряд либо со дня его избрания, глава региона может прекратить полномочия легислатуры досрочно.

В новейшей истории России была только одна попытка роспуска парламента, в Республике Адыгея, которая осталась без последствий, поскольку региональный конфликт был урегулирован при помощи федеральных органов власти и указ о роспуске отменен [18]. Такое решение было обусловлено тем, что государственный механизм предполагает не только горизонтальные связи органов власти на каждом уровне, но и вертикальное межуровневое взаимодействие, позволяющее использовать согласительные процедуры для принятия выгодного для государственной власти решения.

Таким образом, во взаимной ответственности региональных институтов власти в современный исторический период прослеживается четыре этапа: период с августа 1991 г. по сентябрь 1993 г., отмечавшийся преимуществом представительных органов в возможностях применения мер ответственности, этап их ликвидации осенью 1993 г., период с 1994 г. по 2004 г., характеризовавшийся определенным паритетом в вопросах взаимной ответственности, а также период с 2005 г., в котором некоторое преимущество получили уже главы регионов. Хотя модели организации государственной власти в субъектах РФ отличаются многообразием, как в распределении возможностей, так и в определении схем взаимодействия, фактически все регионы скопировали федеральный формат. Политическая нестабильность привела к усилению исполнительной вертикали, установлению дополнительных гарантий и полномочий глав регионов по аналогии с расширенными полномочиями главы государства. Этому способствовала и позиция Конституционного суда РФ, указавшего, что «конституционный принцип единства государственной власти требует, чтобы субъекты Российской Федерации в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти» [19].

Некоторые ученые для устранения имеющегося дисбаланса предлагают «заменить право главы региона на роспуск парламента правом инициации вопроса об его роспуске перед избирателями» [20, с. 7]. Как представляется, целесообразней передать право его роспуска по представлению руководителя региона Президенту РФ, поскольку уже закрепленное правомочие главы государства по роспуску региональной легислатуры может быть дополнено другими основаниями, что сбалансирует государственный механизм на местном уровне. Таким

образом, дисбаланс, возникающий в сфере взаимной ответственности органов власти, можно устранять путем перераспределения части их компетенции на федеральный уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://isfic.info/respon/otven55.htm>.
2. Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 22 августа. № 34. Ст. 1146.
3. Указ Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. № 239 «О порядке назначения глав администраций» // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1677.
4. Закон РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1985-1 «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов» // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1794.
5. Ведомости СНД РФ. 1992. № 13. Ст. 663.
6. Постановление СНД РСФСР от 01 ноября 1991 г. № 1830-1 «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1455.
7. Конституция Республики Татарстан от 06 ноября 1992 г. // Республика Татарстан. № 87-88. 30 апреля 2002.
8. Румянцев П. А. К вопросу о периодизации государства переходного типа // Вектор науки ТГУ. 2013. № 3. С. 381-384.
9. Ланге К. П. Роспуск советской системы государственного управления в Самарской области в 1993 г. (по материалам самарской прессы) // Историко-археологические изыскания: сборник трудов молодых

ученых. – Самара: СГПУ, 1999. Вып. 3. С. 210-217.

10. Волжская коммуна. 1993. 21 октября.
11. Саратовские вести. 1993. 13 октября.
12. ГАСО. Ф.Р. 1738. Оп. 11. Л. 4.
13. Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2266 «О действии законодательства Российской Федерации об органах государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации» // Российская газета. № 2. 05 января 1994 г.
14. Устав (Основной Закон) Саратовской области от 05 апреля 1995 г. // Саратовские вести. № 118. 14 июня 1996 г.
15. СЗ РФ. 1999. 18 октября. № 42. Ст. 5005.
16. Румянцев П. А. Место и роль органов государственной власти в переходном механизме России в постсоветский период // Евразийский юридический журнал. 2011. № 43. С. 106-111.
17. Плеснякова В. Н. Переходный процесс политического реформирования в России: тенденции, приоритеты и особенности: дисс. ... канд. полит. наук. – Елец, 2001. 155 с.
18. Собрание законодательства Республики Адыгея. № 5. 2005. 31 мая.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 1. С. 16.
20. Конкина И. И. Новый механизм приведения к власти глав субъектов Российской Федерации: проблемы и сомнения // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 7-27.

HISTORICAL FEATURES OF THE MUTUAL RESPONSIBILITY OF REGIONAL LEGISLATIVE AND EXECUTIVE AUTHORITIES

© 2014

P.A. Rumyantsev, the post-graduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The formation and development of elements of the mutual responsibility of representative and executive authority in the regions of country are discussed in the article. Particular attention is also paid to accordance measures of mutual responsibility to balance in the regional state mechanism.

Keywords: the mutual responsibility, representative body, administration, expression of distrust, dissolution of Parliament.

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Ю.М. Савельев, преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье анализируются различные точки зрения по вопросу об актуальности позитивной юридической ответственности и приводятся доводы в пользу позитивной юридической ответственности как формы реализации юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, ответственность за правонарушение, перспективная ответственность, активная ответственность, поощрительная ответственность, правомерное поведение, вина.

Ученые-правоведы и философы занимаются исследованием понятия юридической ответственности уже на протяжении 2,5 тысячелетий. За это время восприятие юридической ответственности претерпело существенную эволюцию: из института кровной мести ответственность переросла в наказание конкретного субъекта правонарушения; обогатилась и конкретизировалась лексическая составляющая; сформировались основополагающие принципы юридической ответственности, но, по-прежнему, злободневными остаются дискуссии по поводу определения дефиниции юридической ответственности как единого правового явления, и, как следствие из этого вытекающее - вопрос о наличии и вообще,

целесообразности введения в юридический терминологический оборот понятия «позитивная юридическая ответственность».

Ответственность выступает ключевой юридической категорией, фундаментом всей правоохранительной и правоприменительной деятельности.

В настоящее время все же чаще всего под термином «юридическая ответственность» понимается «применение к правонарушителю предусмотренных санкций юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишения личного, организационного либо имущественного характера» [1].

Краткое и ёмкое определение приводят М.Б.

Смоленский и Г.А. Борисов: «юридическая ответственность – это применение мер к правонарушителю государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы» [2].

Н.И. Матузов и А.В. Малько кратко определяют юридическую ответственность как «необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия, или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ» [3, С. 476].

Большинство общепринятых определений характеризуют юридическую ответственность с точки зрения ретроспективной формы ее реализации - то есть ответственности за уже совершенное деяние.

В этой части невозможно не согласиться с В.А. Тарховым, который отметил, что «основной недостаток большинства определений – их односторонность, невозможность охвата ими различных случаев ответственности во всех отраслях права, что необходимо для общетеоретических определений» [4].

Сторонники юридической ответственности за правонарушение адресуются также и к законодательству, мотивируя свою позицию тем, что в нормативных актах РФ под юридической ответственностью подразумевается обязанность субъекта претерпевать всяческого рода имущественные и личные лишения, будь то штрафы, конфискация имущества, либо ограничение свободы. Однако, проанализировав законодательство, можно выделить проявления позитивной юридической ответственности, заключающиеся в обозначении правильного поведения, определенным действиям, то есть всего того, что мотивирует и направляет человека на путь правового и законопослушного поведения, за которое не наступает юридическая ответственность ретроспективная. Так, к примеру, в ст. 191 ТК РФ [5] перечислены примеры поощрения за труд; ст. 985 ГК РФ [6] предусматривает вознаграждение за действия в чужом интересе, ст. 1006 ГК РФ предусматривает агентское вознаграждение, ст. 1055 ГК РФ – содержит обязанность выплатить награду. Даже статьями уголовного кодекса РФ предусмотрено поощрение за раскаяние, осознание своих неправомерных деяний и активное способствование раскрытию или пресечению преступлений. Так, ст. 228 УК РФ [7] лицо освобождается от уголовной ответственности в вышеуказанном случае, что выступает примером правового поощрения со стороны государства.

Существует интересная точка зрения, представленная Е.А. Цишковским [8] о том, что на самом деле и позитивная и негативная юридическая ответственность ретроспективны, т.к. обе наступают *post factum*, т.е. тогда, когда правовое деяние уже совершено. Различия состоят лишь в том, что «за позитивную юридическую ответственность субъект поощряется за поведение, квалифицируемое как заслуга, а правоотношение, в котором он участвовал, продолжает беспрепятственно осуществляться» [8]. В данном случае имеет место быть возражение о том, что позитивная юридическая ответственность также направлена на формирование правомерного поведения на будущее. В данном случае нельзя согласиться с позицией, что «субъект не может нести юридическую ответственность за поведение в будущем», потому как человек способен прогнозировать последствия, которые наступят в случае его возможного поведения. Именно руководствуясь прогнозированием, человек просчитывает возможные варианты его поведения и возможные последствия, которые повлекут его действия, либо бездействие, а далее, руководствуясь предписаниями правомерного поведения человек должен принять единственно верное решение, которое не нарушит и не выйдет за рамки допустимого законом и, следовательно, не повлечет за собой нежелательных последствий, выраженных в применении санкций со стороны государства. В данном случае и имеет место

быть позитивная юридическая ответственность – то есть ответственность без правонарушения.

Кроме того, Е.А. Цишковский предлагает юридическую ответственность за правомерное поведение также делить на позитивную и перспективную, поскольку оба этих вида ответственности реализуются в правомерном поведении, но одна проявляется в уже совершенном (поощряемом и заслуженном) правомерном поступке, а другая направлена и осуществляется в будущем правомерном поведении. Думается, что подобное предложение введет лишь в еще большее терминологическое заблуждение и приведет к усугублению путаницы и противоречиям в итак остро стоящей дискуссии по поводу позитивной юридической ответственности.

Подобно тому, как вода выступает уникальным химическим веществом, определяющим возможность существования жизни, ответственность выступает уникальным «веществом» определяющим существование права и государства в целом. Юридическая ответственность соединяет в себе социальное, моральное, нравственное и правовое начало. Юридическая ответственность проявляется одновременно в прошлом, настоящем и будущем, связывая и перенося через временное пространство правомерное поведение, сформированное на основании анализа прошлых и будущих поступков человека в настоящем. Поэтому нельзя рассматривать позитивную юридическую ответственность только с ретроспективного ее аспекта. Нельзя утверждать, что она направлена лишь во взгляд в прошлое. В отличие от юридической ответственности за правонарушение, которая возникает по факту совершения неправомерного деяния позитивная юридическая ответственность должна осуществляться непрерывно, потому как человек постоянно находится в различного рода общественных отношениях. И правомерное его поведение есть результат работы позитивной юридической ответственности.

Идея позитивной юридической ответственности для отечественной юриспруденции была предложена в 60-х годах XX века, однако в мировой политико-правовой теории зачатки позитивной юридической ответственности можно выделить уже в XVIII-XIX вв. когда Г. Гегель в своих размышлениях пришел к выводу о необходимости законодательного закрепления терминов «преступление» и «наказание», причем определения должны были быть «позитивными» - то есть не нести какой-либо угрозы и запугивания для человека в своей трактовке [9]. Его мысль продолжил И. Бентам, который заслужил звание родоначальника позитивизма – направления в философии права и истории юриспруденции, отрицающего всякое иное право, кроме позитивного, которое толкует всякое государственно-правовое явление исключительно как творение человека ради общечеловеческой пользы.

Г. Кельзенем сформулировано «чистое» и интуитивно понятное определение юридической ответственности: «обязанность индивида вести себя определенным образом, если его противоположное поведение обуславливает акт принуждения в качестве санкции (меры воздействия)» [10]

В настоящее время используются такие синонимы позитивной юридической ответственности, как перспективная ответственность, активная ответственность, позитивно-умеренная ответственность, позитивно-активная ответственность поощрительная ответственность. Также ее отождествляют с чувством долга или юридической обязанностью [11].

Первые попытки представить «позитивную юридическую ответственность» отечественным правоведам воспринимались в штыки, потому как действительно, психическое отношение личности к содеянному как в прошлом, так и в будущем, его осознание долга и совести, внутреннего голоса и

осознания моральных обязательств перед обществом – все это категории более психологических наук, чем юридических. Между тем, необходимо отметить, что в составе правонарушения также присутствует психологический аспект содеянного – субъективная сторона правонарушения, которая характеризует психическую деятельность лица в момент совершения правонарушения. В структуре содержания данной психической деятельности различают: вину, мотив, цель, эмоциональное состояние. Право хоть и носит карательный и регулирующий, жестко регламентирующий характер, все равно неизбежно взаимодействует с человеческой душой, ее порывами, мотивацией. И отрезавшись от душевной компоненты было бы крайне опрометчиво.

Позитивная юридическая ответственность тяжело воспринималась еще и потому, что это ответственность без правонарушения, однако в ее определение также входят устоявшиеся правовые категории: правовые санкции, правоотношение и обязанность.

Сторонники отрицания позитивной юридической ответственности апеллируют еще и к тому моменту, что за правонарушением следует санкция, а за правомерное поведение – позитивную юридическую ответственность не следует мер поощрения или одобрения со стороны государства. Действительно, материально вознаграждение за правомерное поведение не предусмотрено. В силу своей самобытности человек не склонен чувствовать духовных точек соприкосновения с правом. Ведь не будь санкций, вряд ли законы соблюдались бы добровольно и беспрекословно. На человека действуют лишь материальные рычаги власти, давления и принуждения в виде штрафов, ограничения свободы и прочее. Ведь большинство правонарушений совершаются не из-за осознания вредности или опасности деяния, а лишь из-за страха быть наказанным. Позитивная юридическая ответственность не осязаема, потому как она поощряется молчаливым одобрением со стороны государства, нет за нее и материального вознаграждения. Однако, если мыслить шире, то, совершая правомерные поступки человек сам себя награждает свободой, экономит деньги, которые могли бы быть потрачены на оплату штрафа, а, следовательно, может потратить свое время и средства на желаемые блага, что и выступает, в конечном счете, поощрением.

Даже если обратиться к определению термина «ответственность» с философской точки зрения - она есть отношение зависимости человека от чего-либо, воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему, что выступает очередным доказательством в пользу позитивной юридической ответственности.

Как верно подмечено профессором Р.Л. Хачатуровым, оба вида ответственности тесно связаны между собой, и чем выше уровень ответственности в активном смысле (ответственность в положительном смысле), тем больше соблюдается социальные нормы, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном смысле (пассивная, отрицательная ответственность) [12].

А.С. Бондарев, характеризуя юридическую ответственность исключительно с позиции позитивной ее формы реализации считает, что юридическая ответственность является сугубо личностным ценным правовым свойством субъектов права, и дает следующее определение: «юридическая ответственность есть способность (знание, умение, осознанная воля) субъекта права своевременно определять вид и меру своих субъективных юридических обязанностей перед правомочными лицами при своем вступлении в ту или иную социальную статусную роль и своевременно и добросовестно исполнять (соблюдать) их, а тема самым – реализовывать свою юридическую ответственность

не только перед конкретным правомочным субъектом права, но и перед обществом и государством, которые нормативно определили вид и меру данной ответственности, нормируя правом соответствующие социальные статусы данного общества» [13].

Позитивная ответственность в отличие от негативной - не временная и не принудительная, а постоянная, добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое надлежащее поведение. Она предполагает не только контроль субъекта за собственными действиями, но и положительную реакцию на контроль со стороны общества, государства. Для правовой системы это принципиально важный стабилизирующий и цементирующий фактор [3, С.474].

Хотелось бы отметить еще один нюанс. Многие авторы высказываются за позитивную юридическую ответственность как «аспект» или «вид» юридической ответственности [14]. Однако Д.А. Липинский делает замечание, что позитивная юридическая ответственность - это одна из «форм» реализации юридической ответственности. Юридическая ответственность едина, но обладает добровольной и государственно-принудительной формами реализации» [15].

Таким образом, можно сделать вывод, что позитивная и негативная юридическая ответственность есть формы, две стороны одной медали – юридической ответственности в целом. Их нельзя рассматривать отдельно друг от друга, ведь они есть части единого целого. И, потому как нецелесообразно и спорить о наличии либо отсутствии одного составляющего от всего целого, определение юридической ответственности должно охватывать обе формы и наиболее полно отражать содержание юридической ответственности. В данном вопросе мы придерживаемся определения, данным Д.А. Липинским и Р.Л. Хачатуровым: «это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норма права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация» [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права. – М.: Юрист: 2001. С. 91
2. Смоленский М.Б., Борисов Г.А. Теория государства и права. – М.: Феникс, 2012. С. 136
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2004. С. 473, С. 474
4. Тархов В.А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. - 1973. - № 2. - С. 36.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1 (ч. 1). - ст. 3.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2014) // Собрание законодательства РФ. - 29.01.1996. - № 5. - ст. 410.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - ст. 2954.
8. Цишковский Е.А. Юридическая ответственность в правомерном поведении // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2009. - №4 (10). – С. 4-14
9. Гегель Г. Философия права / пер. с нем. В.С. Нерсисянц. – М.: 1990С. 144-147
10. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. / пер. с нем. С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова Сб. пер. Вып. 1. -М.: АН СССР ИНИОН, 1987. С. 84

11. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. – 2005. - № 11.

12. Степин В., Гусейнов А. Новая философская энциклопедия из 4 книг. Книга 3. – М.: Мысль, 2010. С. 171

13. Хачатуров Р.Л., Ягугян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти, 1995. – С. 11.

14. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и

антикультуры субъектов права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 7.

15. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. – 2005. - № 11.

16. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 50

ABOUT THE QUESTION OF THE TOPICALITIES OF POSITIVE LEGAL RESPONSIBILITY AS A FORM OF REALIZATION OF LEGAL LIABILITY

© 2014

Y.M. Savelyev, Lecturer of the Department «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article analyzes the different views to the question of positive legal responsibility and argues for positive legal responsibility as a form of implementation of legal liability.

Keywords: legal responsibility, positive legal responsibility, the responsibility for the offense, prospective responsibility, active responsibility, incentive responsibility, good behavior, guilty.

УДК 343.3

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

© 2014

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются государственная и общественная безопасность. При этом одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности называется совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с терроризмом и экстремизмом. Это проявляется, прежде всего, во внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство в части ответственности за преступления экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской и террористической направленности, экстремистское сообщество, экстремистская организация.

Одной из основных тенденций современной российской уголовной политики, на что ранее уже обращалось внимание в публикациях [1; 2], продолжает оставаться активная криминализации новых видов общественно опасных деяний, имеющих экстремистскую окраску, и пенализация уже существующих.

Так, Федеральным законом от 05.05.2014г. №130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] составы преступлений, предусмотренных ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» и ст.282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» дополнены новыми видами преступлений – склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ) или экстремистской организации (ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ).

Федеральным законом от 28.06.2014г. №179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» Раздела X «Преступления против государственной власти» была дополнена отдельным составом преступления, предусматривающим ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст.282.3 УК РФ).

Внесение указанных изменений обусловлено стремлением законодателя закрепить схожий перечень преступлений экстремистской и террористической направленности. В частности, Федеральным законом от 02.11.2013г. №302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] виды преступлений террористической направленности, расположенные в главе 24 раздела IX УК РФ, по аналогии со ст. ст. 282.1, 282.2 УК РФ, дополнены ст.ст.205.4, 205.5 УК РФ,

предусматривающими ответственность за организацию террористического сообщества и деятельности террористической организации, а также за участие в названных объединениях. В свою очередь, новые виды преступлений экстремистской направленности, предусмотренные ч. 1.1. ст.282.1, ч. 1.1. ст.282.2 и ст.282.3 УК РФ, по своему содержанию приближены к положениям ст. 205.1 УК РФ, регламентирующей ответственность за содействие террористической деятельности, выражающейся в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в совершение террористического акта, а также в финансирование терроризма.

Таким образом, в действующем УК РФ на сегодняшний момент предусмотрена специальная ответственность за преступления экстремистской направленности для организаторов (ч. 1 ст.282.1 и ч. 1 ст.282.2 УК РФ) и подстрекателей (ч. 1.1 ст.282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ). К участникам же экстремистского сообщества или экстремистской организации (ч. 2 ст.282.1 и ч. 2 ст.282.2 УК РФ) можно применить термин «исполнитель» в том случае, когда они в составе названных объединений совершают преступления, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ (например, убийство по мотиву национальной ненависти – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Федеральными законами от 03.02.2014г. №5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6], от 05.05.2014г. №130-ФЗ [3] также было ужесточено наказание за отдельные виды преступлений экстремистской направленности:

- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 280 УК РФ) – установлен минимальный размер штрафа (100 тыс. руб.) и повышен срок лишения свободы с 3 до 4 лет;

- возбуждение ненависти либо вражды, а равно

унижение человеческого достоинства (ч. 1 ст. 282 УК РФ) – повышены минимальный размер штрафа со 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб. и срок принудительных работ – с 2 до 4 лет;

-возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с отягчающими признаками (ч. 2 ст. 282 УК РФ) – повышены минимальный размер штрафа со 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб.;

-создание и руководство экстремистским сообществом (ч. 1 ст.282.1 УК РФ) – установлен минимальный (200 тыс. руб.) размер штрафа и повышен с 200 тыс. руб. до 500 тыс. руб. максимальный размер штрафа; срок отбывания принудительных работ увеличен с 4 до 5 лет; установлен минимальный (2 года) срок лишения свободы (Закон от 05.05.2014г. №130-ФЗ) и увеличен максимальный – Законом от 03.02.2014г. №5-ФЗ - с 4 до 6 лет и Законом от 05.05.2014г. №130-ФЗ - с 6 до 8 лет лишения свободы;

-участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст.282.1 УК РФ) – максимальный размер штрафа повышен с 40 тыс. руб. до 100 тыс. руб.; срок отбывания принудительных работ увеличен с 2 до 3 лет; срок лишения свободы увеличен с 2 до 4 лет;

-создание, руководство или участие в экстремистском сообществе, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 282.1 УК РФ) – повышены минимальный (со 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб.) и максимальный (с 300 тыс. руб. до 700 тыс. руб.) размер штрафа; установлен минимальный (4 года) срок лишения свободы (Закон от 05.05.2014г. №130-ФЗ) и увеличен максимальный - Законом от 03.02.2014г. №5-ФЗ - с 6 до 7 лет и Законом от 05.05.2014г. №130-ФЗ - с 7 до 10 лет лишения свободы;

-организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 282.2 УК РФ) – повышены минимальный (со 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб.) и максимальный (с 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб.) размер штрафа; срок отбывания принудительных работ увеличен с 3 до 5 лет; установлен минимальный (2 года) срок лишения свободы (Закон от 05.05.2014г. №130-ФЗ) и увеличен максимальный – Законом от 03.02.2014г. №5-ФЗ - с 3 до 6 лет и Законом от 05.05.2014г. №130-ФЗ - с 6 до 8 лет лишения свободы;

-участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) – повышен максимальный размер штрафа - с 200 тыс. руб. до 300 тыс. руб.; срок отбывания принудительных работ увеличен с 2 до 3 лет; срок лишения свободы увеличен с 2 до 4 лет.

Однако многочисленные изменения и дополнения в уголовном законодательстве, а также принятое 28 июня 2011 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7] оставили нерешенными некоторые вопросы квалификации рассматриваемых общественно опасных деяний. Прежде всего, здесь необходимо заострить внимание на законодательном определении экстремистского сообщества, за организацию и участие в котором предусмотрена уголовная ответственность.

Под экстремистским сообществом в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ понимается организованная групп лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью

или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011г. №11 [7] даются уточнения относительно признаков экстремистского сообщества: устойчивость, стабильность состава, согласованность действий участников группы, возможное наличие в экстремистском сообществе структурных подразделений (частей).

Следовательно, законодатель и Верховный Суд РФ рассматривают экстремистское сообщество одновременно как разновидности организованных групп и преступных сообществ (организаций).

Вместе с тем такое понимание экстремистского сообщества порождает ряд проблем:

Во-первых, на основании положений ч. 4 ст. 35, ч. 1 ст. 210 УК РФ обязательным признаком преступного сообщества является специальная цель – совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений.

Согласно п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности, с целью подготовки и совершения которых создается сообщество, понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. К таковым, наряду с тяжкими и особо тяжкими, в УК РФ отнесены деяния небольшой (п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119 УК РФ) и средней (п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, ст. 282 УК РФ) тяжести.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ цель совершения тяжких и особо тяжких имеет корыстную направленность. Тогда как для создателей (участников) экстремистского сообщества получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды является всего лишь средством для достижения иных целей: подрыв общественной безопасности или основ конституционного строя.

Таким образом, экстремистское сообщество нельзя в полной мере отнести к разновидностям преступного сообщества (организации). Оно представляет собой самостоятельную форму соучастия, требующую соответствующего закрепления в ст. 35 УК РФ.

Во-вторых, объединение признаков организованной группы и преступного сообщества в одно понятие нивелирует разницу в уровне ответственности между создателями (участниками) организованной экстремистской группы и создателями (участниками) экстремистского сообщества. Тем самым нарушается принцип справедливости наказания, закрепленный в ст. 6 УК РФ.

В этой связи, целесообразно дифференцировать ответственность организаторов (участников) экстремистской группы и экстремистского сообщества. Положительным примером в данном случае является законодательное разграничение ответственности организаторов (участников) банды (ст. 209 УК РФ) и организаторов (участников) преступного сообщества (ст. 210 УК РФ).

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 282. 3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности», необходимо руководствоваться разъяснениями, содержащимися в п. п. 16, 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [8], поскольку в постановлении Пленума Верховного Суда РФ

от 28.06.2011г. №11 [7] указания на данный счет отсутствуют.

Так, под средствами, предназначенными для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации (ч. 1 ст. 282.3 УК РФ), необходимо понимать денежные средства (в наличной или безналичной форме) и материальные средства (например, предметы обмундирования, экипировки, средств связи).

К лицам, использующим свое служебное положение (ч. 2 ст. 282.3 УК РФ), следует относить как должностных лиц, так и государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не относящихся к числу должностных лиц, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением.

В составах преступлений, закрепленных ст. ст. 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, законодатель предусмотрел специальные основания освобождения от уголовной ответственности для участников экстремистского сообщества (организации) и лиц, финансирующих экстремистскую деятельность.

До принятия Федерального закона от 28.06.2014г. №179-ФЗ [4] п. 1 примечания к ст. 282.1 УК РФ противоречил содержанию диспозиции данной статьи, поскольку предусматривал освобождение от уголовной ответственности не для участников экстремистского сообщества, а для участников в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. В настоящее время данная коллизия устранена и участники экстремистского сообщества появилось право на освобождение от уголовной ответственности. Но сразу возник вопрос о том, в чем конкретно должны выражаться действия участника экстремистского сообщества, дающие основания для освобождения от уголовной ответственности.

В абз. 2 п. 22 постановления от 28 июня 2011г. №11 [7] Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, применительно к примечанию к ст. 282.2 УК РФ, что под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистской организации понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения. Оно может выражаться, например, в выходе из состава экстремистской организации, невыполнении распоряжений ее руководителей, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование организации, отказе от совершения преступлений.

Представляется, что для участника экстремистского сообщества в силу повышенной опасности данного

объединения, вышеуказанных действий будет не достаточно. Как отмечается в другом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [8] участник преступного сообщества (организации) для освобождения от ответственности должен активно способствовать раскрытию или пресечению преступления. В постановлении (определении) о прекращении уголовного дела следует указать, какие конкретные действия, способствовавшие раскрытию или пресечению преступления, были учтены судом.

Таким образом, участник экстремистского сообщества, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он не просто прекратил участие в данном объединении, но и сообщил о его существовании в правоохранительные органы, способствовал установлению других участников сообщества, его организаторов и руководителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельева О.Ю. Отдельные аспекты уголовной политики России по противодействию экстремистской деятельности // Россия в меняющемся мире: государство, право, политика: материалы Всероссийской заочной конференции (г. Пенза, 18 апреля 2009 г.). – Пенза: ПГУ, 2009. С.128-131.
2. Савельева О.Ю. Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти вражды в отношении какой-либо социальной группы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 111-114.
3. Федеральный закон от 05.05.2014г. №130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. - №19. - Ст. 2335.
4. Федеральный закон от 28.06.2014г. №179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. - №26 (часть I). - Ст. 3385.
5. Федеральный закон от 02.11.2013г. №302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Собрание законодательства РФ. – 2013. - №44. - Ст. 5641.
6. Федеральный закон от 03.02.2014г. №5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. - №6. - Ст. 556.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011г. №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. - №8.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. - №8.

CERTAIN ASPECTS OF RESPONSIBILITY FOR THE CRIMES OF EXTREMIST BY APPLICABLE LAW

© 2014

*O.Y. Savelyeva, candidate of legal Sciences, Professor of the Department of Criminal law and criminology
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: The main priorities of the national security of the Russian Federation are state and public security. One of the main directions of state policy in the sphere of support of state and public security is the improvement of the normative legal regulation of prevention and fight against terrorism and extremism. This is manifested primarily in the introduction of changes and amendments to criminal legislation in the area of responsibility for the crimes of extremist.

Keywords: extremism, crime extremist and terrorist, extremist community, extremist organization.

УДК 340, 342.97

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКАХ И БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2014

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В работе рассматривается проблема родственности диспозиций в статьях федерального законодательства и административного кодекса Российской Федерации, что по мнению некоторых правоведов нарушает конституционный принцип «non bis in idem», запрещающий повторное преследование и наказание за одно и то же деяние. Затрагивается вопрос о самостоятельности финансовой ответственности вне рамок административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, штраф, банк, нарушение, правонарушение, финансовая ответственность, налоговая ответственность.

В связи с энергичным развитием рыночных отношений неотвратимо возрастает и количество административных правонарушений в сфере экономики. В большинстве случаев субъектами данных правонарушений выступают юридические лица, среди которых немалая доля принадлежит кредитным организациям, занимающим солидное место в экономике страны. В условиях сформировавшейся финансовой нестабильности от правомерного «поведения» кредитных организаций зависит и надежность вкладов физических и юридических лиц, и добросовестность исполнения кредитных обязанностей как со стороны кредиторов, так и заемщиков, и, в конечном счете, устойчивость и надежность всей валютной системы государства.

У кредитных организаций особый правовой статус, свои правила поведения в кредитно—финансовой сфере, свои права и обязанности. Также для кредитных организаций существуют и запреты, которые нередко нарушаются. К примеру, кредитные организации не имеют права осуществлять торговую и страховую деятельность.

Кодекс об административных правонарушениях РФ [1] содержит положения об административной ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности в ст.ст. 14.1, 14.11, 14.3, 14.11, 14.29, 14.30, 15.1, 15.2, 15.4, 15.7, 15.8, 15.9, 15.10, 15.26, 15.27, 19.4 и 19.5 КоАП РФ. Тяжбы о подобных правонарушениях вызывают сложность в судебной практике потому, что нормы о банках и банковской деятельности содержатся также и в других федеральных законах, что вызывает значимые противоречия при определении должной меры ответственности. Так, меры административного принуждения кредитных организаций за нарушение банковского законодательства предусмотрены также ФЗ от 10.07.2002 № 86—ФЗ «О центральном банке РФ» [2], ФЗ от 02.12.1990 № 395—1 «О банках и банковской деятельности» [3], ФЗ от 07.08.2001 № 115—ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» [4] и различными инструкциями Банка России.

Банковская деятельность является исключительной по своей сути, поскольку ее вправе осуществлять только кредитные организации. Однако вступивший в 2010 году ФЗ от 02.07.2010 № 151—ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [5], призванный повысить обеспеченность финансовыми услугами экономически активное население России, создать благоприятные условия для доступа начинающих предпринимателей и представителей малого бизнеса к кредитно—финансовым ресурсам, а также в общем повысить уровень благосостояния и качество жизни людей, а также поправки от 01.07.2014 в ФЗ от 19.07.2007 № 196—ФЗ «О ломбардах» [6] закрепили право выдавать микрофинансовым организациям и ломбардам потребительский займы, что, с одной стороны,

благоприятно повлияло на расширение потенциала пользования финансовыми услугами экономически активного населения России, но, с другой стороны, дало обширное поле для новых поводов привлечения к административной ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, за нарушение коллекторами законодательства при возврате долгов, а также за включение в договор условий, ущемляющих права потребителя.

Рассматривая вопрос об административной ответственности в сфере банковской деятельности, необходимо разрешить спорный момент о том, что некоторые ученые считают в банковском законодательстве правильнее использовать термин «нарушение», нежели «правонарушение».

Так, А.Г. Братко считает, что в банковском законодательстве используются термины «нарушения» и «санкции» и не используется термин «ответственность» применительно к пруденциальному регулированию и пруденциальному надзору [7]. Данная точка зрения объясняется тем, что санкции банковского права, в отличие от административного или уголовного права, принцип вины, по общему правилу, не учитывают. «Для вкладчиков банка и других банковских клиентов совершенно безразлично, по чьей вине кредитная организация перестала осуществлять банковские операции. Точно также и Банк России должен отозвать банковскую лицензию в случае, когда, к примеру, обнаружилась реальная угроза для кредиторов кредитной организации» — пишет А.Г. Братко. Это делается для того, чтобы предотвратить более существенный вред для интересов кредиторов. Поэтому в банковском праве применяются санкции, которые предусматривают меры защиты. В отличие от ответственности, основанием которой является состав правонарушения и, в частности, — вина, меры защиты применяются при отсутствии вины, то есть не за правонарушение, а за нарушение установленных законом правил банковского правоотношения.

На основании проведенного анализа различных точек зрения, Д.А. Липинским было сформулировано следующее определение мер защиты: «это охранительные правовые средства (одно из выражений государственного принуждения), применяемые в случае совершения правонарушения или наступления иных юридических фактов, преследующие цели предупреждения, пресечения, регулирования, восстановления, а также обеспечения безопасности» [8].

В противовес данному суждению, А.А. Левков дает следующее авторское определение: «Меры защиты — это правовые средства, не являющиеся мерами ответственности и мерами безопасности, установленные в законодательстве и направленные на восстановление права, обеспечение его исполнения, на предупреждение и пресечение правонарушений» [9].

А.Г. Братко считает, что ответственность — это применение определенных санкций к конкретному

лицу, которое уже нарушило норму права. Основанием ответственности всегда является состав правонарушения, то есть совокупность признаков конкретного правонарушения, предусмотренного правовой нормой. Один из этих признаков — виновность конкретного лица, то есть совершение правонарушения умышленно либо по неосторожности. Один из атрибутов ответственности — осуждение действия лица от имени государства. А для того, чтобы этот атрибут реализовался, необходим элемент вины в действиях лица. Но ответственность — это только одна разновидность санкций. В банковском праве применяются главным образом меры защиты, потому как основанием для привлечения к административной ответственности является наличие состава правонарушения, отсутствие одного элемента которого исключает виновность и основание привлечения к административной ответственности. Однако, Банк России не связывает применение мер воздействия с наличием состава правонарушения. В сфере банковской деятельности основанием выступает наличие факта нарушения (невыполнения) требований федеральных законов и предписаний самого Банка России кредитной организацией.

Сторонники данной теории считают, что специфика санкций банковского права состоит в том, что они применяются к юридическому лицу, нарушившему правовую норму, но при этом виновность не учитывается:

— во-первых, для целей надзора (предотвращение угроз неликвидности, неплатежеспособности, предотвращение системных рисков и т.п.) вопрос о виновности не имеет никакого значения;

— во-вторых, нарушение банковского права не является правонарушением, посягающим на правопорядок, установленный государственной властью. Это нарушение является нарушением тех норм, которые действуют в самой банковской системе, то есть нарушением корпоративных норм, установленных денежной властью.

Эти корпоративные нормы, а значит, и их санкции распространяются только на тех, кто включается в систему денежной власти. Они имеют юридическую форму, но закрепляют правила, по которым функционирует банковская система как таковая.

Санкции применяются к кредитным организациям Банком России в результате банковского надзора. А банковский надзор подчинен целям банковского регулирования. Поэтому цель банковского регулирования и банковского надзора состоит в том, чтобы привести банковскую деятельность конкретной кредитной организации в такое состояние, которое соответствует общим условиям нормального функционирования всей банковской системы в целом.

С такой позицией нельзя согласиться по следующим основаниям: понятие «нарушение» может существовать одновременно с понятием «правонарушение», но будет отличаться от правонарушения одним или двумя признаками. У «нарушения», в отличие от правонарушения, может отсутствовать признак общественной опасности или признак виновности. Нарушение не должно влечь применения мер юридической ответственности.

Нарушить — значит несоблюдить правовую норму, помешать ее дальнейшему течению.

Банковская противоправность определяется в ст. 74 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» как нарушение кредитной организацией федеральных законов и издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России, непредставление информации, представление неполной или недостоверной информации.

Субъектами банковских правонарушений выступают исключительно кредитные организации.

Таким образом, банковское правонарушение

(а не нарушение) — это общественно опасное, противоправное и виновное деяние, посягающее на публичные банковские отношения, за совершение которых установлена финансовая ответственность.

Разногласия, возникающие по поводу терминологии «нарушение» или «правонарушение», возникают из-за того, что ученые либо ставят знак равенства между мерами защиты и защитой права, отождествляя их с правоприменительной деятельностью, либо воспринимают их как разновидность мер государственного принуждения и т.п., что ведет к вкладыванию различного смысла и последующей путанице.

С другой стороны, в действующем КоАП РФ ст. 2.1 и 2.2 закреплён принцип виновности, как основание ответственности, в то время как в нормативно-правовых актах, устанавливающих банковские правонарушения, отсутствует указание на наличие вины, что является недостатком банковского законодательства.

Следует упомянуть и о разногласиях, возникающих по поводу принадлежности ответственности кредитных организаций, которая закреплена статьями 132-135 Налогового Кодекса [10] к административной ответственности. В данном случае справедливо замечание Н.Н. Антонова [11], что, согласно Конституции РФ не может быть двух наказаний за одно и то же противоправное деяние.

Налоговым кодексом исключается административная ответственность за аналогичные правонарушения. В случае нарушения законодательства о налогах и сборах охранительные правоотношения должны складываться только на основании норм Налогового кодекса и регулироваться институтом налоговой ответственности. Ст. ст. 106 и 107 НК РФ оставляют открытым список организаций и лиц, которые могут выступать субъектами налоговых правонарушений, однако, четкое указание на кредитные организации и банки, как субъектов, составляющих большой процент экономической деятельности в данных статьях тоже отсутствует. Руководствуясь данным недочетом, некоторые правоведы считают, к примеру, ответственность по ст. 132 НК РФ и 15.7 КоАП РФ выступает двойной за одно правонарушение. Открытие банком счета организации, индивидуальному предпринимателю, нотариусу, занимающемуся частной практикой, или адвокату, учредившему адвокатский кабинет, счета инвестиционного товарищества без предъявления этим лицом свидетельства (уведомления) о постановке на учет в налоговом органе, а равно открытие счета при наличии решения налогового органа о приостановлении операций по счетам этого лица (ст. 132 НК РФ) влечет взыскание штрафа в размере 20 тысяч рублей, а аналогичная статья КоАП РФ 15.7 — открытие банком или иной кредитной организацией счета организации или индивидуальному предпринимателю без предъявления ими свидетельства о постановке на учет в налоговом органе, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей. В данных наказаниях различен субъект правонарушения — по НК РФ субъектом выступает юридическое лицо (банк), а в КоАП РФ выступает должностное лицо, а если различны субъекты, то данное наказание нельзя считать двойным.

Вопросы возникают также и при расчете суммы штрафа. Если КоАП РФ выражает штраф в твердой денежной сумме, то мера воздействия, предусмотренная Федеральным законодательством, выражается в процентном соотношении к размеру оплаченного капитала.

Возникают разногласия и по срокам давности. Если к административной ответственности субъект привлекается в течение двух месяцев со дня совершения правонарушения, а в случае длящегося административного правонарушения данный срок

начинается со дня обнаружения административного правонарушения, то Банком России кредитная организация не может быть привлечена к ответственности за нарушение, если со дня его совершения истекло пять лет (ст.74 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Думается, что при разрешении вопросов правоприменения в данном случае следует учесть, что налоговая ответственность не выступает самостоятельным видом юридической ответственности: она есть разновидность административной ответственности в области налогов и сборов, и потому при разрешении подобных правоприменительных трудностей следует руководствоваться главенствующей ролью КоАП РФ.

С. Пыхтин предлагает считать штраф, предусмотренный ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» не административной, а финансовой санкцией, т.е. мерой финансово-правовой ответственности (в нашем случае, банковской). И, в частности, наш приведенный пример ст.74 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» рассматривать с точки зрения мер финансово-правового наказания, а ответственность – банковской исходя из того, что административные санкции и санкции данной статьи – две разные юридические категории, которые нельзя смешивать [12].

Возникновение финансово-правовой ответственности обусловлено происходящими в стране рыночными преобразованиями, происходящими одновременно с переосмыслением места, роли и функций государства в обществе и экономике, изменением форм и методов государственного управления, созданием новых структур и институтов, поиском оптимального баланса механизмов рыночной самоорганизации и государственного регулирования рынка.

Исследователи данной проблематики пришли к довольно единообразному пониманию финансово-правовой ответственности. Так, С.Е. Батыров считает, что финансово-правовая ответственность — это «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [13].

Н.А. Сатарова определяет финансово-правовую ответственность как «применение к нарушителю финансово-правовых норм мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера» [14].

Самостоятельность финансовой ответственности подчеркивают специфические особенности финансового правонарушения. Понятие «финансовое правонарушение» носит собирательный характер, оно объединяет бюджетные, налоговые, валютные и банковские правонарушения [15, С.749].

Кроме того, о самостоятельности финансово-правовой ответственности свидетельствует и тот факт, что ряд авторов признают существование налоговой, бюджетной, валютной ответственности в ее составе [15, С.748] [16].

Таким образом, в отличие от административной ответственности, которая предусмотрена на федеральном уровне исключительно Кодексом об административных правонарушениях, финансовая ответственность закреплена в Налоговом кодексе РФ, Бюджетном кодексе РФ, ФЗ от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», ФЗ от

10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», различных указах Президента РФ и инструкциях Центрального Банка РФ.

К нарушителям финансового законодательства могут быть применены следующие меры: предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса, блокировка расходов, изъятие бюджетных средств, приостановление операций по счетам в кредитных организациях, наложение штрафа, начисление пени и пр.

Однако близость финансово-правовой ответственности к административной ответственности настолько велика, что без глубокого понимания теории права трудно определить, где заканчиваются границы административной ответственности и начинаются полномочия и компетенция финансовой ответственности, что на практике неизбежно будет приводить к восприятию административной и финансовой ответственности как двойной ответственности за одно правонарушение (что противоречит конституционным принципам), а не как к различным мерам ответственности. Если же причислять банковские, налоговые и бюджетные правонарушения к финансовым правонарушениям, то в статьях, аналогичных ст. 132-135 НК РФ необходимо конкретизировать, что согласно данному законодательству субъект несет именно финансовую, а не административную ответственность. К примеру, ч.1 статьи 132 НК должна звучать следующим образом: «Открытие банком счета организации, индивидуального предпринимателя, нотариусу, занимающемуся частной практикой, или адвокату, учредившему адвокатский кабинет, счета инвестиционного товарищества без предъявления этим лицом свидетельства (уведомления) о постановке на учет в налоговом органе, а равно открытие счета при наличии решения налогового органа о приостановлении операций по счетам этого лица – влечет наложение финансовой ответственности в виде взыскания штрафа в размере 20 тысяч рублей».

В целом, административное право представляет собой отрасль правовой системы Российской Федерации, которая регулирует особую группу общественных отношений – управленческую, главная особенность которых состоит в том, что они возникают, развиваются и прекращаются в сфере государственного управления, т.е. в связи с организацией и функционированием системы исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [17].

Не смотря на то, что в область ведения административного права не входят отношения финансового характера, все же сохранение монополии КоАП РФ как источника норм об административно-правовой ответственности банков приведет со стороны государства к единообразию и понятной процедуре привлечения банков к административно-правовой ответственности, а с другой стороны – клиенты, контрагенты банка и инвесторы будут точно уверены, что государство, устанавливая административную ответственность банков и закрепляя ее в КоАП РФ, защищает их права от правонарушений со стороны банков, что, в конечном счете, «приведет к оздоровлению и большей конкурентоспособности банковской сферы как на внутреннем, так и на международном рынках, улучшению экономической стороны жизни каждого потребителя банковских услуг в целом» [18].

Таким образом, необходимо сгруппировать и закрепить положения норм об административной ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности только в КоАП РФ, а в других законодательных актах статьи, содержащие меры административной ответственности сделать отсылочными к КоАП РФ, что исключит противоречия в законодательстве и ликвидирует сложность при

назначении эффективной меры ответственности, а в статьях, применяющих меры финансовой ответственности — указывать на применение мер именно финансовой ответственности, дабы не создавать путаницы с административной ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195—ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86—ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. — 15.07.2002. — № 28. — ст. 2790.
3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395—1 (ред. от 04.10.2014) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 05.02.1996. — № 6. — ст. 492.
4. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115—ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — 13.08.2001. — № 33 (часть I). — ст. 3418.
5. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151—ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.07.2010. — № 27. — ст. 3435.
6. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196—ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О ломбардах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 30.07.2007. — № 31. — ст. 3992.
7. Братко А.Г. Банковское право в России (вопросы

теории и практики). — М.: Гарант, 2007. С. 216

8. Липинский Д.А., Бессолицын А.Г. О мерах защиты и юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. — №.3 (3). — 2010. С. 109—111
9. Левков А.А. Меры защиты в российском праве. Дисс. на соискание ученого звания кандидата юридических наук // Самара, 2002. С. 198
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146—ФЗ (ред. от 04.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — № 31. — 03.08.1998. — ст. 3824.
11. Антонов Н.Н. Правовой режим налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения: Автореферат диссертации канд. Юрид. Наук. — М., 2003. С. 23
12. Пыхтин С. Приостановление, аннулирование и отзыв банковской лицензии // Хозяйство и право. — 2004. — №1. С. 50.
13. Батыров С.Е. Финансово—правовая ответственность. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2003. С. 20;
14. Сатарова Н.А. Финансовая ответственность: тезисы докладов международной научно—практической конференции. — Саратов, 2003. — С. 74
15. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. — СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. — С. 749.
16. Козырев А.А. Некоторые вопросы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Государство и право, 2004. — № 4. — С. 80.
17. Козлов Ю.М. Административное право. — М.: Юристъ, 2005. С. 39
18. Скороходов В.В. Административно—правовая ответственность коммерческого банка в области налогов и сборов // Банковское право. 2008. №2.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON BANKS AND BANKING ACTIVITIES

© 2014

V.V. Stepanova, senior Lecturer of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article considers the problem of kinship dispositions to articles of the Federal law and the administrative code of the Russian Federation, which violates the constitutional principle «non bis in idem», which prohibits the re-prosecution and punishment for the same offense. Prejudice the question of independence of financial responsibility outside of administrative responsibility.

Keywords: administrative responsibility, fine, bank, violation, violation of law, financial responsibility, fiscal responsibility.

УДК 343

СУЩНОСТЬ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© 2014

И.Л. Стерлегова, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы российского уголовно-процессуального законодательства, связанные с определением сущности дознания как формы предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, уголовный процесс, участники уголовного процесса, дознаватель, формы предварительного расследования.

Определения дознания в уголовно- процессуальной науке весьма разнообразны. «Впервые термин «дознание» был употреблен в Судебных уставах уголовного судопроизводства 1864г. и определялся как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до них слухов и сведений о преступлении...» [1, с. 112-113]. Фактически под дознанием понималась первоначальная проверка информации о преступлении, проводимая полицией. Порядок этой проверки был установлен ст. 48, 312 Устава уголовного судопроизводства (УУС) России 1864г., а более подробно

регламентирован в Законе «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» [2]. В соответствии с указанными документами проверка сообщения о преступлении проводилась в форме полицейского дознания. Устав, определяя сущность дознания, исходил из этимологического значения данного слова, которое происходило из распространенных в прошлом слов «дознать», «дознаться», то есть точно разузнать, удостовериться в чем-либо [3, с.315].

Согласно ст. 253- 254 УУС полиция как орган дознания должна была удостовериться «через дознание» в том, что действительно ли имело место

происшествие и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка. В соответствии с Уставом, если о «происшествии, заключающем в себе признак преступления» первой узнавала полиция, то она была обязана не позже суток сообщить об этом судебному следователю и прокурору либо его товарищу (ст. 250). При отсутствии последних «на месте» полиция должна была начать производство дознания, в ходе которого все нужные ей сведения собирала «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254). Полиция осуществляла эти действия для закрепления доказательств «по горячим следам», когда до «прибытия на место судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258).

При осуществлении дознания полиция не имела права на составление какого-либо протокола, а полученные сведения должна была заносить в один общий акт за подписью лица, производящего дознание. Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них [4, с.80]. Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное в присутствии суда, не имеет доказательственного значения [5, с.34].

Устав уголовного судопроизводства отделял дознание от предварительного расследования, видя в этом два весьма важных улучшения: «первое, что полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных следствий значительно уменьшится; второе, что судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения». [6, с.115]

Характеризуя дознание в дореволюционном уголовном процессе, И.Я.Фойницкий отмечал, что «оно не имеет дело с судебными формами и обрядами... представляет собой деятельность несудебную». Более того, он полагал, что дознание не может проводиться в процессуальной форме, так как «...успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия». [7, с.357]

Профессор Петербургского университета Н.Н.Розин отмечал: «Поддознаниемразумеютсямеры,принимаемые указанными в законе органами, для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника» [8, с. 415]. А. Квачевский, исследуя проблемы дознания по судебным уставам 1864года, определял дознание как «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [9, с.3].

На практике дознание фактически функционировало как особый вид производства, отдельное от следствия. Под ним подразумевалось собирание сведений о преступлении или о виновности известного лица. Обычно эти сведения собирались чиновниками, направленными на место события административными властями. Дознаватели определяли правильность действий должностных лиц. Цель проводимого дознания состояла в проверке обоснованности поступившей жалобы, и результат дознания сводился к разрешению вопроса о необходимости проводить формальное следствие или отказать в удовлетворении жалобы.

Дознание проводилось секретно. Но определенное понятие дознания не было ни в законе, ни на практике. Оно смешивалось со следствием. Происходила путаница в правах и обязанностях полиции, при этом нарушалась законность, утрачивалось доверие общества к властям. Такое положение существовало до учреждения в 1860 году института судебных следователей, основной целью которого было отделение следствия от полиции. Расследование преступлений стало проводиться полицией, следователем и судом при участии прокурора и состояло из трех главных частей: дознания, предварительного и окончательного следствия. Дознание оставалось в ведении общей полиции представляло собой самый первый и краткий период следствия. В компетенцию полиции после судебной реформы стало входить производство первоначальных следственных действий и окончательное рассмотрение маловажных проступков. «Наказ полиции» 1860года назвал деятельность полиции дознанием. Им охватывались не только действия, удостоверяющие совершение преступлений, но и такие, которые прямо относятся к следствию.

Судебная реформа 1864 законодательно оформила в России следственно- обвинительный процесс. Правовые основы дознания, деятельности полиции характеризовались тем, что по делам, не грозящим обвиняемым лишением или ограничением прав, уголовное преследование возбуждалось непосредственно перед судом без предварительного следствия [10, с.4-5].

В полном соответствии с мнением составителей судебных уставов ученые- процессуалисты тех лет видели целью дознания только обнаружение преступного характера происшествия, полагая, что дальнейшие действия по расследованию преступления и изобличению преступника должны принадлежать только следователю [11, с. 311].

Анализ исторических источников позволяет сделать вывод о том, что дознание определялось как деятельность полиции по проверке поступившей информации о преступлении. Следует отметить, что и сегодня органы внутренних дел, действуя в качестве органов дознания, осуществляют деятельность по проверке первичной информации о преступлении. Однако в настоящее время эта деятельность охватывается рамками уголовного судопроизводства, носит уголовно- процессуальный характер и определяет содержание его первого этапа- возбуждение уголовного дела. В дореволюционном судопроизводстве эта проверочная деятельность была выведена за рамки уголовного процесса и не рассматривалась в качестве процессуальной деятельности полиции. В этой связи интересным представляется суждение А.И. Трусова, который полагает, что стадия возбуждения уголовного дела явилась продуктом перерождения института дознания, предусмотренного дореволюционным законодательством [12, с.13].

Таким образом, в период дореволюционного судопроизводства сущность дознания заключалась в том, чтобы путем расспросов и наблюдений, в том числе и негласных, досконально установить и проверить данные о преступлении или проступке до начала процессуальной деятельности следователя. Иными словами, деятельность по производству дознания не была обличена в процессуальные формы, не устанавливалось процессуальных сроков для ее осуществления, да и сами результаты такой деятельности не имели доказательственного значения в судебных органах [13, с.8].

Результатом Октябрьской революции 1917 года было уничтожение старых государственных институтов, а затем в течение 5 лет велись поиски новых форм судопроизводства. Так, Декретом о суде от 24.11.17. №1 были упразднены институты судебных

следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, приостановлено действие института мировых судей. В принятой в 1918 году Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР об организации советской рабоче-крестьянской милиции появляется регламентация дознания. К его ведению было отнесено: производство розысков и дознаний по уголовным делам под руководством и указанием народных судей и следственных комиссий; производство в порядке, предусмотренном особым циркуляром Народного комиссариата по внутренним делам, обысков, осмотров, выемок как по постановлениям народных судов и следственных комиссий, так и, в особых случаях, по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления. В первом советском Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятый 25 мая 1922 г. на третьей сессии ВЦИК 9-го созыва появилась специальная глава 8 «О дознании», которая устанавливала определенное различие между дознанием как деятельностью милиции и следствием, проводимым следователем. Дознание рассматривалось как первичное простейшее расследование, первоначальные розыскные действия. Оно осуществлялось по несложным, простейшим делам. По более серьезным преступлениям дознание ограничивалось лишь производством неотложных следственных действий. Таким образом, дознание являлось в основном розыском, обеспечивающим ведение следствия [10, с.6-7].

Впоследствии, с принятием УПК РСФСР 1960 года под термином «дознание» стали обозначать совокупность двух видов уголовно-процессуальной деятельности, присущих органам дознания. Первое направление – это расследование преступлений, отнесенных к подследственности органов дознания в полном объеме и оно в науке получило название полное дознание. Второе направление – это начало расследования и производство неотложных следственных действий по преступлениям, подследственным следователю. Оно получило название в науке как усеченное дознание, поскольку рассматривалось учеными как «первоначальный этап расследования уголовного дела», как «этап, предшествующий следствию», «подсобный ему и обеспечивающий для него первичный материал» [13, с.9].

Подтверждение вышесказанному мы находим в трудах и других ученых-процессуалистов. Так, Б.Т. Безлепкина, исследуя в соответствии с УПК РСФСР процессуальную деятельность в досудебном производстве, считал, что различие между предварительным следствием и дознанием выражается «в двух признаках: во-первых, предварительное следствие и дознание осуществляется различными органами, а, во-вторых, несколько различны объем и сроки процессуальной деятельности, выполняемой этими органами по конкретному делу. Во всем остальном обе формы расследования подчиняются общим, единым требованиям уголовно-процессуального законодательства». Схожую мысль высказывает и И.Д. Перлов: «Дифференциация процессуальной формы обусловлена необходимостью существования ускоренного порядка установления обстоятельств совершенного преступления и в целом быстрой досудебной подготовки уголовных дел. В качестве основания дифференциации, как правило, выделяют степень сложности дела, общественную опасность преступления, связь между характером дела и оперативно-розыскной деятельностью милиции, санкцию уголовного закона» [14, с.60]. Г.М. Миньковский считал, что в первую очередь таким критерием является простота факта [15, с.110-111]. Имеется и такая точка зрения, в соответствии с которой дознание представляет собой сочетание процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [16, с. 37].

По мнению О.В. Волколуп: «Дознание с учетом существующего нормативного регулирования

осуществляется либо как первоначальный этап стадии предварительного расследования, либо выполняет все задачи стадии предварительного расследования. В первом случае дознание – это уголовно-процессуальная деятельность органа дознания и дознавателя, а также иных участников уголовного дела, осуществляемая в рамках стадии предварительного расследования, предназначенная для оперативного закрепления следов преступления и по возможности для полного его раскрытия, в том числе установления лица, совершившего преступление, и решения иных задач стадии предварительного расследования. Во втором случае дознание – это форма стадии предварительного расследования, которая решает все его задачи в соответствии с требованиями и правилами, установленными УПК РФ» [17, с.99].

Вместе с тем, «в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. впервые на законодательном уровне было сформулировано понятие «дознания». Пункт 8 ст. 5 УПК определяет дознание как форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Таким образом, новый уголовно-процессуальный закон сузил пределы понятия «дознание», определяя его суть только одним видом деятельности органа дознания, а именно – расследованием преступлений в полном объеме» [18, с.9]. В то же время, производство неотложных следственных действий по преступлениям, подследственным следователю, осталось присущим органам дознания.

В 2013 г. в УПК РФ была введена новая глава 32-1 о дознании в сокращенной форме. Это особая форма производства расследования уголовного дела, с особой формой рассмотрения этого дела судом. При изучении этой главы видно, что она вся состоит из одних особенностей: особенности при возбуждении уголовного дела – оно должно быть возбуждено обязательно в отношении конкретного лица; обязательно ходатайство о его производстве; особенности доказывания; особенности в сроках проведения дознания; особенности судебного рассмотрения. Целесообразность такого введения, безусловно, покажет время. Но годовая статистика применения данного новшества не особенно удивляет высокими показателями. Как полагают некоторые ученые, и с этим следует согласиться, «сокращенное дознание не в полной мере отвечает требованию справедливости, поскольку разрушая баланс частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве, законодатель не создает убедительных гарантий достоверности принятого по его результатам судебного решения» [18, с.44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Изд. 2-е, доп. и измен. Ч. 2. – СПб., 1867.
2. Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 2. разд. 3. Ст. 1.32. – СПб., 1892.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935. – 744 с.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – 352 с.
5. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. – СПб., 1907. – 118 с.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. – СПб., 1867.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб., 1910. – 518 с.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб. 1914. – 233 с.
9. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном расследовании преступлений по судебным уставам 1864 года.

Теоретическое и практическое руководство. Ч.2. СПб., 1867.200с.

10. Седова Г.И., Степанов В.В. Дознание: функции и организация деятельности: Учебное пособие.-М.: «Приор-издат», 2003.-80с.

11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса.-СПб., 1892.- 517с.

12. Трусов А.И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь, 1997. № 2.- С.13.

13. Дознание / А.С.Есина.- М.: Издательство «Экзамен», 2005г.- 223с.

14. Перлов И.Д. Важный этап в развитии советского права // Труды Всесоюзного института юридических

наук. М., 1960. 167с.

15. Миньковский Г.М. // Труды Всесоюзного института юридических наук. М., 1960. 280с.

16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2.- М., 1970.- 710с. 17. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.- 267с.

18. Евстигнеева О.В. Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства. - Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2014. №2 (17), 184с.

THE ESSENCE OF THE INQUIRY AS A FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2014

I.L. Sterlegova, senior lecturer in «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article deals with some controversial issues of the Russian criminal procedural law connected with determining the nature of inquiry as a form of preliminary investigation.

Keywords: inquiry, criminal process, the parties to the proceedings, investigator, the form of the preliminary investigation.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

© 2014

И.Ю. Сутягина, соискатель кафедры теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проявления института юридической ответственности в Псковской Судной грамоте. Исследуется система преступлений и виды наказаний. Выявляется значение Псковской Судной грамоты в эволюции юридической ответственности в праве средневековой Руси.

Ключевые слова: юридическая ответственность, Псковская Судная грамота, татьба, перевет, головшина, индивидуализация юридических санкций.

Процесс формирования института юридической ответственности в древнерусском праве отражен довольно ограниченным кругом исторических источников. Тем более важную роль приобретает ряд сохранившихся правовых актов эпохи. К числу таких актов безусловно относится Псковская Судная грамота.

Псковская Судная грамота может рассматриваться не только как источник права средневековой Северо-Западной Руси, но и как важное связующее звено в эволюции всей древнерусской правовой традиции, в том числе и института юридической ответственности. Грамота многократно исследовалась и историками, и правоведами. Однако в силу своей значимости, а также в силу дискретности всего объема сохранившихся источников права рассматриваемой эпохи, многие аспекты исследования данного документа сохраняют свою актуальность. К их числу относятся и отражение формирования института юридической ответственности.

Анализ документа позволяет говорить как о преемственности с предшествующей правовой традицией, так и о новых особенностях псковского (и, вероятно, всего русского) права эпохи позднего средневековья. Как и Русская Правда, Псковская Судная грамота не знает очевидных для современного исследователя универсальных признаков, состава и видов правонарушений и юридической ответственности. Однако проявляется возросшее стремление группировать преступления по степени тяжести. Так, все преступления за которые предусмотрена смертная казнь регулируются седьмой и отчасти восьмой статьями: «А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати» (ст. 7); «Что бы и на посаде не крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий изличив, живота ему не дати, крам кромьскому татю» (ст. 8) [1, с. 332].

Несмотря на наличие разных точек зрения относительно значения понятий кримской татьбы и перевета, очевидно, что законодатель даже не пытается классифицировать преступления по характеру объекта посягательства. Зато степень общественной опасности в качестве обобщающего критерия прослеживается вполне отчетливо.

Под кримской татьбой большинство исследователей вслед за И. Энгельманом понимали кражу городского имущества, хранящегося в Кремле. По мнению других исследователей псковский законодатель говорил о краже церковного имущества или о краже из церкви [2, с. 73; 3, с. 98]. В любом случае речь идет о квалифицированной краже с посягательством на особо охраняемый объект, обладающий как значительной материальной, так и символической ценностью.

К кримской татьбе законодатель прямо приравнивает кражу в третий раз (ст. 8). Формальное определение рецидива в Псковской Судной грамоте отсутствует, но понимание повторного совершения ряда деяний как отягчающего обстоятельства вполне очевидно. Данная норма также позволяет предположить, что составитель Грамоты был озабочен по крайней мере казуистическим выделением субъективной стороны деяния и смягчающих обстоятельств. Более того, рискуем предположить, что задолго до эпохи рационализма Нового времени законодатель средневекового Пскова надеялся на возможность исправления преступника. Резкое ужесточение ответственности за кражу в третий раз показывает допущение, что первая и даже вторая кража могли носить случайный характер или быть вызваны тяжелым стечением жизненных обстоятельств. Совершение кражи в третий раз справедливо расценивалось как осознанный отказ преступника от исправления, а суровость наказания в этом случае

является вполне обычной даже для раннеиндустриальных обществ.

Смертная казнь за конокрадство также не должна вызывать удивление – в аграрную эпоху от наличия тяглого скота зависело само выживание хозяйства. Конокрадство и по Русской Правде каралось высшей мерой наказания – потоком и разграблением [4, с. 66]. А самосуд за это преступление вершился в русских деревнях вплоть до новейшего времени.

Псковская Судная грамота – первый законодательный акт, устанавливающий наказание за перевет, или измену. И.Г. Мартысевич считает это качественным скачком в эволюции категории преступления. В перевете он видит свидетельство выделения политических или государственных преступлений [3, с. 93-96]. На наш взгляд, подобный подход можно считать модернизацией. Как замечает Ю.В. Оспенников, перевет означал измену не только городской общине, но и иной, более мелкой корпоративной общности – например, рати в походе [5, с. 463-464]. В правосознании рассматриваемой эпохи еще сохранялось синкретическое единство восприятия сферы частной и публичной жизни. Следует, все же, отметить, что Русская Правда вообще не устанавливает ответственности за перевет, хотя в суровости фактического наказания за измену можно не сомневаться. Псковский же законодатель конца XIV – XV вв. счел необходимым формально закрепить этот состав. Тем самым он предврил более общую тенденцию, отчетливо проявившуюся в скором будущем в московских судебных документах с уже вырисовывающейся системой государственных преступлений.

Смертная казнь за поджог в эру деревянного градостроительства также не может вызывать существенных вопросов. Сложнее обстоит дело с разбоем. Сохранение высокой общественной опасности этого деяния подтверждается всем комплексом исторических источников. Тем не менее Псковская Судная грамота, в отличие от Русской Правды, не устанавливает за разбой высшей меры наказания, ограничиваясь фиксированным – правда, самым высоким, – денежным штрафом в 70 гривен. При этом разбой упоминается в одном ряду с другими преступлениями – находом и грабежом, за которые устанавливалась аналогичная ответственность. Это дало основание многим исследователям утверждать, что право Северо-Западной Руси не различало разбой и грабеж [6, с. 60; 3, с. 101; 7, с. 48]. Анализируя широкий комплекс источников, Ю.В. Оспенников показывает, что в большинстве случаев, объект разбоя и грабежа все же различался. Разбой им характеризуется как вооруженное нападение, обычно с целью наживы, которое сопровождалось изъятием имущества и причинением вреда здоровью людей, вплоть до лишения жизни, а грабеж – как открытое посягательство на чужое имущество, не сопряженное с убийствами или иным насильем над личностью [5, с. 446-447]. Действительно, псковский законодатель употребляет оба этих понятия. Более того, в других источниках эпохи эти понятия часто разводятся. Однако в таком случае не вполне понятно, почему за преступления, заведомо различающиеся по степени общественной опасности, устанавливается одинаковая ответственность. А ведь мы знаем, что составитель Псковской Судной грамоты различал степень общественной опасности даже тех деяний, которые обозначались одним термином (ярчайший пример – «татьба»). Видимо, процесс разграничения понятий разбоя и грабежа был еще далеко от своего завершения. Рискнем предположить, что в правоприменительной практике грабеж (в современном понимании) мог смешиваться не только с разбоем, но и с кражей.

Еще одно деяние, караемое 70-гривенным штрафом, наход вызывает еще более противоречивые оценки. По мнению С.В. Юшкова наход – это разбой, произведенный шайкой. М.М. Исаев отождествляет наход с наездом

Новгородской Судной грамоты, то есть понимает его как самоуправное нападение на чужой земельный участок, обычно сопровождаемое боем и грабежом [6, с. 162; 8, с. 137]. К сожалению, ограниченность источников не позволяет дать определенную оценку этим гипотезам. Даже само помещение наезда в один ряд с разбоем и грабежом не раскрывает природу этого деяния, а лишь указывает на высокую степень его общественной опасности.

Еще одна интересная проблема – назначение 70-гривенного штрафа за разбой, наход и грабеж. Хотя эти деяния отнесены к подсудности княжеского суда, ясно, что князь не был получателем штрафа. Во-первых, фискальные полномочия князя в городских республиках в целом были существенно ограничены, во-вторых статья прямо определяет размер княжеской продажи в 19 денег. Одни исследователи рассматривают 70 гривен как штраф пользу Пскова, другие – как компенсацию потерпевшим [1, с. 346; 7, с. 49]. Обе позиции имеют свои аргументы, но ни сама Псковская Судная грамота, ни совокупность других источников не позволяют категорически подтвердить или опровергнуть любую из них. Оригинальный и аргументированный ответ на вопрос дает Ю.В. Оспенников: «Право Северо-Западной Руси XII – XV веков при установлении ответственности за разбой на первое место ставит проблему возмещения ущерба. Однако сторонами процедуры возмещения ущерба далеко не всегда оказываются сам потерпевший (или члены его семьи, если он сам убит) и разбойник, гораздо чаще сторонами выступают городские общины, к которым принадлежат потерпевший и разбойник. В этих условиях городская община превращалась в гарант того, что возмещение будет получено, в некоторых случаях она же выплачивала возмещение, если преступника было невозможно поймать» [5, с. 461-462]. Подобные предположения представляются вполне обоснованными. Существование имущественной ответственности общины за преступления, совершенные ее членом или на ее территории известно из большого числа разнообразных источников. Прямо о ее применении на территории Северо-Западной Руси говорят, например, договоры Новгорода и Пскова с ганзейскими городами [9, с. 55-132]. Мы уже упоминали о таком свойстве средневековой ментальности и общественной жизни, как нерасчлененность публичной и частной сфер.

В Псковской Судной грамоте очень фрагментарно упоминается убийство и наказание за него. Так, ст. 26 устанавливает ответственность за убийство истцом ответчика в порядке самосуда [1, с. 334]. Ст. 96 определяет в один рубль размер продажи «на головниках» в пользу князя, а ст. 97 особо оговаривает действие этого правила и при убийстве близких родственников [1, с. 340]. Подобная фрагментарность в оценке деяния, которое по Русской Правде занимало центральное место в системе преступлений, не должно удивлять. Ведь Псковская Судная грамота не заменяла, а дополняла Русскую Правду. В этом случае возникает ряд вопросов о том, как изменялось действие положений Русской Правды об убийстве. Ю.Г. Алексеев замечает, что реальный размер штрафа за убийство уменьшился более чем в 10 раз [7, с. 43]. Это, однако, объясняется тем, что городские власти не желали чрезмерного обогащения князя, в пользу которого по «пошлине» назначалась продажа. Очевидно, сюда не включалась компенсация потерпевшей стороне, но размер ее остается неясным. Осуществив комплексный анализ источников, Ю.В. Оспенников делает вывод об упрощении в конце XIV – XV вв. всей системы преступлений, объединенных вирной ставкой. В частности, исследователь отмечает исчезновение специфических составов преступлений, различающихся по правовому статусу убитого [5, с. 474-475]. В целом, проблема эволюции ответственности за преступления против жизни в праве Северо-Западной Руси средних веков по-прежнему требует внимания

исследователей.

Значительное внимание псковский законодатель уделяет краже. Мы уже говорили о новых основаниях выделения квалифицированных составов кражи, характеризуя наиболее опасные деяния. В то же время в Псковской Судной грамоте обнаруживается тенденция упрощения системы преступлений. Здесь все еще указывается кража барана, овцы, гусей и т.д., однако все эти преступления уже объединены в рамках одной статьи (ст. 112) [1, с. 342]. Следует упомянуть и еще один квалифицированный состав – кражу из закрытого помещения, воза, ладьи и т.п. Если речь шла о краже, когда потерпевшая сторона предпринимала меры по обеспечению сохранности имущества, величина продажи в пользу князя увеличивалась до девяти денег [1, с. 331].

Анализ преступлений против личности и против собственности, регулируемых Псковской Судной грамотой позволяет сделать вывод о характере развития института юридической ответственности средневековой Северо-Западной Руси. Конечно, в данном источнике права, как и в предшествующих ему, отсутствуют универсальные признаки и критерии классификации правонарушения и юридической ответственности, правовые нормы носят казуистический характер. В то же время начинает проявляться стремление к упрощению системы преступлений, а с другой стороны – тенденция к индивидуализации юридических санкций. Возрастает значение возмещения ущерба, о чем ярко говорит

изменившаяся санкция за разбой. Появляется неизвестная Русской Правде тенденция выделения государственного преступления. Псковская Судная грамота отразила как специфику развития юридической ответственности в Северо-Западной Руси, так и общерусские процессы эволюции данного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
2. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте. – СПб., 1855.
3. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота. – М., 1951.
4. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
5. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. – М., 2007.
6. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. – М., 1947.
7. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. – Л., 1980.
8. Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. – М., 1948.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. – М.- Л., 1949.

A PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE PSKOV JUDICIAL CHARTER

© 2014

*Ir. Yu. Sutyagina, competitor of chair of state-legal disciplines
 Samara legal institute of the Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)*

Annotation: The article deals with the legal responsibility institution in the Pskov Judicial Charter. The system of offences and penalties is investigated. The significance of the Pskov Judicial Charter in the evolution of legal responsibility in medieval Rus' law is detected.

Keywords: legal responsibility, Pskov Judicial Charter, tatba, perevet, golovshina, individualization of legal sanctions.

УДК 343.01

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В КОДИФИЦИРОВАННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

© 2014

*С.С. Тихонова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета,
 доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
 Т.А. Бачурина, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
 Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*

Аннотация: В настоящей статье определяется назначение легальных дефиниций, рассматриваются юридико-технические требования к определению их количества и дается оценка перспективным вариантам изменения подходов к определению их местонахождения в кодифицированном уголовном законе.

Ключевые слова: глоссарий, дефиниция, нормативно-правовое предписание, примечание, уголовный закон, юридический термин, юридическое понятие.

Легальная (законодательная) дефиниция представляет собой определение юридического понятия, содержащееся в тексте законодательного акта [1, с. 10-14]. Соответственно в зависимости от наличия в тексте законодательного акта, в котором употребляется юридический термин, легальной дефиниции обозначаемого данным юридическим термином понятия термины могут быть *дефинированными* или *недефинированными*.

По мнению А. Ф. Черданцева к легальным следует относить и дефиниции, содержащиеся в актах официального толкования [2, с. 262-265]. Однако среди дефиниций, полученных в результате официального толкования законодательного акта, к числу легальных можно причислять только дефиниции, содержащиеся в актах *аутентического толкования*, имеющих внешнюю форму, аналогичную разьясняемому акту [3, с. 359]. Что

касается *делегированного толкования*, осуществляемого в Российской Федерации специально уполномоченными на это высшими судебными органами, то в связи с принципиально иной правовой природой издаваемых данными органами актов официального толкования целесообразнее именовать содержащиеся в них дефиниции не легальными, а *судебными*.

Независимо от вида дефиниций, все они способствуют «совершенствованию праворегулирующего процесса в целом и правовой коммуникации в частности» [4, с. 79-80]. Однако легальные дефиниции наделяют законодательный акт свойством *самообъяснимости*. При этом законодательное определение юридического понятия не может оставаться неизменным, оно подвержено естественным корректировкам, соответствующим различным этапам развития законодательства. Более того, «когда речь идет

о совершенствовании закона, это означает, что модернизации должно подвергаться в первую очередь его дефинитивное содержание» [5, с. 15], поскольку именно легальные дефиниции выступают в качестве метода формирования и обновления правового языка, формы изменения права в целом [5, с. 26, 64]. Таким образом, «стабильность юридической терминологии» и «стабильность содержания юридической терминологии» – неравнозначные понятия.

Так, например, согласно примечания к ст.170 УК РСФСР 1960 года «Злоупотребление властью или служебным положением» должностными лицами признавались «лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию». В настоящее время к должностным лицам относятся только лица, выполняющие вышеперечисленные функции «в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» (примечание 1 к ст.285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»).

Вопрос об общем количестве дефиниций, допустимым в законодательном акте, в настоящее время является дискуссионным. Так, по мнению одних представителей правовой науки они составляют «фундаментальную конструкционную часть всей логико-лексической архитектуры акта» [5, с. 14] и существует прямая зависимость *проблемности дефинитивного регулирования* и коррупционности нормативно-правового акта [5, с. 48; 6, с. 216]. В этой связи, например, в диссертационном исследовании А. А. Нечепуренко отмечается «необходимость комплексного решения проблемы закрепления в уголовном законе дефиниций, касающихся всей системы уголовно-правового принуждения» [7, с. 23]. Известны и, напротив, сторонники ограничения законодательного дефинирования, считающие, что «стремление «задефинировать» любую терминологию ошибочно» [8, с. 265]. Существует и категоричное мнение, согласно которому, «если убрать из системы права все законодательные дефиниции (дефинитивные нормы), то суть и содержание правового регулирования не изменятся» [9, с. 5].

Оценивая соответствующие позиции и решая вопрос о том, какая из них в большей степени заслуживает поддержки, следует помнить, что задача принятия любых юридико-технических решений – не создание затруднений, а, напротив, облегчение деятельности правоприменителя при работе с текстом нормативно-правового акта. В этой связи следует приветствовать наличие дефинитивных законодательных конструкций в нормативном юридическом документе. В то же время резкой критики заслуживает *бессмысленное дефинирование* – введение в законодательный акт определений общеупотребительных слов, не обладающих никакой юридической спецификой и понятий на основании стандартной литературной грамотности. Примером такого дефинирования может служить определение «поддержки терроризма», закрепленное в примечании 2 к ст.205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем». Согласно данному определению поддержка терроризма – это «оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих

осуществлению террористической деятельности». Соответственно поддержка понимается как любая услуга или помощь, что понятно и без обращения к тексту рассматриваемого примечания. В текст законодательного акта должны быть введены только определения *юридических понятий*, обозначенных соответствующим *юридическим термином*, отсутствие которых способно повлечь возникновение сложностей в уяснении значения конкретного правового явления. Иначе, действительно, «чрезмерное увлечение и пресыщение дефинициями законодательного массива может оказаться вредным» [5, с. 16], превратив «систему права в толковый словарь» [9, с. 72].

В тексте кодифицированного уголовного закона легальные дефиниции в настоящее время располагаются как непосредственно в статьях, так и в *дефинитивных примечаниях* к ним [10, с. 297]. Расположение легальных дефиниций в статьях Общей части и в примечаниях к статьям Особенной части приводит к образованию так называемых особых (нетипичных) *дефинитивных норм права* [11, с. 7; 12, с. 101, 137, 142]. Соответствующие нормы в отечественной правовой науке принято признавать *вторичными (техническими)* в связи с тем, что они лишены смысла без *первичных норм – правил поведения*, непосредственно определяющих права и обязанности субъектов [13, с. 24]. Данный теоретический подход находит отражение и в п.2 *Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов*, совместно подготовленных Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ (далее – ГД), Правовым управлением Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Главным государственно-правовым управлением Президента РФ, Правовым управлением Аппарата Правительства РФ и Министерством юстиции РФ, исходя из отечественного и зарубежного опыта законопроектной деятельности последних десятилетий, и утвержденных письмом Аппарата ГД от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490 [14] (далее – *Методические рекомендации 2003 года*), где разделяются два понятия – «самостоятельные нормативные предписания» и «легальные дефиниции». Расположение легальных дефиниций в статьях Особенной части не порождает образования дефинитивных норм права, поскольку, занимая всю диспозицию либо ее часть, дефиниции органически включаются в первичные нормы – правила поведения [15, с. 245]. Однако смешение функций уголовно-правовых предписаний усложняет их коммуникативную эффективность, в связи с чем более **рациональным юридико-техническим правилом (требованием) для Особенной части является помещение легальных дефиниций в дефинитивные примечания.**

Один из важных юридико-технических вопросов, связанных с введением дефиниций в любой нормативно-правовой акт – вопрос об оптимальном определении их местонахождения с точки зрения привязки к юридическим терминам. И здесь в первую очередь необходимо отметить юридико-техническое правило (требование), решающее вопрос о количестве легальных дефиниций одного и того же юридического понятия, обозначенного соответствующим термином, несколько раз упоминающимся в тексте нормативно-правового акта: *«если дано определение какому-либо понятию в одном месте нормативного акта, то отпадает необходимость определять данное понятие при каждом новом его упоминании»* [16, с. 102].

Следующее юридико-техническое правило решает вопрос о том, в привязке к которому из повторяющихся на протяжении текста нормативно-правового акта тождественных юридических терминов должна быть расположена *легальная дефиниция соответствующего юридического понятия: легальная дефиниция должна конструироваться при первом*

употреблении юридического термина. Однако данное правило обусловлено логикой одновременного и последовательного (сообразно нумерации структурных составляющих) прочтения нормативно-правового акта заинтересованным лицом, каковая применима только к *нормативно-правовым актам «малых фрагментарных форм»* [17, с. 226].

Для объемных нормативно-правовых актов, какими являются кодексы, прочтение которых в один прием не только весьма затруднительно, но и нецелесообразно, допустимы исключения из вышеуказанного правила: *для облегчения процедуры нахождения легальной дефиниции в законе большой формы она может быть помещена в месте, обусловленном логическим ходом развития нормативно-правовых предписаний*. Именно поэтому, например, легальная дефиниция жилища (примечание к ст.139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища») и хищения (примечание 1 к ст.158 УК РФ «Кража») помещены в УК РФ при первом употреблении соответствующих юридических терминов. При конструировании же легальной дефиниции наказания законодатель обоснованно избрал ее местом главу 9 УК РФ «Понятие и цели наказания. Виды наказаний», несмотря на то, что сам юридический термин «наказание» использовался законодателем, начиная с главы 1 УК РФ «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации».

Однако в определении законодателем местонахождения дефиниции конкретного юридического понятия в УК РФ встречаются и недостатки. Так, например, примечание 2 к ст.205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» содержит дефиницию «поддержки терроризма», распространяющую свое действие на ст.205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и ли публичное оправдание терроризма», точнее – на примечание к данной статье, в котором впервые в УК РФ употребляется выражение «поддержка терроризма». И возникают серьезные сомнения в том, что помещение законодательного определения при втором употреблении рассматриваемого выражения является более удобным для правоприменителя.

Наличие многочисленных исключений, допущенных законодателем при определении местонахождения ряда легальных дефиниций в УК РФ фактически «размывает» правило помещения легальных дефиниций при первом употреблении юридического термина в уголовном законодательстве, затрудняя поиск необходимой уголовно-правовой информации. В этой связи в российской правовой науке актуализируется вопрос определения оптимального местонахождения легальных дефиниций в нормативно-правовых актах больших форм.

Согласно позиции В. М. Баранова законодательные дефиниции вообще целесообразнее всего размещать в преамбулах, чтобы они предшествовали нормам закона [5, с. 40, 58; 12, с. 101]. Однако в п.2 *Методических рекомендаций 2003 года* содержится настоятельная рекомендация законодателю не включать в преамбулу нормативные предписания вообще и легальные дефиниции, в частности. Аналогичным образом вопрос о местонахождении легальных дефиниций решен и в п.3.20 *Рекомендаций по подготовке и оформлению федеральных законов*, изданных в 2000 году коллективом ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [18, с. 564-583]. Кроме того, перевод легальных дефиниций в преамбулу, если таковой осуществить, не просто понизит их статус, но и вызовет деструктуризацию кодифицированного закона, для Уголовного кодекса в первую очередь – его Общей части. Подобная деструктуризация – оригинальный, но не оправданный потребностями

правоприменительной практики шаг, в то время как задача любых перспективных структурных новаций – оптимизация правоприменительных процессов.

В российской правовой науке существует и такое инновационное предложение – конструировать в нормативно-правовых актах *постранично-ссылочную систему легальных дефиниций*, т.е. помещать их не в самом тексте закона, а за его пределами с помощью ссылки. Однако подобное нестандартное перераспределение текста способно привести к недопониманию юридической силы правовых предписаний, содержащихся в ссылках. Кроме того, по собственному признанию автора рассматриваемого предложения среди опрошенных практиков работников в поддержку данного инновационного решения высказываются не более 2% опрошенных [19, с. 353].

Ряд представителей общей теории права отстаивает позицию о целесообразности расположения легальных дефиниций *в первой главе нормативно-правового акта* [3, с. 121, 174]. Более того, наличие специальной рубрики, посвященной определению используемых понятий, раскрытию вводимых в законодательство терминов рассматривается ими как норма законотворческой техники. Данная позиция – заимствование юридико-технического приема определения местоположения дефиниций, принятого в странах общего права, прошедшая апробацию в уголовном законодательстве ряда стран – представителей романо-германской системы права, в т.ч. стран - членов СНГ (например, ст.4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» главы 1 «Общие положения» раздела I «Уголовный закон» УК Республики Беларусь).

По мнению М. С. Жука, отстаивающего целесообразность выбора в качестве рубрики-гlossария статьи, целесообразно расположить ее в Общей части, в частности, обращаясь к действующему УК РФ – «после декларации принципов, но перед описанием пределов действия Уголовного кодекса РФ» [20, с. 53], то есть в гл.1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации» (изменив ее наименование) раздела I «Уголовный закон». Действительно, данная статья («Вводные замечания», «Вводные понятия», «Понятийный аппарат» или «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе») [21, с. 138; 22, с. 128; 23, с. 65; 24, т. 2, с. 299] могла бы вмещать в себя легальные дефиниции юридических понятий «сквозного» содержания, использующихся законодателем в Особенной части. Легальные дефиниции, представленные в Общей части кодифицированного уголовного закона, вопреки позиции М.С. Жука [20, с. 53], не следует перемещать в данную вновь образованную рубрику, поскольку они располагаются в рамках законодательной характеристики соответствующих уголовно-правовых институтов.

Естественный вопрос, возникающий при концентрированном изложении легальных дефиниций – вопрос их последовательности. Существует два способа разрешения такового: алфавитный порядок юридических терминов или их группировка сообразно правовым институтам.

В свое время Ф. Бэкон утверждал, что никогда не следует располагать термины в алфавитном порядке, а «лучше всего распределить весь материал так, чтобы термины, относящиеся к одному предмету, были помещены рядом, взаимно помогая пониманию каждого из них». Обращаясь к опыту белорусского законодателя следует заметить, что именно такой подход использован в ст.4 УКРБ «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса». Так, ч.ч.7-9 ст.4 УК РБ последовательно дают определения юридических понятий, характеризующих возрастную специфику потерпевшего - «малолетний», «несовершеннолетний», «престарелый», а ч.ч.10-

11 ст.4 УК РФ – определения юридических понятий, характеризующих специфику мотивации виновного – «корыстные побуждения», «хулиганские побуждения». Однако подобный порядок изложения легальных дефиниций представляется недостаточно удобным в связи с необходимостью прочитывания всего столбца юридических терминов в поисках требуемого. При большом количестве задефинированных юридических терминов для этого требуется значительное время. Поэтому только *алфавитная последовательность – гарант быстрого нахождения интересующей адресата уголовно-правовой информации.*

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Целевой конкурс по поддержке молодых ученых» (231-95-1539)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова С. С. Конструирование легальных дефиниций в современном уголовном законодательстве// Теория и практика науки третьего тысячелетия: Матер. Межд.научно-практ.конф., г. Уфа, 7 марта 2014 г./ Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Изд-во РИЦ БашГУ, 2014. С.10-14
2. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. 381 с.
3. Кашанина Т. В. Юридическая техника: Учебник. М.: Эксмо, 2007. 437с.
4. Романова Е. А. К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. №2 (35). С.79-80
5. Баранов В. М., Матюшкин Г. О., Пацуркивский П. С. Многополярность и полифункциональность законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Матер. Межд. «круглого стола», г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г. Н. Новгород: Изд-во НИИПЦ «Юридическая техника», 2007. С.14, 15, 16, 26, 40, 48, 58, 64
6. Тихомиров Ю. А. Обеспечение законности // Власть, закон, бизнес. 2005. №168. С.216
7. Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве: Автореф. дис... д-ра юр. наук: 12.00.08. Омск, 2009. С.23
8. Власенко Н. А. Рецензия на книгу «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы» // Юридическая техника. 2007. №1. С.265
9. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
10. Тихонова С. С. Примечания в Уголовном кодексе Российской Федерации: разновидности, назначение и юридико-техническое оформление// Закон и правоприменительная практика: Матер. II Межд. научно-практ. конф., г. Н. Новгород, 30 июня 2013 г. Н. Новгород: Цезиус, 2013. С.297
11. Хайретдинова, М. Д. Законодательная дефиниция

(проблемы теории и практики): Автореф. дис... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2008. С.7

12. Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.

13. Поляков А. В. К понятию юридической техники // Юридическая техника: вопросы теории и истории/ Отв. ред. Д. И. Луковская. СПб., 2005. С.24

14. Комментарий к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2005

15. Тихонова С. С. Инновационный общетеоретический лекционный курс «Юридическая техника»: взгляд отраслевика. Рецензия на курс лекций «Юридическая техника» под редакцией В.М.Баранова и В.А.Толстика (М., 2013. 384 с.)// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №23. С.245

16. Усков О. Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. Белгород, 2007. 147 с.

17. Ушаков А. А. Законодательная техника // Ученые записки Пермского университета. 1970. №238. С.226

18. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практ.пособие/ Отв.ред. А.С.Пиголкин. М., 2000. С.564-583

19. Туранин В. Ю. Проблема выбора оптимального способа закрепления дефиниции в законодательном тексте // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб.статей/ Отв.ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.1. С.353

20. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: Автореф. дис... д-ра юр. наук: 12.00.08. Краснодар, 2013. С.53

21. Иванова В. В. Адаптационная емкость уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за насилие и соучастие в преступлении// Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Изд-во РКА, 2002. С.138

22. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.

23. Лопашенко Н. А. Парадоксы и проблемы законодательной регламентации принципов уголовного права и пути их преодоления // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч.1: Матер. научно-практ.конф., г. Саратов, 28-29 марта 2005 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. С.65

24. Панько К. К. Техничко-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб.статей/ Отв.ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.2. С.299

QUESTIONS OPTIMIZE THE LOCATIONS IN CODIFIED LEGAL DEFINITION OF THE CRIMINAL LAW

© 2014

S.S. Tikhonova, Cand. Sc. (Law), Associate professor, Deputy Dean for Research, Associate professor of Department of Criminal Law and Criminal Procedure

T.A. Bachurina, Postgraduate student of Department of Criminal Law and Criminal Procedure
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod (Russia)

Annotation: In this article the appointment of legal definitions, are considered legal and technical requirements for the determination of the number and an assessment of promising options to change the approach to the determination of their location in the codified criminal law.

Keywords: glossary definition, regulatory prescription, note, criminal law, a legal term, a legal concept.

СУБЪЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ
1649 ГОДА

© 2014

А.Н. Федорова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье исследуется вопрос о субъектах юридической ответственности по Соборному Уложению 1649 года. Автором проводится разграничение понятия «субъект юридической ответственности» с понятием «субъект правонарушения».

Ключевые слова: Соборное Уложение 1649 года, субъект правонарушения, субъект юридической ответственности, правосубъектность.

По мнению юристов эпохи позднего феодализма, для существования правонарушения необходимы три элемента состава преступления: 1) субъект правонарушения, то есть лицо, его совершившее; 2) объект правонарушения, то есть то, на что посягает нарушитель; 3) преступное действие, которое понимается со стороны внешней и внутренней, что в настоящее время определяется как объективная и субъективная сторона правонарушения.

Эти необходимые элементы для состава правонарушения изменялись в зависимости от общественно-экономического и политического развития феодального государства и от основных направлений классовой борьбы [1, с. 481]. Изменялось представление о субъекте правонарушений, т.е. лице, которое признается ответственным за совершенное противоправное деяние.

В настоящее время субъектом правонарушения признается физическое или юридическое лицо. Однако претерпевать меры юридической ответственности физическое лицо может только в случае достижения определенного возраста и наличия вменяемости.

Субъектом правонарушения в XVII веке мог быть только человек. По Соборному Уложению 1649 года субъектами преступления являлись собственно граждане и иностранцы. Так, в статье 1 главы X Уложения упоминается: «...приезжих иноземцов, и всяких прибылых людей, которые в Московском государстве будут, тем же судом судити и росправа делати по Государеву указу...». К ответственности могли быть привлечены люди всех сословий, уголовная ответственность распространялась и на холопов. За непредставление холопов на суд их владелец карался отнятием поместья.

Рассматривая определение понятия субъекта юридической ответственности необходимо рассмотреть его соотношение с понятием «субъект правонарушения». По общему правилу юридическая ответственность возлагается только на тех субъектов, которые сами совершили правонарушение. Однако, в отдельных случаях, с учетом особенностей методов регулирования в отдельных отраслях права, может быть предусмотрена обязанность возмещения вреда третьим лицом, не являющимся причинителем вреда.

Итак, понятие «субъект правонарушения» не следует отождествлять с понятием «субъект юридической ответственности». Понятие субъекта юридической ответственности как конкретного, реального и фактического носителя конкретных юридических обязанностей и субъективных прав участника материального охранительного правоотношения ответственности также нельзя отождествлять с понятием субъекта сопровождающих реализацию юридической ответственности процессуальных правоотношений.

Для рассмотрения понятия субъекта юридической ответственности необходимо обратиться к выработанным общей теорией права важнейшим характеристикам субъекта права. Субъектом права может быть человек, обладающий относительно свободной волей, то есть способностью осознавать свои действия и руководить

ими, что находит юридическое выражение и закрепление в наделении его со стороны государства специальным юридическим качеством – правосубъектностью [2, с. 8, 32].

С.Н. Братусь характеризовал понятие правосубъектности как признанную способность лица иметь права и нести обязанности [3, с. 12]. Правосубъектность, по мнению Р.О. Халфиной, это возможность выступать в качестве субъекта прав и обязанностей в различных областях общественных отношений [4, с. 123-127]. В современной исследовательской литературе правосубъектность определяется как формально-юридическое свойство субъекта права [5, с. 4].

Содержание правосубъектности раскрывается через такие понятия, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. В период Соборного Уложения 1649 года не только холоп, но и крестьянин уже рассматриваются как вещь. В подтверждение этого служит статья 34 главы XI Соборного Уложения 1649 года, в соответствии с которой спор о принадлежности крестьянина тому или иному владельцу решается путем жребия: «... и им по суду и по сыску в тех их беглых людех и во крестьянех дати жеребей...» [6, с. 157]. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает, что уголовная ответственность распространяется на всех, в том числе и на холопов; господин отвечает за непредоставление к суду своих холопов и крестьян-преступников даже в том случае, если наложит на них наказание сам [7, с. 396].

Однако, встречаются элементы правоспособности в статусе несвободных лиц, о чем свидетельствует статья 80 главы XX Соборного Уложения 1649 года, в которой предусмотрено право рабы подавать жалобу на своего господина: «...и в том на него та раба учнет государю бити челом...».

Комментаторами Соборного Уложения отмечается, что экономической основой большего бесправия холопов, чем крестьян, служило как раз отсутствие собственности у холопов, по крайней мере, в юридическом смысле. Однако это не означало, что у холопов не было имущества. У тех, кто составлял холопскую свиту, имущество могло быть значительным, но это было скорее владение, а не собственность [8, с. 399].

В исследовательской литературе делаются попытки приравнять правосубъектность крестьянина и феодала [9, с. 99], в связи с тем, что в качестве свидетелей могли выступать крестьяне-старожилцы: «А будет на которых спорных землях будут старожилцы с обе стороны...» [6, с. 142].

Для характеристики субъекта юридической ответственности наибольшее значение имеют понятия дееспособности и деликтоспособности. Дееспособность представляет собой признанную государством способность лица самостоятельно приобретать, осуществлять, изменять и прекращать юридические права и обязанности. Орлова О.Б. подчеркивает, что «дееспособность зависит от определенных индивидуальных качеств человека – возраста и состояния

душевного здоровья, ибо эти факторы характеризуют определенный уровень интеллекта, воли, жизненного опыта» [10, с. 3].

Дееспособность физических лиц неразрывно связана с достижением определенного возраста. Возрастной ценз правонарушителя, как и в более ранних памятниках права, не упоминался Соборным Уложением 1649 года, но впервые памятником права происходило установление возраста, достижение которого было необходимо для несения военной службы, равнявшегося восемнадцати годам.

В Новоуказных статьях есть ссылка на постановление Кормчей, по которому от уголовной ответственности освобождаются отроки до 7 лет и «бесные», то есть сумасшедшие. Как подчеркивает М.Ф. Владимирский-Буданов, практика осознавала важность этого условия вменения, но допускала смягчение наказания для данной категории лиц. Несовершеннолетние, свыше 7 лет, подлежали уголовному преследованию, но за преступления, подлежащие смертной казни, подвергались другим, смягченным наказаниям [7, с. 396].

Статья 185 главы X Соборного Уложения 1649 года указывала на возможность «недорослей» выставить родственников в качестве представителей в процесс. Прямое указание на возраст указанной группы лиц в нормах Соборного Уложения отсутствует. Вероятно, указанные лица еще не достигли возраста, с наступлением которого могли самостоятельно выступать в процессе в качестве ответчика, а именно возраста совершеннолетия. Указанные лица определены в исследовательской литературе в качестве недееспособных [8, с. 311]. В силу этого они не могли самостоятельно осуществлять защиту своих прав при привлечении их в качестве ответчиков по делу и «им отвечать за себя не уметь».

Итак, нормы Соборного Уложения 1649 года не содержат упоминания о недееспособности. Анализ актов XVII века позволил установить знание памятниками права второго необходимого качества лица, необходимого для признания его в качестве субъекта юридической ответственности – состояние душевного здоровья. Так, при выполнении отписки А. Еропкиным о способе убийства дворового человека Ивашки, упоминается, что исполнитель находился «не о своем уме» [11, с. 545]. Также встречаются указание на то, что правонарушитель находился «вне ума», «во отступлении ума» [12], «с ума сбродным, и про то весь город знает» [13, с. 169]. А.Ф. Кистяковский подчеркивает, что невменяемость служит оплотом невинности человека, и «собственно говоря история большею частью записала этот факт безразличия народов при употреблении смертной казни уже тогда, когда обычаи кровавой мести начали разлагаться и уступать место системе государством определяемых наказаний, когда то есть начинают ясно обрисовываться ныне господствующие понятия о вменении. Но и уцелевшие обломки обычаев первобытного периода среди законов новой формации блистательным образом доказывают это положение» [14, с. 78]. Психическое расстройство не было основанием, освобождающим лицо от уголовной ответственности в XVII веке, и нарушители наказывались наравне с остальными людьми.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в Соборном Уложении 1649 года условия вменения не были в достаточной степени разработаны.

Являясь одним из составных элементов правосубъектности, деликтоспособность выступает показателем того, насколько субъект правоотношения потенциально способен нести юридическую ответственность за своё поведение и поведение других лиц, а также в каких объёмах она может быть реализована [15, с. 3]. Представляя собой структурный элемент правосубъектности, деликтоспособность также носит отраслевой характер. Это означает, что соответствующая

отрасль права предопределяет, какими признаками должен обладать субъект права для возможного привлечения его к юридической ответственности за совершенное противоправное деяние [2, с. 8, 33].

Субъектом юридической ответственности в период Соборного Уложения 1649 года стал признаваться даже раб, совершивший преступление по поручению своего господина. О деликтоспособности крестьян, в случае совершения наиболее тяжких преступлений, свидетельствует то, что в случае совершения крестьянами «татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств» они сами подлежали ответственности, а не их хозяин.

Достаточно широко нормами Соборного Уложения 1649 года регламентировалось соучастие в преступлении: «А которые розбойники будут изыманы на розбоех, или на станех и в роспросе и с пыток учнут говорить сами на себя и на товарищев своих во многих розбоех, и в смертном убийстве и во дворовом пожеге, и за то их воровство доведется их казнить смертью...» [6, с. 233]. Все соучастники преступления наказывались одинаково, то есть Соборное Уложение 1649 года не различало роли соучастников при назначении наказания, и, соответственно, меры ответственности в зависимости от выполняемой роли.

Вместе с тем, некоторые статьи предусматривали и различные меры ответственности для соучастников: «А будет кто приедет к кому нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит ... смертное убийство... и того, кто такое смертное убийство учинит, самого казнити смертью же, а товарищев его всех бити кнутом и сослати, куды государь укажет» [6, с. 134]. Так, лицо совершившее убийство подвергается смертной казни, соучастники – уголовному наказанию в виде битья кнутом и ссылки.

Нормами Соборного Уложения 1649 года соучастники подразделялись на главных и второстепенных. Соучастие могло быть как физическим, что выражалось в содействии, практической помощи, совершении тех же действий, что совершал главный субъект преступления, так и интеллектуальным, например, подстрекательство к убийству. М.Ф. Владимирским-Будановым отмечал, что физические виновники, то есть исполнители не освобождались от наказания, если действовали по воле интеллектуального виновника, то есть по приказу господина. Однако наказание для них в этом случае смягчалось, и они наказывались битьем кнутом, а за преступления, совершенные по собственному умыслу – смертной казнью. Во всех остальных случаях исполнитель наказывается или в равной степени с интеллектуальным виновником или в высшей степени [7, с. 398].

Формами соучастия по Соборному Уложению являлось соисполнительство, подстрекательство, пособничество, укрывательство. Закон устанавливает, как правило, одинаковое наказание для всех участников совершения преступления, не требуя определения степени участия и вины каждого из них. Подстрекательство являлось новой формой соучастия, в отличие от соисполнительства, и выражалось в формуле «по научению». Так, в одной из статей предусмотрено: «...да будет същется про то допрамя, что того, кому дана опасная грамота, убил тот сам, на кого дана опасная грамота, или по его научению кто иной то смертное убийство учинит...» [6, с. 120].

От второстепенных субъектов преступления – соучастников закон отличал лиц, только причастных к совершению преступления: пособников, создававших условия для совершения преступления [7, с. 399]; попустителей, обязанных предотвратить преступление и не сделавших этого; недоносителей, не сообщивших о подготовке и совершении преступления; укрывателей, скрывающих преступника и следы преступления.

Особое значение недоносительства

имел в отношении политических преступлений, поскольку именно в этих случаях наказание виновных в недоносительстве приравнивалось к преступлению, и применялось в отношении близких родственников. М.Ф. Владимирским-Будановым отмечалось, что закон прямо шел вразрез с психологическими началами уголовного права, но объяснялся полицейскими целями, поскольку замыслы преступника лучше известны его семье и родне [7, с. 399].

За совершение недоносительства, попустительства и укрывательства разбойников нормами Соборного Уложения 1649 года устанавливается уголовная и гражданско-правовая ответственность виновных лиц. Укрывательство оговоренных людей и помощь им в побеге предполагала уплату штрафа в пользу государя в размере 50 рублей, а также обязанность в их отыскании и представлении властям: «А которые люди оговоренных людей от язычной молки ухоронят, или из-за себя вышлют вон, и на тех людех имати выти же, да на государя пени по пятидесяти рублей, и дати их на поруки, что им сыскав оговоренных людей поставити» [6, с. 243].

Таким образом, юридическая ответственность по Соборному Уложению возлагается на тех субъектов, которые сами совершили правонарушение. По Соборному Уложению понятия «субъект юридической ответственности» и «субъект правонарушения» не являются тождественными.

Субъектом правонарушения в XVII веке мог быть только человек. По Соборному Уложению 1649 года субъектами преступления являлись собственно граждане и иностранцы. К ответственности могли быть привлечены люди всех сословий и уголовная ответственность распространялась на холопов.

Исследование понятия субъекта юридической ответственности возможно через разработанные теорией права важнейшие характеристики субъекта права. Субъектом права может быть человек, обладающий правосубъектностью. По Соборному Уложению 1649 года устанавливались отдельные элементы правоспособности в статусе несвободных лиц.

Условия вменения в Соборном Уложении 1649 года не были в достаточной степени разработаны. Возраст привлечения лица к уголовной ответственности не

устанавливался, не содержалось в памятнике права упоминания о недееспособности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. - М., 1949. 544 с.
2. Кожевников А.И. Субъекты юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: - М., 2004. 172 с.
3. Братусь С.Н. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. - М., 1984. 288 с.
4. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М., 1974. 351 с.
5. Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность и реализация права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2011. 24 с.
6. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. Акты Земских Соборов. - М., 1985. 512 с.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - М., 2005. 640 с.
8. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. Акты Земских Соборов. - М., 1985. 512 с.
9. Маньков А.Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. - Л., 1980. 271 с.
10. Орлова О.Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. 26 с.
11. Отписка из Алатыря А.Еропкина об убийстве алатырцем А.Першиным дворового человека//Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. - 1901. - Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. 674 с.
12. Новомбергский М.Я. Слово и дело государевы. - М., 2004. - Т.2. 568 с.
13. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. - М., 1912. 342с.
14. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. - Тула, 2000. 188 с.
15. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2010. 24 с.

SUBJECTS OF LEGAL LIABILITY SOFTWARE COUNCIL CODE OF 1649

© 2014

A.N. Fedorova, candidate of law, associate professor, associate professor of civil law and procedure
Togliatti state university, Togliatti (Russia)

Annotation: In this article the appointment of legal definitions, are considered legal and technical requirements for the determination of the number and an assessment of promising options to change the approach to the determination of their location in the codified criminal law.

Keywords: Conciliar the Code in 1649, the subject of the offense, the subject of legal liability, legal personality.

УДК 34.01

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2014

А.А. Фомин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Конституционное право»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург (Россия)
А.С. Фомина, аспирант
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Аннотация: При разработке вопросов государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности невозможно обойти вниманием вопрос о месте и роли в ней такого понятия как «ответственность». Юридическая ответственность является одной из наиболее важных гарантий обеспечения личной безопасности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, личная безопасность, государственно-правовой механизм.

При разработке государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности невозможно обойти вниманием вопрос о месте и роли в ней такого понятия, как «ответственность». Рассматривая ответственность с

точки зрения социального управления, целесообразно отметить, что это объективно необходимый социальный институт, присущий любой системе и обеспечивающий поддержание соответствующего уровня дисциплины в

ней и ее структурных звеньях [1, с. 101]. Юридическая ответственность является одной из наиболее важных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина. С ее помощью решаются задачи обеспечения социальной стабильности, охраны общества от преступных посягательств и других правонарушений, защиты прав и свобод граждан, развития и упрочнения демократии.

Личная безопасность предполагает наличие ответственности государства и человека в сфере обеспечения безопасных условий жизнедеятельности во всех социальных сферах правоотношений. Категория «личная безопасность» позволяет учитывать процесс ответственного взаимодействия человека, общества с государством, с его различными институтами и иными субъектами при разрешении вопросов обеспечения безопасности и непосредственно личной безопасности с целью достижения оптимального баланса интересов личности, общества, государства при обеспечении безопасности в целом. Поэтому личная безопасность находится не только в зависимости от волеизъявления самого человека, но и в зависимости от эффективности правотворческой, правоисполнительной, правоохранительной деятельности государства, а также от создания государством таких условий, при которых человек сможет наиболее полно реализовывать свои права и свободы и иметь потенциал дальнейшего развития своих способностей в обществе.

Личная безопасность обладает признаком обеспеченности государственным принуждением. Государство, обладающее монополией на осуществление принуждения, представляет собой необходимый внешний и внутренний фактор существования и функционирования права, в том числе и осуществления права личной безопасности, в процессе осуществления которого государственное принуждение реализуется в двух направлениях. Во-первых, оно обеспечивает защиту субъективного права личной безопасности и преследует цель принудить правонарушителя к исполнению обязанности в интересах пострадавшей стороны. Во-вторых, в определенных законом случаях виновный привлекается к юридической ответственности и подвергается наказанию (например, лишение свободы, конфискация имущества и т.п.).

Особый интерес, на наш взгляд, вызывают исторические традиции формирования норм, предусматривающих ответственность за посягательства на блага, составляющие институт личной безопасности. К ним относятся жизнь, здоровье, свобода человека от каких-либо посягательств. И уже в памятниках древнерусского права, важнейшим из которых является Русская Правда, предусматривалась ответственность за отдельные виды посягательств на жизнь человека. Так, душегубство согласно Русской правде влекло наказание в виде денежной виры. В так называемой Новгородской Скре, содержащей в себе отечественные законы, по которым немцы судились между собою в Новгороде, убийство каралось смертной казнью через отсечение головы.

В современном понимании первым крупным нормативно-правовым актом, предусматривающим ответственность за причинение вреда объектам личной безопасности, а именно жизни, здоровью, свободе, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845-1885 гг. В частности, Уложение о наказаниях различало убийство с прямым и непрямым умыслом, разделяло первое на убийство с обдуманном заранее намерением и без обдуманного заранее намерения и т.д., а также содержало квалифицированные виды преступлений против объектов личной безопасности. При этом следует отметить, что многие нормы Уложения о наказаниях были казуистичны и архаичны, поскольку система составов преступлений против жизни и здоровья выглядела довольно противоречивой и была очень

запутанной [2, с. 180]. Это явилось следствием того, что источниками Уложения о наказаниях выступали не только традиционное российское законодательство в лице Свода законов 1832-1842 гг. (том XV), но и некритически заимствованные положения зарубежных правовых норм.

Следующим значимым актом, содержащим нормы о юридической ответственности за посягательства на личную безопасность граждан, явилось Уголовное уложение 1903г. Составы преступлений против жизни как преступления против личности были помещены в гл. XXII Уложения. При этом нормы за совершение самоубийства были исключены, наказуемыми стали лишь посягательства на жизнь другого лица. Несмотря на то, что Уголовное уложение не содержало в нормах дифференциации убийств по моменту формирования умысла [3, с. 25], тем не менее, дифференциация ответственности за различные виды убийств в Уголовном уложении 1903г. стала более последовательной и зависела от наличия квалифицирующих признаков. Система составов преступлений против жизни стала более четкой, поскольку на первом месте находился основной состав убийства, а не наиболее тяжкий вид убийства, как было раньше, далее шли нормы о квалифицированном убийстве, затем о его привилегированных видах и, наконец, о причинении смерти по неосторожности. Интересен тот факт, что, к сожалению, эта система не была воспринята уголовными кодексами советского периода. Лишь в Уголовном кодексе 1996 г. нормы об убийствах следуют такой же системе.

По Уголовному уложению 1903г. преступления, непосредственно причиняющие вред здоровью, находились в гл. XXIII «О телесном повреждении и насилии над личностью», состоящей из 14 статей. Уложение в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства придерживалось определенных критериев при конструировании системы преступлений против здоровья человека. Так, устанавливая ответственность за телесные повреждения, Уложение не раскрывало понятия телесного повреждения, но делило его на виды в зависимости от степени тяжести самого деяния, а именно: на опасное для жизни, не опасное для жизни, легкое телесное повреждение. Ответственность за причинение телесных повреждений также дифференцировалась в зависимости от вины и иных обстоятельств, влияющих как на смягчение, так и на усиление ответственности за них [4, с. 92].

Первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922г. предусматривал суровые санкции за совершение деяний против объектов юридико-правовой категории «личная безопасность», а именно против жизни, здоровья, свободы человека. Он содержал нормы, существенно отличающиеся от Уголовного уложения 1903г. Так, например, в гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» все преступления были разделены на пять групп, каждая из которых имела соответствующий подзаголовок. В первую группу, озаглавленную «Убийство», входили составы статей, предусматривавшие ответственность за три вида умышленного убийства, а именно:

1. квалифицированное убийство;
2. убийство под влиянием сильного душевного волнения;
3. убийство по неосторожности.

Уголовный кодекс 1922г. принял трехчленное деление телесных повреждений: тяжкие, менее тяжкие и легкие. Это позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация преступлений против здоровья по данному признаку отличалась наиболее глубокой и всесторонней ее разработкой, конкретностью и доступностью понимания и давала возможность более точно определить степень вреда, причиненного здоровью пострадавшего, и, как следствие, более правильно дифференцировать ответственность виновных лиц.

Уголовное законодательство РСФСР 1960г. представляло собой еще более совершенную регламентацию системы преступлений против здоровья, жизни и свободы. На первом месте находилась норма об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах, затем – об убийстве без отягчающих обстоятельств, далее – две нормы о привилегированном убийстве: в состоянии сильного душевного волнения и при превышении пределов необходимой обороны. Завершала группу преступлений против жизни статья, предусматривающая ответственность за доведение до самоубийства. В Уголовном кодексе 1960г. не была сохранена норма об уголовной ответственности за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Однако это не привело к полной декриминализации данного деяния.

Действующий Уголовный кодекс РФ 1996г. в полном объеме на уровне общепризнанных международных стандартов содержит нормы, предусматривающие ответственность за преступления против жизни, здоровья, нравственности, конституционных прав и свобод как составных элементов безопасности личности.

Рассматривая содержание субъективного права на личную безопасность, следует отметить, что личная безопасность тесно связана с таким положением человека в обществе и государстве, в котором он свободно и в мирной обстановке реализует свои обязанности и права. Имея в виду этот аспект, еще В. Гумбольд справедливо писал, что «безопасность заключается в свободном и уверенном пользовании каждым своими правами» [5, с. 88]. Особое значение имеют те обязанности и права, на базе которых формируется категория личной безопасности. В первую очередь – это конституционная обязанность (ст. 15 Конституции РФ) соблюдать законы, ориентирующая каждого гражданина на правомерное поведение, которое создает для него «материальное спокойствие» и, таким образом, снимает проблему угрозы привлечения к какому-либо виду юридической ответственности. Само же правомерное поведение представляет собой поведение, соответствующее установленным в обществе предписаниям юридических норм.

При этом отметим, что имеется в виду обычное правомерное поведение, которое наблюдается в повседневной служебной и бытовой жизни. Подобное поведение, во-первых, способствует нейтрализации конфликта столкновения с государством, т.е. устранению угрозы привлечения к административной или уголовной ответственности, которая могла бы наступить в случае совершения гражданином правонарушения (преступления) [6, с. 76]. Во-вторых, правомерное поведение не провоцирует каких-либо конфликтов с другими лицами, склонными по образу жизни к совершению каких-либо негативных поступков. Естественно, что такой конфликт (например, драка, разбой и т.п.) может угрожать безопасности самого гражданина, его здоровью, жизни или имуществу. Обязанность соблюдать законы – самая главная обязанность, лежащая на гражданах. Именно об этом говорится в ч. 2 ст. 15 Конституции России. По сути, она распространяется и на лиц, не являющихся гражданами РФ, поскольку нельзя допустить, чтобы кто-то из проживающих в стране лиц имел привилегию не соблюдать действующие в этой стране законы. Соблюдение Конституции и законов – всеобщее правило, не предполагающее исключений из правил.

В рамках исследования вопроса о юридической ответственности как элементе государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности необходимо четко отграничивать понятие «защита права» от понятия «охрана права». Охрана права представляет собой создание государством условий, представление

гарантий безопасности и неприкосновенности права в момент, когда непосредственной опасности еще нет. Последняя, в свою очередь, является реакцией государства на состоявшееся нарушение субъективного права и выражается в привлечении нарушителя к юридической ответственности.

Актуальным является вопрос об ответственности за достижение позитивных результатов в ходе государственной и муниципальной деятельности по обеспечению личной безопасности граждан, о механизме согласования обязательств, принимаемых на себя органами власти всех уровней, и организации контроля за их исполнением в данной сфере [7, с. 12]. Решение этих и иных насущных задач в сфере личной безопасности невозможно без развитого института ответственности органов власти всех уровней перед государством, а государства – перед личностью.

Полагаем необходимым назвать в числе важнейших элементов государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности институт взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению личной безопасности, поскольку отношения между государством как носителем политической власти и гражданином как участником ее формирования и осуществления должны строиться на началах равенства и справедливости. Определяя в законах меру свободы личности, государство в этих пределах ограничивает себя в собственных решениях и действиях. Оно берет на себя обязательство обеспечивать справедливость в отношениях с каждым гражданином, создавать безопасные условия его существования. Подчиняясь праву, государственные органы не могут нарушать его предписания и несут ответственность за нарушения или невыполнение этих обязанностей. Обязательность закона для государственной власти обеспечивается системой гарантий, которые исключают административный произвол. К ним относятся: ответственность депутатов перед избирателями (т.е. отзыв депутата); ответственность правительства перед представительными органами; дисциплинарная, гражданско-правовая или уголовная ответственность должностных лиц государства любого уровня за невыполнение своих обязанностей перед конкретными субъектами права.

В контексте вышесказанного приоритетное значение, на наш взгляд, в механизме обеспечения личной безопасности принадлежит институту юридической ответственности за принятие неэффективного, некачественного, социально неадекватного законодательства. Проблема определения ответственности за некачественную и можно сказать недобросовестную деятельность по созданию законодательства заключается в том, что основанием ответственности выступают нормы права, определяющие правовые обязанности и санкции за их нарушение, а фактическим основанием ответственности является правонарушение. Интересно заметить, что санкций за нарушение правил юридической техники не предусмотрено одной отраслью права. Соответственно, как конкретный субъект законодательства может быть привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное в связи с исполнением им обязанностей, а не за само создание закона? В связи с этим необходимо прописать ответственность субъекта законодательства в каком-либо законе или же отрасли права.

Особого внимания в исследовании правотворчества как составной части обеспечения личной безопасности заслуживает институт «конституционной ответственности», представляющий собой один из видов юридической ответственности и применяемый к органам государственной власти, должностным лицам за ненадлежащее исполнение ими своих властных полномочий. На наш взгляд, введение конституционной ответственности могло бы стать политической

основой российского государства, направленной на формирование механизмов защиты прав и свобод граждан, в том числе и в сфере правотворчества и обеспечения личной безопасности.

Результативность всех процессов обеспечения личной безопасности требует создания такого механизма, с помощью которого можно было бы сформировать критерии личной безопасности через качественные и количественные параметры, выстроить целостную систему органов государственной власти, ответственных за обеспечение личной безопасности, а также гарантирующего полноценное и активное участие человека и гражданина в обеспечении собственной безопасности.

Основные направления деятельности механизма обеспечения личной безопасности заключаются в создании и закреплении системы приоритетов жизненно важных интересов личности (общества и государства), формировании и систематизации угроз данным интересам, формировании стандартов безопасности, конкретизации мер ответственности как самих граждан, так и государственных органов, ненадлежащим образом исполнивших свои функциональные обязанности по обеспечению права личности на безопасность [8, с. 13]. Юридическая ответственность является не только атрибутом личной безопасности, но и важнейшей гарантией последней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыкунов В.И. К вопросу об ответственности в сфере безопасности // Безопасность: Информационный сборник. 1996. № 1-2. С. 98-105.
2. Глушкова С.И. Права человека в России: теория, история, практика. М.: Изд-во «Права человека», 2003. 480 с.
3. Антонов А.Б., Балашов В.Г. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства. М.: Изд-во «Отечество», 1996. 354 с.
4. Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 1999. 602 с.
5. Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Серия «Философия свободы». Выпуск 1. / Пер. с нем. Челябинск: Социум, 2003. 200 с.
6. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 196 с.
7. Плесовских В.Д. Порядок управления в Российской Федерации (теоретические и правовые проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 2001. 42 с.
8. Памфилова Э.А. Условия успешной правозащитной деятельности государственных органов // Права человека в России и правозащитная деятельность государства / Под ред. В.Н. Лопатина. СПб.: Юрид. центр Пресс, С. 13-18.

LEGAL RESPONSIBILITY AS ELEMENT OF THE STATE LEGAL MECHANISM OF ENSURING PERSONAL SECURITY

© 2014

A.A. Fomin, doctor of jurisprudence, associate professor, professor of chair of «Constitutional law»

St. Petersburg state economic university, St. Petersburg (Russia)

A.S. Fomina, postgraduate student

Penza state university, Penza (Russia)

Annotation: When developing questions of a state legal mechanism of ensuring personal security it is impossible to ignore a question of a place and a role in it such concept as «responsibility». Legal responsibility is one of the most important guarantees of ensuring personal security.

Keywords: legal responsibility, personal security, state legal mechanism.

УДК 343.375

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ

© 2014

V.V. Хилота, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Гродненский государственный университет им. Я.Купалы, Гродно (Республика Беларусь)

Аннотация: В статье рассматривается такой предмет хищения как информация. Рассматриваются различные подходы к оценке ситуаций, связанных с противоправным завладением информацией в корыстных целях. Автором обосновывается тезис о материальности предмета хищения и необходимости конструирования новых составов преступлений в имущественной сфере.

Ключевые слова: хищение, информация, предмет преступления, имущественные преступления, собственность.

Одним из следствий технического прогресса является активное внедрение информации в экономический оборот: это приводит к образованию специфического информационного рынка, становлению информационного общества. Сегодня невозможно представить успешную экономику без развитой системы информационных сетей, их активного использования производителями и потребителями. Информация и информатизация на деле доказали свои возможности в сферах расширения производства и обеспечения иных социальных задач [1, с. 80].

В тоже время сейчас очень важно найти адекватные правовые механизмы, которые бы обеспечили правовое регулирование новых, информационных общественных отношений. Это позволит экономически эффективно использовать данную отрасль производства в деятельности человека, и системно противостоять

различным правонарушениям и преступлениям в этой сфере. Сегодня уже не редки стали случаи, когда незаконная полученная (похищенная) информация вовлекается в гражданский оборот и совершаемые с ее помощью впоследствии противоправные действия обладают значительной общественной опасностью.

Так можно ли информацию похитить, в смысле совершить ее хищение в уголовно-правовом значении?

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относится охраняемая информация. Однако информация – это отдельный нематериальный и самостоятельный объект как гражданского, так и публичного права, причем она (информация) как и интеллектуальная собственность, в корне отличается от материального имущества (вещи) [2, с. 74]. Прежде всего, информация представляет собой категорию идеального, она

неосязаемая, непотребляемая и не может быть объектом правоотношений безотносительно к материальным носителям – физическим объектам (например, отдельным документам), т.е. информация является благом нематериальным, она может подвергаться лишь моральному, но не физическому старению [3, с. 22; 4, с. 115].

Безусловно, с этих позиций (в контексте понимания физического признака имущества как материальной осязаемой вещи) информацию нельзя похитить, завладеть лишь можно информационным продуктом, который уже сам по себе входит в состав товарного имущества.

В принципе зарубежное уголовное право аналогичным образом подходит к пониманию рассматриваемой проблемы. Так, в *Великобритании* информацию, в том числе и на ошествленных, бумажных носителях, торговую тайну нельзя украсть (похитить), поскольку она не относится к предмету кражи (theft) [5]. Такой же позиции придерживается и *германское* законодательство, где информация не может быть отнесена к категории «вещь», т.к. вещами для целей уголовного права признаются любые материально-выраженные предметы [6, с. 419]. Большинство *французских* криминалистов придерживаются мнения, согласно которому похитить информацию невозможно, и речь должна идти лишь о хищении ее материальных носителей – дискет, документов и т.д. [7].

В *США* применяется другой подход, т.к. здесь совсем иное понимание правовой категории «вещь». Американское уголовное право в последнее время расширило круг объектов хищения имущества, и к нему теперь может быть отнесено неосязаемое движимое имущество, в том числе представляющее какую-либо ценность документ. Еще сравнительно недавно компьютерные программы и данные могли быть предметом кражи не во всех штатах. Однако рост числа компьютерных преступлений и значительный материальный ущерб, причиняемый ими побудил законодателей всех юрисдикций предусмотреть уголовную ответственность за хищение информации. Так, например, по УК штата Массачусетс, имущество, которое может быть похищено, включает в себя полученную или сохраняемую электронным путем информацию, осязаемую или неосязаемую, а также информацию во время ее передачи (гл. 226, ст. 30 (2) [8, с. 385]). В пункте А (7) ст. 502 УК штата Калифорния говорится, что понятие собственности включает в себя: данные, компьютерные программы, документы, связанные с компьютерными программами и системами, или их копии, осязаемые или неосязаемые, включая данные, которые могут быть прочитаны как человеком, так и ЭВМ, в том числе данные в процессе обработки.

Одно из самых крупных хищений информации в истории было раскрыто в США в 2013 г. По данным следствия, хакеры внедрили в корпоративные компьютерные системы программы, позволявшие им считывать информацию. Таким образом, были украдены данные о 160 миллионах кредитных карт. Затем обвиняемые продавали другим мошенникам полученную информацию из расчета 10 долларов за американскую кредитную карту, 15 долларов за канадскую и 50 долларов за европейскую. По данным американского следствия, злоумышленники также внедрили в компьютерную систему Nasdaq вредоносный код, позволявший им считывать, стирать и изменять данные на серверах, что, однако, не затронуло работу электронных платформ, с помощью которых клиенты биржи продают и покупают ценные бумаги. Средства были похищены с 800 тысяч банковских счетов. Свою преступную деятельность обвиняемые вели с 2005 г. до лета 2012 г.

Итак, если следовать букве белорусского законодателя, то лишь охраняемая информация

относится к объектам гражданских прав, и по нашему мнению, в контексте рассматриваемой проблемы она должна обладать специфическими признаками, т.е. информация: а) представляет собой товар, реализуемый в рамках экономического оборота; б) обладает ценностью (действительной или потенциальной); в) не является общедоступной и общеизвестной; г) обладателем информации приняты меры к охране ее конфиденциальности.

Понимание информационной продукции как материализованного результата информационных потребностей различных субъектов, качественно отличается от определения самой информации как сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах. Так, в случае похищения вещи как материального субстрата сам предмет переходит в обладание виновного, в отличие, например, от незаконного копирования (похищения) информации, т.к. эта информация все равно остается у собственника, а похитившее ее лицо исключительным обладателем информации не становится. Показателем этого отношения п. 11 Положения о Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2009 г. № 229 «О Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», где фактически говорится о том, что информацию можно похитить как вещь («Информация Единого регистра в электронном виде и на бумажных носителях должна храниться и обрабатываться в условиях, обеспечивающих предотвращение хищения, утраты, искажения, подделки информации (ее носителей)», что представляется не совсем верным. Более того, в такой ситуации «хищения» непременно встает вопрос определения стоимости похищенной информации, и каким образом это будет происходить (а информация может обладать стоимостью как законной, так и в ряде случаев – незаконной).

Именно ключевое понимание информации как блага особого рода, отражающим на прагматическом уровне ее социальную и коммерческую полезность (ценность) для участников гражданских правоотношений, а информация как благо особого рода не тождественна материальному носителю, хотя и связана с ним определенными отношениями [9, с. 83], заставляет нас в вопросе ее похищения прийти к иного рода проблеме, выводящей сентенцию «хищение информации» на иной уровень: «причинение имущественного ущерба собственнику от противоправного завладения информацией». Безусловно, информацию нельзя похитить (в смысле совершения преступления против собственности), т.к. она остается и у собственника, в то время как ее приобретает незаконным образом и иное лицо. Однако в данном случае собственнику причиняется имущественный ущерб в виде неполучения должного (именно стоимостный эквивалент он мог бы получить, в результате, например, правомерной продажи этой информации), а виновное лицо, получившее (похитившее) информацию противоправным образом извлекает имущественную выгоду.

Конечно, такое понимание сути проблемы «не вписывается» в традиционное значение концепции похищения имущества как физического перемещения вещи в пространстве, но приобретает иной статус в контексте преступлений против экономических благ (интересов) и их оборота, т.к. здесь имеется с одной стороны – цель извлечения имущественной (экономической) выгоды, с другой – причинение имущественного ущерба собственнику.

Сегодня же хищение информации, т.е. присвоение машинной информации, в том числе программного обеспечения, несанкционированное копирование информации, завладение сведениями, составляющими банковскую или коммерческую тайну и т.п., главным

образом, не рассматривается как хищение потому, что хищение сопряжено с завладением (изъятием) определенных ценностей из фондов собственника. Кроме того, неразрывная связь информации с ее материальным носителем еще не дает оснований для вывода о том, что результат завладения услугами информационного характера будет всегда носить о вещественный характер. Рассматриваемая проблема усугубляется также и тем, что цивилистической наукой до конца не определено место информации в системе объектов гражданских прав. В гражданском праве информация рассматривается как объект вещных прав (1), как объект только исключительных прав (2), как нематериальное благо (3).

Таким образом, в настоящее время похитить информацию не представляется возможным, но вести речь можно о противоправном завладении информацией экономического характера, т.е. именно такой, которая вовлечена в экономический оборот и может подлежать некой оценке, выраженной в ее денежном (стоимостном) или ином эквиваленте. В рамках борьбы с преступностью в экономической сфере можно было бы предусмотреть общую норму, предусматривавшую ответственность за «хищение» информации: **«Умышленное, противоправное, завладение охраняемой информацией с целью извлечения имущественной выгоды в значительном размере».** Причем речь в данном случае может идти о любой информации, вовлеченной в экономический оборот, и способной принести имущественную выгоду лицу, во владении которого она находится: начиная от данных личного характера, зарегистрированных в различных картотеках и заканчивая компьютерными программами и иной конфиденциальной информацией.

Бесспорно, в современном мире информация давно приобрела товарный характер, выступая в качестве самостоятельного объекта договорных отношений,

связанных с ее оборотом, хранением, распространением и использованием в различных сферах человеческой деятельности, и в этом своем качестве она обладает, как и всякий обычный товар, потребительской и меновой стоимостью. Однако выделение информации в качестве особого предмета в уголовном праве обусловлено не только ее коммерческой ценностью в обороте, но и особой значимостью, необходимостью защиты прав личности и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак Н.В. Информация как объект гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – № 7. – С. 80-86.
2. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права / С.И.Семилетов // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 74.
3. Северин, В.А. Правовое регулирование информационных отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2000. – № 5. – С. 20-28.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
5. Колесников А. Как понимают хищение в Великобритании и России // Закон. – 2003. – № 2. – С. 121-123.
6. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: Проспект, 2006. – 520 с.
7. Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. – 2000. – № 2. – С. 70-78.
8. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Изд-во Р.Асланова, 2007. – 480 с.
9. Городов О.А. Информация как объект гражданских прав // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 80-89.

OPPORTUNITY RECOGNITION INFORMATION SUBJECT OF THEFT

© 2014

V.V. Hilyuta, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Grodno State University Kupala, Grodno (Republic of Belarus)

Annotation: The article considers such thing as theft of information. Different approaches to the assessment of situations involving wrongful gaining possession of information for personal gain. The author substantiates the thesis of the materiality of the subject of the theft and the need for the construction of new offenses in the property sector.

Keywords: theft of information, the subject of crime, property crime, property.

УДК 94(47).01.02

ИНСТИТУТ МСТИ И КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ В IX – НАЧАЛЕ XI вв.

© 2014

С.Б. Чебаненко, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: Первые свидетельства о проникновении княжеской власти в сферу действия мести относятся к 9 в. и касаются случаев посягательств на лица, находящиеся под защитой князя, к которым относятся дружина, привилегированные чужаки (купцы), представители Руси в отношениях с внешним миром. Коллизии, связанные с обычаем кровной мести в среде местного населения долго остаются вне внимания властей. Способом обеспечения княжеской защиты была вира, повышенный штраф, который налагался за убийство привилегированных категорий населения. До начала XI в., вира назначалась также за убийство полян, что отличало их от жителей других регионов Руси.

Ключевые слова: месть, князь, судебный штраф, вира, суд, право, смертная казнь, Русь.

В исторической, историко-правовой литературе распространенным является мнение о довольно раннем проникновении княжеской власти в сферу действия мести. Сквозным мотивом большинства ученых построений является приписывание княжеской власти какого-то имманентно ей присущего стремления к ограничению мести. Раз тот или иной князь проявляет себя на ниве нормотворчества, то он должен так или иначе ограничить обычай мести; внутренние ресурсы самого обычая к модификации и иные мотивы обращения к нему властей почти не принимаются во внимание.

Вместе с тем, как нам представляется, сначала речь шла не об ограничении, а о восприятии принципов мести и дополнении её механизмами, позволяющими княжеской власти использовать этот институт в своих интересах, и лишь время спустя эти механизмы так или иначе были использованы для ограничения действия кровной мести. Кроме того, князья долгое время проявляют известное безразличие к вмешательству во внутренние конфликты, связанные с местью.

Попробуем определить, когда и с какой целью князья начинают оказывать воздействие на эту область, и какие

последствия это имело к началу XI века. Древнейшие известия о восточных славянах и «русии», упоминающая о существовании обычая мести, ни слова не говорят об участии военных вождей в этих отношениях.

В восточнославянском материале нет прямых указаний на то, когда и по каким причинам княжеская власть начинает воздействовать на институт кровной мести. Сравнительные данные отчасти позволяют пролить свет на этот вопрос. А. Е. Пресняков применил для изучения древнерусского права понятие «княжое право». Он опирался на разработанное в немецкой историографии понятия «королевское право» («Königsrecht») и «королевская защита» («Königsschutz») и особенно на положение о специальной защите отдельных групп (прежде всего – дружины) со стороны конунга с помощью санкций, отличных от принятых в «народном праве». «Княжое право» отличалось от «королевского права» тем, что защита этих групп была не «специальной», а основной и единственной его функцией. Меры защиты дружины постепенно распространяются и на прочее свободное население – так распространяется княжеская юрисдикция [1, с. 183-192, 215-246].

Ученый убедительно, привлекая сведения о германских древностях (напомним, что правящая династия на Руси была скандинавского происхождения), аргументировал положение, согласно которому введение штрафа за убийство, кратного сорока, маркировало вмешательство публичной власти в дела о преступлениях против жизни (а древнерусская вира как раз равнялась сорока гривнам). Размер штрафа резко отличался от обычной платы за мир, бывшей существенно меньше [1, с. 216-221]. Сначала этот штраф защищал дружинников. Принимая это предположение, отметим, что, в отличие от свидетельств о скандинавах, наши источники не говорят прямо о происхождении этого штрафа, и это мнение основывается на косвенных данных.

До начала XI в., до Правды Ярослава, Правды Ярославичей (в составе Краткой Правды) следы этого процесса весьма нечетливы. Ни в одном свидетельстве IX-X вв. нет ясного указания на привилегированное в этом отношении положение дружины по сравнению с прочими категориями населения. Вместе с тем, мы можем отметить особое внимание со стороны княжеской власти к отдельным группам лиц в плане их защиты.

Ещё в известиях восточных авторов (Ибн-Русте, Гардизи) о «руссах», относящихся к первой половине IX в., упоминается о защите ими «чужеземцев», взятых под покровительство [2, с. 303, 305], упоминается и о возмещении им за ущерб (Гардизи) [2, с. 305]. Учитывая важное для «руссов» значение торговли, – по Гардизи «царь их взимает с торговли десятину» – можно думать, что чужеземцы являлись купцами, которые подлежали особой защите со стороны князя. Раз так, то решение, и, видимо, – решение судебное, о виновности и выплате возмещений принимал князь. Под защитой властей, несомненно, была и жизнь «чужеземцев». Хотя в восточных источниках налицо участие князя в защите определенных категорий чужаков, но, насколько можно судить, коллизии, связанные с обычаем кровной мести в среде местного населения – вне его внимания [2, с. 303, 306-307].

В договорах с Византией X в. мы можем наблюдать развитие этого явления: защиту привилегированных чужаков и, как обратная сторона этого, – защиту «руссов» за пределами Руси. Субъектами права в договорах являются все подданные князя и императора, независимо от их социального статуса [3; 4, с. 35-42]. В отношении русской стороны в части, касающейся правовой защиты и ответственности, нет дифференциации по принципу знатный / незнатный или люди князя и все прочие, а социальный состав пребывающих в Константинополе «руссов» был достаточно пестрым. Если и принять мнение, что нормы защиты «руссов» ориентировались на

нормы защиты представителей дружинной среды (см., например, исследование С. Л. Никольского [5, с. 16-25]), то нам их не с чем сравнить – как защищался в это время свободный общинник нам неизвестно.

Как показали исследования норм уголовного характера, в этой части договоры преимущественно отразили русские реалии, а не византийские. По договору 911 г. «аще кто убьет ..., да умрет, идеже аще сотворит оубийство, аще убежит сотворивый оубийство, да аще есть домовит, да часть его, сиречь иже его боудеть по закону, да возметь ближний убьенаго ..., аще ли есть неимовит, сотвориви убои, и убежавъ да держится тяжи, донде же обряцется, и да умереть» [6, стб. 34], договор 944 г., с некоторыми изменениями, говорит о том же [6, стб. 51-52].

«Ближние» убитого могут на месте расправиться с явным убийцей, при его бегстве – довольствоваться его имуществом, если тот беден и власти ловят беглеца, то его ждёт смерть. Право на убийство на месте отразило русские реалии, это месть, моментальная реакция на преступление [7]. В этом случае казнь и месть совпадают по своей сути, поэтому, видимо, месть и допускается византийской стороной [8, с. 645; 9, с. 91; 10, с. 204]. Византийскому праву также неизвестна и передача имущества убийцы родственникам убитого [11, с. 10]. Альтернатива смерти убийцы и возможности откупа от смерти отражена и в ст.1 Краткой Правды [12, с. 70].

Но и греческие порядки наложили на статьи свой отпечаток: очевидно, что греки в случае убийства русского греком на территории Византии не позволяли «ближним» убитого устраивать преследование преступника и власти брали эту задачу на себя [13, с. 20]. Это позволяет предполагать и участие русских властей в преследовании убийцы в том случае, если произошло убийство грека в пределах Руси. Можно думать, что подразумевается не только поимка преступника, но и расследование, и суд князя по этому делу. Расследование и суд князя предусматриваются и при обратной ситуации: грек убивает русского (ст. 12 договора 944 г., запрещающая судить на Руси судом князя, «сущих под властью цесарства нашего», касается только должностных лиц императора, а не всех византийцев [14]).

В защите князем чужеземцев, особенно купцов, как следует из приведенных выше данных Ибн-Русте и Гардизи, нет ничего нового, как и в суде по таким делам (до и после осуществления мести – в зависимости от ситуации). Еще одно псевдо-новшество, о котором пишут некоторые исследователи, – возмещение за убийство, введение ее, якобы, кровная месть законодательно ограничивается [15, с. 477; 16, с. 79; 17, с. 36-37; 18, с. 83]. С этим нельзя согласиться: появление материального возмещения за ущерб является естественным развитием института мести и никоим образом не связано с публичной властью, а положения договоров прямо указывают, что получатели этого возмещения – «ближние» убитого. В договорах лишь фиксируется уже сложившийся на Руси порядок. Не видно также, чтобы в договорах выкуп имел преимущественное значение перед отпущением. Другое дело, что с определенного времени частное возмещение за ущерб, выкуп за убийство дополняется штрафом в пользу властей, о чем будет сказано ниже.

На примере договоров мы наблюдаем первое бесспорное свидетельство вмешательства князя в действие института мести. Но дело касается международных отношений, когда это вмешательство не только не ущемляет интересов общества, но напротив – способствует восстановлению справедливости привычными средствами даже на чужбине. Любопытно при этом, что здесь в качестве мстителей подразумеваются не столько родственники, сколько товарищи, спутники убитого [7].

В связи с картиной, отраженной в договорах, упомянем одно из известий норвежской «Саги об Олаве

Трюгтвасоне» (если мы признаем достоверность этого известия, которая ставится рядом исследователей под сомнение) [19, с. 198-202]. В нем говорится об одном из конфликтов, произошедших в Новгороде. Князь (в саге подразумевается Владимир Святославич) выступил судьей или посредником в деле о прилюдном убийстве, совершенном будущим конунгом Олавом Трюгтвасоном, убитым был также иноземец. После разбирательства князь заставляет убийцу (его защитника) выплатить «выкуп» (варианты этой истории представлены в разных источниках, мы приводим её по своду саг Снорри Стурлусона «Круг земной» (написана ок. 1230 г.) [19, с. 161-162, 165-166]. Что это за «выкуп» - плата в пользу княжеской власти или выплата представителям потерпевшей стороны, из текста не понятно.

Но распространялось ли внимание княжеской власти на случаи убийств, совершенных в среде русского населения в пределах Руси? Речь идет о категориях населения, не находящихся под особой защитой князя, которой подлежала та же дружина. Для раскрытия процесса распространения «княжого права» среди восточных славян обратимся к известию о реформе Владимира Святославича, если мы вслед за А. Е. Пресняковым будем связывать виру с княжеской властью, и усматривать в ней платеж за убийство в пользу князя, изначально – как меру защиты дружины.

О сложившейся к временам Владимира Святославича практике взимания штрафов за убийство рассказывает Повесть Временных Лет под 996 годом. При Владимире «оумножася зело разбоеве, и реша епископе Володимеру: «се оумножишася разбоиници, почто не казниши их?»», он же рече имь: «боюся греха», они же реша ему: «ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоить ти казнити разбоиника, но со испытумъ». Володимеръ же отверг виры, нача казнити разбоиници, и реша епископи и старци: «ратъ многа, оже вира, то на оружьи и коних буди», и рече Володимеръ: «тако буди», и живяша Володимеръ по устроенью отню и дедню» [6, стб. 126-127].

Л. В. Милов увязал этот рассказ со славянским переводом Эклоги (византийский правовой свод VIII в.), который был сделан на Руси в конце X в. Титул XVII «О казнях» Эклоги отличается резкой перестановкой порядка статей, что отражало особый к ней интерес со стороны переводчика. После статей в поддержку новой веры сразу идет серия статей, санкционирующих смертную казнь и физические наказания за убийство и другие преступления [10]. Таким образом, «за глухим летописным легендарным сказанием ... скрывалась крупная правовая реформа» [10, с. 209].

С подачи епископов-греков обращенный в христианство Владимир предпринимает попытку введения по византийскому образцу смертной казни за убийство (и, возможно, наказаний за другие тяжкие преступления [10]). Позже по инициативе «старцев» он оставил эту практику и стал за убийство взимать виры. Присутствие в одном случае епископов, а в другом епископов и «старцев» вполне логично: с помощью греков Владимир распространяет на «разбойников» нормы греческого кодекса, это вызывает прекращение поступления важного денежного сбора. В условиях обостренной военной опасности со стороны кочевников, которая не могла не тревожить представителей местной знати, «старцев», было принято решение вернуться к вине, которая теперь шла на военные нужды. Нельзя согласиться с существующим мнением, что во второй части рассказа говорится об учреждении вир в качестве штрафа за убийство. Виры – не новшество, это «устроенье» предков. Поэтому нужно говорить не об учреждении вир, а об отказе от смертной казни за убийство и возврате к прежней практике взимания штрафов.

Владимир казнил только «разбойников», в которых, по нашему убеждению, следует усматривать людей,

убивших кого-либо без малейшей вины со стороны жертвы, в частности, из корыстных соображений и этим они отличаются от мстителей. Убийство из мести признавалось вполне законным. Взятие властью на себя функции воздаяния за убийство, в принципе, делало мщение ненужным и невозможным. Казнь «разбойников» впоследствии вновь заменена вирами, как это было с давних времен (в том, разумеется, случае, если родственники убитого отказывались от мести). Подчеркнем, что вира до Владимира и после возврата к старым порядкам налагалась только на «разбойников», а мстители вирами не облагались.

Во времена Владимира взимание вир, штрафов в пользу княжеской власти за убийство, если буквально держаться текста (князь вернулся к «устроенью отню и дедню»), существовало, как минимум, со времен князя Игоря, с первой половины X в. Штраф шел на общественно-полезные нужды – на приобретение коней и оружия (по крайней мере, при Владимире).

Отметим, что вира, публичный штраф не заменяет частный выкуп, как иногда считается, а дополняет его, как было у многих народов. Так было и на Руси: Пространная Правда ясно указывает на существование виры и головщины, частного возмещения [12, с. 104]. Ограждение жизни дополнительной платой является следствием привилегией [5, с. 44], однако, из рассказа не следует, что вира при Владимире взималась только за людей традиционного круга «княжой защиты», тех же дружинников, как полагал А. А. Зимин [16, с. 50, 88]. Вирные платежи идут на приобретение коней и оружия, необходимых для борьбы с кочевниками, это указывает на значительность поступлений от вир, что вряд ли можно ожидать, считая виру средством защиты одной лишь дружины. Видимо виры взимались за убийства довольно широких слоев населения. Допускаем, вслед за В. О. Ключевским и А. Е. Пресняковым [20, с. 532-534; 1, с. 220], что вторая часть рассказа о реформе Владимира предполагала определенные новации (но не то, что все вообще платы за убийство превратились в публичный штраф): возможно именно теперь виры распространяются на более широкий круг лиц.

Но можно ли считать взимание вир за жизнь не дружинников общерусской практикой [10, с. 212]? Думается, что помогает ответить на этот вопрос факт участия «старцев» в инициативе возврата вир. Исследования недавнего времени показали «книжное» происхождение терминов «старцы» и «старейшины», наличие в ряде известий с их участием реминисценций из библейской истории. Это, однако, не позволяет заключить, что за этими терминами не стояли реальные социальные категории. Везде, где мы видим в летописи взаимодействие «старцев», «старцев градских» с Владимиром, и где их происхождение оговаривается, действие ограничивается территорией Киева или его округой; со «старцами» зависимых земель Владимир не общается [6, стб. 82, 124, 125]. Видимо, владимирских «старцев» можно усматривать и в «нарочитых мужах», которые могут, когда хотят, пировать княжеской гряднице в Киеве, но которые отделены от дружинников [6, стб. 126]. Уместно, следовательно, в «старцах», озаботившихся проблемой финансов и войны, видеть лидеров полян. К тому же «ратъ многа», которая в этой связи упоминается («ратъ многа, оже вира, то на оружьи и коних буди»), грозила от печенегов [6, стб. 122-129], вряд ли это могло тревожить «старцев» тех земель, где печенеги не появлялись.

Поэтому думаем, что до XI в. право защиты вирой кроме дружины распространялась также на полян, бывших главной опорой Рюриковичей в деле подчинения окрестных племен, это было их привилегией сравнительно с представителями иных земель. Еще ст. 1 Краткой Правды, перечисляя лица, за жизнь которых взимается 40 гривен, на первое место ставит «русина», киевлянина к которому «словенин», новгородец

только приравнивается [12, с. 70] (оставим сейчас, по необходимости, в стороне обсуждение существующих дискуссий о содержании этих терминов).

Это не означает, что князь или его представители не могли разбирать конфликты, связанные с мстью, которые случались за пределами Киевской земли и в которых поляне не участвовали. Однако, полагаем, что подобные случаи если и имели место, то были эпизодическими.

Взимание штрафов в пользу княжеской власти с неизбежностью приводит к мысли о княжеском суде по делам об убийствах (уже не только в отношении конфликтов с участием иностранцев, но и в среде местного населения). По крайней мере, сам Владимир начал казнить «разбойников» «со испытать» – после расследования и суда. Также можно предполагать, что и до и после неудачной реформы по введению византийских наказаний практиковался суд по убийствам: чтобы взимать виры с «разбойников», нужно выяснить, кто «разбойник», а кто – нет. Вряд ли на этом основании можно говорить только о послесудебной мести – суду достаточно было подтвердить правомерность совершенной мести, особенно, если дело касалось отмщения на месте, как это описывают договоры. (В. И. Сергеевич в свое время привел пример из вестготского права: мститель, совершив убийство, должен был требовать суда, чтобы его признали невиновным. Если он этого не делал, то суд сам призывал его к ответу, где он и должен был доказать, что убил из мести [8, с. 388]). Власть интересовало не кто мститель, а кто «разбойник», с кого можно получить виру. Виры и до Владимира и в его времена взимались только за «разбой».

Итак, примерно с первой половины IX в. отмечается включение княжеской власти в отношения, связанные с мстью, ею берутся под защиту определенные группы лиц, что приводит, в частности, к появлению суда по убийствам. Отметим при этом, что из имеющихся у нас данных неясно, преобладала ли досудебная или послесудебная мечь. Источники говорят о слабом участии княжеской власти до к. X в. как в сфере социорегулирования в целом, так и в разрешении конфликтов, хотя подобная деятельность уже имеет место. Многие виды преступлений остаются вне внимания князя. Активность в судебной сфере можно предполагать, когда нарушаются права лиц круга «княжой защиты», к которым относятся дружина, привилегированные чужаки (купцы), представители Руси в отношениях с внешним миром, и, как мы полагаем, поляне (до появления в начале XI в. Правды Ярослава).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. – М.: Наука, 1993. 640 с.
2. Новосельцев А.В. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М.:

Восточная литература, 2000. 494 с.

3. Щапов Я.Н. «Закон Русский» договоров Руси с Византией и «Правда Русская» // Внешняя политика Древней Руси. / Юбилейные чтения, посвященные 70-летию В.Т. Пашуто. – М.: ИИ СССР, 1988. 128 с.
4. Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. 176 с.
5. Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. 2004. Вып. 4. С. 5-48.
6. Полное собрание русских летописей Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
7. Никольский С.Л. Кровная мечь по русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва 20-22 февраля 1995 г. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 91 с.
8. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 675 с.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Пг.; Киев: Н. Я. Оглоблин. 1915. 699 с.
10. Милов Л.В. Легенда или реальность? (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 201-220.
11. Бибииков М.В. Некоторые источниковедческие аспекты изучения древнерусской государственности // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. – М.: РАН. Ин-т российской истории, 1992. 84 с.
12. Правда Русская. Т. I. Тексты. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 505 с.
13. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб.: Право, 1912. 505 с.
14. Никольский С.Л. «Мужи цесарства нашего» в свете статьи 12 русско-византийского договора 944 года // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы к конференции. М.: РАН. Ин-т российской истории, 1998. 145 с.
15. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Госюриздат, 1949. 543 с.
16. Зимин А.А. Русская Правда. – М.: Древлехранилище, 1999. 427 с.
17. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России. – М.: Зерцало-М, 2002. 464 с.
18. Хачатуров Р.Л. Русская Правда. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2002. 160 с.
19. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 779 с.
20. Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. – М.: Ладомир, 1994. 570 с.

VENGEANCE INSTITUTION AND PRINCE'S POWER IN RUS' IN THE 9th – THE BEGINNING OF THE 11th CENTURIES

© 2014

S.B. Chebanenko, Ph.D in History, senior lecturer, department of Museology
Saint Petersburg state university, Saint Petersburg (Russia)

Annotation: This article is dedicated to the influence of prince's power on the vengeance institution. First evidences concerning the penetration of prince's power into a field of wreak goes back into the 9th century and deal with cases of privileges breaching of those who were under the aegis of prince's power – druzhina, privileged outsiders (merchants), representatives of Rus' in outer relations. Collisions, connected with the blood vengeance between the locals, for a long time were beyond the administration cares. Method of prince's protection was «vira», raised penalty, which was fined for murdering of privileged categories. Before the beginning of the 11th century, «vira» was fined for murdering of Polyans as well, and that was marking them among other Rus' population.

Keywords: vengeance, prince, fine, vira, court, power, death penalty, Rus'.

Аннотация: В работе исследуются меры гражданской процессуальной ответственности, к которым относятся: судебные штрафы, взыскание судебных расходов, взыскание компенсации за фактическую потерю времени, предупреждение о недопустимости ненадлежащего поведения в зале судебного заседания и удаление из зала судебного заседания и другие.

Ключевые слова: гражданская процессуальная ответственность, меры гражданской процессуальной ответственности, процессуальный штраф, предупреждение, удаление из зала суда.

Ответственность является необходимым структурным элементом любой отрасли права. При отсутствии средств принуждения право теряет свои регулирующие [1] и охранительные свойства [2, 3]. Есть такое средство принуждения и в гражданском процессуальном праве.

На наш взгляд, к мерам гражданской процессуальной ответственности можно отнести: судебные штрафы; выплату компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ); отнесение судебных расходов на счет лица, злоупотребляющего своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ); взыскание издержек, связанных с рассмотрением дела, с лица, которое подавало заявление в целях необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина (ч. 2 ст. 284 ГПК РФ); взыскание судебных расходов, связанных с возбуждением дела по заявлению о восстановлении утраченного судебного производства, с заявителя при заведомо ложном заявлении (ч. 2 ст. 319 ГПК РФ); предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании (ч. 1 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 154 АПК РФ); удаление из зала судебного заседания (ч. 2 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 154 АПК РФ).

Судебные штрафы являются наиболее распространенной мерой гражданской процессуальной ответственности. Ответственность в виде штрафа предусмотрена в ч. 3 ст. 57 ГПК; ч. 2 ст. 140 ГПК РФ; ч. 3 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 162 ГПК РФ и др. Кроме этого, процессуальные штрафы установлены Федеральным законом «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ, а именно, штраф за невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя (ч. 1 ст. 113), штраф за неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок (ч. 2 ст. 113), исполнительский сбор (ст. 112), а также в Арбитражном процессуальном кодексе (ч. 9 ст. 66 АПК РФ; ч. 2 ст. 96 АПК РФ; ч. 2 ст. 119 АПК РФ; ч. 5 ст. 154 АПК РФ и др.).

По нашему мнению, к мерам процессуальной ответственности относится уплата исполнительского сбора. Согласно правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в п. 2, 3 4 Постановления от 30.07.2001 №13-П по смыслу ст. 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» во взаимосвязи с его ст. 1, 7, 9, 44, 45, 77, 84, 85 и 87, исполнительский сбор, исчисляемый в размере 7% от взыскиваемых по исполнительному документу денежных средств, относится к мерам принуждения, представляет собой санкцию штрафного характера, т.е. возложение на должника обязанности произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства [4].

Несмотря на такой широкий перечень процессуальных правонарушений, за которые предусмотрена мера ответственности в виде судебного штрафа, многими учеными отрицается перспективность отнесения данной меры к мерам процессуальной ответственности. Так,

некоторые ученые утверждают, что эта мера носит административно-правовой характер и не относится к мерам процессуальной ответственности [5], забывая о том, что штраф как мера уголовного наказания предусмотрен и в ст. 46 УК РФ.

Судебный штраф – это мера имущественного характера, которая применяется судом или иным лицом (органом), обладающим властными полномочиями в гражданском процессе, к лицам в связи с совершением последними процессуальных правонарушений. Отличают судебные штрафы от уголовных и административных штрафов следующие признаки.

Во-первых, судебный штраф – это разновидность мер процессуального принуждения, т.е. один из способов реализации процессуальных обязанностей. Этим он отличается от штрафа в административном и уголовном праве и от неустойки в гражданском праве, поскольку они налагаются за совершение административных, уголовных и гражданских правонарушений.

Во-вторых, судебный штраф налагается только судом или приставом-исполнителем.

В-третьих, налагается судебный штраф только на участников процессуальных отношений.

В-четвертых, основания наложения и предельные размеры судебных штрафов указаны в процессуальном законодательстве. По сравнению с уголовным и административным законодательством размеры судебных штрафов значительно ниже.

В-пятых, судебные штрафы взыскиваются из личных источников дохода не только граждан, но и должностных лиц непосредственно в доход федерального бюджета.

В-шестых, уплата судебного штрафа не освобождает виновное лицо от исполнения соответствующей процессуальной обязанности, поэтому повторное неисполнение может повлечь повторное наложение штрафа.

Следующей мерой, которую мы относим к мерам имущественной гражданской процессуальной ответственности, является возложение выплаты компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ) и отнесение судебных расходов на счет лица, злоупотребляющего своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ).

И.М. Зайцев называет эту меру компенсационной гражданской процессуальной ответственностью и считает, что она наиболее типична для гражданского судопроизводства [6]. Другие авторы считают, что эта мера носит гражданско-правовой характер, что, по сути, неверно. При анализе данного положения необходимо определить, во-первых, основание наложения данной меры, во-вторых, процедуру доказывания злоупотребления правом, и в-третьих, сами санкции за злоупотребление.

Основанием применения данной меры является злоупотребление правом как особый вид правонарушений. Однако объектом данного вида правонарушения будет нормальный ход процесса и беспрепятственное рассмотрение дела, а не имущественная сфера другой стороны, поскольку

наибольший ущерб причиняется все-таки, когда дело заканчивается вынесением решения по существу и восстановлением права или защитой охраняемого законного интереса. Кроме того, возмещение убытков в гражданском праве носит общий характер и применяется во всех случаях нарушения гражданских прав, если иное не предусмотрено законом или договором. Компенсация за фактическую потерю времени может быть взыскана только на основании судебного решения или определения. Более того, гражданское законодательство предусматривает полное возмещение ущерба, тогда как в процессуальном законодательстве закреплена возможность снижения размера компенсации, если будет доказана чрезмерность судебных расходов. Есть и ряд проблем, связанных с реализацией этой санкции на практике. И.Р. Медведев пишет, что «хотя идея наказать участника процесса, недобросовестно пользующегося своими процессуальными правами, вполне справедлива и в каком-то смысле даже полезна для превенции будущих нарушений, мы имеем дело с обеспокоенным нежеланием судейского корпуса реализовать ее на практике. Прежде всего, трудности вызывают следующие моменты:

- санкция очень мала и незначительна и потому недостаточно эффективна, она не может возмещать нанесенный пострадавшей стороне ущерб (нивелируется ее компенсационное значение). Сам положенный в основание нормы критерий определения вреда в виде «потери времени» и рассчитанная на его базе денежная компенсация могут во многих случаях оказаться несоизмеримыми реальным убыткам от злонамеренных действий;

- толкование положений о «фактической потере времени» приводит к выводу о том, что наложение взыскания может иметь место только в отношении физических лиц;

- не совсем ясно, что по замыслу законодателя следует понимать под недобросовестностью и как четко отграничить ее от добросовестного заблуждения;

- каждый ли недобросовестный поведенческий акт должен немедленно получить самостоятельную оценку суда и фиксироваться в протоколе судебного заседания, или вывод о систематичности противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела возможен на основе единовременной оценки всей совокупности недобросовестных процессуальных действий лица;

- должны ли указанные действия иметь однородный или разнородный характер;

- требует уточнения, что конкретно является основанием взыскания (факт потери времени или возникшие по этой причине неблагоприятные последствия для другой стороны) и по чьей инициативе (суда или заинтересованной стороны) оно может быть произведено;

- как и на основе каких доказательств судье необходимо оформить вывод о недобросовестности поведения сторон;

- сам механизм взыскания компенсации за потерю времени требует процедуры установления виновности правонарушителя, своеобразный «процесс в процессе»;

- каковы «разумные пределы компенсации» и как их соотносить с умышленным характером недобросовестного поведения» [7].

Взыскание издержек, связанных с рассмотрением дела, с лица, которое подавало заявление в целях необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина (ч. 2 ст. 284 ГПК РФ), мы относим к мерам процессуальной ответственности по следующим причинам. Во-первых, она налагается за совершение правонарушения – подача заявления с целью необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина. Во-вторых, субъектом этого правонарушения являются лица, участвующие в деле. Объектом данного правонарушения является

нормальный ход процессуальной деятельности суда по решению вопроса о правовом статусе гражданина. Дополнительным объектом является способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать гражданские обязанности и исполнять их. Объективная сторона правонарушения характеризуется активными действиями, а субъективная сторона – прямым умыслом.

Взыскание судебных расходов, связанных с возбуждением дела по заявлению о восстановлении утраченного судебного производства с заявителя при заведомо ложном заявлении, обозначено в ч. 2 ст. 319 ГПК РФ. Вообще судебные расходы можно определить как денежные суммы, которые уплачивают участники процесса и которые имеют в качестве цели полное или частичное покрытие затрат, необходимых для осуществления правосудия. Состоят эти расходы из государственной пошлины, которая носит характер возмездного платежа в доход государства, и судебных издержек, являющихся мерами компенсационного характера.

При подаче заведомо ложного заявления процессуальные отношения возникают на основании заведомо несуществующих обстоятельств, на которые ссылается заинтересованное лицо. Правонарушение связано со злоупотреблением процессуальным правом лица, участвующего в деле, путем подачи заявления восстановить утраченное производство. В результате данного злоупотребления на лицо, участвующее в деле, возлагается дополнительная обязанность претерпеть правоограничения имущественного характера в виде возмещения судебных расходов, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 314 ГПК РФ заявитель освобождается от уплаты судебных расходов.

Предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании (ч. 1 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 154 АПК РФ) к мерам гражданской процессуальной ответственности относят не все ученые. Например, Н.В. Кузнецов [8] причисляет предупреждение к пресекательным процессуальным санкциям. В конечном счете, к мнению, что принуждение – пресекательная санкция приходит и М.И. Штефан [9], считая ее предшествующей применению таких санкций, как судебный штраф и удаление. В.В. Бутнев считает, что «поскольку предупреждение не связано ни с лишением процессуальных прав, ни с возложением дополнительных обязанностей», он относит ее к мерам процессуальной защиты [10]. Мы разделяем мнение тех ученых, которые относят предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании к мерам процессуальной ответственности (И.М. Зайцев, А.Г. Новиков). Любое лицо, становясь участником гражданского, арбитражного, исполнительного процесса берет на себя обязанности не препятствовать осуществлению правосудия, не нарушать порядок в судебном заседании, подчиняться распоряжениям председательствующего. Неисполнение этих обязанностей неотвратимо влечет юридическую ответственность в виде новой обязанности подвергнуться осуждению со стороны государства в лице уполномоченного должностного лица [11, 12], обязанность выслушать оценку своего поведения, кроме того, предупреждение – это «акт психологического воздействия» на правонарушителя. Отнести предупреждение к мерам обеспечения [13] или пресечения сложно, поскольку эти меры налагаются при непосредственном совершении или угрозе совершения правонарушения, направлены на его окончательное приостановление и не отменяются до тех пор, пока не будет устранено «влияние на нормальный ход» [14] гражданского, арбитражного и исполнительного процесса.

Удаление из зала судебного заседания (ч. 2 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 154 АПК РФ). Мы не согласны с выводом А.Г. Новикова о том, что «удаление есть

мера пресечения в случае отсутствия у стороны доказательств... Удаление стороны, обладающей еще не исследованными судом доказательствами, в случае завершения судебного разбирательства в этом же судебном заседании представляет собой меру ответственности. Удаление иных лиц – мера обеспечения порядка судебного разбирательства и в то же время – мера ответственности» [14]. По нашему мнению, отнесение той или иной принудительной меры к какой-то из форм процессуального принуждения возможно исходя из функций, содержания, характера правовых последствий, а не исходя из ситуации, в рамках которой эти меры накладываются, и процессуального положения лица, к которому они применяются.

Удаление из зала судебного заседания всегда будет оставаться мерой процессуальной ответственности, поскольку оно, во-первых, выражается в возложении на лицо, нарушающее порядок в судебном заседании, дополнительного неблагоприятного обременения в виде обязанности покинуть судебное заседание. Во-вторых, лишает, например, сторону процесса, на которую эта мера налагается, права на представление своих интересов лично. Кроме того, одной «замечательной» особенностью данной меры является то, что ее применение не только лишает определенных прав и возлагает дополнительные обязанности на сторону, ей подвергнувшуюся, но и лишает права на состязательный процесс другую сторону, и нарушает принцип равноправия и состязательности судопроизводства. Лишним доказательством того, что данная мера относится к мерам процессуальной ответственности, является также и то, что она применяется в рамках определенной законом процедуры и связана с осуждением поведения со стороны государства.

Многие авторы относят к мерам неимущественной процессуальной ответственности принудительный привод (Н.А. Чечина, П.С. Элькинд, А.Г. Новиков и др.). Мы согласны с мнением В.В. Бутнева, что принудительный привод по своему содержанию, целям, функциям и основанию применения относится к мерам обеспечения, поскольку под его воздействием выполняется уже существующая обязанность. Он пресекает совершение правонарушение в виде неявки без уважительных причин. Никакой дополнительной обязанности и осуждения не возникает.

Что касается заочного производства, мы не считаем возможным отнести его к мерам процессуальной ответственности. Для ответчика данное производство может оказать хорошую службу в том, что истец лишается права на совершение распорядительных действий в виде изменения основания или предмета иска, а также уменьшения или увеличения размера исковых требований, а для истца эта мера может представлять наилучший способ защиты права. Все это позволяет вывести заочное производство и все его последствия из состава мер процессуальной ответственности в состав мер процессуальной защиты от затягивания

судопроизводства.

Таким образом, мы пришли к выводу, что к мерам гражданской процессуальной ответственности относятся: судебные штрафы, взыскание судебных расходов, взыскание компенсации за фактическую потерю времени, предупреждение о недопустимости ненадлежащего поведения в зале судебного заседания и удаление из зала судебного заседания и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пугинский Б.И. Коммерческое право России. – М., 2005. – С. 285.
2. Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2011.
3. Лапшина О.С. О взаимодействии охранительной функции права с иными функциями права // в сборнике: проблемы российского законодательства: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2007. – С. 13-20.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3412.
5. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве. – С. 19.
6. Зайцев И.М. Гражданская процессуальная ответственность // Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 95.
7. Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. – 2006. – № 7.
8. Кузнецов Н.В. Санкции в гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1981. – С. 13.
9. Штефан М.И. Гражданская процессуальная ответственность / Повышение роли гражданско-правовой ответственности в охране прав и интересов граждан и организаций. – Киев, 1988. – С. 198.
10. Бутнев В.В. Гражданская процессуальная ответственность. – Ярославль, 1999. – С. 45.
11. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2010.
12. Шавалеев М.В. Об эффективности принципа неотвратимости юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 161-163.
13. Лапшина О.С. О соотношении понятий «охрана», «защита», «обеспечение» и «гарантирование» в свете охранительной функции права // в сборнике: проблемы российского законодательства: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2010. – С. 148-155.
14. Новиков А.Г. Гражданская процессуальная ответственность: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 89.

MEASURES OF CIVIL PROCEDURE RESPONSIBILITY

© 2014

E.V. Chuklova, assistant professor of business and labor right
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In this paper we study the action of the civil procedural responsibilities, which include: court fines, recovery of legal costs, to recover compensation for the actual loss of time, a warning against improper conduct in the courtroom and removal from the courtroom and other.

Keywords: civil procedure, responsibility, measures of civil procedure responsibility, procedural penalty, warning, removal from the courtroom.

УДК 341.492

ПРИМИРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

К.В. Шундигов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин*Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена проблемам развития досудебного и судебного примирения как одного из инструментов реализации позитивной юридической ответственности. Оцениваются перспективы развития данного института; отмечаются проблемы, связанные с его применением в современной юридической практике Российского государства, предлагаются направления их решения.

Ключевые слова: позитивная юридическая ответственность, конфликт, правосудие, примирение, медиация, мировой суд, третейский суд.

В работах современных правоведов юридическая ответственность предстает как многогранный институциональный и коммуникативный социально-правовой феномен [1; 2; 3; 4]. Одним из проявлений его является так называемая позитивная (перспективная) юридическая ответственность, в основе которой лежит осознание субъектом социальной значимости своего поведения и контроль за его правомерным характером. Возможность существования подобной ответственности обусловлена интерактивным характером структуры правовой жизни общества, необходимостью согласования различных, порой противоречащих друг другу интересов на основе формализованных и общеобязательных правовых установлений.

В структуре отношений современного общества значительный удельный вес занимают связи диссоциативного (конкурентного или конфликтного) типа. Социальные конфликты, имеющие юридическую значимость, объективно требуют своего разрешения. Одним из величайших достижений человечества является такой институт цивилизованного погашения конфликтов как правосудие. Вместе с тем, подобный способ решения конфликта, по сути своей управленческий, иерархический (конфликт разрешается «сверху» авторитетом), – далеко не единственно возможный механизм снятия противоречий в социально-правовых коммуникациях. Альтернативным способом выступают институты, представляющие в своей основе самоорганизационные процессы в правовой жизни общества. Один из них – институт примирения сторон юридического конфликта.

Примирение может быть как досудебным, так и судебным – существовать в рамках уже открывшегося юрисдикционного процесса. В первом случае стороны приходят к соглашению добровольно на основе компромисса и согласования интересов до обращения в соответствующие судебные инстанции. Подобное соглашение возможно как напрямую, так и с помощью посредника (медиатора, третейского судьи). Если же примирение сторон происходит в рамках судебного процесса, то речь идет о заключении мирового соглашения сторон.

Через призму общетеоретической концепции юридической ответственности примирение может быть рассмотрено как один из институтов позитивной юридической ответственности, позволяющее оптимальным образом реализовать в правомерной форме интересы конфликтующих сторон. Особенностью данного механизма ответственности является его интерактивный характер, поскольку он реализуется на практике не индивидуальной волей и поведением, но предполагает активное взаимодействие как минимум двух субъектов, реализующих свои права и законные интересы на пути поиска компромиссного и взаимовыгодного правомерного решения.

Думается, что использование процедур примирения конфликтующих сторон (как внесудебных, так и

судебных) представляет собой если не лучший, то, по крайней мере, оптимальный способ решения конфликтных ситуаций. Это экономит ресурсы судебной системы, что в современных условиях немаловажно, учитывая перегруженность российских судов. Кроме того, примирение, в основе которого лежит взаимный компромисс, позволяет учесть и согласовать интересы обеих сторон конфликта, прийти к наиболее взвешенному в сложившейся ситуации решению спора, а значит – обеспечить более качественную реализацию законных интересов и прав граждан.

С 1 января 2011 года в России вступил в силу закон о медиации [5]. Прошедшие с момента введения его в действие годы показали, что посреднические примирительные процедуры пока не пользуются у россиян большой популярностью. Об этом красноречиво свидетельствуют данные статистики, согласно которым мировым соглашением в судах общей юрисдикции заканчивается лишь около 5 % дел. Созданные во многих судах так называемые «скамьи примирения» или «комнаты примирения» зачастую пустуют. Граждане наши проходят мимо них в залы судебных заседаний, чтобы там отстаивать свои права. Люди предпочитают разбираться без посредников.

Так, согласно «Справке о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июня 2012 года, – в большинстве судов примирительные процедуры в настоящее время пока не нашли широкого применения. В качестве причин такого положения названы: новизна процедуры, высокая степень конфликтности отношений участников спора, отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров и т.д. Отмечается, что стороны соглашаются пройти процедуру медиации в исключительных случаях, после того, как судьями в судебных заседаниях затрачивается значительное время на разъяснение сущности процедуры медиации и ее преимуществ [6].

В принципе подобная ситуация прогнозировалась экспертами еще до введения упомянутого закона в действие, некоторые из них обосновывали необходимость принудительной медиации, ссылаясь в этой связи на опыт ряда западных стран (США, Великобритании, Германии) [7, с. 13-15].

В чем же заключаются причины сложившегося положения и какие меры можно принять для стимулирования использования примирительных мер в рамках осуществления судебных процедур? Думается, что здесь необходим комплексный подход.

Во многом ситуацию может изменить доработка существующих законодательных институтов, направленная на стимулирование правотворческой функции судебных инстанций. Одной из таких мер может быть введение рекомендательного, или даже обязательного (анеразъяснительного, как существующий

ныне) механизма включения примирительного элемента в судебный процесс.

В этой связи представляется вполне разумным законодательное предложение, направленное на дополнение Арбитражно-процессуального кодекса нормой, согласно которой в арбитражных судах вводятся обязательные досудебные процедуры. Согласно проекту, на истца будет возложена обязанность приложить к иску документ, подтверждающий, что перед обращением в суд был соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования [8].

Важным направлением оптимизации примирительной функции правосудия должно стать решение ряда организационных вопросов: формирование результативно работающих медиативных технологий, эффективных способов взаимодействия судьи, медиатора, участников процесса.

Еще одним значимым направлением стимулирования примирительных процессов видится оптимизация уже имеющихся механизмов досудебного урегулирования споров (третейского, медиации). В современных условиях не следует уповать на государство как единственного защитника прав и свобод, целесообразно стимулировать правозащитные ресурсы самого общества, его правовую самоорганизацию.

В частности, востребованность института медиации (актуальная, а не только потенциальная) напрямую связана с обеспечением доступности данного правового механизма и удобства его использования. Медиаторы должны просто быть физически в достаточном количестве. У граждан должна быть информация о том, где и как его можно найти. Обозначенная проблема на сегодняшний день не решена должным образом даже в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург, хотя в них уже функционируют несколько лет соответствующие организации медиаторов (например «Лига медиаторов Санкт-Петербурга»). В российской же глубинке она по сути дела вообще пока не решена. Кроме того, для широкого внедрения медиативных процедур в отечественную юридическую практику существует еще немало препятствий, нерешенных проблем: качественная подготовка посредников, их конкурентоспособность на рынке юридических услуг, доступность посреднических процедур для граждан, информированность общества о преимуществах посредничества и др.

Еще одной актуальной задачей и, как показывает практика, – задачей наиболее сложной для реализации является необходимость изменения ментальности потенциальных участников юрисдикционных процессов. В деле стимулирования примирительных процедур сегодня первостепенную значимость приобретает соответствующая информационно-воспитательная работа, как в рамках судебных процессов, так и за их рамками. Ведь корень проблемы лежит не в сфере правосудия, вообще не в юридической сфере, а иногда и за пределами здравого смысла и логики. Препятствия для примирения носят зачастую сугубо психологический характер: боязнь оказаться в «слабой» позиции уступающей стороны, нежелание брать ответственность за результат разрешения спора на себя, стремление во что бы то ни стало наказать оппонента, отомстить ему, преобладание эмоциональной оценки над рациональной и т.п. Последнее в мировом суде особенно явно проявляется в делах о расторжении брака и разделе имущества между супругами.

Если рассуждать более широкими категориями, то можно отметить, что в целом, внедрение примирительных механизмов в правосудии сегодня сталкивается с противодействием культурно-ментальной среды, сложившейся в российском обществе. Эта среда чрезвычайно неблагоприятна для использования примирительных инструментов ни внесудебных, ни судебных. Культура примирения, поиска компромисса, согласия оказалась в большом дефиците. Прощается

конфликтный тип коммуникации, торжествует дарвиновский принцип выживания сильнейшего. Мы разучились договариваться миром.

Не удивительно, что и в судебном процессе состязательная (конфликтная в своей основе) модель взаимодействия сторон доминирует. Мы научились у «цивилизованных народов» практике судебной защиты своих прав и интересов, активно ее используем и гордимся этим. Российские граждане, как свидетельствует статистика, судятся весьма активно. При этом обращает на себя внимание бескомпромиссный характер многих судебных поединков, в которых стороны стараются поставить своего оппонента в как можно более худшее положение, унижить его, разорить, нередко злоупотребляя правовыми средствами и претендуя на то, что им по справедливости и совести не принадлежит. Возводя свои права в ранг неприкосновенных, мы нередко не желаем думать об уважении прав другого человека.

Между тем в тех же западных странах, прежде чем обратиться в суд человек основательно задумается о том, нельзя ли обойтись без судебной тяжбы и урегулировать конфликт в досудебном порядке. Немаловажным фактором при таких размышлениях является финансовая сторона дела. В России же доступ к правосудию стоит весьма дешево. Сегодня государственная пошлина при обращении в мировой суд редко превышает одну тысячу рублей. Кроме того, судебные расходы часто уменьшаются судом, а длительные сроки рассмотрения дел и исполнения решений позволяют недобросовестным должникам перекрыть финансовые потери за счет «прокрутки» суммы долга. В результате для одной или для обеих сторон спора судиться оказывается нередко дешевле, чем договариваться, отсутствует материальный стимул. В этой связи следует подумать, как переломить ситуацию.

Еще более сдержанно обращаются за правосудием граждане и подданные многих восточных государств. В частности, в Японии механизмы судебного решения проблем весьма не популярны. Любое противостояние сторон, конфронтация между ними, в том числе и судебная тяжба считаются нежелательными, оцениваются обществом неодобрительно. Суд – не нормальный, а исключительный способ решения конфликта. Прежде чем обратиться к судье для решения возникшего конфликта ищут разного рода посредников. Поэтому и число судебных процессов в Японии значительно меньше, чем в западных странах.

Сказанное приводит к выводу о том, что для более широкого внедрения в практику примирительных механизмов необходимо повышать культуру примирения в обществе в целом и в судебной практике в частности. Здесь, как говорится, все способы хороши. Необходима широкая пропаганда идеологии компромисса и уважения чужих прав через средства массовой информации. Возможно целенаправленное формирование общественного мнения путем выпуска специальных тематических передач, в которых гражданам в доступной форме объяснялась бы суть, механизмы и выгода от использования примирительных процедур, демонстрировались их преимущества по сравнению с государственным правосудием, такие как: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество, равноправие сторон, оперативность, финансовая выгода (экономичность), беспристрастность и независимость медиатора. В результате такой пропаганды у граждан и хозяйствующих субъектов должно сложиться понимание того, почему обращение к посреднику для них является более предпочтительным, чем судебная тяжба. Таким образом, будет формироваться соответствующая мотивация. Аналогичную разъяснительную работу следует более целенаправленно проводить и среди судейского сообщества.

Полагаем, что вышеупомянутые меры будут

содействовать тому, что примирительные процедуры со временем действительно (а не только де-юре) войдут в число приоритетных инструментов охраны и защиты прав и свобод человека, реализации позитивной юридической ответственности субъектов правовой жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Международной научно-практической конференции (Тольятти, 11-12 октября 2013 года) / Отв. ред.: Хачатуров Р.Л. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. 175 с.

2. Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / Отв. Ред.: Доронина Н.Г. – М.: Инфра-М, Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2013. 304 с.

3. Юридическая ответственность: история и современность / Отв. ред.: Липинский Д.А. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. 268 с.

4. Антология юридической ответственности: в пяти томах / Отв. ред. Хачатуров. Самара: ООО "Изд-во "Ас Гард", 2012.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. 30 июля.

6. <http://www.rg.ru/2012/08/16/primirenie-site.html>.

7. Конференция «Медиация. Альтернативные методы разрешения споров и их значение в совершенствовании деловой и корпоративной этики» (16-17 ноября 2007 г., г. Москва) // Медиация и право. 2007. № 4 (6).

8. Судите по приказу // Российская газета (Федеральный выпуск) N6513 от 22 октября 2014 г.

RECONCILIATION AS A MEANS OF POSITIVE LEGAL RESPONSIBILITY IMPLEMENTING

© 2014

K. V. Shundikov, candidate of law sciences, associate professor, department of the general theoretical legal disciplines

North-West branch of FSBEI «Russian state justice university», St. Petersburg (Russia)

Annotation: The article is devoted to the problems of the court and before the court reconciliation development as a tool for the implementation of positive legal responsibility. The prospects of this institute development are assessed; the problems, associated with its use in modern legal practice of the Russian state are noted; the directions of their solution are offered.

Keywords: positive legal responsibility, conflict, justice, reconciliation, mediation, magistrate's court, arbitration.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ГУМАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Л.Е. Ютяева, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Аннотация: На основе анализа юридической литературы рассматривается проблема современной гуманизации юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, гуманизм, гуманизация, демократизация.

В юридической научной литературе проблеме юридической ответственности посвящено большое количество исследований - в них рассматриваются вопросы сущности, функций, принципов, видов юридической ответственности, стадий ее реализации.

В большинстве источников юридическая ответственность определяется как мера правового принуждения за правонарушение, предусмотренная санкцией нарушенной нормы и применяемая к правонарушителю компетентным государственным органом или должностным лицом в надлежащем процессуально-правовом порядке [1, 185].

Юридическая ответственность является невыгодным для правонарушителя правовым последствием его противоправного деяния (действия или бездействия). Она носит принудительно-правовой характер, определяется соответствующими компетентными субъектами правоприменительной деятельности и осуществляется при помощи средств государственного принуждения.

Привлечение лица к юридической ответственности и определение ее меры представляют собой активные правовые действия по реализации санкции нарушенной нормы, в процессе такой реализации всеобщие положения санкции конкретизируются и индивидуализируются в виде определенной меры юридической ответственности конкретного лица за конкретное правонарушение. Весь этот процесс реализации санкции нарушенной нормы и определения конкретной меры юридической ответственности протекает в форме соответствующего правоотношения,

которое носит праввосстановительный характер.

Однако, жесткие наказания не являются универсальным средством профилактики преступности, поскольку карательная функция призвана обеспечивать эффективное осуществление иных функций уголовной ответственности. Длительное время на страницах юридической литературы утверждалась необходимость гуманизации карательного воздействия.

Что касается определения термина «гуманизм», точный период появления представлений о об этом понятии (humanus, humanistas - человеческий, человечность) наукой не установлен. В одном источнике можно прочесть, что еще римляне, в особенности Цицерон, называли гуманизмом высшее культурное и нравственное развитие человеческих способностей в эстетически законченную форму в сочетании с мягкостью и человечностью. В другом - что понятие «гуманизм» возникло в эпоху Возрождения (XIV - XVII вв.) как совокупность взглядов, основанных на признании человека высшей ценностью; учение, защищающее достоинство и права человека, свободу и всестороннее развитие личности.

Идеологи периода буржуазных революций XVII - XIX вв. (Ж.Ж. Руссо, Д. Локк) понимали под гуманизмом естественное право человека на удовлетворение потребностей, соответствующих его природе, на свободу человеческой личности. И. Кант сущность гуманизма видел в том, что человек является для другого человека только целью, а не средством.

Известно, что гуманизм, выраженный в форме идей человеколюбия, с древних времен оказывал

реальное воздействие на общество, прежде всего, через нравственность, мораль и право. Ядро общечеловеческого содержания морали составляют идеи гуманизма. Они становятся ориентирами и регуляторами деятельности людей, воплощаясь в нравственном сознании. Между тем в рамках отечественной науки понятие «гуманизм» трактуется неоднозначно. Множество определений сущностных характеристик понятия «гуманизм» обуславливает необходимость его обобщения, уточнения предмета рассмотрения и выведения однозначной дефиниции его характеристики. В этом и заключается суть реального определения, если, конечно, при этом учитывать, что понятие есть форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений, основной логической функцией которой является выделением общего, достигаемого посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса.

Вдаваясь в конкретизацию многообразия определения понятия «гуманизм», его ценностей, практически невозможно составить емкое и в тоже время краткое и четкое определение понятия предмета. Не облегчает положения и выборочное включение одних и исключение других характеристик. Широкая же интерпретация термина подчеркивает незавершенность представлений о предмете. Следует признать, что каждое из известных в науке понятий «гуманизм» в определенной степени раскрывает его сущность, а из всей суммы обобщенных признаков наиболее часто выделяются следующие: человечность, человеколюбие, уважение к достоинству человека и забота о его благе, право на свободу, равенство, счастье, любовь, справедливость, развитие своих способностей; отчуждение эгоизма, отношения между людьми, система (совокупность) взглядов, идей, мировоззрение, прогрессивное направление общественной мысли, исторически развивающаяся система воззрений. Исходя из сказанного, предельное понятие представляется наиболее полным в следующей формулировке: гуманизм - это социально исторически сложившаяся и развивающаяся система взглядов, формирующая мировоззрение, относящееся к духовно-нравственным качествам личности, регулирующая поведение людей во всех сферах общественной жизни, их отношения, основанные на человечности, человеколюбии, доброте, сострадании, равенстве, справедливости и уважении к

достоинству и правам каждого человека, определяющие его высшей социальной ценностью права на счастье, здоровье, благо и свободное развитие, законодательно охраняемые государством [2].

Вся человеческая история свидетельствует, что гуманизм всегда играл важную роль в жизни, как отдельной личности, так и общества в целом и занимал важное место в системе общечеловеческих ценностей. Идеи гуманизма определяют отношение человека к разным явлениям, связанным с его существованием. Они мотивируют его деятельность, направляют и обосновывают её. Поэтому проблема содержания идей гуманизма не носит чисто академического характера. Она напрямую обращена к практике.

С термином «гуманизм» тесно связано понятие «гуманизация». Можно даже сказать, что первое порождает второе. По нашему мнению, гуманизация - процесс очеловечения человека и общественных отношений и раскрытия в более полном объеме потенциалов личности. Анализ социальной действительности показывает, что история человечества является процессом гуманизации общественных отношений. Причем история определяется как экономическими, так и духовными факторами, среди которых главенствующую роль играют те, что связаны с экзистенциальной жизнью. Конечно, переживания человеком своего существования различны. Однако важнейшей гранью любой человеческой жизни является защита собственного достоинства, свободы и права на счастье, а это составляет основу гуманизма как факта культур. Вместе с тем, следует учитывать, что процесс гуманизации общества является противоречивым, поскольку в нём сочетаются прогрессивные и регрессивные тенденции.

Вследствие демократизации общественного развития правотворческая и правоприменительная деятельность получила новую ориентацию - приоритет прав и свобод человека, ответственность государства перед личностью, гуманизация и индивидуализация юридической ответственности, переход от традиционной карательной цели наказания к восстановлению нарушенного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова А.В. Теория государства и права. СПб.: Питер. 2008. – С. 185.
2. Шульженко А.В. http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2274

HUMANIZATION OF LEGAL LIABILITY

© 2014

L.E. Yutyayeva, instructor of the department of civil-legal disciplines
Samara legal institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Annotation: Based on the analysis of the legal literature addresses the problem of humanization of modern legal liability.
Keywords: legal responsibility, humanism, humanization and democratization.

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, аспирант

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482)539428

E-mail: alexandrovilya88@mail.ru

Антипов Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Адрес: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «А».

Тел.: 8 9168184665

E-mail: aleksant1@mail.ru

Бачурина Татьяна Александровна, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета

Адрес: ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Тел.: (831) 4289064

E-mail: tab_088@mail.ru

Беницкий Андрей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса

Адрес: Луганский государственный университет внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, 91493, Украина, Луганск, пос. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко 4.

E-mail: ykira2013@mail.ru

Борченко Вера Алексеевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Тел.: (846) 205-67-28

E-mail: borchenko.vera@yandex.ru

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 53-93-65, 89276187600

E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Гарипов Руслан Фаритович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры политологии

Адрес: Казанский Федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 35.

Тел.: (843) 233-77-04

E-mail: ruslanweb@bk.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482)54-63-91

E-mail: gpgin@mail.ru

Гранат Максим Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445 020, Россия, г. Тольятти ул. Ушакова д. 57.

Тел.: +7 (917) 125 7321

E-mail: granat.praktica@yandex.ru

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445000, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 89063395555

E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Джалилова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445000, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 89063394444

E-mail: elkozlova09@rambler.ru

Евдокимов Константин Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Адрес: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тел.: (3952) 77-90-11

E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

Зейц Марина Викторовна, магистрант института права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Ушакова, дом 57.

Тел.: 89276145371

E-mail: zeic84@mail.ru

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445677, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-92-47, 53-94-44

E-mail: ale_iv@mail.ru

Корнуков Владимир Михайлович, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 53-93-65

E-mail: vm-kornukov@rambler.ru

Кроз Марина Константиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское и предпринимательское право»

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443041, Россия, г. Самара, ул. Сов. Армии, 141.

Тел.: (846)9338718

E-mail: mkroz@mail.ru

Кудашева Ирина Геннадьевна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 89272192090

E-mail: ivanova_irina_06@bk.ru

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор, член Римского Клуба Эстонии, член Парламента Эстонии в 1995-2003 гг.
Адрес: Правовая академия Таллинского университета, 10911, Эстонская Республика, г. Таллинн, ул. Таара, 50.
Тел.: (+ 372) 655 0532
E-mail: andoleps@hotmail.ee

Макарейко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры (докторантуры) Нижегородской академии МВД России
Адрес: Нижегородская академия МВД России, 603144, Россия, Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3.
Тел.: (831) 464-36-49
E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Макарова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Теории и истории государства и права»
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рьльская, 24 «в».
Тел.: (8846) 2056728
E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «История государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Ушакова, дом 57.
Тел.: (8482)54-94-28
E-mail: Medvedeff_v_g@rambler.ru

Микелсоне Гундега Висвалдовна, магистр филологии, магистр юриспруденции, претендент на научную степень доктора юридических наук в юридическом факультете Латвийского Университета, юрист бюро присяжных адвокатов «Центрс»
Адрес: Бюро присяжных адвокатов «Центрс», Латвия, Рига, ул. Лачплеша 43/45-4В, LV-1011.
Тел.: +37126450188
E-mail: gundegai.mikelsonei@gmail.com

Миронов Андрей Евгеньевич, магистрант кафедры «Теория государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14.
Тел.: (8482) 53 93 04
E-mail: vft484@yandex.ru

Мокеев Александр Викторович, судья Кировского районного суда г. Самары, аспирант Самарского государственного университета
Адрес: Кировский районный суд г. Самары, 443035, г. Самара, пр. Кирова, д. 100.
Тел.: (846) 956-76-77
E-mail: kirovsky.sam@mail.ru

Мусаткина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Теория государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, д. 14.
Тел.: (8482)53-67-45
E-mail: musatkinaaa@mail.ru

Ожегова Галина Аркадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, улица Ушакова, дом 57.
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: go1974@yandex.ru

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рьльская, 24В.
Тел.: 8-9272-96-67-18
E-mail: desmandado@yandex.ru

Оськин Александр Васильевич, заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, полковник юстиции
Адрес: Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, 443099, Россия, г. Самара, ул. Степана Разина, 37.
Тел.: (846) 333-24-43
E-mail: OskinAV2014@yandex.ru

Петренко Михаил Николаевич, соискатель
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рьльская, 24 «в».
Тел.: (846) 255 61 91
E-mail: mixail_law@mail.ru

Петропавловский Алексей Игоревич, магистрант
Адрес: Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: petropavlovskiy_alexey@mail.ru

Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482)54-63-91
E-mail: orepeteva@mail.ru

Румянцев Павел Александрович, аспирант кафедры «История государства и права»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-93-04
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Савельев Юрий Михайлович, преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8-927-610-15-49, 76-65-05
E-mail: yusproc@gmail.com

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445067, Россия, г.о. Тольятти, ул. Ушакова, 58.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8-917-970-19-91, 76-65-05

E-mail: lawboxer@gmail.com

Стерлегова Ирина Леонидовна, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

Тел.: (8482)53-93-65

E-mail: iraster@yandex.ru

Сутягина Ирина Юрьевна, соискатель кафедры теории и истории государства и права

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Тел.: 8-927-739-04-12

E-mail: irinasutguvd@mail.ru

Тихонова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета

Адрес: ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Тел.: (831) 4289064

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Тошнякова Ольга Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

Тел.: (8482) 53-94-31

E-mail: zlata.valevska@mail.ru

Федорова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет», улица Белорусская, 14, г. Тольятти, 445667, Самарская область, Россия.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Фомин Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Конституционное право»

Адрес: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, Садовая улица, д. 21.

Тел.: (812) 575-00-12

E-mail: fominpenza@mail.ru

Фомина Алёна Сергеевна, аспирант

Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, улица Красная, д. 40.

Тел.: (841) 36-84-57

E-mail: aleshkasu@mail.ru

Хилюта Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Адрес: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230029, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

Тел.: (8152) 70-33-13

E-mail: tajna@tut.by

Чебаненко Сергей Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии

Адрес: СПбГУ, Университетская наб. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Тел.: (921) 954-86-06

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Чуклова Елена Валериевна, доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59.

Тел.: +79171218057

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Шундиков Константин Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин

Адрес: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5.

Тел.: (8812) 495-66-24

E-mail: shundikovkv@yandex.ru

Ютяева Любовь Евгеньевна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Тел.: (846) 205-67-28

E-mail: lo666ve@bk.ru

OUR AUTHORS

Alexandrov Ilya Andreevich, post-graduate student

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57.

Tel.: (8482)539428

E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Antipov Alexey Nikolaevich, candidate of legal Sciences, associate Professor, leading researcher

Address: «Scientific research Institute of the Federal service of execution of punishments of Russia», 125130, Russia, Moscow, Narva street, 15 «А».

Tel.: 8 9168184665

E-mail: aleksant1@mail.ru

Bachurina Tatiana Alexandrovna, postgraduate student of department of criminal law and criminal procedure

Address: Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 603950, Russia, Nizhni Novgorod, Gagarin Ave., 23.

Tel.: (831) 4289064

E-mail: tab_088@mail.ru

Benitskiy Andrey Sergeevich, Ph.D., associate professor, associate Professor of the Department of Criminal Procedure

Address: Eduard Didorenko Lugansk State University of Internal Affairs, 91493, Ukraine, Lugansk, pos. Yubileynyy, ul. Generala Didorenko 4.

E-mail: ykira2013@mail.ru

Borchenko Vera Alekseevna, associate Professor of the department of civil -legal disciplines

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, 443022, Russia, Samara, street Rylsky, 24 «V».

Tel.: (846) 205-67-28

E-mail: borchenko.vera@yandex.ru

Chebanenko Sergey Borisovich, Ph.D in History, senior lecturer, department of Museology

Address: Saint Petersburg state university, 199034, 7-9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, Russia.

Tel.: (921) 954-86-06

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Chuklova Elena Valerievna, assistant professor of business and labor law

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, str. Ushakova, 59.

Tel.: +79171218057

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Dzhalilov Elvis Alimovich, candidate of law sciences, associate professor of «Business and labor law»

Address: Togliatti State University, 445000, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57.

Tel.: 89063395555

E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Dzhalilova Elena Anatolievna, candidate of law sciences, associate professor of «Business and labor law»

Address: Togliatti State University, 445000, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57.

Tel.: 89063394444

E-mail: elkozlova09@rambler.ru

Evdokimov Konstantin Nikolaevich, candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of state and legal disciplines

Address: Irkutsk law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, st. Shevtsova, 1.

Tel.: (3952) 77-90-11

E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

Fedorova Anna Nikolaevna, candidate of law science, associate Professor of the Department «Civil law and procedure»

Address: Federal Government budgetary institution of higher education «Togliatti State University», 445667, Russia, Samara region, Togliatti,

Belorusskaya street, 14.

Tel.: (8482) 53-94-29

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Fomin Aleksey Aleksandrovich, doctor of jurisprudence, associate professor, professor of chair of «Constitutional law»

Address: St. Petersburg state economic university, 191023, Russia, St. Petersburg, Sadovaya Street, 21.

Tel.: (812) 575-00-12

E-mail: fominpenza@mail.ru

Fomina Alena Sergeevna, postgraduate student

Address: Penza state university, 440026, Russia, Penza, Krasnaya Street, 40.

Tel.: (841) 36-84-57

E-mail: aleshkasu@mail.ru

Garipov Ruslan Faritovich, candidate of jurisprudence, the senior teacher of faculty of political science

Address: Kazan Federal university, 420008, Russia, Kazan, Kremlin street, 35.

Tel.: (843) 233-77-04

E-mail: ruslanweb@bk.ru

Goghin Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory of state and law

Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Ushakova st., 57.

Tel.: 8(8482) 54-63-91

E-mail: gogin@mail.ru

Granat Maxim Andreevich, PhD, associate Professor of civil law and process

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova st., 57.

Tel.: +7 (917) 125 7321

E-mail: granat.praktica@yandex.ru

Hilyuta Vadim Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology

Address: Grodno State University, 230029, Belarus, Grodno, str. 22 Ozheshko.

Tel.: (8152) 70-33-13

E-mail: tajna@tut.by

Ivanov Alexander Alekhanovich, candidate of legal sciences, assistant professor of the «Civil Law and Procedure»
Address: Togliatti State University, 445677, Russia, Togliatti, st. Belarus, 14.
Tel.: (8482) 53-92-47, 53-94-44
E-mail: ale_iv@mail.ru

Kornykov Vladimir Mihailovich, professor of the Department of criminal process and criminalistics
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova street, 57.
Tel.: 53-93-65
E-mail: vm-kornukov@rambler.ru

Kroz Marina Konstantinovna, candidate of jurisprudence, associate professor of «Civil remedial and enterprise law»
Address: Samara state university of economics, 443041, Russia, Samara, st. Sov. Armii, 141.
Tel.: (846)9338718
E-mail: mkroz@mail.ru

Kudasheva Irina Gennadievna, master
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarussian, 14.
Tel.: 89272192090
E-mail: ivanova_irina_06@bk.ru

Leps Ando, Dr. habil. iur., Professor, Member of the Club of Rome of Estonia, Member of the Parliament of Estonia in 1995-2003.
Address: Law Academy of Tallinn University, 10911, Estonia, Tallinn, Taara st., 50.
Tel.: (+372) 655 0532
E-mail: andoleps@hotmail.ee

Makareyko Nikolay Vladimirovich, candidate of law science, doctoral candidate of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia
Address: Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, 603144, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse st., 3.
Tel.: (831) 464-36-49
E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Makarova Natalya Alekseevna, candidate of juridical sciences, senior lecturers of the cathedra of «Theory and History of State and Law»
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, 443022, Russia, Samara, st. Rilyskaya, 24 «v».
Tel.: (8846) 2056728
E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Medvedev Valentin Grigoryevich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the «The History of State and Law»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov st., 57.
Tel:8482)54-94-28
E-mail: Medvedeff_vg@rambler.ru

Mikelsone Gundega Visvaldovna, Master of Philology, Master of Law, pretender to the degree of the doctor of legal sciences in the University of Latvia, Faculty of Law, lawyer in the advocate office «Centrs»
Address: Advocate office «Centrs», Latvia, Riga, Lacplesa street 43/45-4B, LV-1011.
Tel.: +37126450188
E-mail: gundegai.mikelsonei@gmail.com

Mironov Andrei Evgenyevich, 2nd year student of full-time training, the group Yurm 1301, the Department of «Theory of State and Law»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Tolyatti, street Belarus, 14.
Tel.: (8482) 53 93 04
E-mail: vft484@yandex.ru

Mokeev Alexsahdr Viktorovich, the judge of the Kirov District Court of Samara, a graduate student of Samara State University
Address: Kirovskiy district court, 443035, Samara, etc.. Kirova, 100.
Tel.: (846) 956-76-77
E-mail: kirovsky.sam@mail.ru

Musatkina Alexandera Anatolevna, PhD, associate professor head of department «Theory of State and Law»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belarus, d. 14.
Tel.: (8482) 53-67-45
E-mail: musatkinaaaa@mail.ru

Oskin Alexander Vasilievich, the deputy head of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Samara region, Colonel of Justice
Address: Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Samara region, 443099, Russia, Samara, Stepan Razin street, 37.
Tel.: (846) 333-24-43
E-mail: OskinAV2014@yandex.ru

Ospennikov Yuri Vladimirovich, doctor of legal sciences, professor of the department of theory and history of state and law
Address: Samara juridical Institute of the Federal penitentiary service of Russia, 443022, Russia, Samara, st. Rilyskaya, 24 «v».
Tel.: 8-9272-96-67-18
E-mail: desmandado@yandex.ru

Ozhegova Galina Arkadyevna, candidate of law science, associate professor of the chair «Theory of state and law»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, st. Ushakova, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: go1974@yandex.ru

Petrenko Mikhail Nikolaevich, external doctorate student
Address: Samara legal institute of Russian Federal service of execution punishments, 443022, Russia, Samara, st. Rilskaya, 24 «в».
Tel.: (846) 255 61 91
E-mail: mixail_law@mail.ru

Petropavlovskiy Alexey Igorevich, undergraduate
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova st., 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: petropavlovskiy_alexey@mail.ru

Repeteva Olesya Evgenyevna, candidate of laws, associate professor, acting head of the department of business and labor law
Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Ushakova st., 57.
Tel.: 8(8482) 54-63-91
E-mail: orepeteva@mail.ru

Rumyantsev Pavel Alexandrovich, post-graduate student of the department «History of State and Law»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, st. Ushakov, 57.

Tel.: (8482) 53-93-04

E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Savelyev Yuriy Mihailovich, Lecturer of the Department «Criminal Procedure and Criminalistics»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova street, 57.

Tel.: 8-927-610-15-49, 76-65-05

E-mail: yusproc@gmail.com

Savelyeva Olga Yurievna, candidate of legal Sciences, associate Professor of criminal law and criminology

Address: Togliatti State University, 445067, Russia, go Togliatti, Ul. Ushakov, 58.

Tel.: (8482) 53-94-31

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Shundikov Konstantin Valentinovich, candidate of law sciences, associate professor, associate professor of the general theoretical legal disciplines department

Address: North-West branch of Russian state justice university, 197046, Russia, St. Petersburg, Alexander park, 5.

Tel.: (8812) 495-66-24

E-mail: shundikovkv@yandex.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, senior Lecturer of Theory of State and Law Department.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova street, 57.

Tel.: 8-917-970-19-91, 76-65-05

E-mail: lawboxer@gmail.com

Sterlegova Irina Leonidovna, senior lecturer in «Criminal Procedure and Criminalistics»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, ul. Belorusskaya, dom14.

Tel.: (8482) 53-93-65

E-mail: iraster@yandex.ru

Sutyagina Irina Yurevna, competitor of chair of theory and history of state and law

Address: Samara legal institute FSEP of Russia, Samara, Rylskaya st., 24 «V».

Tel.: 8-927-739-04-12

E-mail: irinasutguvd@mail.ru

Tikhonova Svetlana Sergeevna, cand. sc. (law), associate professor, deputy dean for research, associate professor of department of criminal law and criminal procedure

Address: Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 603950, Russia, Nizhni Novgorod, Gagarin Ave., 23.

Tel.: (831) 4289064

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Tyushnyakova Olga Valerievna, candidate of juridical sciences, professor of department «Penal law and criminology»

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova st., 57.

Tel.: (8482) 53-94-31

E-mail: zlata.valevska@mail.ru

Vershinina Svetlana Ivanovna, candidate of legal Sciences, associate Professor, head of the Department of criminal process and criminalistics

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova street, 57.

Tel.: 53-93-65, 89276187600

E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Yutyaeva Lyubov Evgenyevna, instructor of the department of civil -legal disciplines

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, 443022, Russia, Samara, street Rylsky, 24 «V».

Tel.: (846) 205-67-28

E-mail: lo666ve@bk.ru

Zeic Marina Viktorovna, Graduate department of Law Institute

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov st., 57.

Tel.: 89276145371

E-mail: zeic84@mail.ru